

Андрей Валентинов Спартак

Моим читателям – всем, кто любит Историю, кто желает разгадать ее тайны, посвящается.

Пусть скажут мне, какой помог им бог из состояния маленькой и презренной шайки перейти в состояние государства, которого пришлось страшиться римлянам со столькими их войсками и крепостями? Уж не скажут ли мне, что они не пользовались помощью Свыше? Если же благодеяния должны быть приписаны помощи богов, то немалую помощь оказали они тем гладиаторам, которые свергли с себя оковы рабства. Одержавши множество побед, они предавались удовольствиям, делали, что внушала похоть, и жили подобно царям.

Блаженный Августин. «О граде Божьем».

http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/10205/1/Valentinov_1_Spartak.html

Кто ты, Спартак?

Ты погиб почти двадцать один век назад, мой Спартак. Двадцать один век, даже подумать страшно! Что устоит перед косой Кроноса, не сотрется в хрустальных жерновах Времени, не исчезнет навеки? Но ты не забыт, Спартак! Тебя помнят, твоё имя повторяют, о тебе до сих пор спорят...

Из материалов дискуссии на сайте «Русская фантастика».

- Героизм Спартака, воспетый в советское время – блеф!
- Даже имя «Спартак» ни о чем не говорит. Это просто кличка, которую обычно давали по манере вести бой или по иным критериям.
- Упоминания о Спартаке есть, но исключительно в мемуарах победившего противника. Трудность не в том, что нет информации, трудность в ее субъективности.
- А не было ли каких других источников? Скажем, тех же еврейских, египетских, персидских?
- А откуда бы они взялись? Хотя... Были же киликийские пираты!
- Но что нам еще остается делать? Ведь победители имели возможность написать историю Спартака по-своему.
- Однако даже противники утверждают, что он был «вполне достойным полководцем», хотя могли бы обозвать «гнусным гладиатором». Для реконструкции недостаточно, но один вывод уже можно сделать – хороший человек был, в смысле – положительный персонаж.

– А так ли уж высока вероятность того, что восставший раб будет иметь положительные «личностные качества»? Мягко говоря, не очень. А вот наоборот – это запросто.

– Эти качества мы будем оценивать с позиции раба, с позиции рабовладельца или по какой-либо абсолютной шкале?

– Рабу по рождению присуща своеобразная социальная импотенция – он умеет быть только рабом и ничем кроме раба, а его сокровеннейшее желание – оказаться по ту сторону рабовладельческого кнута и самому помыкать рабами. Не самый приятный тип, не правда ли?

– Мне кажется, называть Спартака «восставшим рабом» не совсем корректно, «восставший военнопленный гладиатор» будет точнее, ибо, насколько я помню статус Спартака никогда не был именно рабским.

– Да, это многое меняет, поелику человек исходно свободный и потому к свободе своей стремящейся не страдает многими недостатками, восставшим рабам присущими.

– А почему он не ушел за Альпы? Армия решила остаться, пограбить Италию? Но если он, как пишет Аппиан, действительно знал о пагубности этого решения, почему он не мог настоять на своем?

– А если бы Спартак победил?

– Не победил бы. Для победы требуется знать, за что сражаешься.

– А что, Спартак не знал? Тогда для чего он начинал войну?

– Да кто он вообще был?

Да, о тебе спорят, мой Спартак, тебя пытаются понять, разглядеть твою смутную тень сквозь чудовищную толщу прошедших лет. Это трудно, очень трудно, но все же возможно. Поэтому я и решил написать книгу. Она получилась неожиданной, даже странной, но я не жалею и не стану оправдываться. Это не роман, а точнее, это – НЕНАПИСАННЫЙ роман. Поэтому будет повод вернуться, может, даже скоро, чтобы вновь прикоснуться к Тайне Спартака. Тогда роман наконец-то будет написан и завершен. Пока же договоримся, дорогой читатель, что перед вами ПЕРВАЯ ЧАСТЬ грядущей книги. Я сделал, что мог, кто может – пусть сделает лучше. Dixi!

Действующие лица

Спартак, его друзья и родственники:

Спартак.

Фракиянка-жрица – его жена.

Спартак – его потомок.

Крикс, Эномай, Ганник, Каст, Публипор – командиры спартаковской армии.

Римляне:

Гай Марий, Луций Корнелий Сулла – римские полководцы, вечные враги, военные диктаторы.

Гней Помпей Великий (Магн), Марк Лициний Красс, Гай Юлий Цезарь – римские полководцы, воевали со Спартаком, в будущем участники Первого Триумвирата.

Клавдий Пульхр Глабр, Публий Вариний – римские полководцы, преторы, разбиты Спартаком в 73 году до Р.Х.

Корнелий Лентул, Геллий Попликола – консулы 72 года до Р.Х., разбиты Спартаком, отстранены от командования.

Марк Туллий Цицерон – римский юрист, оратор, во время восстания Спартака жил на Сицилии.

Марк Лициний Лукулл, Луций Лициний Лукул – братья, выдающиеся римские полководцы.

Луций Сергей Катилина – современник Спартака, авантюрист.

Гней Лентул Батиат – ланиста, хозяин гладиаторской школы в Капуе.

Гай Октавий, он же Гай Юлий Цезарь Август – приемный сын Цезаря, император.

Враги Рима:

Митридат – царь Понта, во время восстания Спартака воевал с Луцием Лицинием Лукуллом.

Серторий – римлянин, изгнанник, во время восстания Спартака воевал в Испании с Помпеем.

Ганнибал – карфагенский полководец, жил за полтора века до Спартака.

Югурта – царь Нумидии, жил за полвека до Спартака.

Древние и современные авторы:

Саллюстий, Тит Ливий, Веллей Патеркул – римские историки, жили в I веке до Р.Х. и в I веке от Р.Х.
Фронтин, Фронто, Тацит – римские историки, жили в конце I – в первой половине II века от Р.Х.
Плутарх – греческий биограф II века от Р.Х.
Аппиан, Орозий, Флор, Блаженный Августин, Синезий, Клавдиан – поздние римские авторы.
Карл Маркс.
Моммзен – великий немецкий историк XIX века.
Мишулин – советский историк, специалист по Спартаку.

Часть первая.

Великолепный парень или Оправдание книги

1. О том, как я обиделся на Карла Маркса

Все началось с трех точек в тексте.

Мы все приучены, что тремя точками (...) суровые редакторы либо фиксируют удаление чего-то совершенно ненужного – либо скрывают некое непотребство. Порой эти точки весьма и весьма загадочны. А ежели «точить» решили самого Карла Маркса!

Поясню: лет тридцать назад Карла Маркса было принято уважать, и не только уважать – чтить. В те годы без товарища Маркса даже поваренная книга не издавалась. Конечно, Ленина и «Малую Землю» поминали чаще, но и Маркс свое получал. Особенно часто цитировали его в трудах по истории, ибо Основоположник страсть как любил по данному поводу высказываться – на радость редакторам и авторам кандидатских диссертаций.

О диссертации в те годы я мог еще только мечтать, но историей увлекался достаточно серьезно. И вот сначала в одной из книг по Древнему Риму, затем в другой, а потом и в третьей столкнулся с очередным гениальным высказыванием:

«...По вечерам я читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он – родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него „нет души“, вероятно потому, что он старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий полководец ... благородный характер, истинный представитель античного пролетариата. Помпей же – настоящая дрянь...»

Итак, Спартак – великолепный парень, Помпей – дрянь, Аппиан же – хороший историк. Так тому и быть, ясно, понятно, убедительно, тем более, самим Марксом сказано.

Если бы не три точки.

И в самом деле, что значит: «Великий полководец ... благородный характер»? Что между? А вдруг Основоположник как раз в пропущенной середине уточнил нечто? Скажем, признал, что самый великолепный парень был, увы, педофилом. Ведь телеграфный столб, как известно, есть ни что иное, как хорошо отредактированная сосна. Что если выяснится, что Спартак, которого нам было положено любить с самого детства, на самом деле...

Ведь сам Карл Маркс сказать изволил!

Не буду интриговать дальше. Маркс не считал Спартака педофилом. Установить сие легко, ибо после каждой цитаты из Основоположников полагалась сносочка. В данном случае: «Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 27 февраля 1861 г. – К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1947, стр. 121–122». Полное доверие к читателю! Бери, смотри, выясняй, чего там со Спартаком не так.

Выяснить оказалось просто. Полностью кусочек звучит так: «Великий полководец (не Гарибальди), благородный характер...»

«Не Гарибальди!»

Оказывается Маркс и не думал критиковать самого великолепного парня. Напротив, он его еще раз похвалил. Великим был Спартак полководцем, не то что какой-то Гарибальди!

Вот тут-то я и обиделся, причем крепко. Не на редакторов, Маркса обрезавших: не хотелось им, редакторам, читателей излишне смущать, потому как Гарибальди мы тоже любить были обязаны. Обиделся я на Карла Маркса. Не то, что в те годы я особо преклонялся перед Гарибальди. Да и знал я о нем мало, чуть-чуть всего – в размере учебника для восьмого класса. Ну, борода (почти как у самого Маркса), ну, шляпа широкополая... Обиделся я за истину. И в самом деле, где справедливость? Сравним:

Спартак поднял восстание рабов, выиграл несколько сражений, но был разбит и погиб вместе со всей своей армией.

Гарибальди вел несколько войн за освобождение и объединение Италии. Италия объединилась, и Гарибальди стал национальным героем.

Гарибальди много раз был бит (австрийцами, к примеру), но важен итог. Скажем, Кутузов в Отечественной войне 1812 года не выиграл у Наполеона ни одного крупного сражения, однако победил, причем с самым решительным результатом. И Вашингтон проиграл почти все битвы с англичанами, но независимость США отстоял.

Цель полководца – выиграть войну. Дело это трудное, побеждать всюду и всегда не удастся почти никому. Да и победа победе рознь. Наполеон в кампанию 1814 года выиграл все сражения – но потерял Париж и был вынужден отречься.

Все вышесказанное можно свести к простейшей формуле: хорошие полководцы способны выиграть битву, великие – войну.

Так был ли Спартак великим полководцем? А если был, то почему войну проиграл?

Итак, три редакторские точки разбудили во мне первые сомнения. Но эти сомнения были пока еще легким бризом, шторм начался позже.

2. Спартак – великий полководец?

Через некоторое время мне пришлось пойти стопами Карла Маркса и проштудировать Аппиана, но не для отдыха, а по долгу своей студенческой службы. Не только Аппиана, конечно, иных древних тоже. И вновь пришлось столкнуться с историей Спартака. Классические фрагменты Аппиана и Плутарха к тому времени я уже знал неплохо, но когда довелось почитать других, широкой публике менее известных...

Вот, к примеру, Секст Юлий Фронтин:

«Ливий рассказывает, что в этом сражении было убито тридцать пять тысяч вооруженных вместе с их вождем, было отобрано назад пять римских орлов, двадцать шесть военных значков, много военной добычи, между которой было пять ликторских связок с секирами».

Признаться, я онемел. Для того, чтобы онемели и другие, поясню подробнее. Секст Юлий Фронтин – военный и политический деятель, жил в I веке от Рождества Христова, был наместником провинции Британия. Его труд называется «О военных хитростях». О чем написан и для чего – догадаться нетрудно. Ливий, на которого Фронтин ссылается, это великий римский историк Тит Ливий, его старший современник.

О Ливии – чуть позже, пока о том, что именно говорится в отрывке. Битва, о которой идет речь – это сражение у горы Каламации, в котором был разбит отряд Ганника и Каста, сподвижников Спартака. Итак, разбит еще не сам Спартак, а лишь часть его войска. И что же? В лагере побежденных найдено «пять римских орлов, двадцать шесть военных значков, много военной добычи, между которой было пять ликторских связок с секирами».

Еще не оценили? Тогда ясности цитату можно сократить: «ПЯТЬ РИМСКИХ ОРЛОВ». Не знаю, как кому, а мне от этих слов становится не по себе.

Основное соединение римской армии – легион. Первоначально вся римская армия и была «легионом», то есть «ополчением» или «полком». Потом римлян стало больше, и число легионов возросло. В случае войны легионы собирали, после войны – распускали, однако как раз в эпоху Спартака легионы постепенно становятся стационарными.

Легион – это много. В описываемое время – около шести тысяч, но к легиону еще придавались вспомогательные войска из числа союзников. Легион вполне можно сравнить по штату с современной дивизией, а вот по значению скорее с армией. Консул обычно брал на войну два легиона, если же их было не два, а больше, значит война ожидалась очень опасная. Несколько позже, когда римские войска размещались по провинциям, одного легиона было вполне достаточно чтобы держать под контролем огромную провинцию Африка. И в Египте размещался всего один легион, и в Ближней Испании. А вот где легионов было больше двух (скажем, в Германии), там явно проходил фронт.

Как видим, легион совсем немало. Это – сила. Это – римская армия.

При Гае Марии, лет за тридцать до Спартака, постоянные легионы получили знамена. Каждый легион имел их несколько, но главным считался Орел. Именно он и стал символом римских вооруженных сил. Первые Орлы были серебряные с позолотой, позже стали полностью золотыми, но дело, конечно, не в металле. Орел считался святыней. Его обкуривали благовониями, его хранили в храме, его окружала специальная стража...

Думаю, можно не продолжать. Орел даже чисто формально может быть сравнен с современным знаменем части, причем с ГЛАВНЫМ, полученным от имени государства и народа.

Итак, Орел – знамя. Пока Орел цел, армия считается существующей, даже если потерян почти весь личный состав. А вот наоборот (легион цел, а Орел потерян) никогда не бывало – армия защищала знамена в прямом смысле до последней капли крови, и если Орел потерян, мы можем с чистой совестью отпеть весь легион.

Но потеря Орла – не просто потеря легиона. Это национальный позор, пятно на весь Рим. Пятно, которое почти невозможно смыть.

В 6 году от Р.Х. в Тевтобургском лесу германцы разбили войска Квинтилия Вара. Погибли три легиона и были потеряны ТРИ Орла. Сами римляне считали это невероятным позором. Император Август, обычно хладнокровный и спокойный, плакал почти полгода и не снимал траурный плащ.

Несколько позже одного Орла удалось вернуть. Это считалось огромной удачей, возвращенного Орла тут же поместили в храм.

Еще одна история произошла с потерянными Орлами при том же Августе, но несколькими годами раньше. Парфяне, восточные соседи Рима, били римские войска постоянно и с большим успехом. За полвека у них накопилось немало трофеев, среди которых самыми ценными считались римские военные знамена. Напомню: римские знамена это не только Орлы. Даже не столько – имелись значки когорт, были легионные знамена-вексилумы. Но в любом случае такое считалось позором, и император Август попытался дипломатическим путем знамена вернуть.

Удалось – парфяне знамена отдали. Знамена были помещены в специальном построенном храме, праздник по этому поводу отмечался по всей Империи, а памятная монета чеканилась три года подряд. Сам Август считал возвращение знамен одним из своих величайших успехов.

Знамен было много (от трех разбитых римских армий: Красса, Дидия Саксы и Марка Антония), но среди них имелось только ДВА Орла. Именно два Орла изображены на памятных монетах. Будь их, к примеру, три, все три бы отчеканили, это уж точно.

Теперь можно сравнить: потеря ТРЕХ Орлов – национальный позор, возвращение ДВУХ – великий праздник и великий успех. А только в одном из лагерей армии Спартака (не главное!) было найдено ПЯТЬ Орлов. Сколько Орлов хранилось в лагере самого Спартака, римские историки стыдливо умалчивают.

О двадцати шести военных значках (двадцать шесть когорт или вспомогательных подразделений, каждое численностью от пятисот человек до тысячи) и пяти ликторских связках можно даже не упоминать. Впрочем, тем, кто слабо знаком с римской историей, стоит разъяснить: ликторы – почетная охрана, полагавшаяся высшим должностным лицам, телохранители. Они гибли или попадали в плен только в случае, если данный чиновник подвергался непосредственной угрозе. Значит, в боях со Спартаком не только были уничтожены пять легионов, но и погибли или попали в плен пять личных телохранителей высокопоставленных римских чиновников. А если учесть, что в бою ликторы не участвовали, то можно сделать очевидный вывод: ликторы были убиты в самом лагере или во время бегства.

Гибли не только телохранители, гибли и те, кого они охраняли.

Орозий:

«Спартак убил проконсула Гая Кассия, разбив его в сражении».

Проконсул – отставной глава государства, бывший консул, получивший в свое управление провинцию, в данном случае – Цизальпинскую Галлию. Спартак войско этого губернатора и экс-президента разбил, а самого его убил.

Гибли и другие высокопоставленные чиновники, Гай Кассий – только пример. Сколько ликторских связок хранилось в лагере самого Спартака, римские историки опять-таки умалчивают.

Не меньший позор для римской армии – потеря лагеря. Лагерь – крепость, пока он не взят, битва не проиграна окончательно. Для того лагерь и строился, для того и укреплялся. И что же? Поэт Клавдиан пишет о Спартаке:

«Огнем и мечом бушевал он вдоль всей Италии, битвой открытой не раз он сходил с консульским войском, у слабых владык отнимая их лагерь, доблесть свою потерявших Орлов в позорных разгромах часто оружием восставших рабов разбивал он».

Итак, Спартак разбивал консульские войска, захватывал римский лагерь, причем это происходило «не раз». Значит, как минимум, дважды (как мы увидим дальше – даже не дважды). Бил он этих слабых владык «часто», и разгромы эти были «позорные».

А вот еще один поэт – Аполлинарий Сидоний:

«О Спартак, привычный консулов разгонять отряды. Нож твой был посильнее меча их».

«Разгонять»? Словно стаю дворняжек.

Выводы? Они очевидны: от начала своей истории ТАКИЕ поражения Рим терпел только в войне с Ганнибалом, когда карфагенский полководец трижды сумел уничтожить консульские армии (при Требии, Тразименском озере и Каннах). Ганнибал – величайший полководец, что охотно признавали сами римляне. Значит, и Спартак...

Но ведь Ганнибал тоже проиграл войну!

3. Ганнибал-победитель.

Каждому, кто учит иностранный язык, приходится читать адаптированные тексты. Составляются они на оригинальном материале, но материал этот изложен упрощенно – для лучшего понимания и восприятия. Читал подобное и я, изучая латынь. Поскольку латынь – язык древних римлян, тексты в учебнике были соответственно про Рим.

Один из таких рассказиков оказался про Ганнибала. Уже много позже нашел его в подлиннике – у Тита Ливия. В первом случае текст простой, во втором, как можно догадаться, посложнее, но суть оказалась одинаковой. Говорилось же там вот что:

После решающей победы под Каннами, когда на поле битвы легла почти вся римская армия, начальник карфагенской конницы Магарбал предложил Ганнибалу немедленно наступать на Рим. Полководец отказался, и тогда Магарбал заявил, что Ганнибал умеет побеждать, но не умеет пользоваться плодами победы. Попросту говоря, выигрывает сражения, но не войны.

Тут следует задуматься. Текст писался римским историком по римским же источникам. При разговоре Ганнибала с Магарбалом никто третий не присутствовал, так что весь эпизод скорее всего выдуман (скажем изящнее – реконструирован) самим Титом Ливием. Так что перед нами оценка Ганнибала, данная официальным римским историком.

Суть этой оценки понятна. Ганнибал бил римлян долго и страшно, на войне с ним погибли несколько римских консулов. Победить карфагенянина в самой Италии так и не удалось. Каждая победа Ганнибала – национальный позор для римлян. Зато войну Рим выиграл, а победителей если и судят, то весьма снисходительно. И вот римская официальная история делает внешне логичный вывод: Ганнибал хороший тактик, но никудышный стратег. Почему? Да потому что он проиграл войну! Логично?

На первый взгляд – да. А вот если задуматься – нет.

Успех или неудача полководца (и не только полководца) может быть оценены, если мы знаем цель, к которой тот стремился. Достаточно признать, что целью Ганнибала были полный разгром Рима и победа в войне, то правота римских историков очевидна. Однако...

Однако, Ганнибал не ставил себе таких целей! Не ставил – и не мог ставить.

Вспомним учебник: войну, которую позже называли Второй Пунической, готовили обе стороны – и Рим, и Карфаген. Первую Пуническую Карфаген проиграл. Результатом этого проигрыша стала потеря **Сицилии**, а затем и Корсики с Сардинией. Если до Первой Пунической возможности Рима и Карфагена были приблизительно равны, то после нее Рим стал заметно сильнее. Надеяться на то, что в следующей войне Рим удастся полностью уничтожить, не могли даже самые большие оптимисты. Цель была куда более скромной: вернуть потерянные острова и, конечно же, ослабить противника.

Между прочим, куда более сильный Рим тоже не пытался тогда уничтожить Карфаген. Об этом говорят итоги войны: пунийцы отдали все владения за пределами Африки, потеряли Нумидию, лишились флота – но Кафагенская держава уцелела и просуществовала еще достаточно долго.

Итак, обоюдной целью было не уничтожение врага, а его ослабление. Ясное дело, Ганнибал, как один из карфагенских полководцев, исходил именно из этого. Уничтожать Рим он не собирался.

На это можно возразить. Ганнибал, с детства воспитанный в ненависти к Риму (Ганнибалова клятва!), мог поставить перед собой именно такую – крайнюю – задачу, то есть хотеть не того, что карфагенское правительство. Мог – но не ставил. Достаточно вспомнить, что даже после величайшей победы при Каннах Ганнибал предложил римлянам договориться. И не просто предложил, а попытался совершить акт доброй воли – отпустить часть пленных. Переговоры были сорваны по вине Рима, а отнюдь не Ганнибала. Лично карфагенский полководец мог римлян ненавидеть, но на войне, как и в политике, следует исходить из возможного, возможностей же уничтожить римскую державу Карфаген, а следовательно, и Ганнибал, не имели. Поэтому совершенно понятно, отчего Ганнибал не пытался захватить сам город Рим (демонстрация, призванная спасти Капую, о чем речь пойдет ниже, не в счет). В этом случае война приобрела бы совершенно иной характер. Одно дело мы воюем за острова, и тогда договориться в принципе можно, совсем же иное – сражаемся ради полного уничтожения врага. В этом случае договариваться нам не о чем.

Между прочим, в конце войны именно эти соображения остановили римлян от уничтожения Карфагена. Даже разбитый противник становится опасен, если речь идет о жизни и смерти.

Итак, почему Ганнибал не бросил конницу на беззащитный после Канн Вечный Город, вполне понятно. Ему нужны были переговоры, а не смертельная схватка с неопределенным итогом. Взятие вражеской столицы, как известно, далеко не всегда означает победу.

Однако войну карфагеняне все же проиграли! Да, проиграли, но виноват в этом не Ганнибал.

Вспомним – Ганнибал не являлся ни главой государства, ни верховным главнокомандующим. Он был наместником испанских владений Карфагена и командующим стоявшей там армии. Это – не главная армия Карфагена, не его основные силы. Основные силы карфагенян находились в Африке. Достаточно вспомнить, что в Италию Ганнибал смог привести только 20 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. Это была хорошая пехота и хорошая конница, но для разгрома Римского государства этих сил, мягко говоря, маловато.

И опять можно возразить. Александр Македонский выступил против Персии с немногим более крупной армией – и победил. Однако сравнение некорректно: Александр исходил (как выяснилось, вполне здраво) из того, что Персидская держава находится в состоянии глубокого кризиса. Более того, он рассчитывал на помощь многих народов, недовольных персидской властью. Не ошибся Александр и в этом. Кроме того, его войско постоянно пополнялось резервами из Греции и Македонии.

Ганнибал тоже рассчитывал на помощь народов, недовольных римским владычеством. Но он не мог не видеть, что в целом Рим находится на подъеме, государство римлян сильно и едино, а большинство римских союзников не собираются переходить на сторону захватчика – как и случилось в действительности.

Для чего же Ганнибал вторгнулся в Италию, если не для полного разгрома врага? А вторгнулся он для того, чтобы Карфаген мог выиграть войну.

Римские полководцы разработали военный план заранее. Он был прост и красив – с первых же недель перенести войну на территорию противника. Выгоды этого столь очевидны, что их даже можно не

перечислять. И действительно, к началу войны две римские армии (консулов Публия Сципиона и Тиберия Лонга) были двинуты соответственно в Испанию и на Сицилию, чтобы оттуда высадиться в Африке. Если учесть, что Рим имел преимущество в материальных и людских ресурсах, то перспективы для Карфагена вырисовывались весьма мрачные.

И вот тут-то и последовал рывок Ганнибала в Италию. С небольшим, но отборным войском карфагенянин оказался в самом сердце вражеской державы. После первых же поражений римляне вынуждены были свернуть наступление в Испании и отменить высадку в Африке. Римский военный план был сорван, для Карфагена же стратегическая ситуация качественно улучшилась, теперь именно он, а не Рим мог навязывать противнику место и способ ведения войны.

Итак, стратегически Ганнибал поступил безупречно и полностью выполнил то, что от него требовалось. Однако он сумел сделать куда больше. На протяжении нескольких лет Ганнибал перемалывал в Италии лучшие римские силы. Консульские армии гибли одна за другой, в войско уже начали призывать рабов... Увы, правительство Карфагена не смогло или не захотело воспользоваться совершенно уникальной ситуацией. Не была захвачена Сицилия, бездействовал могучий карфагенский флот, оказались не задействованы дипломатические возможности для поиска союзников. Более того, Ганнибал даже не получал подкреплений! Неудивительно, что римляне постепенно пришли в себя, пополнили войско, пользуясь немалыми людскими ресурсами Италии – и вернулись к первоначальному плану. Одна римская армия вторглась в Испанию, вторая – в Африку...

Война была Карфагеном проиграна – но не по вине Ганнибала. Более того, великий полководец сумел сберечь свою армию и перебросить ее в Африку для защиты родного города. Там он и был разбит – а точнее попросту раздавлен превосходящими римскими силами.

Таким образом не Ганнибал был лишен стратегического таланта, не Ганнибал не умел пользоваться плодами побед. Тит Ливий, выдумавший его разговор с Магарбалом, был не прав.

Карфаген войну проиграл, но Ганнибал со своей задачей полностью справился, поэтому он заслуженно считается величайшим полководцем.

А Спартак?

4. Спартак – освободитель рабов?

Спартак ставил своей целью освобождение рабов.

Это мнение не мое, оно общепринято, зафиксировано в учебниках, популярной литературе, а также литературе художественной. Всерьез его никто еще не пытался оспаривать.

Итак, Спартак хотел освободить рабов... Так почему же не освободил? А не освободил он рабов, отвечают историки вкупе с писателями, потому что проиграл войну и сам погиб. Значит, считать Спартак великим полководцем все же не стоит, ибо поставленной цели он не добился. Логично?

Не будем, однако, спешить. Прежде всего подумаем, как можно освободить рабов? А освободить их можно так:

1. Выкупить у хозяев или уговорить хозяев отпустить рабов безвозмездно.
2. Помочь бежать и увести туда, где хозяева их не найдут.
3. Перебить всех хозяев.
4. Издать государственный акт об освобождении рабов и проконтролировать его исполнение.

Задумаемся.

Спартак рабов не выкупал и римских рабовладельцев не уговаривал – по крайней мере об этом ничего не известно. Государственных актов на подобную тему не издавал потому, что не был государственным деятелем. А вот все остальные методы им применялись. Однако...

Однако в действительности все выглядит иначе. Вспомним:

– Несколько десятков гладиаторов из школы Лентула Батиата бежали летом 74 года до Р.Х. Побег – уже свобода, однако свобода, скажем так, не полная. Беглецов ищут, их могут поймать и даже убить. Естественно, беглецы спрятались, затаились в лесах на склонах Везувия. Чего можно было ожидать? А ожидать стоило того, что беглые гладиаторы, опустошив кошельки неосторожных путников, потихоньку переберутся туда, где их никто ловить не станет. Лучше всего – за море, благо пиратских кораблей ходило у побережья достаточно. Уехали – стали свободными. Однако беглецы никуда не уехали, более того, их предводитель Спартак начал готовить большую войну против Рима. Между тем времени для того, чтобы скрыться и стать свободными, было более чем достаточно – беглецы просидели в чащобе у Везувия целый год.

Итак, тех, кто бежал вместе с ним, Спартак не собирался освобождать, он хотел сделать их ядром будущей повстанческой армии. Но может быть Спартак считал, что надо помочь освободиться куда большему числу невольников?

– Через два года, летом 72 года до Р.Х. армия Спартак оказалась в Цизальпинской Галлии. В войске было несколько десятков тысяч человек, большая часть – беглые рабы. Оставалось одно – уйти из **Италии**. Конечно, рабов преследовали бы, ловили, но шансы на спасение возросли бы многократно. Достаточно

вспомнить, что рядом находилась еще не завоеванная Римом Галлия, а ведь в войске Спартака, как считается, было много галлов! Армия Спартака повернула назад, шанс на освобождение был утерян.

Можно возразить: далеко не все восставшие стремились покинуть Италию. Что в этом случае должен был сделать мечтающий об освобождении рабов Спартак? Ясное дело – отдать боевой приказ, а если не послушают, доходчиво разъяснить, что вернуться в Италию – значит вернуться на верную смерть (как в действительности и случилось). Покинув же Италию, восставшие могут найти союзников (например, свободных галлов), взбунтовать лежащие рядом римские провинции, получить там подмогу, подучить и вымуштровать армию – а уж тогда можно и о возвращении подумать. И в любом случае Спартак ОБЯЗАН был отпустить из Италии тех, кто этого хотел, иначе все сочли бы его обманщиком и предателем. Действительно: хотел освободить, обещал – и на тебе!

Спартак никого никуда не отпустил. Возможно, кое-кто просто разбежался, но большая часть армии охотно повернула назад, и никто не обвинил вождя в обмане и предательстве.

Но может быть, Спартак хотел освободить всех рабов Италии или даже в Римском государстве?

Может быть. Но в этом случае требовалось уничтожить Рим. Не город – державу, ежели не перебить всех рабовладельцев поголовно, то по крайней мере лишить их возможности быть таковыми. Мог ли Спартак ставить себе такую задачу?

Допустим (теоретически) – мог. Но тогда он должен был сделать следующий шаг – создать свое собственное ГОСУДАРСТВО, в котором отменено или ограничено рабство. Восставшие рабы обычно так и поступали:

1. Во время первого восстания рабов на Сицилии было основано НовоСирийское царство, которое законодательно ограничило рабство.

2. Во время второго восстания на той же Сицилии рабы вновь основали свою державу.

3. Восставшие под руководством Аристоника в Пергаме, среди которых было много рабов, провозгласили Государство Солнца, где рабство было полностью отменено.

Все логично: мы уничтожаем одну державу (плохую), создаем другую (хорошую). Эта хорошая держава освобождает рабов и следит за тем, чтобы решение было выполнено.

Но Спартак даже не пытался создать что-то подобное, а ведь у него было целых два года, восставшие контролировали немалую часть Италии и...

И ничего! Спартак не объявляет себя царем (диктатором, консулом) и не издает указ об отмене рабства. Может, Спартак вообще чуждался власти? Вовсе нет. Римский историк Флор сообщает, что восставшие, желая придать себе вид настоящего войска, преподнесли Спартаку взятые в качестве трофея преторские знаки отличия и ликторские связки. Спартак отказался?

Флор:

«От этих знаков отличий не отказался Спартак, этот солдат из фракийских наемников, ставший из солдата дезертиром...»

Претор – высокая должность в Риме. Преторы – заместители консулов, перед каждым из них полагалось идти шести ликторам (перед консулом – двенадцати). Преторы – судьи, они могли также командовать легионом, а в исключительных случаях несколькими. Римлянин Флор не мог не возмутиться тем, что дезертир присвоил себе высокие военные знаки отличия.

Итак, Спартак не возражал стать претором, то есть присвоил себе функции административного и военного руководителя восставших. Но не руководителя государства! Между прочим, по римским законам претор имел право освобождать рабов. Претор Спартак такого указа не обнародовал – по крайней мере об этом ничего не известно.

Так каким же образом Спартак думал освободить рабов? Он не позволил им тайно скрыться, не вывел из Италии, не попытался основать державу, где рабство отменено. Все эти возможности у него были – и ни одной он не воспользовался.

Более того, тот же Флор рисует следующую картину из жизни Спартака-претора:

«Он приказывал пленным сражаться с оружием в руках у погребального костра, как будто желая вполне загладить всякий позор прошедшего, если только он сам, бывший прежде гладиатором, будет устраивать похороны как какой-нибудь важный вельможа, с гладиаторскими боями».

Оценим.

Этот отрывок находится как раз после предыдущего, где говорится о получении Спартаком знаков отличия претора. Интересно, что по римским законам претор действительно имел право (и даже обязанность) устраивать гладиаторские бои. Претор Спартак так и поступил. Но поражает не это, поражает сам факт: Спартак борется за освобождение рабов – и попутно сам обращает людей в рабство. И не просто обращает, но заставляет убивать друг друга.

А может, злой римский шовинист Флор просто оговорил хорошего человека? Увы, христианин Орозий полностью согласен со своим коллегой-язычником, повествуя на этот раз не только о Спартаке, но и обо всех командирах восставших:

«Они, как будто скорее учителя гладиаторов, чем начальники войска, устроили игры гладиаторов из 400 пленных, которые, надо полагать, должны были быть испытаны для этого зрелища».

Итак, только в одних играх, устроенных Спартаком и его сотоварищами участвовала 400 свежих рабов.

Военнопленный – еще не раб. Пленного можно отпустить или обменять, убить, впрочем тоже можно – равно как и обратить в рабство. Спартак поступал именно так да еще не забывал «испытать» новых гладиаторов. Так сказать, краткий курс молодого бойца – и на арену. Насмерть!

...Читавшие великий роман Джованьоли, надеюсь, помнят, что на погребальных играх щадить гладиаторов не полагалось. Правда, на этот раз убивают друг друга не «хорошие» рабы, а «плохие» римляне! Однако, какая в принципе разница? Я собираюсь освободить ВСЕХ рабов – и тут же, не освободив и половины, обращаю в рабство новых.

Вывод прост, хотя и ошеломляющ: Спартак не ставил своей целью освобождение рабов. Не стремился к этому. И даже особо не пытался.

Нет! Такое следует написать еще раз – причем иначе:

СПАРТАК НЕ СОБИРАЛСЯ ОСВОБОЖДАТЬ РАБОВ!!!

Впечатляет? Меня лично впечатляет. Но позвольте, если он не собирался освобождать рабов, то... То ради чего была вся заваруха?! Может, Спартак просто решил организовать громадную шайку, дабы погулять по Италии и душеньку потешить? Но если в шайке несколько десятков тысяч вооруженных, она уже называется иначе. Грабят небольшими бандами. С этого Спартак и начинал – возле Везувия, однако выведя в поле десять тысяч, он не мог не понимать, что начинает ВОЙНУ. И в этой войне он либо будет разбит – либо победит. Иное дело, как именно Спартак представлял себе победу.

...Между прочим, римские историки тоже заметили это. Заметили – и зафиксировали. В одном плохо сохранившемся отрывке из Саллюстия можно прочитать следующее:

«...Они хотели возможно скорее уйти. Немногие благоразумные одобряли и говорили, что им нечего искать другого метода отступления; это были люди свободного духа и прославленные... Но часть по своей глупости, полагаясь на все прибывающие силы, жестокие характером, иные, позорно забывши о своей родине, главнейшая же масса по своей рабской натуре, не стремясь ни к чему иному, кроме добычи и удовлетворения своей жестокости...»

Увы, сохранился отрывок действительно плохо. Вполне вероятно, речь в нем идет не о разногласиях по поводу цели войны (уходить из Италии – или не уходить?), а всего лишь о спорах перед очередной битвой с армией Вариния (наступать – или отступить?). Но вот слова «позорно забывши о своей родине» настораживают. Как мог раб, насильно увезенный из дому «позорно забыть» родину? Только в одном случае – если получил возможность вернуться, однако не вернулся.

Есть, конечно, еще одно объяснение, кто такие эти «позорники». Но – побережем его на потом, чтобы к месту пришлось...

Правда, «позорно забыли» не все. Имелись еще «немногие благоразумные». Запомним – «немногие». Интересно, а был ли среди них Спартак? Ведь он и сам не пытался вернуться домой – прочих не пустил, в том числе этих «немногих благоразумных». А вообще-то говоря, странный отрывок! Римлянин Саллюстий именует восставших рабов (пусть и «немногих») «свободными духом» и даже «прославленными». Интересно, где прославленными? В гладиаторских боях? Но ведь ремесло гладиатора считалось в Риме позорным, а не славным. Впрочем, и об этом – в свой черед.

Итог печален: мы не знаем, какую именно цель перед собой ставил Спартак, а значит не представляем, добился он этой цели – или потерпел неудачу. Карл Маркс поспешил со своей похвалой великолепному парню.

Впрочем, не знаем мы и многое другое.

5. Странные фракийцы, странные галлы, странные германцы.

Всем известно, что Спартак был фракийцем. Фракия – современная Болгария. Там, так сказать, на родине героя, Спартаку поставили памятник. Если судить по фотографиям, скульптура столь же напоминает настоящего Спартака, как и памятник Суворову работы Козловского в Петербурге походит на реального князя Итальянского. Каменный Спартак суров, могуч и имеет большие челюсти. В общем, истинный ариец.

Итак, среди восставших имелись фракийцы, фракийцем был их вождь. Спартак считается пламенным фракийским патриотом. Все мы с детства помним, что будущий вождь восставших не пожелал воевать в римской армии, сражаясь против своих земляков.

Трудно сказать, кто сие первым выдумал. Сами римляне (тот же Флор) лишь указывают, что Спартак был из числа фракийских наемников. Упоминает Флор и причину дезертирства – будущий вождь стал разбойником. Впрочем, если поверить Плутарху с Аппианом, которые рассказывают, что Спартак сражался ПРОТИВ римлян и попал в плен, то...

Допустим.

Итак, Спартак – фракийский патриот, защищавший родную землю от римлян и за это попавший в рабство. А теперь представим себе, дорогой читатель, жаркое лето 72 года до Р.Х. Вы – Спартак. За вашей

спиной – армия в несколько десятков тысяч человек, среди которых немало ваших земляков. Напоминаю: ваша родина – Фракия, и вы это родину очень любите. Вы прошли с боями всю Италию, разбили обе консульские армии, уничтожили войско наместника Цизальпинской Галлии. Римских войск в Италии, способных дать вам бой или погнаться за вами уже НЕТ. Новую армию Рим сумеет собрать месяца через полтора.

Представили? А теперь поглядите на карту. Ваша родная Фракия не так и далеко. Конечно, Галлия ближе – прямо под подошвами ваших калиг, но и родина не за тридевять земель. Достаточно пройти еще столько же, сколько пройдено – и вы дома, причем не один, а с целой армией. Вы спросите, куда спешить? А поглядите-ка вновь на карту, но на этот раз – из исторического атласа.

Именно в эти годы Фракия буквально истекала кровью. Уже седьмой год римляне пытались додуть фракийцев. В 78-76 годах до Р.Х. там зверствовал Аппий Клавдий. Даже поклонник римлян Моммзен отмечает: «Война велась со страшной жестокостью». Клавдия сменил Гай Скрибоний Курион. Совсем недавно (73 год до Р.Х.) он покорил дарданов и дошел до Дуная. Однако большинство фракийцев все еще сражаются. И вот именно в этом, 72 г. до Р.Х., когда армия Спартака (то есть ваша армия, читатель!) прорвалась на север Италии, во Фракию послан опытный полководец Марк Лициний Лукулл. Как раз сейчас его войска уничтожают племя бессов, осаждают крепость Ускудаму, последний оплот фракийцев в горах...

Ваши действия, читатель? Не забывайте – вы фракийский патриот, в вашем войске есть (считается, что немало) фракийцев, ваша родина в беде...

Что вы делаете? Правильно, поворачиваете назад, в Италию. И ваши соплеменники-фракийцы – вместе с вами.

Как думаете, надо ли вам ставить памятник на родине? Заслужили? Как там Саллюстий писал о тех, кто «позорно забыли» свою страну? Или дело опять в том, что часть войска чего-то там «не захотела»? Благоразумный же вы в этом случае человек! И очень-очень компанейский.

Остается напомнить, что именно армия Марка Лукулла через полгода высадится в Брундизии, сделав стратегическое положение восставших мягко говоря трудным. Фракия в это время уже догорала...

Странные какие-то фракийцы в армии Спартака! И сам Спартак – очень странный фракиец.

Не менее странными кажутся галлы.

Галлы в войске Спартака были – с этим согласны все историки. Галлами считают спартаковских полководцев Крикса, Эномая и Гая Ганника (Канникия).

...Канникий – непростое имя. «Блещущий Победой» – красиво звучит, правда?

Откуда эти галлы попали в Рим, а точнее в римское рабство? Как справедливо пишет Юлий Цезарь: «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части». Первая часть – это Галлия Цизальпинская, то есть лежащая по «эту» (с точки зрения Рима) сторону Альп. «Эта» часть Галлии римлянами уже завоевана и превращена в провинцию. Вторая часть – Галлия Нарбонская, нынешний юг Франции, **Прованс** (от римского слово «провинция»). Она тоже завоевана.

Провинциалы попадали в рабство часто и по разным поводам. Таким образом, по крайней мере часть галлов – это бесправные подданные Рима родом из уже покоренных территорий. Их свобода прямо связана с освобождением родной земли.

Третья часть Галлии (нынешние Центральная и Северная Франция, а также Бельгия) пока еще свободна. Римляне называют ее Галлией Косматой. Она граничит с римскими владениями, поэтому галлы попадают в плен в ходе пограничных стычек, их также (иногда) продают римлянам свои же соплеменники. Для галлов из Галлии Косматой свобода – это возможность просто перешагнуть римскую границу.

Галлы и римляне – исторические противники. В свое время галльский вождь Бренна захватил и сжег Рим – никакие гуси, несмотря на легенду, Вечный Город не спасли. Пришлось откупаться телегой золота. Галлы поддерживали Ганнибала и сражались в его войске. И восставали – не очень часто, но регулярно. О взаимных чувствах галлов и римлян вполне можно догадаться. Чувства эти были закреплены законодательно. Лет за двадцать до Спартака почти все свободные жители Италии получили права римского гражданства. Галлы тоже получили гражданство, но Цизальпинская Галлия осталась провинцией, то есть, если по-современному, колонией. Галлам не верили, поэтому ими по-прежнему правил римский наместник. Граница была проведена по небезызвестной реке Рубикон.

Итак, галлы римлян ненавидят и с римлянами сражаются. Есть они и в армии Спартака. Что же происходит? А происходит следующее: все тем же летом 72 года до Р.Х. армия Спартака врывается в Цизальпинскую Галлию, разбивает войско римского наместника Гая Кассия, самого его убивает и... И поворачивает назад, бросая освобожденную страну!

Теперь представьте себе, что вы галл. Впервые за несколько веков ваша родина наконец-то на шаг от свободы. Что вы делаете? Воссоздаете государство, армию, начинаете искать союзников в Альпах и за Альпами, дабы эту свободу защитить? Идете походом в лежащую совсем близко Галлию Нарбонскую, чтобы помочь своим братьям? Посылаете гонцов в Галлию Косматую, чтобы сообщить приятнейшую из новостей – римлян бьют, и Галлия почти что свободна?

Нет! Вы поворачиваете назад.

А что удержало уроженцев Галлии Косматой в спартаковском войске, понять вообще мудрено. Родина близко, римлян там пока нет, вот она граница, только шагни... Не хотели бросать сородичей? Но разве не

лучшая им помощь – свежая галльская армия, которая наносит удар, скажем, по той же Галлии Нарбонской, выметая оттуда римлян и отрезая от Рима Испанию?

Понимали все это галлы из войска Спартак? Неужели нет? А сам Спартак?

На это какой-нибудь весьма рассудительный историк сурово заметит, что мудрый Спартак проявил в данном случае истинную классовую, а также интернациональную солидарность вкупе со стратегической мудростью. Попросту говоря, решил вначале вдребезги расколошматить Рим, дабы облегчить положение ВСЕХ угнетенных: и рабов, и братьев-фракийцев, и галлов, и прочих по списку. Мол, надо не рвать паутину, а прикончить паука.

Рассмотрим и эту возможность.

Вообще-то говоря, подобная самоотверженность свойственна людям, а особенно повстанцам, каждому из которых грозил большой деревянный крест, далеко не всегда. Но представим себе и такое: гладиаторы, рабы из сельских **вилл**, пастухи, просто уголовная шантрапа (кто там был еще у Спартак?) прониклись нужной мыслью и сказали вождю: «Не пойдем мы родную Фракию (Галлию) спасать! Пусть она огнем горит, зато проклятый Рим рухнет, и волки будут выть на Капитолии!»

Сказали. И что должен ответить Спартак? Мы ведь помним, что он – не просто великолепный парень, но и полководец – не чета Гарибальди. А вот что он должен ответить:

Римская держава – не только город Рим. Это Италия, большая часть Испании, Северная Африка, Цизальпинская Галлия и Галлия Нарбоннская, Греция, Македония и провинции Малой Азии, а также десятки островов в Средиземном море. Это несколько сильных отоброшенных римских армий: Помпея в Испании, Марка Лукулла – во Фракии и Луция Лукулла в Малой Азии. Взятие и даже уничтожение города Рима не приведет к распаду всей Республики, напротив, сплотит римлян перед лицом новой беды. Римляне могут наплеватьски относиться к делам где-нибудь на Крите или в Каппадокии, но падение или даже угроза столице объединит все несколько миллионов римских граждан. И тогда пощады не будет ни повстанческой армии, ни Фракии, ни Галлии.

К слову, это превосходно понимал и Ганнибал.

Однако город Рим не так легко захватить. Система его укреплений весьма неплоха, и его НИ РАЗУ еще не удавалось взять с налета. Либо город открывал ворота перед теми, кого мог считать «своими» (перед войсками Мария и Суллы в годы гражданских войн) либо надо было уничтожить ВСЮ римскую армию (в период давней войны с галлами Бренна). Осады римляне не очень боялись и вообще не склонны были в подобных случаях паниковать, а если паника и начиналась, то с нею справлялись молниеносно, как после гибели всей армии у Канн. Пример: в период все той же войны с Ганнибалом, когда перевес сил был уже у Рима, римские войска осадили Капуя, главную базу карфагенян. Ганнибал двинулся прямо на Рим, надеясь, что римляне оставят Капуя в покое. Не тут-то было! Римляне не забрали из-под Капуи ни одного солдата, штурмовать же сильные укрепления столицы Ганнибал даже не решился. В самый разгар его топтания у римских стен, поле, на котором стоял шатер карфагенского полководца, было преспокойно продано одним римлянином другому по самой обычной цене – вместе с Ганнибалом.

Капуя была взята. Карфагеняне, ничего не добившись, ушли из-под Рима. Знал ли об этом Спартак?

Кроме того, мудрый Спартак обязан был объяснить своим друзьям – пламенным интернационалистам, что такое стратегическая позиция. Италия по своему географическому очертанию похожа на сапог, но ее можно сравнить и с мешком, который не так трудно завязать. Возможности маневрирования крупными силами в таком мешке ограничены, а уходить в случае опасности некуда, особенно если нет своего флота (что армия Спартак и ощутила на собственной шкуре весьма скоро.) А вот уйдя во Фракию или в Галлию, повстанцы:

– Могут получить подкрепления из числа врагов Рима, причем подкрепления немалые.

– В случае неудачи уйти либо за Дунай, либо в Косматую Галлию и там продолжить борьбу. Конечно, придется договариваться с местными племенами, возможно, кого-то подкупать, а то и усмирять оружием, но это все-таки лучше и перспективнее, чем шесть тысяч крестов вдоль Аппиевой дороги. А вот создание сильной антиримской позиции в Галлии или во Фракии, да еще «с подпиткой» извне, это действительно угроза Риму. Не следует забывать, что в разгаре война с Митридатом, в Испании еще держатся серторианцы, в Средиземном море что ни день нагледят пираты...

Вот это и в самом деле шанс! Разгромить Республику полностью едва ли удастся, но вот обрубить перья золотому римскому Орлу – вполне. Так что для галлов, да и для всех прочих, ради победы над ненавистным Римом и освобождения родных земель целесообразнее было не биться лбом в ворота Вечного Города, а УЙТИ из Италии.

Объяснил ли все это Спартак своим горячим товарищам? Если объяснил, то почему его не послушали?

И, наконец, еще одна странность этнического порядка. Считается, что в войске Спартак были германцы, причем германцев этих насчитывалось немало. Плутарх пишет, что консул Геллий разбил целый германский отряд. Имеется в виду отряд Крикса, в котором по римским же данным было 30 тысяч человек. Джованьоли в своем романе сделал германцем Эномая. Как по мне, германец из Эномая получился хоть куда.

А теперь оценим.

Германия в понимании римлян – это земли за Рейном и за Альпами. Плутарх, живший и работавший во II веке от Р.Х. мог часто видеть рабов-германцев, потому что в его время часть Германии была Римом уже покорена, а часть граничила с Империей – и постоянно воевала. Отсюда и рабы-германцы. Но во времени

Спартак никакой общей границы между Римом и Германией еще не было. Между римскими владениями и германцами лежала Косматая Галлия – и поднимали ввысь свои заснеженные пики Альпийские горы.

Откуда рабы-германцы в Риме? Да еще десятки тысяч?

Вариант: какая-то часть рабов-германцев могла быть куплена у тех же галлов, с германцами воевавших. Но чтобы столько и сразу? Никакой сокрушительной галло-римской войны ни в эти годы, ни перед тем, римляне как-то не заметили. Да и галлы, несмотря на все свои недостатки, предпочитали пленных отпускать за выкуп (о чем пишет тот же Цезарь), а не продавать ненавистным римлянам.

Еще вариант: в свое время Гай Марий наголову разбил при Аквах Секстиевых германское племя тевтонов (разбил он и кимров, но кимры – уж точно не германцы) и взял уцелевших в плен. Сколько было этих уцелевших, ставших рабами, сказать нелегко, Тит Ливий сообщает о 90 тысячах пленных, другие же, не столь патристичные историки говорят о куда меньших цифрах. Однако «свое время» – это 102 год до Р.Х., то есть тридцать лет до восстания Спартак. Тевтоны-рабы, помнившие родину (те, кто дожил), были уже стариками. И опять таки – 30 тысяч боеспособных мужчин! Ну, пусть не тридцать, пусть несколько меньше... Жестокая практика войны предполагала, что в плен берут как правило женщин и детей, мужчин же беспощадно режут. Так и было – Плутарх пишет, что прахом убитых тевтонов удобряли виноградники. Откуда в войске Спартак германская орда?

Но – предположим. Так что же удержало германцев в Италии? Почему не ушли, почему не попытались пробраться на далекую родину? А ведь не ушли! «Германский отряд» (иной перевод: «германская часть войска») продолжал сражаться вместе со Спартаком. Это и был отряд Ганника, погибший у горы Каламации, в лагере которого нашли пять римских Орлов. Правда, после его разгрома римляне, кажется, разобрались с этнической проблемой. «Германцами» бойцов Ганника, по происхождению галла, почему-то никто не называет.

Как бы то ни было, германцы, если они непонятным образом все же оказались в войске Спартак, тоже не спешат на родину. Запомним и это. Но даже если вывести мифических германцев за скобки, вывод из странного поведения остальных очевиден:

Спартак и спартаковцы НЕ СТАВИЛИ СВОЕЙ ЦЕЛЬЮ ОСВОБОЖДЕНИЕ РОДНЫХ ЗЕМЕЛЬ, хотя такую возможность имели. Значит, их цель была в чем-то другом.

А может, фракийцы были какие-то не те фракийцы? И галлы – не совсем галлы? А уж германцы!..

6. Очень странные гладиаторы.

Держать в рабстве человека опасно.

Римляне, матерые рабовладельцы, знали это твердо. «Сколько рабов – столько врагов» – из их фольклора. Свободный человек, попавший в рабство, далеко не всегда смирялся. Родившийся в рабстве помнил о свободе своих предков, пускай это были прадедушки и прабабушки. Попадались и смирившиеся, но такие становились опаснее прочих – вместе с любовью к свободе они теряли и остатки личности. Эти били в спину первыми – как только находился предлог.

Били в спину – не преувеличение. Хозяев убивали, причем настолько регулярно, что римляне приняли специальных закон, карающий смертью ВСЕХ рабов, находившихся в доме в момент убийства. Но хозяев все равно резали. Во времена Нерона раб убил префекта Рима, то есть коменданта города. Четыре сотни рабов, живших в доме убитого, были казнены. Но хозяев все равно убивали. Тому же Нерону горло перерезал раб. Говорят, по его просьбе, только вот свидетелей не осталось.

Рабы не только убивали. Предавали тоже – скажем, во время репрессий, когда хозяева пытались прятаться. Несколько десятков знатных римлян, пытавшихся бежать или скрыться во время проскрипций Суллы, были выданы на смерть собственными невольниками. Через полвека, уже во времена Второго Триумвирата, репрессии повторились, и вновь – та же картина: предавали, предавали, предавали... И в спокойное время предавали. Скажем, могли сообщить «куда надо» про неосторожные слова господина в адрес очередного Калигулы или Домициана.

Рабы не только предавали, они еще наводили на господ порчу. Археологи нашли тысячи свинцовых табличек с заклятиями в адрес хозяев. Если даже десятая часть этих проклятий сбылась, господам не позавидуешь. Впрочем, ненависть и сама по себе весьма ядовита.

А то, что рабы воровали, обманывали и обьедали хозяев, били их лошадей и собак, плевали в подаваемые на стол блюда, было вообще делом обыденным. Бытовым, так сказать.

Сочувствовать римлянам не стану – и никому не советую. За рабство следует платить.

Это я к чему? А к тому, что римляне не особо удивлялись очередной пакости со стороны рабов. И побегам не удивлялись, и разбоям, и восстаниям. И даже войнам. Не только не удивлялись, но четко фиксировали, с чем имеют дело. Любовь римлян к ясным юридическим формулировкам известна. Скажем, если сотня рабов спалила бунгало (то есть, конечно, виллу) очередного сенатора и убежала в лес разбойничать – это восстание или бунт. А вот если рабов побольше – уже война. Был даже термин: «рабская война» (bella servilia).

Примеры:

В войске Секста Помпея, воевавшего против Антония и Гая Октавия, было много беглых рабов. Сам Секст Помпей не раб, он сын Гнея Помпея Великого, но война с ним – рабская война. Так и записали.

Много рабов было в войске Аникета. Аникет – бывший наварх, то есть командующий флотом, царства Понт. В 69 году от Р.Х. он попытался освободить свою родину от римлян, для начала уничтожив римский гарнизон в Трапезунте. Казалось бы типичное восстание покоренного народа против благодетелей-римлян, но в Риме четко фиксируют: рабская война.

Не уверен, что в этих двух случаях римляне были правы, но рассуждали они именно так.

Восстание Спартака с этой точки зрения должно было считаться типичнейшей рабской войной, так сказать, хрестоматийной, примером для римских юристов. Должно было – но не считалось. Ее так действительно называли, но далеко не всегда, а если и называли, то с важными оговорками. Вот, скажем, Орозий рассуждает так:

«Стала угрожать эта война с беглыми рабами, или, сказать правильнее, с гладиаторами».

Казалось бы, какая разница? Гладиаторы – тоже рабы! Но нет, разница есть. Уже известный нам Флор в большем сомнении:

«Каким именем назвать войну под начальством Спартака, я не знаю».

Как видим, не просто сомневается, а не знает, как назвать. Почему? А вот почему:

«Когда рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями, первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения, они своими издевательствами увеличили бедствия римлян».

Понятно? Честно говоря, не очень. Насчет издевательства все более-менее ясно, ясно и то, что в войне командовали именно гладиаторы. И развязали войну гладиаторы. Но почему они отдельно, а «просто» рабы – тоже отдельно? Одни «люди низшие», другие «наименее заслуживающие почтения», – странно звучит, правда? Выходит, гладиаторы почтения не заслуживают, но низшими по положению людьми их все же не назовешь.

Итак, Флор не знает, а вот Аппиан знает точно. Знает и пишет: «война с гладиаторами». Не с рабами!

На первый взгляд, нелогично. И не только потому, что гладиаторы – тоже рабы. Нелогично по той причине, что гладиаторы, сколько бы их ни было, это меньшинство в войске Спартака. Тот же Аппиан утверждает, что памятным летом 72 года до Р.Х. в войске Спартака насчитывалось 120 тысяч только пехотинцев. Сколько среди них гладиаторов? Ясное дело, не половина, не треть, и даже не четверть. На Рим наступали главным образом самые обыкновенные рабы вкупе с прочим сбродом («сбродом» в римском, ясное дело, разумеи).

Однако, понять Флора и Аппиана все же можно. Флор поясняет: «гладиаторы стали предводителями». Ясно? Ежели не очень, поясню на уже известных примерах.

Война с Секстом Помпеем – рабская война, но противник все же Секст Помпей. Рабы – лишь инструмент, «пушечное» (скажем точнее – катапультное) мясо. И война с Аникетом – рабская война, но враг все же Аникет. Рабы – часть его войска, но руководят не они, а бывший адмирал понтийского флота. Конечно, надо иметь римскую любовь к точным формулировкам, чтобы отмечать такое, но за этой казуистикой прячется главное. И в этом главном – суть сомнений того же Флора, не знавшего, как назвать войну.

Своим врагом римляне считали не «просто» рабов, а ГЛАДИАТОРОВ. Именно в этом нюанс. Нюанс – а также источник недоумения, даже растерянности. Рабские войны Рим знал и ничуть этим войнам не удивлялся, а вот война с гладиаторами была чем-то неожиданным. И не просто, как мы дальше увидим, неожиданным.

И вновь следует удивиться – вслед за римскими историками, но по другой причине. С детства, со школьного учебника, мы знаем, что гладиаторы – не просто рабы. Они рабы-смертники. По сути, их уже приговорили, только приговор им приходится исполнять самим – на арене. Если уж кому восставать, то именно гладиаторам. Терять-то нечего, кроме своих цепей и смертного приговора. Ну, совершенно нечего!

Между прочим, именно в таких выражениях Спартак подбивал на восстание своих товарищей. Тот же Аппиан сообщает:

«Этот Спартак уговорил около 70 человек из числа своих товарищей-гладиаторов пойти даже на крайний риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей».

Уговаривал и, как мы знаем, уговорил. Иное дело, и это мы уже тоже знаем, свобода в понимании Спартака была свободой умереть. Умереть – но не на арене. Логично? С нашей точки зрения – да, а вот с римской – не очень. Римляне лучше нас с вами знали свою историю. А вся история Рима свидетельствует о том, что восстание Спартака было единственным восстанием гладиаторов.

ЕДИНСТВЕННЫМ!

Оговорюсь: известны еще две такие попытки. При Нероне (I век от Р.Х.) в городе Пренесте в одной из казарм взбунтовались гладиаторы. Бунт был подавлен охраной без привлечения дополнительных сил. Еще один раз бунтовали гладиаторы при императоре Пробе (III век от Р.Х.). Эту попытку охрана также пресекла в зародыше. Вырваться из школы гладиаторам все же удалось, но охрана подросла и перехватила. То, что эти бунты были подавлены внутренней охраной казарм, говорит об их незначительности. Гладиаторы – профессиональные убийцы. Дрались они без сомнения лучше, чем их охрана. Похоже, эти неудавшиеся попытки были обычными тюремными бунтами без всякой подготовки, а возможно и цели. Скажем, мясо

завезли несвежее, с белыми червяками – как на «Потемкине». Будь все иначе, римляне бы не отделались легким испугом.

Итак, одно восстание и два неудавшихся бунта. Все!

Между прочим хваленные римские легионы восставали с завидной регулярностью. А ведь дисциплина в военном лагере, по крайней мере в теории, должна быть не менее строгой, чем в гладиаторской казарме.

Легионеры бунтовали. Гладиаторы – нет. Желающие могут, конечно, проверить, но результат заранее гарантирую. САМИ гладиаторы почти никогда не восставали. «Просто» рабы (пастухи, невольники с виноградников, домашняя обслуга, трудяги с рудников) – сколько угодно, а вот гладиаторы – нет. Более того, ни в одной известной «чисто» рабской войне (скажем, в обоих сицилийских восстаниях), гладиаторы НЕ ЗАМЕЧЕНЫ. Ничего удивительного, что римские историки весьма удивлялись и не могли понять.

Главная же причина этого непонимания в том, что гладиаторы (да, рабы, да, смертники, да, мясо для арены) все же не считались «просто» рабами. Вспомним: «первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения...» Итак, гладиаторы почтения не заслуживают. Это ремесло презираемо, но гладиаторы – не просто рабское стадо. Они...

А кем, собственно говоря, были гладиаторы в глазах римлян?

О глубинных корнях явления – позже, но с чисто внешней стороны дело выглядит следующим образом. Представим себе, дорогой читатель, что в Интернете появилось сообщение:

«В городе Капуя (штат Иллинойс) в школе восточных единоборств, специализирующейся на боях без правил, раскрыт **заговор**. Во главе заговора – некто Джон Спартак, болгарин по происхождению, дезертир американской армии, отсидевший за это десять лет в каторжной тюрьме. Большая часть заговорщиков арестована, но около семидесяти каратистов и ушуистов, вооруженных нунчаками, ушли из города и сейчас пробираются на юг, в болота Миссисипи. По пути они разоружили несколько полицейских патрулей. Национальная гвардия поднята по тревоге. Причины и цели заговоры непонятны. По некоторым данным Джон Спартак заявил, „что это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей“. Полиция взяла под охрану все школы восточных единоборств в стране».

Ну как, впечатляет? А ведь в глазах римлян все выглядело именно таким образом. Конечно, школы и клубы восточных единоборств, даже связанные с подпольным тотализатором, не гладиаторская казарма. И каратист-ушуист, пусть и скованный «железным» контрактом – не раб. Но положение в обществе (опять-таки подчеркну – чисто внешне) они занимали одинаковое. И вот пишет американский журналист Джими М. Флор статью. Пишет, поражается: «Каким именем назвать войну под начальством Спартака, я не знаю». И в самом деле – не знает, и все другие – не знают.

Итак, с точки зрения римлян, гладиаторы не «просто» рабы, а отдельная корпорация. Презираемая – но не «низшая». «Просто» рабы восстают часто, гладиаторы – почти никогда. Еще точнее – восстали единственный раз, при Спартаке. А вот почему такое случилось и вправду очень интересно.

Интересно это еще по одной причине. Гладиаторы вовсе не были мирными овечками, а точнее баранами, спокойно бредущими под мечи своих же товарищей. Если можно было с арены уйти, они охотно это делали. Более того, мы видим их, причем видим очень часто, не только на арене, но и в самой гуще драки. А иногда и войны.

Примеры:

Вскоре после восстания Спартака римский авантюрист Катилина решил захватить власть. В Этрурии он начал собирать войско, и в этом войске оказалось немало гладиаторов. Войско было разбито. Гладиаторы сражались до конца.

Немногом позже в Риме прославился еще один авантюрист по имени Клодий (тот самый, из-за которого Цезарь развелся с женой, ибо жена Цезаря должна быть выше подозрений). Клодий не только компрометировал чужих жен, он активно занимался политикой. Политиком он был деятельным – устраивал драки на римских улицах, избивал конкурентов, срывал выборы и, вообще, безобразничал. Так вот, его личная охрана – гладиаторы.

Против Клодия его противники выставили другого оторви-голову – Милона. Тот тоже окружил себя гладиаторами. В конце концов охрана Милона напала на охрану Клодия, и тот был убит. Как видим, гладиаторы – в первых рядах гражданской смуты. Они бьют, режут и даже сражаются на поле боя против регулярной римской армии.

...И не только сражаются. Бывали случаи, когда гладиаторы ОБУЧАЛИ римских солдат боевым приемам. Скажем, в 106 г. до Р.Х. они служили инструкторами в армии консула П. Рутилия Руфа.

Примеры можно множить и дальше, однако, уже ясно: гладиаторы не жалеют своих и чужих жизней, выступая в качестве... Трудно подобрать слово? По-моему, не очень: в качестве наемников. А еще точнее, НАЕМНЫХ УБИЙЦ.

Интересно, что ни в одном из указанных случаев (и в неуказанных тоже) гладиаторы не предавали хозяев. В этом их отличие от «просто» рабов. Гладиаторам верят, им дают в руки оружие и позволяют защищать спину «босса». Перед лицом опасности гладиаторы не бегут, а дерутся до конца.

Не будем особо удивляться. Представим себе заметку в том же Интернете: «Авторитет Миша Слон из Солнцевской группировки окружил себя охраной из каратистов и ушуистов, до этого много лет участвовавших в чемпионатах по боям без правил». Как видим, ничего особенного. А если мы прочитаем, что охрана Миши Слона защищала его до последней капли крови при разборке с каким-нибудь Петей Носорогом, тоже не

удивимся. Привычное дело! Вот и римляне не удивлялись гладиаторам в личной охране политиков или в рядах армии очередного «спасителя отечества». И гладиаторам-инструкторам в римской армии тоже не удивлялись.

А вот гладиаторам в войске Спартака удивлялись, да так, что даже не знали как правильнее эту войну назвать. Часто ее так и именovali – войной со Спартаком или Спартакoвскoй войнoй. То есть, Спартак – враг, а при нем его гладиаторы.

Между прочим, этот факт вдребезги разбивает весьма распространенное убеждение, будто Спартак был своему войску не хозяин. У Джованьоли вoждь устраивает настоящий референдум на тему уходить из Италии или нет. Войско голоснуло за то, чтобы остаться – и Спартак послушался. Не Джованьоли это выдумал – у Плутарха и Аппиана мы тоже можем прочесть о том, что восставшие «не захотели», «раздумали» или «не послушали» вoждя. Моммзен даже утверждает, что Спартак был всем хорош, а вот войско до его уровня не дотягивало. И марксисты любили сплошь и рядом поминать «стихийность» таких восстаний.

При обычном бунте подобное бывает сплошь и рядом. Бунтовщики – нечто иное по сравнению с регулярной армией. Но вспомним: «гладиаторы стали предводителями». И так, армейские низы – это действительно беглые рабы и всякие бродяги-люмпены. Эти и в самом деле – не стойкие дисциплинированные бойцы, но над ними стоят гладиаторы, костяк повстанческой армии. Гладиаторов же в их казармах и школах хорошо выучили, как подчиняться и КАК ЗАСТАВИТЬ подчиняться прочих. А над гладиаторами стоит Спартак и отдает приказы. Ничего «стихийного» в действиях Спартака не было. Вспомним:

- Вначале был глубоко законспирированный заговор.
- Затем несколько десятков беглых гладиаторов за год организовали десятитысячную армию.
- Эта армия в течение двух лет совершала сложнейшие маневры, причем римские войска ей в этом уступали.
- Пять римских Орлов тоже вспомним.

Так где же тут стихийность? Ее и не было. Гладиаторы, подчинявшиеся приказам Спартака, и обеспечивали отсутствие таковой. А для того, чтобы оценить уровень дисциплины у спартакoвцев, еще одна цитата, на этот раз из Плиния Старшего:

«Спартак запретил в своем лагере кому бы то ни было иметь золото и серебро. Настолько выше было у наших беглых рабов благородство души».

Оценили? «Благородство души» – это, конечно, лирика, но вот остальное...

Зима 73-72 годов до Р.Х. Войско Спартака стоит у города Фурии. Спартаку нужны средства для покупки и изготовления оружия, и он ЗАПРЕЩАЕТ своим бойцам оставлять себе захваченное при грабеже золото и серебро. А те вместо того, чтобы заорать: «За что боролись?» и разбежаться, выполняют приказ и драгметаллы сдают. Не верите?

Аппиан:

«Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запрещал купцам, торговавшим с его людьми, предлагать вещи из золота и серебра, а своим – покупать их. Они покупали только железо и медь за дорогую цену, и тех, кто приносил им эти вещи, не обижали. Приобретая таким путем нужный им материал в большом количестве, они хорошо вооружались и часто, чтобы опустошить страну, выходили на грабеж. Сражаясь снова с римлянами, они побеждали их и, нагруженные добычей, возвращались к себе».

Как видим, золотишко-серебришко нельзя не только оставлять себе, но даже прикупать. Спартакoвцы приказ понимают правильно, ходят грабить округу, возвращаются, нагруженные добычей – и тут же самое ценное из добычи отдают в «общак». Читатель, это похоже на порядки в шайке? Бандиты действительно скидываются в «общак», но чтобы отдавать ВСЕ золото и серебро! Интересно, что ценного кроме золота с серебром мог притащить в лагерь нагруженный добычей спартакoвец? Ну, амфору цекубского, ну, плащ с пятнами крови на спине.

Итак, с дисциплиной у Спартака все было в полном порядке, его приказы выполнялись, причем такие, какие не всякий современный генерал решится отдать солдатам на войне. Представьте себе, к примеру, горящий Грозный, неровный строй уцелевших морпехов – и радостный приказ старшего: «А теперь вывернем-ка карманчики, братва!»

Иное дело, противоречий в армии Спартака действительно хватало. Но причины их, как еще мы увидим, совсем-совсем другие.

Так неужели гладиаторы в войске отважного фракийца были просто НАЕМНИКАМИ? А как же, извините, свобода? А как же «благородный характер, истинный представитель античного пролетариата»? Выходит, великолепный парень, в полном соответствии с римскими традициями набрал себе банду из сорви-голов и отморозков и для чего-то водил ее несколько лет по всей Италии? Правда, в этом случае понятно, почему никто из отважных гладиаторов не просился домой – ни во Фракию, ни в Галлию. Люди были НА СЛУЖБЕ. Точно так же несколькими годами позже гладиаторы из армии Катилины не просили распустить их по хатам. Их наняли, и они были готовы сражаться. До смерти – как на арене.

Вот только по-прежнему непонятно зачем это было нужно Спартаку? Какой была его истинная цель? Катилина, к примеру, хотел власть в Риме захватить, Ганнибал не уходил из Италии, помогая родному Карфагену. А Спартак? Если же не сам он сие придумал, если цель войны не им поставлена, то, простите, кем

тогда? Кто это замыслил, кто ОПЛАЧИВАЛ? Война – дело очень накладное, а тут еще и золотишко хранить запрещают...

Дорогой читатель! Винюсь – увлекся я, с Карлом Марксом споря. Для столь категоричных оценок данных у нас пока что мало, поэтому будем по-прежнему считать, что цели Спартака были весьма благородные. Вот только непонятно какие.

Но гладиаторы все-таки были странными. Даже очень.

7. И еще три загадки.

Рядом с этими загадками – другие, большие и маленькие. Возьмем навскидку три из них и начнем с самой небольшой.

Спартак был женат – по крайней мере так утверждает Плутарх. Не знакомых с текстом древнего грека, но читавших Джованьоли этот факт удивит, однако история с супругой Спартака не менее романтична и таинственна, чем выдуманная итальянским писателем сказка о любви гладиатора и вдовы Суллы. Итак...

Плутарх:

«Говорят, что когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, ему приснился сон, будто змея обвилась вокруг его лица. Жена Спартака, его соплеменница, пророчица и одержимая дионисовским вдохновением, предсказала, что это знак великого могущества, грозного для него по своему несчастному концу. И теперь она также была вместе с ним и вместе бежала».

Змею и пророчества пока оставим в стороне, а вот остальное оценим. Спартак, дезертировавший из римской армии и ставший разбойником (вариант – идейным борцом против Рима) попадает в плен. Причем попадает в плен не один, а со своей супругой, иначе бы их вместе не выставили на продажу. Кто конкретно купил Спартака и куда отправил, мы не знаем, известно лишь что через какое-то время он оказался в Капуе в школе гладиаторов Лентула Батиата. А в качестве кого туда попала его жена?

Гладиаторская школа – это тюрьма, самая настоящая, с одиночными камерами, замками и решетками. Утром гладиаторов выгоняют из камер, вечером загоняют обратно и запирают. Никаких поблажек не предусмотрено, хотя бы потому, что это опасно – как в любой тюрьме. И гладиаторских жен вместе с ними не содержали – до подобного гуманизма римские рабовладельцы не доросли. Так что делала жена Спартака в гладиаторской казарме? Похлебку варила? А ведь по мнению Плутарха она находилась именно там. Бежали-то вместе!

Представим себе сцену: Рим, невольничий рынок, покупатели шупают мускулы и пересчитывают зубы выставленным на продажу бедолагам. Вот хозяин гладиаторской школы, по-римски – ланиста, а перед ним – пленные фракийцы. «Bene, bene!» – приговаривает ланиста, отбирая парней покрепче. Вот и Спартак. Ланиста окидывает его оценивающим взглядом, шупает бицепсы... «Нет! – кричат стоящая тут же супруга будущего героя. – Только вместе! Покупайте нас вместе!» Ланиста достает кошель, разводит руками. Раб стоит денег, и денег немалых. Обычного молодого парня без особых достоинств можно прикупить за восемьсот сестерциев. И девушку можно купить почти за столько же – или на сотню дороже. Грамотный раб – это уже три-четыре тысячи. А вот будущий гладиатор, который может принести хозяину немалый барыш, тянет тысяч на пять. Ланиста ради будущей покупки деньжат подзаянл – и под солидный процент, каждый сестерций на счету. Повариху он бы еще купил, похлебку и вправду надо готовить. Но жрицу... «Только вместе! Только вместе!» – кричит несчастная женщина...

Читатель, тебе это ничего не напомнило? А вот мне напомнило – читанную в детстве «Хижину дяди Тома» миссис Бичер-Стоу. Увы, рабство – всюду рабство, и в античном Риме, и в звездно-полосатом оплоте демократии.

Так как вы думаете, сжалился ланиста над несчастной? Прикупил жрицу?

Спартак был гладиатором не один год, иначе бы не пользовался таким авторитетом среди товарищей. А жизнь гладиатора – это постоянные переезды, выступления на арене, переходы из одной школы в другую. Гладиаторов продавали, обменивали, дарили. Выходит, эта таинственная дама всюду сопровождала мужа, чтобы в конце концов оказаться в школе Лентула Батиата? Все, что мы знаем о жизни рабов в Риме, а особенно рабов-гладиаторов, свидетельствует: такое едва ли возможно. Написал бы «невозможно вообще», но не стану. Мало ли, вдруг некое чудо? Все-таки одержимая дионисовским вдохновением да еще пророчица!

К этой пророчице, да и к самому пророчеству, нам еще придется вернуться. Пока же загадка номер два.

Аппиан:

«Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал».

Лето или ранняя осень 72 года до Р.Х. Спартак ускоренным маршем двигается с севера Италии на Рим. Впереди – Пицен, там его ждет римская армия. Спартак победит и на этот раз, но пока он об этом не знает. Зато знает другое – столицу римляне будут защищать до конца. И вот в момент, когда требовалось любой ценой свою армию усилить, а вражескую ослабить, Спартак не принимает перебежчиков!

Такое, мягко говоря, нелепо, более того – глупо. Вспомним хотя бы Вторую мировую. Представим себе лето 1942-го, окопы где-нибудь под Ржевом, грузовичок с раструбом-громкоговорителем, а из этого раструба в сторону русских позиций так и льется: «Товарищи! Ребята! Я сержант Вася Пупкин добровольно перешел на

сторону победоносной немецкой армии. Меня хорошо кормят. Немецкая тушенка вкуснее нашей. Товарищи! Следуйте моему примеру и вам тоже выдадут вкусную тушенку!»

Представили? И не думайте, что призыв мерзавца Васи Пупкина так уж безобиден. Едва ли в ответ на его вопли весь взвод поднимет белый флаг, но... Но в этот день тушенку на русские позиции как раз не подвезли, в животах у красноармейцев хор Александра поет, и вот уже косится какой-нибудь несознательный боец на Ваньку-взводного, про себя нехорошие слова шепчет...

Про тушенку это я так, для простоты примера, обычно кричали про вещи куда более серьезные. Но принцип все тот же – и цель та же. А цель ясна и понятна: подрыв боевого духа противника. Недаром по таким установкам лупили из пушек, а перебежчиков, если таковых удавалось отловить, расстреливали без всякой жалости.

А теперь смоделируем ситуацию. Предатель Вася Пупкин, воспользовавшись тем, что напарник-постовой задремал, мелкими зигзагами бежит к немецким окопам, размахивая портянкой (по причине отсутствия носового платка). Пока Ванька-взводный, матерясь и плюясь, наводит **ППШ**, предатель Пупкин уже перевалил за немецкий бруствер. Однако немцы в тычки выкидывают Пупкина из окопа, костыляют по шее и гонят назад, дав для острастки пару очередей над головой. Как вы думаете, захотят ли после этого потенциальные Пупкины следовать его примеру? А ведь Аппиан пишет, что перебежчики приходили к Спартаку «во множестве». «Во множестве» – это не десять и не сто, это больше. Чего же еще мог хотеть Спартак перед битвой с римской армией?

Мудрые историки разъясняют, что под перебежчиками Аппиан скорее всего имеет в виду свободных людей, которым Спартак, естественно, не вполне доверял. Убедительно? Как по мне, совершенно неубедительно.

Прежде всего, в войске Спартака свободных хватало. Тот же Аппиан чуть ниже пишет: «Его войско состояло из рабов-перебежчиков и всяких попутчиков». Итак, в войске восставших есть рабы, убежавшие от хозяев и некие «попутчики», а это кто угодно, но не рабы. О свободных в составе спартаковской армии пишут и другие, причем пишут немало. И вот перед решающей битвой Спартак почему-то перестает принимать в свое войско этих «попутчиков»! С чего бы это? Ведь свободные приходили в его армию с самого начала, когда Спартак только начал одерживать первые победы. Вот тогда в верности всяких перебежчиков и в самом деле можно было усомниться. Кто знает, как поведут они себя после первого же поражения? А летом и осенью 72 года до Р.Х. ситуация изменилась. Армия Спартака – армия победителей. Ясное дело, все потенциальные сержанты Пупкины в римской армии уже чешут затылки. И всякие «попутчики» из числа братьев-разбойников чешут, и просто недовольные римской властью – тоже. Оказаться в армии победителей, особенно когда Спартак идет прямо на Рим, куда почетнее и просто безопаснее. Достаточно вспомнить, как летом 1944 года партизанские отряды в Белоруссии прямо-таки разбухали не только за счет выползших из лесных нор дезертиров, но и от всяких «раскаявшихся» полицейев и старост. Еще бы! Красная Армия уже двигались на Минск!

Ясно, что осенью 72 года от Р.Х. Спартак имел куда больше оснований верить тем, кто перебежал в его армию, чем полугодом раньше. К тому же теперь к спартаковцам переходила не просто всякая шваль, а солдаты римской армии – иного значения слово «перебежчик» просто не имеет. Перебежали – а Спартак почему-то совсем не рад.

И кроме того, никто не требовал от Спартака, чтобы он доверял перебежчикам – ни частично, ни «вполне». Перебежчикам вообще никогда не доверяли. И не доверяют, и доверять никогда не станут. Того же Васю Пупкина немцы лупят смертным боем в перерывах между сказками о тушенке, а через несколько дней попросту отправят в концлагерь или расстреляют. Перебежчиков ставят в первые ряды перед битвой, подпирая спину копьями, дабы назад не повернули, а то и вообще не пускают в бой, заставляя носить в воду лошадям. Перебежчика можно отвести в кусты и зарезать, после того, как он вышел к валу римского лагеря и проорал про то, что спартаковцы его хорошо кормят и не обижают. Труп же в полном легионерском прикиде полезно привязать к колу, дабы изображал несуществующего часового – как Спартак в ряде случаев и поступал.

Но гнать обратно-то зачем?

Итак, римская армия перед решающей битвой разбегается, но Спартак этот процесс железной рукой пресекает, отправляя дезертиров обратно. Интересно, правда?

И, наконец, загадка третья, но уже не военно-психологическая, а чисто стратегическая. Целые тома написаны о том, почему Спартак, разбив консульские армии, не ушел из Италии, но куда меньше историков заинтересовала иная загадка: регийское «сидение» спартаковской армии осенью и зимой 72 года до Р.Х.

Плутарх:

«А Спартак мало-помалу уходил через Луканию к морю. Встретив в проливе киликийские пиратские суда, он решил переправиться в Сицилию и, перебросив на остров 2000 человек, возобновить войну сицилийских рабов, только недавно погасшую и требовавшую немного горючего материала, чтобы снова вспыхнуть. Киликийцы сговорились со Спартаком, но, взяв договоренные подарки, обманули его и уплыли. Тогда он, снова повернув от моря, расположил войско на Регийском полуострове. Красс, подойдя сюда и видя, что сама природа места указывает, что нужно делать, поспешил перерезать стеною перешеек... Сначала Спартак не обращал внимания на эти работы, относясь к ним с презрением. Когда же, чувствуя недостаток в провианте, он пожелал идти вперед, то увидел себя окруженным стеною и лишенным возможности получить что-либо с

перешейка. Тогда, выждав снежную и бурную ночь, Спартак приказал засыпать небольшую часть рва землей, деревьями и сучьями и перевел через него третью часть своего войска...»

Флор ко всему этому добавляет:

«Там, запертые в бруттийском углу, они стали готовиться к бегству в Сицилию и, не имея лодок, напрасно пытались переплыть через бурный пролив на плотках из бревен и на бочках, связанных ветвями...»

Марш Спартака на Регийский полуостров, и долгое «сидение» там совершенно непонятны, тем более с учетом того, как блестяще он провел летнюю кампанию. Вспомним, что произошло непосредственно перед этим. У римской армии, пополненной чрезвычайной мобилизацией, появился новый командующий – Марк Красс. Он сумел навести в армии порядок и уже несколько раз серьезно потрепал спартаковцев. Спартак наверняка понял, что встретился если не с равным, то по крайней мере с соразмерным противником. С таким воевать следовало еще более умно, расчетливо и хитро. Опыт же войны показал, что Спартак переигрывал римских полководцев прежде всего в маневре. На узком сапоге-Италии он умудрялся делать почти невозможное – обгонять римские войска на марше, обходить их, бить по частям, оказываться там, где его не ждут...

...Что после него великолепно проделывали Суворов, Бонапарт и Ковпак.

И что же? Перед лицом нового сильного противника он уходит на «носик» итальянского сапога и сидит там осень и часть зимы. Сидит, терпеливо ожидая, пока римляне строят свою «линию Мажино»! А ведь он не мог знать, что прорыв зимней ночью через укрепления будет непременно удачным. Но вот то, что из Испании уже отзывают Помпея с его армией в помощь Крассу – знал наверняка. Итак, Спартак терпеливо сидит у Мессенского пролива. И все из-за чего? А все из-за десанта в Сицилию, для того, чтобы высадить там две тысячи человек.

Я понимаю, что Плутарх не был профессиональным военным. Странно, однако, что римские военные, чьи труды он явно читал и использовал, охотно повторяли эту чушь. Чушь они повторяли часто, Аппиан, профессиональный военный, изрек, например, такой перл (вторя цитированному выше Флору). Красс, оказывается, преследовал Спартака «отступающего к морю с целью переправиться в Сицилию». Хорошо бы Аппиану подсчитать, сколько кораблей понадобилось бы Спартаку, дабы переправить его стотысячную (пусть даже пятидесятитысячную!) армию через пролив, да еще имея в тылу Красса! Штатский интеллигент Плутарх все-таки больший реалист, сообщая о подготовке десанта числом в две тысячи.

Аппиан вообще пишет немало ерунды. Но об этом – в свой черед.

Я лично никак не могу согласиться с профессиональным военным Аппианом, а заодно и с Флором с его «бегством на Сицилию». Даже с Плутархом – тоже не могу. И вот почему.

Прежде всего, на Сицилии Спартака ждали, и вождь восставших не мог не догадываться об этом. На Сицилии уже ДВАЖДЫ вспыхивали рабские восстания, поэтому римляне серьезно подготовились.

Слово свидетелю и современнику – Марку Туллию Цицерону:

«Но именно этому обстоятельству эта провинция обязана своей сравнительной безопасностью и в прошедшем, и в настоящем. С того самого времени, как Маний Аквиллий оставил Сицилию, все распоряжения и эдикты наместников имели в виду обезоружение рабов... Когда Л. Домиций был наместником Сицилии, ему принесли огромного вепря; он с удивлением спросил, кто его убил; отвечают – пастух, раб того-то, он велит его призвать; тот поспешно прибегает к наместнику, ожидая себе похвалы и подарка. Домиций его спрашивает, как он убил такого зверя; тот отвечает, что дротиком. Наместник немедленно приказывает его распять...»

Ясно? И Цицерону было ясно, и всем другим – тоже. Сицилия считалась особо опасной провинцией в которой были приняты ОСОБЫЕ меры безопасности. Что смог бы сделать небольшой спартаковский десант в этих условиях? Но даже если бы смог – что толку? На Сицилии начались бы многодневные бои, десанту понадобились бы подкрепления, значит Спартаку пришлось бы постоянно ослаблять свою основную армию. Красс же в это время строит «линию Мажино», и армия Помпея, как Чип и Дейл, спешит ему на помощь...

А потерей римляне Сицилию, что бы случилось? Да ничего особенного. Они уже теряли ее дважды – во время сицилийских восстаний. Теряли – и не на один год, однако без сицилийского хлеба никто в Риме от голода не умер, и угнетенные всех римских провинций не восстали, проклятьем заклеянные, в едином порыве.

С точки же зрения стратегии уход Спартака, скажем, с половиной армии на остров для Рима – подарок судьбы. Была целая армия – осталось половина, значит шансы Красса возрастают ровно вдвое. А уйди (по морю, яко по суку) спартаковцы на Сицилию целиком, что с того? Сицилия – не Галлия и не Фракия, сидя на ней Рим не сокрушишь и даже не уйдешь в германские леса. Война в Италии закончится, все успехи Спартака в борьбе с консульскими армиями пойдут насмарку, римляне вздохнут с облегчением, римский флот начнет блокаду острова... Регийский полуостров – западня, но с шансами на спасение. Остров, окруженный водой – стратегическая могильная яма.

Неужели стратег Спартак всего этого не понимал?

Но прежде чем поразиться слепоте стратега Спартака, немного подождем. Подождем, окинем орлиным взором всемирную историю. Ведь все уже случалось в этом мире, прав Экклезиаст. Случалось, случается, случится...

Не знаю, какие ассоциации пришли на ум вам, дорогой читатель, а вот мне вспомнились события другой зимы – 1940–1941 годов. Германская армия стоит у Ла-Манша, разведки всех стран, включая СССР, получают данные об операции «Морской лев» – десанте в Британию. Немцы не просто стоят, они собирают флот, отработывают высадку, запасаются англо-германскими разговорниками с фразочками типа: «А не подскажете ли вы, сэр, как нашей танковой колонне лучше подъехать к Манчестеру?».

Вспомнили? И чем все кончилось – вспомнили?

Спартак тоже готовится. К примеру, ведет переговоры с пиратами, которые почему-то проявляют странную солидарность с римлянами, посылающими против этих самых пиратов карательные экспедиции. Или пенители морей труса спраздновали? Денежки взяли, а сами – огородами к Котовскому? Есть, правда мнение есть, будто пиратов подкупили (вернее, перекупили), что очень хорошо показано в американском фильме «Спартак». Но ежели один капитан Блад римлянам продался, почему бы другого не кликнуть? Пиратов на море тогда было – не счесть. Ну, разве чуток поменьше, чем в наши дни.

Ладно, с пиратами не вышло – Спартак бочки связывает, плоты готовит. Это вроде тех барж с Рейна, что немцы в Кале гнали по зимней волне. Только вот беда – бочки бурей унесло. Ничего, новые свяжем, мы в азарте-кураже, на Красса с его армией даже не смотрим. Операция «Морской...», прошу прощения, «Сицилийский лев» вот-вот начнется...

Между прочим, Красс, в отличие от Флора и Аппиана, не очень верил в этого «Льва» потому и строил укрепления. Сенат римский тоже не верил, зовя на помощь Помпея, и Помпей не верил, потому и гнал своих ветеранов в Италию. Даже штатская штафирка Цицерон не очень верил. Судили однажды Верреса, который был наместником Сицилии как раз в это время. Тот суду про свои заслуги, мол, Спартака на остров не пустил, а златоуст Марк Туллий ему в ответ:

«Ты утверждаешь, что твоей доблестью Сицилия спасена от невольнической войны... Он, изволите ли видеть, помешал беглецам перейти из Италии в Сицилию. Где? Когда? В каком месте? Они стало быть сделали попытку пристать к ее берегам на плотях или на кораблях? Ничего подобного мы не слыхивали... „Все же остается в силе факт, что война бушевала в Италии на таком близком от Сицилии расстоянии, а в Сицилии ее не было“. Что же тут удивительного? Точно так же и тогда, когда она бушевала в Сицилии на таком же расстоянии от Италии, она не перешла в Италию... Доступ был этим людям не только затруднен, но и прямо отрезан вследствие полного недостатка в кораблях, так что эти твои соседи Сицилии легче могли достигнуть берегов океана, чем высадиться у Пелорского мыса; что же касается заразительности невольнической войны, то объясни мне, почему ссылаешься на нее именно ты, а не наместники всех прочих провинций?»

Цицерон в «Сицилийского льва» не поверил. И суд не поверил. Веррес же в конце концов признал себя виновным, не стал в тогу Спасителя Отечества рядиться.

Итак, Спартак римлян сицилийской высадкой пугает, а те почему-то не боятся. Прозорливыми римляне оказались – не в пример некоему усатому с трубкой в 1941-м. Не верят римляне, меры принимают. И не зря! Забыл как-то в одну зимнюю ночь Спартак про всякие бочки – и через «линию Мажино» прорвался. Да только не в этом его первоначальный замысел. Прорваться можно было и раньше, когда вал со рвом еще строились. А еще лучше не прорываться вообще, не уходить на Регийский полуостров, а вести против Красса маневренную войну, не дожидаясь подхода армии Помпея.

Что же выходит? Как по мне, «Сицилийский лев» Спартака – такая же стратегическая ДЕЗИНФОРМАЦИЯ, как и «Морской лев» ефрейтора Шикльгубера. Чем все кончилось в 1941 году мы знаем – кто не знает, пусть перелистает какую угодно историю Великой Отечественной. А вот у Спартака отчего-то не сложилось. Он что-то готовил, чего-то ждал – упорно, долго. Не вышло. То ли не сумел подготовить, то ли не дождался.

...Как тот же Ганнибал, стоявший не один год в Южной Италии, совсем близко от Регийского полуострова. В это время его дела стали совсем плохи. Римляне пришли в себя, свежие римские армии обкладывали карфагенянина со всех сторон. Самое время было прорываться – хоть в снежную зимнюю ночь, хоть в памятный для нас всех «самый длинный день в году с его хорошею погодой». Но Ганнибал не уходил, ждал. Чего именно, мы знаем: подкреплений из Африки и Испании. Но испанская армия погибла, а из Африки помощь так и не пришла. И только тогда Ганнибал решился уйти из Италии на помощь почти уже осажденному Карфагену.

А чего ждал Спартак? Куда на самом деле собирался прыгнуть «Сицилийский лев»?

8. Марк Красс или Неблагодарное Отечество.

А теперь об иных странностях, связанных со Спартаком, но на этот раз мистических и, так сказать, теологических. Сначала немного мистики.

54 год до Р.Х. Битва при Каррах закончилась поражением римлян. Парфянский полководец Сурина пригласил командующего римской армией Марка Красса на переговоры, обещая заключить мир. Тот согласился, однако во время переговоров был предательски убит. Голову мертвому Крассу отсекли и отправили царю Гироду.

48 год до Р.Х. Гней Помпей Великий, потерпев поражение от Цезаря, бежал в Египет к царю Птолемею, рассчитывая на его помощь. Навстречу кораблю с беглецами была направлена лодка с царскими советниками, которые поспешили заверить Помпея, что помощь будет оказана. Как только Помпей сошел с корабля, он был немедленно убит. Отрубленную голову погибшего отправили Юлию Цезарю.

Не мистика? А как по мне – полная мистика. Два триумвира гибнут абсолютно ОДИНАКОВО. Можно добавить, что оба были убиты на Востоке, причем перед этим у Красса погиб его единственный сын. Все сыновья Помпея были также убиты. Считать подобное простым совпадением я не рискну.

А ведь Красс и Помпей были не только коллегами по Первому Триумвирату – оба они ПОБЕДИТЕЛИ СПАРТАКА. Вот уж кому победа не принесла удачи! Поистине над ними висел какой-то страшный Рок.

А теперь о теологии, но на этот раз куда подробнее. Хотя и Марк Красс, и Гней Помпей считались (и считали себя) победителями Спартака, но истинным победителем был, конечно, Марк Красс. Помпея в Риме любили, Марка Красса – нет, даже после победы над Спартаком. Такое бывает, любовь народа – категория тонкая. Но любовь это одно, а вот благодарность государства – совсем другое. Сталин Жукова не любил, но командовать Парадом Победы доверил.

Напомню еще раз: Спартак – это угроза римскому государству, Спартак – это три года страшной войны, разбитые консульские армии, разоренная Италия. Спартак – это пять Орлов в гладиаторском шатре. Марк Красс разбил Спартака. Марк Красс – Спаситель Отечества, ничуть не в меньшей степени, чем Сципион, разгромивший Ганнибала. Сципиона римляне, к слову, тоже не любили, но все положенные почести победитель Ганнибала получил.

А Марк Красс?

Награждали в Риме полководцев по-разному. Для тех, кого особенно любили, могли придумать нечто вообще невообразимое. Например, за одним римским адмиралом было велено постоянно следовать флейтисту. Идет адмирал по улице, а за ним флейтист шествует. И не просто шествует – на флейте посвистывает, так сказать, почетный оркестр в миниатюре. Вот уж не завидую бедолаге адмиралу! Могли и чего попроще – статую на Форуме из драгметалла, право на почетное место в цирке, наконец.

Но в любом случае победителю полагался ТРИУМФ.

Триумф именно полагался, хотя бы потому, что он был РЕЛИГИОЗНЫМ завершением войны. Триумфатор от имени римского народа благодарил Юпитера Капитолийского и приносил ему жертву. Так что триумф – не только награда, но и «большое спасибо» небесному Покровителю Вечного Города, Отцу богов. Победителю честь – и богу честь. А не воздашь нужные почести, в следующий раз, того и гляди, победы не будет.

Чем больше победа – тем роскошнее триумф. Почему – тоже понятно.

Самому же триумфатору особо радоваться не следовало. То есть, в душе можно, но вид подавать было ну никак нельзя. Лицо его гримировали красной краской, дабы Юпитер не заметил, как щеки от гордости румянцем пылают. А рядышком с героем, на колеснице триумфальной, некто пристраивался, чтобы этому герою на ухо шептать. Что шептать? А то, что он человек, а не бог, значит особо гордиться нечего, а то, сам, мол, понимаешь!.. И еще много-много интересного при этом предусмотрено было. Но главное понятно: триумф – благодарность Юпитеру. Любим мы победителя, не любим, Отца богов не волнует. Это мы волноваться должны – а вдруг не так поблагодарим?

За что именно благодарить, было определено четко, как статус ордена Победы. Прежде всего, конечно, за успех в большой войне, такой, как Ганнибалова. Все логично: избавилось Отечество от беды – и Юпитера благодарит. А если война так себе, где-нибудь на окраине, и от победы Риму толку не очень много? Также предусмотрели и критерий выработали. Критерий простой – количество пленных. Пленил пять тысяч супостатов – и вперед на Капитолий. Благодарим!

...Одна тут лазейка была. В число пленников, взятых в бою, некие хитрецы (скажем, Цезарь в Испании) включали и гражданское население. В принципе все верно, они тоже пленные – в цепях, с ошейниками на шее. Но вообще-то с триумфами старались не шутить и богов зря не обманывать. Мы в римских небожителей не верим, а вот римляне верили и верили крепко. Обоснованно или нет – другой разговор, но известно, что общая вера во что-то порой становится реальной силой. И ее обычаи – тоже. Те же триумфы, к примеру.

А вот и примеры.

Гай Юлий Цезарь был великим полководцем, однако за свою первую войну в Испании (где он с количеством пленных мухлевал) триумфа так и не получил. Считается, что исключительно из-за политических интриг. Впрочем, вскоре он свое наверстал и принялся благодарить Юпитера Капитолийского достаточно регулярно. И каждый раз – вполне заслуженно по строгим римским обычаям. Но вот один случай вызвал у современников сомнения.

Цезарь разбил Фарнака, боспорского царя. «Пришел, увидел, победил» – сие именно про ту войну. Но до триумфа победа, так сказать, слегка не дотягивала: Фарнак был разбит, но не добит, он даже сохранил власть на Боспоре. А ведь боспорский царь был виновен в убийстве мирных римских граждан, подобное же Рим никогда не прощал. Формально Цезарь мог сослаться на то, что к моменту триумфа злодей Фарнак был уже мертв, однако лишил его власти и убил вовсе не Цезарь, а соперник, пытавшийся захватить престол Боспора. Гай Юлий все же триумф отпраздновал и Юпитера Капитолийского поблагодарил. Современники не стали спорить, а если и говорили, то тихо. И Юпитер стерпел – отмолчался и даже, как мы знаем, не возражал против дальнейших успехов Цезаря. Но вот притча! Через несколько лет история повторилась. Цезарь решил отпраздновать еще один триумф, но на этот раз не над внешними врагами, а над сыновьями своего уже

погибшего соперника (и родственника!) Гнея Помпея Великого, легендарного римского полководца. С точки зрения римлян подобное было откровенным кощунством, и говорили об этом уже открыто.

Цезарь с разговорами не посчитался и поблагодарил Юпитера за гибель собственных родственников. На этот раз Отец богов ответил: вскоре Цезарь был зарезан в стенах дома, выстроенного Помпеем-старшим. Умер он у подножия статуи того, чьих сыновей убил.

Будем считать все это совпадением?

А через много-много лет полный тезка Цезаря, император Гай Юлий Цезарь, более известный как Калигула, тоже решил отпраздновать триумф – на этот раз уж точно не по заслугам. Вскоре Гаю Юлию приснился сон, очень, признаться, неприятный: Юпитер Капитолийский в гневе сбрасывает его с небес на землю. Калигуле сон не понравился – и не зря. На следующий день тезка Цезаря был убит. Зарезали его при передаче пароля страже. Пароль же в тот день был... «Юпитер».

Можно посчитать и это совпадением, но в любом случае римляне с Юпитером Капитолийским старались не шутить. А значит, и с триумфами тоже. Положено – получай, если же нет – не пытайся. Хуже будет!

Марк Красс развесил на крестах вдоль Аппиевой дороги шесть тысяч пленных спартаковцев. Для убедительности, так сказать. Не веришь – иди, считай. Кстати, сосчитали – действительно шесть тысяч, для триумфа вполне хватит, даже с запасом. Вот уж поистине: взгляд, конечно очень варварский – но верный!

Марк Красс спас Рим от врага, равного Ганнибалу. Марк Красс предъявил нужное количество пленных. Марк Красс, победитель Спартака, триумфа не получил. Ему разрешили отпраздновать овации. Это тоже триумф, но, так сказать, очень маленький. Не на Капитолии, не на колеснице, венки на голове не лавровый, а миртовый, Юпитеру – не быка, а овцу. В общем, тоже «спасибо», но шепотом. Что за странность, а?

Авл Геллий, римский философ, комментирует все сие так:

«Основанием для овации, а не для триумфа были следующие обстоятельства: если война была объявлена не по правилу, или она была ведена не с настоящим врагом, или если имя врагов было низким и неподобающим, например имя рабов или морских разбойников, или если победа была получена вследствие внезапной сдачи врага...»

Плутарх уточняет:

«Красс и не пытался требовать большого триумфа за победу над рабами, но даже и пеший триумф, называемый овацией, который ему предоставили, был сочтен неуместным и унижающим достоинство этого почетного отличия».

Итак, война с рабами – позор, а за позор нечего Отца богов благодарить, по крайней мере в полный голос. Война-то была, так сказать, не по правилам, за такое триумф не полагается. Убедительно?

Было бы убедительно, но тот же Плутарх в ином месте простодушно рассказывает, что:

1. Гней Помпей воевал в Испании с Серторием. Тот считался изменником, предателем и мятежником, и все его сторонники считались таковыми. Помпей Сертория разбил и получил право на триумф. Чем мятежники и предатели лучше восставших гладиаторов?

2. Гней Помпей воевал с пиратами. И не просто воевал, но и позаботился о том, что его предшественник, тоже сражавшийся с этими капитанами Флинтами, триумфа не получил, хотя имел на это полное право. Плутарх такое полностью признает, а Помпея за интриги осуждает. Чем пираты лучше гладиаторов? Между прочим, среди морских разбойников беглых рабов было полным-полно.

А вот и еще один пример, на этот раз связанный с «чисто» рабской войной. На Сицилии началось очередное восстание рабов. Римский полководец Ацилий не просто подавил восстание, но и убил в поединке вождя восставших Афиниона. За это он получил редчайшую военную награду, полагающуюся именно за личную победу над вражеским предводителем. Это, конечно, не триумф, но почему-то раб Афинион считался достойным противником, а вот гладиатор Спартак – нет. А между тем Афинион не грозил Риму и не коллекционировал Орлов.

Может, все дело в том, что в Риме Красса не любили? Так не любили, что даже решились слегка поспорить с Юпитером Капитолийским? В конце концов это просвещенный I век до Р.Х., богов уже и боялись не так, как в старину, и чтили не этак...

Я бы поверил – если бы не одна деталь.

Авл Геллий:

«Венок при овации – малом триумфе – бывает из мирта; его надевали победоносные вожди, когда вступали в Рим с овацией... Вот Марк Красс, когда он по окончании войны с беглыми рабами возвратился в Рим с овацией, против обычая отверг миртовый венок и добился благодаря своему влиянию, чтобы было вынесено сенатское постановление: быть ему увенчанным лавром, а не миртом...»

Плиний Старший сие подтверждает: Красс, «празднуя победу над беглыми рабами и Спартаком, шел, увенчанный лавровым венком».

Итак, влияния Красса хватило на компромисс: овации, но с триумфальным венком на голове. Будь у него влияния чуток поболее, он и триумф бы себе выбил. Что значит, нужные связи иметь!

Могло так случиться? Нет, не могло!

Авлу Геллию неплохо было бы знать, что венок не для зрителей. Венок – для бога, для все того же Юпитера Капитолийского. Это – знак. Зри, мол, боже всемогущий, кто к Тебе на поклон идет! Кто – и зачем.

Переведем на современный язык. Кардинал Н. не был избран Папой Римским. Решили на конклаве, что деяния его слегка... ну, не того. Избран не был, но вот править службу в папской тиаре дозволение получил. Так и литургию отправлял – в папском прикиде. Представили картинку?

А если серьезно, овацию в лавровом венке можно расшифровывать так:

Юпитер Капитолийский, Отец богов! Мы благодарим Тебя за величайшую победу, которую Ты в милости Своей соизволил даровать Риму. Но благодарим Тебя не в полный голос, а шепотом, ибо БОИМСЯ. Не желаешь же Ты, Величайший, чтобы Твой город пострадал? А почему, Ты, боже, и сам веши!

Итак, римляне почему-то считали, что победа Марка Красса над Спартаксом ПРОГНЕВИЛА БОГОВ. Почему именно – вслух не объясняли. Тоже понятно: боги и сами знают, а лишний раз повторять такое не след. Нельзя – паника начнется.

Паника, кстати, тоже богиня. И довольно опасная.

Впрочем, кто надо – тот понял. Понял и в нелюбви своей к Марку Крассу утвердился. Более того, этот «кто надо» знал, что над Крассом тяготеет НЕЧТО – Рок, проклятие, злая судьба. И над ним, и над всеми, кто с ним связан.

55 год до Р.Х. Марк Красс вновь идет на войну, на этот раз против парфян. Казалось бы, обычное дело, только что Цезарь завоевал Галлию, в Риме военных на руках носят. Почему бы Марку Крассу парфян не разбить да в полон не взять? Но – нет, многие против, войны с парфянами не хотят и Красса отпускать на Восток не желают. Это еще как-то можно понять, ведь не все войну любят. Народный трибун Атей даже пытается запретить Крассу выезжать из Рима.

Поясню: народные трибуны в Риме могли запретить что угодно, говорят, даже восход Солнца. Должность у них была такая.

Итак, Красс идет на войну, а трибун Атей его не пускает. И не только не пускает, но и пытается арестовать. Однако трибунов несколько, а остальные Атея не поддерживают. В конце концов Красса не арестовали, и он добрался до городских ворот. И тут...

Плутарх:

«Атей же подбежал к городским воротам, поставил там пылающую жаровню и, когда Красс подошел, Атей, воскурив фимиам и совершая возлияния, начал изрекать страшные, приводящие в трепет заклятия и призывать, произнося их по именам, имена каких-то ужасных, неведомых богов».

Чувствуете, чем пахнет? Не только фимиамом!

И вновь поясню: это для грека Плутарха «неведомые боги» неведомы. А вот для римлян они очень даже ведомы, только не любили римляне с чужеземцами о своих богах сплетничать. То, что говорил и делал Атей, привело всех в ужас. Именно ВСЕХ. Плутарх так и пишет: Атей навел страх «на все государство». И ведь не зря. Прогневил богов Красс!

Иного объяснения по поводу несостоявшегося шествия на Капитолий я не нашел. Желаящие могут, конечно же, попытаться. Скажем, не нравилась физиономия Марка Красса двум сенаторам – вот и не хватило двух голосов для триумфа.

А все-таки неблагодарное оно, Отечество!

9. Цезарь, Спартак и Красс.

А вот Гай Юлий Цезарь...

А что Гай Юлий Цезарь? Гай Юлий Цезарь, извините, к Спартаксу никакого отношения не имеет.

Действительно вроде бы не имеет. Возьмите любую его биографию и можете убедиться. И это очень, очень странно. Цезарь и Спартак – современники, оба они – талантливые полководцы. Если уж с кем-то сравнивать военный талант Спартака, то, конечно, с Цезарем. Цезарь и Спартак находились на итальянском «сапоге» в одно и тоже время, ибо будущий римский диктатор в 73-72 годах до Р.Х. проживал в Риме.

Ну и что?

Цезарь был также участником Первого Триумvirата – вместе с Крассом и Помпеем. Цезарь был, как и они, предательски убит. Голову ему не отрезали, но тело чуть было не выбросили в реку Тибр, что для римлянина считалось величайшим позором. Все его потомки тоже умерли, не пережив отца. А убили Цезаря перед самым походом на Восток, где уже погибли Красс и Помпей.

И вновь: ну и что? Мало ли совпадений? Цезарь-то со Спартаксом не воевал!

Не воевал? Вспомним:

Гай Юлий Цезарь с юных ногтей рвался в верха, рвался последовательно, целеустремленно и умело. Правда, сначала удавалось это ему не очень. И должности, вроде, получал, и народ его любил, но вот, так сказать, прорыва не было. Цезарь, однако, не унывал. Он, человек очень умный, знал, что для этого требуется. Римляне любили генералов. Не гражданских генералов, а настоящих, боевых, чтобы с победами и триумфами. Справил триумф – и прямиком в консулы. А это уже, извините, президентская должность.

Цезарь хотел побед. Цезарь хотел триумфов. Цезарь хотел стать генералом.

Как известно, лучший способ стать генералом – получить лейтенантские погоны. Четверть века по гарнизонам, и вот уже генерал, всем на зависть.

В генералы Цезарь пробивался с юных лет. Но – не везло. Точнее, везло, но не слишком. Однажды он успешно сцепился с пиратами, а в начале очередной войны с понтийским царем Митридатом подвизался при штабе римского командующего Луция Лициния Лукулла. Но там что-то не сложилось, и Цезарь вернулся в Рим. Там повезло больше. В 73 году до Р.Х. Цезарь был избран военным трибуном. Военный трибун – это нечто совсем иное, чем упоминавшийся уже трибун народный. Военный трибун – военная магистратура, можно сказать, звание или должность. Не генеральская, но и не лейтенантская, а нечто среднее, вроде майора или подполковника. Трибун в принципе мог командовать легионом, но обычно трибуны были штабными офицерами. Если учесть, что Цезарю тогда стукнуло годков двадцать семь – двадцать восемь, то следует признать, что для лютого карьериста, каковым он считался и был, сие не очень много. Помпей, к примеру, в двадцать уже армией командовал. Так что Цезарю следовало поспешить. Погоны на плечах – вперед, Гай Юлий!

Цезарь спешил. Стать трибуном было не так и легко. Трибун – должность военная, но выборная. На выборах же Цезарь схлестнулся с неким Гаем Помпилием, которому тоже очень хотелось в генералы. Цезарь выборы выиграл и военным трибуном стал. Плутарх походя замечает, что это было «первое доказательство любви к нему народа».

А теперь поразмышляем.

На должность трибуна Цезарь избирался летом 73 года до Р.Х. Это – начало побед Спартака. В Риме избирательная компания проходит под грохот... Оговорился – не под грохот канонады, а, скажем, под топот калиг римских вояк, драпающих от мятежных гладиаторов. Что должен кричать на митингах своим избирателям молодой честолюбец, мысленно уже примеряющий погоны с зигзагами? Ясно что! Довоевались, мол, Метеллы-Лукуллы позорные! В Азии никак с Митридатом справиться не могут, сам видел, в Испании враг народа Серторий злобствует-зверствует, во Фракии варвары наших бьют, а теперь и родную Италию защитить никто не способен. А вот я! Да я! Да все римские столбы трофеями обвешаю, только голосните! А этот Гай Помпилий даже портянки легионерской не нюхал!..

Выборы есть выборы – даже когда речь на цicerоновской латыни произносишь.

Цезаря народ любил. Его избрали, путь в генералы был открыт. Что должен делать будущий генерал Цезарь? Будущий генерал Цезарь обязан немедленно проситься на войну, а иначе, извините, зачем погоны у народа выпрашивал? Еще раз напомним – выборы проходили летом 73 года до Р.Х., а вступил Цезарь в должность аккуратно в январе следующего 72 года до Р.Х., того самого, когда Спартак бил консульские армии и Орлов в палатке складировал.

В Азию, где римляне сражались с Митридатом, Цезарь не поехал. И в Испании его не было, и во Фракии. Военный трибун Цезарь остался в Италии. Неужели так и повоевал? Неужели в Риме отсиделся? Извините, не верю!

Однако верить или не верить – это одно, а факты – совсем другое. Нет фактов – не запомнили Гая Юлия на спартаковском фронте. Действительно, странно выходит. Ведь умным человеком Цезарь был. А раз умный, то должен был понимать простую вещь: не пойдя он на войну, карьера его тут бы и кончилась. Всю жизнь потом поминали бы, спрашивали: а чем ты, Цезарь, занимался, когда тебя в военные трибуны избрали? С кем сражался, а? Римские лупанарии от Спартака защищал?

Цезаря ни в чем таком не упрекали, его дальнейшая военная карьера шла блестяще. Когда требовалось, римляне доверяли ему армию. А то, что биографы ничего не записали, не запомнили...

А что тут собственно удивительного, что не запомнили?

72 год до Р.Х. – год позора римского оружия. Особых побед в войне со Спартаком Рим не одержал. И не особых тоже, за исключением разгрома отряда Крикса у Гаргана. Награждать было некого и не за что.

Впрочем, награждали. Плутарх в биографии Катона Младшего рассказывает:

«В начале войны с рабами, или войны со Спартаком, армией командовал Геллий. Катон участвовал в походе добровольно, ради своего брата Цепиона, который был военным трибуном. Война была неудачной, поэтому Катон не мог проявить по мере сил своего усердия и храбрости. Тем не менее при страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии, он высказал свою любовь к порядку, мужество, присутствие духа и ум во всех случаях... Геллий назначил ему награды различного рода и блестящие отличия, но Катон отказался от них, не пришел, сославшись на то, что не сделал ничего заслуживающего награды. За это он прослыл чудачком».

И такое, как видите, бывает. Как по мне, Катон, не меньший честолюбец и карьерист, чем Цезарь, поступил умно. Пришел бы за наградой, а потом всю жизнь объяснял бы за какие-такие подвиги орден (или венки) получил? За то что быстрее всех от Спартака убежал? Нет, лучше уж чудачком прослыть!

Цезарю награды не достались. Не за что было. Военный трибун – должность все-таки невеликая. Как отличиться, когда преторов и консулов бьют? Вот и молчат биографы. О чем рассказывать? Но и позора нет – воевал. Все воевали – и Цезарь воевал. А что подвигов не было, так какие подвиги на такой войне?

А вот сам Гай Юлий Спартаковскую войну помнил. И не только помнил – анализировал, выводы делал.

Цезарь:

«...Недавно в Италии, во время войны с рабами, – а ведь им помогли некоторого рода навык в военном деле и дисциплина, которую они усвоили от нас. Отсюда можно заключить, какое значение имеет твердость: ведь тех, кого вы в течение долгого времени безо всякого основания боялись невооруженными, тех впоследствии вы победили уже вооруженных и неоднократно одерживавших победы».

Как видим, Цезарь знал эту войну не понаслышке. Знал – и мог оценить и дисциплину спартаковцев, и их навыки в военном деле. Неужели с чужого голоса писал?

Впрочем, есть еще одно соображение, не менее серьезное. И зовется соображение это Марком Крассом – тем самым, что в лавровом венке вместо миртового овцу жертвенную резал. Цезарь и Красс дружили. Помпею Цезарь тоже был друг, но до поры, до времени. А вот с Крассом...

Нет, все немного не так. Дружба – понятие широкое. Следует уточнить: Цезаря и Красса что-то связывало, что-то очень серьезное. Связывало – или даже повязывало.

Вспомним.

Год 61 до Р.Х. Карьера Цезаря идет в гору. Он – претор, заместитель консулов. Следующий шаг – управление провинцией. Это очень хорошо, но Цезарю повезло еще больше – ему досталась не обычная провинция, а Испания, где воюют. Наместник провинции Цезарь готовится к командованию армией. Вот они, генеральские погоны! Вот она война, ЕГО война! Еще шажок...

Увы, не дают. Не пускают в Испанию. Не пускают по элементарнейшей причине – из-за денег, а еще точнее – из-за долгов. И должен Цезарь своим кредиторам не сколько-нибудь, а восемьсот тридцать талантов или даже побольше.

Желающие сами могут заглянуть в любую книгу по истории, дабы прикинуть размер суммы.

Итак, кредиторы Цезаря на войну не пускают. Плутарх уточняет: не пускают с криком. И не просто кричат, а дом осаждают. Что же делает Цезарь? А Цезарь идет к Марку Крассу и просит денег. Тот деньги дает, и Цезарь платит самым крикливым из осаждающих, дабы отступились. Но Красс не просто дает деньги. Он дает поручительство на оставшуюся сумму – на эти самые восемьсот тридцать талантов.

Оценили?

Красс и Цезарь – не родственники. Друзья? Если и друзья, то, так сказать, политические. Красс старше Цезаря лет на пятнадцать, при такой разнице личная дружба складывается редко, а в остальных случаях рисковать подобными деньгами – с какой стати? Между тем Красс деньги ценил, Красс над деньгами дрожал. Плюшкиным и Скупым Рыцарем не был, но блестящие кругляши любил трепетно. Так трепетно, что именно за это добрые римляне его терпеть не могли. А тут такую уймищу денег на кон ставить!

Плутарх поясняет, что Цезарь был нужен Крассу для борьбы против Помпея. Эту мысль греческого историка повторяют все биографы Цезаря. Я ее тоже повторил, хотя и весьма усомнился. И в самом деле! С чего это Красс, человек неглупый, решил, что Цезарь станет помогать ему в борьбе с собственным другом? И не просто другом! Помпей считался тогда в Риме чем-то вроде маршала Жукова. Цезарь пока даже не генерал, дружба с Помпеем для него – клад. Да и не стал в дальнейшем Цезарь помогать Крассу душить Помпея. Напротив, помирил, чуть ли не друзьями сделал, вместе они образовали Первый Триумвират и стали править Римом.

Поэтому уточним: Цезарь был Крассу нужен для того, чтобы как-то решить вопрос с Помпеем. Вот это чистая правда. Только не Красс с повозкой денег к дому Цезаря подкатил, кредиторов распугивая, это Цезарь к нему пришел. Пришел – и денег попросил. Значит, не так уж нужен был Цезарь Крассу для охоты на Гнея Помпея, не его это инициатива. Вот когда Цезарь в дверь постучал, Красс и призадумался. Так что версия Плутарха слегка провисает. Более того! Это мы знаем (и Плутарх знал), что из Испании Цезарь вернется не только победителем, но и супербогачом. А тогда догадаться о таком было нелегко – армией Цезарь еще не командовал, состояние свое растратил, можно сказать, по ветру пустил. В общем, поручился Красс за Цезаря не только из расчета.

Так и мелькнет мыслишка: а не было ли у Цезаря на Красса КОМПРОМАТА? Да не обычного, а чтобы на восемьсот тридцать талантов? Однако не будем спешить. Дело в том, что и Цезарь тоже помогал Крассу, и тоже не только из расчета.

И снова вспомним.

Год 55 до Р.Х. Красс собирается на свою последнюю войну, ту самую, с парфянами. Он консул, глава государства, один из трех триумвиров. Тут уж какая дружба! Для Цезаря он конкурент – как и Помпей. В горло еще никто не вцепляется, но поглядывают триумвиры друга на друга искоса. Однако главный конкурент для Цезаря не Красс, а Помпей по той простой причине, что у него своя армия есть, и у Цезаря есть, а у Красса нет. Пока еще нет, но скоро будет, для того он и на парфян идет. Так в интересах ли Цезаря множить конкурентов? А победы Красс в войне, завоюй Месопотамию, легче Цезарю стало бы?

А между тем Цезарь Крассу помогает. И не просто советом (это все мы любим!), но и своим влиянием в Риме – способствует получить под командование войско. Это еще объяснимо, триумвиры друг другу обязаны, ты – мне, я – тебе... Но Цезарь посылает Крассу СВОИ войска. Причем лучшие!

Цезарь – великий полководец. На Востоке он воевал недолго, но знает, что у римлян сила в пехоте, а у парфян, на которых Красс ополчился, в коннице. Хорошей конницы у римлян мало, и Цезарь отправляет Крассу свою галльскую кавалерию. Плутарх подчеркивает, что не Красс попросил помощи, Цезарь САМ решил помочь.

Если коротко: Цезарь пытается сделать все, чтобы Красс выиграл войну, завоевал для Рима (и для себя) богатейшие провинции и увеличил свое влияние в государстве – в ущерб самому Цезарю. Неужели они и в самом деле такие друзья? Ясно одно – их что-то связывает, что-то очень серьезное. А если связывает, то где и когда связало? Вновь подчеркну – они не родственники и не друзья детства. Совместная политическая карьера не в счет, политики куда легче становятся врагами, а не друзьями. Гней Помпей Цезарю не просто друг – родственник, а он на Помпея уже втихаря нож вострит.

Итак, где могли сойтись Красс и Цезарь? Да так, чтобы на всю жизнь? Сходятся, как известно, на войне, сходятся в экспедициях, на каторге, в кругосветном плавании, то есть там, где людям приходится существовать бок о бок, плечом к плечу, где приходится по-настоящему ВЫРУЧАТЬ друг друга. Иногда выручать, а иногда вместе же ВЛИПАТЬ во что-то. В экспедиции, на каторге и на кораблях Магеллана Красс и Цезарь не были. А вот на войне...

Единственная война, где Красс и Цезарь могли сражаться ВМЕСТЕ, была война со Спартаксом.

Итак, Гай Юлий Цезарь на спартаковской войне скорее всего был, и воевал он в армии Марка Лициния Красса. Более того, на этой войне произошло нечто, связавшее этих очень разных по возрасту и характеру людей на всю жизнь. Только вот что именно? Если бы Цезарь закрыл собой Красса от гладиаторского копья, о таком бы точно написали. Соверши он иной подвиг, биографы обязательно бы этот подвиг в книжку вставили.

Цезарь подвигов не совершал, по крайней мере на поле боя. Посоветовать Крассу что-то дельное на том же поле боя также способен не был – молод, ни одной войны еще не прошел. Кроме того, о таком тоже бы написали, не забыли. Влипнуть вместе в какую-то передрагу, дабы замараться на всю жизнь, они тоже не могли: Красс – командующий, он на виду, Цезарь – обычный офицер.

А если все это случилось не на поле боя? Если тайно? Если Цезарь присоветовал Крассу нечто этакое? Или помог в чем-то этакое? Или они вместе этакое совершили? Но что мог молодой неопытный военный трибун Цезарь? Что такого знал, что умел делать? Речи говорить? Этому и вправду был обучен, так ведь речь не тайно удержишь, а перед народом. Что еще? Писал на хорошей латыни, и Красс его на тайной переписке держал? Только какие страшные тайны-компроматы могли оказаться в военных документах – да такие, чтобы и через десять, и через двадцать лет не протухли? А личные письма Красс и сам писать умел.

Вот уж, как говорится, истина где-то рядом!

10. Предварительные итоги или Отечество Многоспасаемое.

Бледный призрак Цезаря заставил меня остановиться.

Оглянуться.

Оглянуться – и сделать вывод, что лично я ничего не понял. Целей Спартака мы не знаем и с налета распознать не можем, а значит оценить Марксово похлопывание по плечу не в силах. И в самом деле! Три года по Италии катилась война не хуже Ганнибаловой, римские Орлы шли на **сувениры** – и ради чего? Рабов Спартак освобождать не собирался, родную Фракию спасать – тоже... Более того, вокруг спартаковской войны прямо-таки клубятся тайны. Куда ни ткнешь – тайна. И все эти тайны не мелкие, не поверхностные. Что-то там есть, в неведомой глубине.

Значит, будем разбираться по порядку. Не спеша. А для округления проблем еще одна загадка, даже не загадка, а, так сказать, наблюдение. Тут и Плутархи с Аппианами не потребуются, достаточно открыть школьный учебник. Но сначала две цитаты:

«Не бывает спасительных поражений, зато бывают роковые победы»

(Морис Дрюон).

«Горе! Горе Отечеству, которое все время приходится спасать!»

(Жермена де Сталь).

В точности цитаты из мадам де Сталь не уверен, ибо позаимствовал оные слова из вторых рук. Но что-то похожее дочка Неккера явно говорила. К чему это я? А к тому, что победа над Спартаксом едва не стала для Рима роковой. Она как бы провела черту, за которой началось сплошное спасение Отечества. И до спартаковского восстания Рим переживал не лучшие времена, но после того, как шесть тысяч рабов повисли на крестах вдоль Аппиевой дороги, в римской истории начала обнаруживаться пугающая закономерность. Суть ее можно сформулировать просто: хотели как лучше, а получилось... Нет, нет, не как всегда – хуже! Получилось с точностью наоборот, с обратным знаком. Можно сказать и поэтичнее: благие намерения выстлали Риму дорогу в Ад.

Объясню подробнее. Неприятностей Риму и так хватало, но прежние были попроще, какие-то линейные. Вот, например, Югурта, воевавший с Римом с помощью подкупа римской же верхушки. Тут все ясно: хитрый враг. Или вот Митридат, перерезавший за один день под сто тысяч римских граждан. И тут ясно: враг, причем жестокий и кровожадный. Кимры с тевтонами перебили римскую армию. Тоже понятно: за тем и шли. А вот сразу же за Спартаковской войной начинается та самая дорога в Ад, по которой римское государство начало продвигаться семимильными (римская миля – 4 км, оцените!) шагами.

Между тем, именно к моменту разгрома Спартака и даже чуть позже начинало казаться, что все римские неприятности постепенно остаются позади и дела идут на поправку.

Перечислим главное:

1. Сулла железной рукой ликвидировал последствия нескольких гражданских войн и навел в стране относительный порядок. Что ни говори, а диктатура лучше, чем повальная резня.

2. После того, как Сулла сам (сам!) отказался от власти, началась постепенная либерализация режима. Знакомо, правда? Например, был посмертно реабилитирован враг Суллы великий римский полководец Гай Марий. Этого, кстати, добился его родственник Гай Юлий Цезарь.

3. Был подавлен мятеж Сертория в Испании.

4. Был разбит Спартак.

5. Несколькоими годами позже Помпей разнес вдребезги пиратские эскадры во всем Средиземноморье. На какое-то время плавать стало безопасно. Цены на хлеб и иные нужные продукты тут же упали.

6. В Риме Марк Туллий Цицерон раскрыл и подавил опаснейший **заговор** Катилины.

7. И, наконец, все тот же Помпей довел до конца Третью Митридатову войну. Митридат, враг Рима, был лишен власти и убит, разгромлена Великая Армения, пределы Римской Республики расширились до Сина и Евфрата.

Впечатляет? Можно добавить и еще одно, тоже немаловажное. Выросло поколение политиков-центристов, которые при всех своих различиях стремились действовать в рамках закона. Не мятежники вроде Гай Гракха и Сатурнина и не диктаторы вроде Мария и Суллы – по крайней мере, тогда так вполне могло показаться. За примерами ходить далеко не надо, возьмем все тот же год (61 до Р.Х.), когда Цезарь готовился примерить генеральские погоны и отправиться в Испанию. Как выглядели в глазах добрых римлян уже известные нам персонажи?

Помпей – великий полководец и одновременно очень умеренный политик, относящийся к диктатуре с явным отвращением.

Красс – политический неудачник, но тоже очень умеренный. Желает закрепиться на самом верху, но только в рамках римских законов.

Цезарь – уже не очень молодой честолюбец, чуть-чуть неудачник, зато любимец народа. Также против крайностей. В молодости сам пострадал от репрессий, а посему всячески их противник.

Цицерон – Спаситель Отечества. Также пострадал, был даже изгнан, но, вернувшись, никому не стал мстить. На верности законам и обычаям прямо-таки помешан.

Катон Младший – это уже явный параноик, но с все тем же уклоном. Любит законы и ненавидит политическое насилие. Честен, взятки и незаслуженных наград получать не желает.

Чем плохи державные мужи?

И кто же знал, кто предвидеть мог, что все они (кроме убитого на войне Красса) станут активнейшими участниками очередной гражданской войны, ВСЕ погибнут насильственной смертью – и все одновременно подведут Рим к краю гибели.

А теперь о дороге в Ад и ее вымостке. Повторюсь: ужас в том, что все в каждом случае начиналось именно с благих намерений. Действительно благих. Примеров тьма, берем первые попавшиеся.

– Красс и Помпей поссорились, не поделив славы победителей Спартака и, стало быть, Спасителей Отечества. Помпей, желая помириться, всячески помогает Крассу стать консулом. Во время совместного консульства Красс и Помпей разругались уже окончательно. Можно сказать, смертно.

– Цицерон раскрыл заговор Катилины и спас Отечество. В результате были спровоцированы новые политические разборки, причем невиданной силы и мерзости. Сам Цицерон был изгнан, а дом его разобрали по камешку – чтобы знал, как Отечество спасать.

– Помпей раздвинул римские границы на Востоке – и наткнулся на Парфянскую державу. Парфяне оценили ситуацию и принялись вслед за Спартаком коллекционировать римских Орлов.

– Цезарь и Помпей стали друзьями, Цезарь выдал свою дочь за Помпея и тот ее очень любил. Цезарь и Помпей вместе сделали очень много полезного для государства и хотели сделать еще больше. Итогом стала очередная гражданская война, страну разорвали на части, а голову Помпея прислали Цезарю.

– Цезарь Отечество спас, порядок навел, но, не желая проливать кровь, простил почти всех уцелевших врагов. Именно эти уцелевшие-прощенные Цезаря зарезали и начали новую гражданскую войну.

– Цезарь простил и приблизил Марка Брута, относился к нему, как к сыну (по слухам тот и был его незаконным сыном), хотел сделать его своим преемником. Марк Брут стал во главе заговорщиков, убивших Цезаря.

– Брут и его поделщики убили Цезаря, чтобы спасти Отечество от диктатуры. В результате началась гражданская война, и в диктаторы стали рваться несколько личностей, значительно более неприятных, чем Цезарь.

– Марк Антоний, один из генералов покойного Цезаря, считался самым опасным претендентом на диктаторы. Цицерон и прочие умеренные, пытаясь спасти Отечество, противопоставили ему Гая Октавия (будущего императора Августа). Гай Октавий Антония разбил, но тут же с ним помирился и устроил в Риме резню, каких еще не бывало. Цицерону отрубили голову, руку тоже отрубили.

Достаточно?

Не знаю, как кому, а мне чудится за этим какой-то Рок. Ведь все, о чем говорилось выше, делалось не ради наживы и славы. Хотели, как лучше! Хотели, чтобы людям хорошо стало! Отечество спасали!

...Кстати, можно посчитать, сколько раз.

И не просто Рок. Впечатление такое, что римлян за что-то наказывают, за что-то карают. Более того, римляне явно догадываются, за что именно, пытаются что-то изменить, но без малейшего успеха. Вот и начинается перманентное спасение Отечества с заранее известным результатом.

Отечество не спасли – Ад был уже на пороге. Рим не погиб, но был от гибели буквально на волосок.

Я вовсе не утверждаю и не пытаюсь утверждать, что все это случилось ВСЛЕДСТВИЕ восстания Спартака. Спартакосская война и без того наделала бед: Италия была разорена, перепуганные римляне стали терпимее относиться к идее диктатуры, ослабла государственная власть... Все это верно, как и многое другое. Я об ином – создается впечатление, что именно ПОСЛЕ победы над Спартаком для Рима начинаются годы (где-то лет сорок), которые римляне, имея они такую возможность, с удовольствием выкинули бы из своей истории. Был бы я народным трибуном, я бы эти годы точно вычеркнул!

Дело не в ужасе и крови – и того, и другого в истории всегда хватало. Дело в какой-то особой, запредельной мерзости и одновременно НЕЛОГИЧНОСТИ всего, тогда случившегося. Слово бы не только Марк Красс, но вся римская держава чем-то провинилась перед своими небесными покровителями, да так провинилась, что впору выбегать к воротам с жаровней и начать призывать неведомых греку Плутарху богов. Так ведь все равно не поможет!

Вывод: после разгрома Спартака в течение сорока лет на каждой развилке римская история идет по ХУДШЕМУ из возможных направлений вопреки всякой теории вероятности. А ведь так не бывает, не должно быть. Конечно, «после» не всегда означает «вследствие», но ведь есть еще и принцип Оккама. Зачем нам плодить лишние сущности без необходимости? Рассмотрим сначала простейший вариант, а уж ежели не поможет, тогда и на иное взгляд кинем.

Но если действительно и «после» и «вследствие», то почему?!

Любители альтернативной истории, к вам обращаюсь я, друзья мои! Поясните, как сие понимать? Рок – категория внешне неопределенная, но если приглядеться, весьма конкретная. Рок всегда (или почти всегда) имеет фамилию, имя, отчество и агентурную кличку – надо только как следует поискать. Беда в том, что причина может оказаться очень маленькой, незаметной – вроде того знаменитого гвоздя, которого в кузнице не оказалось. Возможно, дело не в самом спартакосском восстании, не в опустошенной Италии, не в разбитых консульских легионах и опозоренных Орлах. Что-то могло произойти где-то поблизости, рядом, в полной тишине. Скажем, какой-то конкретный человек сделал что-то не так. Или так, да не вовремя. Или, наоборот, не сделал. Или это вообще не человек...

Нет, я не про инопланетян. Я, честно говоря, скорее в Юпитера Капитолийского поверю, чем в них. Но боги – богами, демоны – демонами, а все (или почти все) мерзости люди сами с собой творят. Творят – и заодно Историю вперед толкают. Беда в том, что мы не знаем точно, ЧТО ИМЕННО Историей движет, и не только вообще, но и в данном конкретном случае. Иногда тот самый гвоздь, которого в кузнице не оказалось, на самой поверхности лежит, поблескивает нагло, иногда же его в самый омут уронили. Вот мы в этот омут с вами и нырнем.

А поможет нам то, что всякое событие оставляет След – как с невезучим Марком Крассом вышло. Что именно он совершил (или не совершил) мы не знаем, но След заметить можем, до самой его страшной смерти След этот тянется. И со всеми другими так, и со Спартаком тоже, и со всей римской державой. А нащупаем След, пройдем по нему в обе стороны, там, глядишь, и...

Дорога в тысячу ли, как любят повторять китайцы, начинается с первого шага. Его мы уже сделали.

Вперед? Вперед!

11. Про генеральские цифры.

А не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратную повесть о походе Спартака, Спартака-гладиатора? Начаться же этой песне по былям древнеримского времени, а не по обычаю Джованьолеву. Ведь Джованьоли Вещий, если про кого хотел роман писать, то растекался мыслью по древу...

Стоп, стоп, стоп, не годится! Этак вы, дорогой читатель, решите, что я Джованьоли-Бояна критикую. А между тем, Джованьоли-Боян, прежде чем своего «Спартак» ваять, всех этих Плутархов с Аппианами и прочих Орозиев не просто перечитал – назубок выучил. Он, Джованьоли, с лучшими тогдашними историками совет держал. И ляпов исторических, кои наши критики так искать любят, в его «Спартаке» куда меньше, чем во многих современных книжках, что в ярких обложках издаются. Так что начнем иначе, не так эпично.

Истина, увы, не где-то рядом. До истины две тысячи лет с хвостиком. Возьмите, дорогой читатель, эти две тысячи лет, к ним еще семь десятков приплюсуйте да разделите-ка на свой возраст. Это сколько же ваших жизней получится? Впечатляет?

Меня тоже впечатляет. Так откуда нам знать, чего тогда, почти двадцать один век назад, со Спартаком случилось? Уэллсову Машину Времени пока еще не изобрели. А даже если изобрели, нам попользоваться не дадут. Секретная она пока, в тайной лаборатории хранится.

Грамотный читатель ответ уже знает. Он, грамотный читатель, наслышан, что изучать античность следует по всем этим Плутархам с Аппианами. И не только по ним, есть еще и древности, что прямо под ногами валяются. В буквальном смысле. Вывернул киркой из-под земли древнеримский меч – изучай: длина лезвия такая, ширина этакая, сталь отвратительная. А шлем легионерский вообще на двух заклепках держался...

Ну, шлем-то ладно. А кто нам с вами, уважаемый читатель, поручится, что все эти Флоры с Цицеронами правду сказали? А вдруг решили они Спартака оклеветать? Как это в наши дни делается, всем ведомо. Правильно! Их сравнивать полагается. Вот, скажем, написал Плутарх, что Спартак был фракийцем. И Аппиан написал. Стало быть, свидетельские показания совпадают, можно верить. Так?

Так да не совсем так. А вдруг оба они, и Плутарх, и Аппиан, с одной и той же книги списывали? А там ошибка – или автор, нам неведомый, с умыслом солгал. Итак, проблема. Чему верить, чему не верить? Сюда бы и вправду Машину Времени...

Впрочем, обойдемся без нее. Просто поразмышляем.

Часто ли древние авторы неправду пишут? Скажу сразу – не чаще и не реже авторов современных. И ошибаются столь же часто. Вот, например, Аппиан сообщает, что в Брундизий прибыло войско Луция Лукулла, что перед этим Фракию разорило. Да только мы знаем (о том все прочие дружно пишут), что это было войско не Луция Лукулла, а брата его Марка. Луций Лициний Лукулл в это время Митридата Понтийского в хвост и гриву лупил. Ошибся Аппиан, лишний раз не перепроверил, папирусами не пошелестел.

Это, дорогой читатель, просто ляп. И ляпов подобных немало, но ничего страшного, такое всегда перепроверить можно. А вот если автор решил НАРОЧНО неправду написать?

И это возможно. Скажем, любит автор Рим, а восставших гладиаторов не любит. Дело известное, у нас отважные разведчики, а у них – мерзкие шпионы. Как проверить? А проверять надо так. Каждый раз, когда перечитываешь, вопрос ставь: МОГ ли этот древний солгать? Имел ли возможность такую? Ведь не для нас он писал – для современников. А это сложнее. Солжет, а они его за язык – хватя! Зачем, мол, хороших людей обманываешь?

А вот и пример.

Марк Туллий Цицерон, как мы помним, про Сицилию рассказывает, про то, что не высаживались спартаковцы на острове. И не могли, потому как флота у них не было. Как нам великого златоуста перепроверить? Да очень просто. Где Цицерон все это рассказывал? Рассказывал он на суде над Верресом, что был в этой самой Сицилии наместником. Когда? Да почти сразу после гибели Спартака. Перед кем? Перед самим Верресом, перед адвокатом и судьями. Мог ли он в этом случае неправду сказать?

НЕ МОГ!

Не мог, потому что Спартак все еще призраком за спинами этих судей стоял. Потому что вскочил бы Веррес, неправду почуяв, и свидетелей свистнул – тех, что высадку спартаковцев наблюдали. А свидетели все как есть бы обсказали: и на каких кораблях спартаковцы приплыли, и где свои костры жгли, и как стража прибрежная от спартаковского десанта драпала.

Значит, можно верить Марку Туллию. Не высаживался Спартак на Сицилии. И флота у него, Спартака, не было.

Так и со всеми прочими. В общем, не так и безнадежно, если подумать. Вопросы же следует разные ставить. Сообщает нечто тот же Плутарх, а мы и думаем: мог он это ЗНАТЬ – или не мог? Пишет сей грек-биограф, к примеру, что врага Рима Югурту бросили в темницу от голода умирать. Держался Югурта смело, с вызовом даже, но, добавляет автор, в душе он, Югурта, полон страха был.

Может, и был. Но откуда это Плутарху знать-то? Ему ведь Югурта не исповедовался. И никому не исповедовался, в одиночестве умирал. Значит, фиксируем: домысел. Не любил автор Югурту, вот и решил от себя про страх в душе добавить.

Есть домысел, а есть и честное НЕЗНАНИЕ. Многие про Спартака писали не по горячим следам, а через век, а то и через два. И через три писали. За эти же века много чего изменилось, потому и появлялось в рассказе о Спартаке то, чего в его время и быть не могло. Толпы рабов-германцев, скажем. Во времена Плутарха и Аппиана рабы из Германии были в Риме на каждом шагу, а во времена Спартака – не на каждом. Плутарху с Аппианом бы задуматься, а нет – не задумались. И книжки исторические лишний раз не перелистали.

А кроме незнания есть еще НЕПОНИМАНИЕ. Тот же Плутарх – автор честный, однако не римлянин – грек. Прожил почти все свои годы в родной Элладе, Рим же по книжкам изучал, а латынь по учебнику штудировал. Римская душа для него – потемки. Чего снаружи – видит, а что внутри – домысливает. Но чисто по-гречески. Когда про политику, еще ладно, а вот если про обычаи да про богов римских, тут и ошибиться можно.

А бывает еще УМОЛЧАНИЕ. С этим куда сложнее. Вроде бы и не ложь – но и не правда.

Пример.

Император Август (он же Гай Октавий, он же Гай Юлий Цезарь Младший), тот, с чьего согласия Цицерону голову отрубили, написал про себя, хорошего, мемуар потомкам на память. «Деяния Божественного Августа» сей мемуар называется. Прямо лгать в мемуаре Божественный не мог, потому как свидетели были еще живы. А вот не прямо – пытался. Сообщает он, допустим: «По моему приказу и под моим верховным командованием почти в одно и то же время два войска были двинуты на Эфиопию и Аравию». А дальше про то, до каких пределов эти войска дошли. Правда? Чистая правда, только вот не говорит Божественный, что оба войска там и легли костями – до последнего человека. А считаешь, не подумав, и решишь, что Август еще одну победу над супостатами одержал.

И со Спартаксом такое же видим. Как Спартакса разбили, пишут подробно, а как он римлян бил – чуть-чуть. И слова подбирают тщательно. Вот Тит Ливий сообщает: «Консул Гней Лентул неудачно сразился со Спартаксом». Что подумать можно? Посражались чуток, не вышло у консула, отвел он свои войска в полном порядке и к новой битве готовиться стал.

А как же пять Орлов? А как же консульский лагерь, Спартаксом захваченный? А связки ликторские с топорами? Но и не поспоришь. «Неудачно сразился» – вроде бы и не ложь.

Итак, о своих поражениях поменьше, о вражеских – побольше. О своих – стыдливо, глаза опустив, а вот о вражеских – в полный голос, до хрипа в горле.

Запомним и это.

А вот чему верить нельзя совсем, так это военным сводкам, а в особенности ЦИФРАМ из этих сводок. Лгут! А точнее, врут – беззастенчиво, безбожно, тут даже Юпитер Капитолийский не поможет. Это у военных, похоже, генетическое. И пусть товарищи военные на меня не обижаются, ни древнеримские, ни современные.

Врут!

Может, товарищи военные в этом не очень и виноваты. Точнее, не всегда. Вражеское войско, что на тебя плотным валом прет, вдвое большим, чем есть, кажется. А когда это войско тебя по пятам преследует с криками да с завыванием, когда над твоими ушами стрелы жужжат-посвистывают, то уже не вдвое – вчетверо. И пишешь ты донесение в Сенат, что победить ну никак нельзя было, потому как десять к одному, тут бы и Сципион Африканский вместе с братом своим Сципионом Азиатским не выстояли.

Это понять можно. И простить можно. Но вот верить ни к чему.

Но чаще врут с умыслом. При поражении врут, чтобы ругали меньше. Пишет, скажем, Аппиан, что в войске Спартакса, когда тот претора Вариния лупил, семьдесят тысяч было. Откуда Аппиану это знать? Понятное дело – из военных сводок. А в сводки цифра как попала? Кто среди спартаксовцев перепись в эти дни проводил? Или перед битвой Спартакс с Варинием провиантскими ведомостями обменивались?

Но это при поражении. А уж если повезет врага разбить!..

Одержал я, скажем, победу. Вот оно поле, трупами вражескими заваленное, вот пленные, вот и знамена супостатов. Да только знамен всего два, причем одно не военное, а просто вымпел переходящий, что лучшему кашевару вручается. И пленных с сотню. Убитые, правда, по всему полю лежат, но только поле невеликое... А так триумфа хочется! Чтобы на колеснице, чтобы лицо – красной краской, чтобы венок лавровый!

Что я делаю? Правильно! Вымпел переходящий «Лучшему кашевару» главным вражеским штандартом объявляю. Не будет же супостат опровержение в Сенат по почте направлять! С пленными тоже просто: посылается отряд округу зачищать и грабить. И тащит этот отряд всех встреченных мужчин призывного возраста. И непризывного – тоже. Оковы на руки, ошейники под горло – и вот уже не сотня пленных, а целых пять тысяч.

У Цезаря в Испании почти получилось.

Ну, а с убиенными – еще проще. Считаю от души, хоть одного за три, хоть одного за десять. Ведь не будут же тебя твои офицеры опровергать! И рядовые не будут, им тоже честь. Уложили они врагов под сотню тысяч, а то и под двести. Или даже больше.

Сейчас врать труднее, потому как журналисты с телевидением присутствуют. Но все равно врут. Если по военным сводкам убитых чеченских боевиков пересчитать, то выйдет аккуратно все население Чечни. И ничего, пишут. Пишут – и триумфы справляют. А журналюг наглых можно в шею погнуть – или даже хуже чего.

Власть же подобные сводки не опровергает. Ей, власти, перед народом ответ держать. А вот вам ответ: воюем, значит, истребляем врагов отчизны толпищами!

Во времена Спартакса журналистов не было, первая газета римская только при Цезаре появилась. Так что пиши – врагов круши, проверять не станут.

А свои потери можно и спрятать, стыдливо этак. Власть тоже спорить не будет по причинам более чем понятным. К чему народ огорчать, к чему упреки выслушивать, что, мол, воюете три к одному, людей не жалеете? Так что между генералами и властью в этом деле сговор. На все времена.

...Помню как-то в самом начале «перестройки» случилась по телевизору передача. Тогда уже языки развязываться начали, вот и спрашивает журналист орденосного генерала, из тех, что Арбат от душманов защищал, каковы, мол, наши потери в Афганистане? А генералище орденами-медалями своими потрянул и отвечает этак с чувством: «Да разве это важно?» И в самом деле! Разве важно, сколько наших мальчиков по перевалам да пустыням легло?

И не думайте, дорогой читатель, что такое при полной демократии-гласности невозможно. Еще как возможно! Вот бомбит, к примеру, демократическая Америка Югославию. Бомбит, обстреливает – а в сводках все красиво, все вояки штатовские живы, все здоровы. Да только журналисты пронирыльные раскопали иное. Гибли вояки! Гибли, да только их в иные сводки записывали. Сгорел вертолет над Югославией, а его в разбившиеся по случайности где-нибудь над Оклахомой оформляют. Мол, в трудных погодных условиях... Журналисты раскопали, но генералы не признаются. И власть не признается. И признаваться не будет.

Римские генералы были, поверьте, ничем не лучше. Этому поверьте, а цифрам их генеральским – нет. Вот некий писатель тоже одну давнюю войну изучал, так он предложил все такие цифры сразу на десять делить. Может, и вправду?

Так что цифры на веру брать не будем. И многое другое – тоже не будем. Я про меч стали скверной да про шлем с двумя заклепками, что кирка археологическая на свет божий вывернула, не зря помянул. Римские генералы мне про тьмы-тьмущие спартаковцев, а я пальцем шлем ковырну, заклепки еще раз изучу... Авось, и сообразу чего.

Так что пристало нам, братья, начать старыми словами ратную повесть о походе Спартака, Спартака-гладиатора. Начаться же этой песне не по байкам древнеримского времени, а не по сводкам лживым-обманным, но по обычаю Джованьолеву. Ведь Джованьоли Вещий, если про кого хотел роман писать, то не растекался мыслию по древу, а байки все проверял, байкам не верил, все истину искал...

И мы искать станем.

12. Зловещие мертвецы.

Итак...

В некотором царстве, в Римском государстве, в городе Капуя жил да был ланиста Гней Лентул Батиат. И была у этого Батиата гладиаторская школа. Жил Батиат, поживал, добро наживал, да только вот беда случилась – восстали злые гладиаторы, и тут такое началось!..

Годится для начала? Нет, не годится. Не годится, потому как сразу много вопросов возникает. Капуя – это где? Гладиаторская школа – это как? Вроде нашей средней образовательной или больше на ДЮСШ похоже? А гладиаторы – это кто?

С Капуей проще всего. Город, не очень большой, но и не слишком маленький (по римским, понятно, масштабам). Находился он как раз между Римом и нынешним Неаполем в области Кампания. Легко запомнить – по песне мексиканской. Помните? «Ай-яй-яй, кампанья-я-я!» Впрочем, «ай-яй-яй» – явно лишнее. Благоприятнейшее место, эта Кампания. Тепло, пинии с кипарисами, от близкого моря ветерок веет. Там бы и жил, ежели бы пустили!

С гладиаторами вроде бы тоже все понятно. Если же непонятно, можно и роман Джованьоли перелистать, а еще лучше голливудовский фильм посмотреть – тот, который «Гладиатор». Недаром ему мешок «Оскар» отвалили.

Фильм посмотреть можно, а вот понять из него, кто такие гладиаторы – нет. И даже из романа Джованьоли – тоже нет. И даже из грека Плутарха, человека неримской цивилизации – нет.

Почему нет?

А попробуйте-ка понять, фильм поглядев и книгу перелистав, отчего в Риме гладиаторов презирали. Напомню: «Когда рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями, первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения...»

Гладиаторы почтения не заслуживают, более того, их презирают. И не просто презирают. Скажем, освобожденный гладиатор, вольным стал, вольным умер, но его на обычном кладбище хоронить запрещают. А лет через сто после Спартака император Нерон, желая над сенаторами и всадниками поглумиться, на арену их вытаскивал, дабы мечами помахали. Так многие предпочитали на месте умереть, но на арену не выйти. Потому как выйти – и себя, и потомков опозорить. На веки веков, так сказать.

С внешней стороны, как уже сказано было, гладиаторы более всего походили на нынешних бойцов на ринге и татами. Так же публика собиралась, так же ставки делали. И орали столь же громко. А чемпионы-гладиаторы были не менее популярны, чем победители на турнирах каратэ и ушу. Презирать-то за что?

На это ответить могут: потому что рабы. А вот и нет! К рабам относились по всякому, иногда и на крест отправляли, но презирать лишь за то, что рабы – не презирали. Могли относиться очень плохо, но могли и очень хорошо. Почитайте-ка письма Цицерона или, скажем, Плиния Младшего. Как они о своих домашних рабах пишут? Прямо как о членах семьи, не иначе. Умершим рабам хозяева порой памятники ставили, а на тех памятниках скорбь свою латинскими буквами обозначали.

Кроме того, среди гладиаторов были и свободные. Вот этих свободных на обычных кладбищах и запрещали хоронить.

И в самом деле! Я жду гладиаторских боев как праздника. Прихожу, ставку на своего любимца делаю, ору как оглашенный, с ума схожу, деньги выигрываю, любимца своего после боя обедом кормлю из семи блюд... И презираю! Интересно, правда?

Может, потому что на арене дрались? На потеху публике? Так актеры тоже на потеху добрым римлянам Плавта играли – и ничего, не презирали их, лицедеи.

Тайна? Страшная тайна, покрытая мраком? Нет, дорогой читатель, не тайна. Хотя действительно страшная и действительно покрытая мраком.

Могильным.

А все очень, очень просто. Беда в том, что русское слово «презирать» не совсем точное. И то «почтение», о котором Флор писал, не совсем почтение в нашем смысле. Имелось в виду нечто близкое – но все-таки другое.

Помните ли вы, дорогой читатель, бородатый анекдот? Идет, значит, женщина ночью через кладбище... Именно, именно! «Пока был жив, тоже боялся». Вариант: «А чего нас бояться?»

Римляне боялись смерти. И мертвецов боялись, и всего, что с этим невеселым делом связано. В этом они не были оригинальны, но все-таки, в отличие, скажем, от нас, боялись как-то по особому. Такое впечатление, что они ЗНАЛИ, что «там» ждет. Знали – или были твердо уверены, что знают. При чем здесь гладиаторы, спросите вы? А при том, что для римлян гладиаторы были МЕРТВЕЦАМИ. Самыми настоящими, только еще не погребенными и очень активными.

А теперь поглядим на гладиаторские игры римским взглядом. Это для нас те, кто на арене – тренированные парни в доспехах и с мечами. Римлянин видел иначе, для него это – чемпионат зомби. Причем не настоящих зомби, не с Гаити (те как раз не мертвы), а зомби из голливудского ширпотреба, которые из могил вылезают с червяками черными во рту.

Страшно? Противно? Вот и римлянам были страшно, и противно. Посему «презрение» надо понимать скорее как «омерзение». Насчет отсутствия «почтения» тоже понятно – какое уж почтение к непогребенному мертвецу, упорно не спешащему под могильный камень? Вы, дорогой читатель, великое почтение к упырю испытываете?

Я ничуть не преувеличиваю. Увы!

Правда, вроде бы тут есть одна неувязка. Римляне мертвецов боятся – и мертвецов же на арену выпускают. Как же так?

Неувязки нет, есть логика. А чтобы эту логику уяснить, побредем-ка, дорогой читатель, по темной дорожке Истории от спартаковских времен в самую, самую глушь.

На рубеже нашей эры римляне были еще молодым народом. Сами они считали, что 74 год до Р.Х. – год, когда Спартак со своими товарищами бежал из школы Батиата, всего лишь 679-й от основания Рима. Но это от основания, от первой борозды на Авентине, народ же сложился еще позже. И как всякий молодой народ, римляне еще не успели накопить своей мудрости. Сами не успели, зато сполна заимствовали чужую – мудрость этрусков.

Этруски правили Римом. Три последних римских царя – из этрусской династии. Римляне взяли у этрусков все – от религии и обычаев до названий должностей. Можно сказать, что у Рима была этрусская душа.

...Кстати самих этрусков римляне терпеть не могли. Подобное тоже бывает.

Так вот, гладиаторы – изобретение не римлян, а этрусков. И были у этрусков гладиаторы еще с седой древности. Этруски тоже боялись смерти. Боялись – и также очень хорошо разбирались в том, что их ждет «там» (опять-таки скажем осторожнее – были твердо уверены, что разбираются). Римляне, сами знатоки всякой некромантии, считали этрусков колдунами и ворожбитами. И недаром! Этрусский культ мертвых способен был напугать кого угодно. Это вам не стопка первака на могиле в Родительскую Субботу! Главная же цель такого культа – защититься от страшного покойника, умиловить его, задобрить. Как задобрить? Совершенно верно, жертвоприношением – кровавым. И лучше всего, чтобы кровь была человеческой.

Этруски в этом, увы, не оригинальны. Оригинальны они в том, что предпочитали не резать обреченных кремневым ножом на алтаре, а заставлять жертвы самих убивать друг друга – прямо над свежей могилой. Почему? Похоже, считали они, некроманты, что такой способ эффективнее. Да простится мне такое сравнение, но в китайской кухне принято утку, перед тем как разделять, несколько дней палками, бедняжку, бить.

Вот вам и гладиаторы.

И снова вроде бы неувязка. Убиенные на погребальных играх – тоже мертвецы, их также следует бояться. А вот этруски думали, что нет, ибо их гладиаторы – как правило военнопленные, то есть чужаки. Чужаки же нам, этрускам, не опасны, мы на своей земле, пусть с их душами собственные боги разбираются.

Итак, гладиаторы – жертвы мертвецам, то есть самые настоящие покойники. С того момента, когда пленный становился гладиатором, он считался принадлежащим душе того, в честь которого ему и надлежало умереть. Если коротко: гладиаторы уже «ТАМ», на «том» свете. Подчеркну: не приговоренные к смерти, а те, что УЖЕ умерли. Отправится же гладиатор «туда» через час или через десять лет, не так важно, он уже «ихний», так сказать, с печатью Смерти на челе. Как писал христианин Тертуллиан: «То, что жертвовали умершим, считали служением мертвым».

Римляне этрусский культ заимствовали полностью, до мелочей. И у римлян появились свои гладиаторы. Между прочим, в Риме гладиаторские игры назывались «munus», что значит «обязанность» – обязанность по отношению к неупокоенным душам. Как писал тот же Тертуллиан: «Так облегчали смерть убийствами». И

ритуал оставался вполне этрусским. Скажем, слуга, что убитых гладиаторов с арены уносил, звался Харун. Харун же (на греческого Харона похоже, правда?) – имя этрусского бога мертвых. Выходил он на арену не просто так, а с большим молотом, потому как богу Харуну такой молот по чину полагался.

Я написал, что на обычных кладбищах гладиаторов хоронить было нельзя, но не уточнил, на каких можно. Так вот, гладиаторов, если они были не рабы, а свободные (то есть сами в гладиаторы записались), надлежало хоронить на кладбищах для САМОУБИЙЦ. Вполне логично – что петлю на шею накинул, что гладиатором стал. А вот «ланиста», тот, что гладиаторскую школу содержит, означало попросту «палач». И это тоже логично.

Историю римской гладиатуры излагать не буду, о ней в любой толковой книжке достаточно сказано. Но вот что любопытно. Вначале гладиаторов было мало. Сколько жертв требует душа отдельно взятого покойника? Не сотню же! Выставлялись на погребальных играх, как правило, три-четыре пары.

...Как по мне, все равно людоедство!

Итак, погребальные жертвы – дело семейное, частное, и гладиаторов не очень много. Но вот в 105 году до Р.Х. происходит нечто важное – гладиатура в Риме объявляется ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЛОМ. Отныне гладиаторские бои проводятся официальными лицами, более того, теперь это их прямая ОБЯЗАННОСТЬ. Именно с этого времени гладиаторские бои становятся такими, как их описал Джованьоли: арена, тысячи зрителей, дружный ор публики. Гладиаторов теперь много, убивают по сотне, по несколько сотен... Почему?

Историки мудро замечают, что к этому времени вера в богов у римлян слегка ослабела, и гладиатура как бы отрывается от заупокойного культа. В общем, становится спортом, кровавым, страшным – но спортом, зрелищем, так сказать. Отсюда и знаменитое: «Хлеба и зрелищ!» Мол, добрым римлянам всего то и надо, что бесплатную булку получить и на гладиаторов поглазеть.

А вот я так не думаю. То есть, зрелищем для народа гладиаторские бои действительно стали, но вот относились к гладиаторам совершенно так, как и прежде. Они, конечно, спортсмены, они чемпионы – но все-таки зомби. Шли века, а гладиаторы все еще считались принадлежащими «тому» свету. Стать гладиатором – по-прежнему все равно что в петлю нырнуть, выйти на арену – мертвецом непогребенным стать.

Значит?

А как вы думаете, дорогой читатель, что первым делом запретили императоры-христиане? Правильно, гладиаторские бои. И добрые римляне, теперь уже тоже христиане, не стали спорить, несмотря на всю свою любовь к зрелищам. Не стали, потому что ПОНЯЛИ. Дело не в гуманизме, не в смягчении нравов. Императоры-христиане смертную казнь не отменили, пленных по-прежнему убивали, города со всем населением сжигали. Но вот гладиаторские бои проводить было НЕЛЬЗЯ – как не полагалось христианину приносить жертву Юпитеру или Марсу.

Итак, во времена Спартака гладиатор – по-прежнему мертвец, но жертву приносит уже не отдельная семья, а Римская Республика. И чем больше жертв, тем лучше. Так что для римлян, которые стекались на гладиаторские бои поглазеть, убийство на арене – не просто убийство, а жертвоприношение.

Синезий:

*«Крик и Спартак, люди из низких гладиаторов, предназначенным быть на арене цирка
ОЧИСТИТЕЛЬНЫМИ ЖЕРТВАМИ за народ римский...»*

Очистительные жертвы за весь народ – не шутка! Отсюда и энтузиазм, отсюда и невиданная, чудовищная популярность таких игр. Отсюда и постоянные требования добрых римлян: гладиаторов! гладиаторов! гладиаторов! С одной стороны – зрелище почище корриды, но с другой, так сказать, с темной – жертва «им», дабы «они» в покое нас оставили. Жертва за всех, за весь римский народ. Как не порадоваться, как такой жертвы не потребовать?

Только вот закавыка! Когда гладиаторы у погребального костра какого-нибудь сенатора насмерть резались, все понятно было: умер сенатор, значит, душу его следовало ублажить, а «тем», что невидимо у костра толпились, глаза кровью замазать. А кого, простите, ублажало римское государство да еще в таких масштабах? Кому глаза кровью замазывало?

Не будем спешить, может, и до этого дойдем. Пока же отметим: во времена Спартака гладиатура – государственное дело. Гладиаторов много, они нужны постоянно, а посему их воспитывают в специальных школах. Школ этих много, они есть в самом Риме, есть в Равенне, в Пренесте. И в Помпеях, что недалеко от Капуи, гладиаторская школа имеется. Но та, что в Капуе, школа Лентула Батиата, считается лучшей, можно сказать, образцовой. И вот в этой самой образцовой школе и случился заговор.

А теперь составим заметку в Интернете (ту, в которой про восстание учеников школы боевых искусств) заново, но уже не по нашему, а по-римски. Звучала бы она приблизительно так:

«В городе Капуя (штат Иллинойс) в анатомическом театре местного университета, среди содержащихся там покойников раскрыт заговор. Во главе заговора – некто Джон Спартак, болгарин по происхождению, дезертир американской армии, приговоренный за это к смертной казни и казненный на электрическом стуле в тюрьме Синг-Синг. Большая часть заговорщиков усмирена осиновыми колами, но около семидесяти покойников ушли из города и сейчас пробираются на юг, в болота Миссисипи. По пути они разоружили несколько полицейских патрулей. Все **экстрасенсы** и заклинатели духов в ближайших штатах подняты по тревоге и призваны в национальную гвардию. Причины и цели заговоры непонятны. По некоторым данным Джон Спартак заявил, „что это лучше, чем валяться на цинковых столах на потеху студентам“. Полиция взяла под охрану все кладбища и морги в стране».

Впечатляет?

Итак, вернемся к тому, с чего начали. Начали же мы с гладиаторской школы, в которой случился заговор.

А какая она была, эта школа? И кто в ней гладиаторскую науку проходил?

13. Школа, милая школа.

Итак, дети в школу собирайтесь! Правда, не дети, и собираться особо не надо – за цепь приволокнут...

Повторюсь: гладиаторская школа – тюрьма. А в свете уже сказанного могу предположить, что запиралась эта тюрьма не только пудовыми засовами, но надежными заклинаниями. Но все равно – тюрьма.

Школу Лентула Батиата я вам, дорогой читатель, описать не смогу, ибо от нее ничего не осталась. Но вот соседнюю, что в городе Помпеи функционировала – пожалуйста, во всех подробностях.

А вот и подробности:

Школа двухэтажная, крытая черепицей, кровлю поддерживают дорические колонны. В центре двор (56 на 54 метров), все помещения размещены квадратом вокруг двора. Там и ворота, что на улицу ведут. Помещений же несколько:

- Два зала для тренировок. Археологи нашли там так называемые «визирные» гладиаторские шлемы.
- Кухня, весьма просторная.
- Иные хозяйственные помещения.
- Апартаменты для руководства (на втором этаже).
- Непосредственно тюрьма, где гладиаторов содержали.

О тюрьме чуть подробнее. В ней 71 камера, каждая рассчитана на двоих, все запираются снаружи. То, что камера на двоих – от бедности, обычно в крупных школах были одиночки. Окон нет, камеры небольшие, всего три-четыре квадратных метра. Тесновато – и мрачновато тоже. Некоторые камеры служили карцерами, там найдены цепи и ошейники.

Однако, школа в Помпеях маленькая, в ней менее полутора сот гладиаторов содержалось. А вот школа Лентула Батиата была рассчитана на несколько сот, а то и на всю тысячу. Значит, двор обширнее, кухня просторнее, залов не два, а несколько. И камер побольше.

Как охранялись камеры, точно сказать не могу, но, вероятно, как и в обычной тюрьме – замок на двери, вертухай в коридоре, стража у входа. И у ворот, что в город ведут, тоже стража. Джованьоли своему Спартаку в романе слегка помог – камеры эти проигнорировал. А зря! Из школьного двора в принципе вырваться можно – если толпой собраться, из одиночек же – поди попробуй!

О хозяйственных помещениях можно судить по описанию гладиаторских школ в иных городах. Скажем, в римской школе имелись оружейный склад, морг и кузница. Трудно сказать, был ли свой морг в школе Батиата (может, бедолаг отправляли напрямик в городской), но вот оружейный склад точно имелся. Как и кузница – надо же «браслеты» на гладиаторских руках обновлять!

Что интересно, забора вокруг школы в Помпеях не замечено. Не нужен он – помещения, как говорилось уже, идут вокруг двора глухим квадратом. Если забора в школе Батиата тоже не было, убежать из нее следовало следующим образом:

1. Открыть двери камер.
2. Выйти из тюрьмы для чего открыть или выломать входную дверь, ведущую во двор.
3. Открыть ворота.

4. Если не получится (охраны много!), ворваться в помещение, где есть окна наружу или отдельный выход на улицу.

О наличии окон наружу ничего сказать не могу. Судя по однотипным зданиям, они были только на уровне второго этажа. Невысоко, но окна наверняка с решетками. Тюрьма! А вот отдельный выход имелся на кухне, дабы продукты прямо с улицы загружать. Там тоже дверь, но дверь – все-таки не ворота, ее и выломать можно.

Аполлинарий Сидоний:

«Цепи влекший Спартак! Сломавши тюремные ДВЕРИ, вывел на бой гладиаторов ты!»

Запомним и это.

Эту милую школу, как уже говорилось, возглавлял ланиста-«палач», в данном случае ее владелец. В данном случае – потому что были школы государственные, а позже императорские, где чиновники верховодили. А вот у Батиата школа частная, он ее создал, он и возглавил. О самом Батиате известно мало, знаем лишь, что его гладиаторы пользовались всеобщей популярностью. И школа была большая. Значит, не беден был хозяин и весьма-весьма требователен. Но глуповат или, скажем мягче, близорук – иначе **заговор** не проморгал бы. А кроме того, был он, как по мне, изрядной сволочью. Начальник тюрьмы – должность

скверная, и торговец людьми – скверная. И людей на убой отправлять – мерзко. А если все сразу, причем не по долгу службы, а сребренников для! В общем, палач – без всяких кавычек.

При ланисте – целый штат. Ясное дело, стража, числом немалая. И преподаватели («учительница первая моя!») – это тоже ясно.

А также:

- Врач с помощниками.
- Массажисты.
- Оружейники.
- Бухгалтер и прочие писаря.
- Персонал кухни (кухня большая, значит, народу много).
- Оружейники и кузнец с подмастерьями.
- Могильщики и работники морга, ежели таковой имелся.

Председателя совета пионерской дружины и комсорга, насколько я понимаю, не предусматривалось.

Очень интересно, из кого сей штат состоял. Ланиста, конечно же, римский гражданин, уважаемый человек. А вот остальные... Вопрос, как мы увидим, весьма важный. Вполне вероятно, что основной штат состоял из рабов того же Лентула Батиата, а также из отпущенников, то есть рабов, но бывших. Однако могли быть и вольнонаемные из горожан, особенно там, где работа требовала покидать школу, скажем, продукты для кухни покупать. Логика простая: раб может убежать, а вольному бежать незачем, да и в городе он ориентируется получше, и на рынке его не обманут.

Режим прост и суров: утром гладиаторов из камер выводят, вечером в этих же камерах запирают. Ежели что не так – карцер с цепями. В город гладиаторов самих не отпускают, никаких тебе «идет солдат по городу, по незнакомой улице». Выпускают в город вольных – отпущенников и наемных работников из горожан. Уверен, выпускают врача и его помощников – за лекарствами. Наверняка и кое-кого из кухни, а также из числа писарей. Также понятно, зачем.

Повторюсь: гладиаторы покидают школу исключительно под стражей, причем только на соревнования или когда их в другую школу переводят.

В общем, тюрьма и есть. Но как и в каждой тюрьме, в гладиаторской школе возможны ПОСЕЩЕНИЯ, то есть, приход гостей из города. Зачем и когда – в свой черед, пока же запомним и это.

Еще подробности. Кормили (в отличие от обычных тюрем) очень хорошо. Отменно кормили! Существовали даже специальные научно разработанные рационы для гладиаторов. Основа их питания – блюда из ячменя, ибо считалось что ячмень быстрее наращивает мускулатуру.

И лечили прекрасно. Скажем, лекарем в подобной школе служил величайший римский врач Гален. Тут тоже была своя методика, например, после тренировок гладиаторам обязательно давали напиток из щелочной золы (бр-р-р!) для быстрейшего заживления ран.

Дорогой читатель, не желаете попробовать?

Причины подобной заботы вполне понятны и в объяснениях не нуждаются. Запомним, однако, что в результате этого гладиаторы были как правило постоянно сыты, здоровы – и, само собой, в хорошей боевой форме.

А для этого приходилось тренироваться. Вот о тренировках гладиаторских ничего особенного сказать не могу – не спец я по историческому фехтованию, а посему желающие могут изучить вопрос сами. Знаю лишь, что было там почти все, как у нас – и учебное оружие, и оружие защитное (те же «визирные» шлемы), и тренажеры, чтобы «качаться», и чучела, дабы колоть. Чему учили – тоже ясно, хотя здесь нюансы имелись. Гладиаторских корпораций было много, значит, ретиария учили так, а андабата – этак. Но о ретиариях с андабатами после, пока же констатируем: тренировали от души, согласно великой формуле «Не можешь – научим, а не хочешь...» Для того, кстати, и карцер с цепями. Уверен, даже полный пацифист, что в жизни собаку ногой не пнул, после года таких тренировок становился профессионалом, а точнее – профессиональным убийцей. Если не погибал, конечно – или с ума не сходил.

Вот так и жили.

А как же, так сказать, неформальное общение с противоположным полом? Ведь все-таки здоровые мужики! И это допускалось – для пущего поднятия духа. Чаще всего, как в американском фильме «Спартак» девиц («волчиц» – по-римски) приводили прямо к клиентам, в казарму. Возможны были и другие варианты, но в любом случае все сие происходило ВНУТРИ школы.

О девицах я, дорогой читатель, не для мысленного смакования подобных сцен сообщаю. Да вы уже, вероятно, догадались – это я все возможные контакты с внешним миром нащупываю. Авось, и пригодится!

Остальное понятно. Весь день тренировки, тренировки, тренировки, в перерывах – жратва от пуза. Вечером, как стемнеет – по камерам. Клац засов, и спи до рассвета. А с рассветом все сначала.

Девицы – иногда. И пирушки совместные – иногда.

А ежели на арену, ежели резаться предстоит, то распорядок иной. Выезжают заранее, за несколько дней (акклиматизация!). При цирке – своя тюрьма и свой тренировочный зал. Затем – резня. Кто выжил – домой, то есть, в обратно тюрьму. И все то же – по новой.

Такая вот школа, дорогой читатель. Что тут еще добавить можно? Да ничего хорошего, признаться. Тюрьма, пусть даже с отменной кормежкой – она тюрьма и есть, в такой тюрьме, как и во всякой иной, легко можно озвереть. Когда вокруг одно и то же – месяц, год, три года. Все те же колонны дорические, все те же рожки вертухаевы, все та же каша ячменная. Но сил для озверения мало, потому как каждый вечер падаешь в камере без сил и без задних ног. И поговорить с корешами почти невозможно – камеры одиночные, а на тренировках следят, не поболтаешь. Разве что за обедом или когда стражник отвернется.

А вот выезд на «соревнования», то есть на арену, от такой жизни может праздником показаться. Страшненьким таким, но праздником. Людей посмотреть, себя показать. Напоследок.

А уж месяц-другой на свободе погулять!..

14. Личный состав.

Как же в эту школу проклятую попадали? Точнее – кто именно попадал? В принципе кто угодно, но главным образом, конечно же, рабы. Об этом мы знаем, но вот кто конкретно? За какие грехи?

За грехи и попадали – хозяева продавали провинившихся рабов в гладиаторы. Вместо того, чтобы розгами насмерть засечь или на крест отправить, господин сбывал такого раба ланисте.

Это способ первый.

Попадали и преступники – не из рабов преступники, а из свободных: разбойники, пираты, просто убийцы. Таких в школу отправляли по суду, даже формула приговора особая имела: «К мечу». Правда, во времена Спартака их было еще немного.

Это, стало быть, способ второй.

Попадали и военнопленные. Эти считались потолковее прочих, потому что уже умели драться. Но и опаснее, ибо были они врагами не только ланисте, но и всему Риму. Впрочем, на это тоже расчет делался: пусть враги друг друга сами убивают.

Это способ третий.

Были рабы, а были и бывшие рабы. Освободился, скажем, гладиатор из рабства. Освободился – а куда идти? Резаться он умеет, но с таким талантом на свободе опасно. И шарахаются от него, словно от чумного – гладиатор ведь! Вот и шли бывшие рабы, так сказать, на контракт. Такие весьма ценились. Еще бы! Ведь не по принуждению режутся, а от души. Причем, как было замечено, режутся куда яростнее, чем рабы.

Это способ четвертый.

И, наконец, были просто свободные, которые в гладиаторы сами записывались, а точнее, продавались. Таких ценили особенно – и особенно презирали. Почему – тоже понятно.

Это способ пятый и последний.

Попозже, уже при Империи, в гладиаторы можно было попасть и другими путями, но ни Спартак, ни его товарищи до тех времен не дожили.

И вот привозят в школу будущего гладиатора. Как и полагается – в цепях, в ошейнике. Привозят, в тренировочный зал вталкивают... А что если он драться не захочет? И в самом деле! Не все люди кровожадны, не все согласны свою смерть чужой отдавать. Ведь все равно – крышка, все равно ты уже «там»! Так чего тянуть? Лучше на месте убивайте!

Убивали, причем не так и редко. Например, некий квестор Бальба хотел заставить драться на арене Фадия, римского гражданина. Тот – ни в какую. Тогда этого Фадия сожгли живьем прямо в гладиаторской школе – чтобы другим неповадно было.

А зачем вы думаете, нужен школе морг?

Итак, будущие гладиаторы проходили отбор, но не естественный, а наоборот – противоестественный. Не хочешь своих же собратьев резать – умрешь. Не хочешь на арене позориться – умрешь. Не хочешь жить в тюрьме, ячменную баланду хлебать – умрешь. И не просто умрешь, а, так сказать, агитационно, всем прочим на страх.

Но даже если ты на все согласился, это еще не гарантия долгой жизни. Гибли на тренировках, гибли от болезней, с ума сходили... Дорогой читатель, прикиньте, кто именно выживал? Правильно, выживали волки. Зверье выживало, те, у кого в душе пусто, кто ради лишней порции похлебки способен друга резать. Да и какие друзья на арене! Сегодня ты, завтра я...

Выживали и другие – те, что, зубы сцепив, своего часа ждали. Или надеялись законным путем на свободу выйти – или из школы проклятой по костям надзирателей вырваться. Но в любом случае, выживали самые сильные. А потом, когда бои на арене начинались, отбор этот в каждом сражении проходил. И уж если гладиатор первые свои бои выиграл, если жив остался, то можете быть уверены: это уже не волк – тигр. Точнее – тигр-каннибал.

А у тигров – и жизнь тигриная. Выжившие начинали привыкать. И не просто привыкать – начинали они собой ГОРДИТЬСЯ.

Удивительного в этом ничего нет. Вспомните «закон» воровской. Казалось бы, чем хвастаться, ежели нары за убийство или разбой просиживаешь? А ведь гордятся, этика корпоративная складывается, иерархия

целая. Чем больше срок у тебя – тем к тебе и уважения больше, чем ты сильнее и беспощаднее – тем дальше твой место от «параши».

Этика гладиаторская мало чем от «закона» отличалась, разве что еще более нечеловеческой была. Ведь зэккам нынешним не требуется по крайней друг друга перед публикой насмерть убивать.

Итак, выжившие менялись. Появлялось особенное гладиаторское сознание. Суть его понятна: гладиатор уже «там», и пути обратного «оттуда» нет, но физически-то он еще «здесь»! И не просто «здесь», он сильный, он страшный, он популярный, его ценят!

Вот мы и подошли к иной стороне тюремной жизни. Про пирушки всякие я не зря намекнул. Хороших гладиаторов, которые школу прославляли, начальство старалось всячески поощрить. Но была еще Ее Величество Публика, та, что на трибунах ревела и об заклад на гладиаторскую кровь билась. А публика – везде публика. Цветы, аплодисменты, автографы...

Про автографы я не шучу. Брали у гладиаторов автографы! Вот фотографий совместных не было – не изобрели еще. Но автографы еще что! Перед каждым боем в гладиаторской казарме банкет закатывали. Чем бойцы популярнее, тем банкет пышнее. И сбегались на тот банкет все почитатели-болельщики, и болельщицы тоже сбегались. Смаковать не стану, но случаев, когда почтенные матроны на таких пирах оказывались, тьма. Начиная пир за столом, а заканчивался где придется. Так что зря суровые критики Джованьоли ругали за образ Валерии. Помните? Вдова Суллы положила глаз на Спартака-чемпиона? Читал я еще в детстве в предисловии к роману, что, мол, надумано все это. А вот и не надумано! Таких Валерий в Риме было – не счесть. И любили гладиаторов, и страдали по ним, даже стихи писали. Тут ведь особая пряность имела – сегодня я с моим Спартаком пирую, а завтра ему на арену...

Как по мне, почти некрофилия. Впрочем, кому что по душе.

...Школа гладиаторская в Помпеях, о которой речь была, вместе со всем городом погибла в тот самый Последний День. Гладиаторы тоже погибли – нашли археологи среди руин школы шестьдесят два мужских скелета. Шестьдесят два мужских – и один женский. Причем не «волчица» какая-то, дама, в украшениях дорогих и одета соответственно. В общем, погуляла напоследок...

А посему гладиатор, особенно гладиатор из удачливых, не чувствовал себя «просто» рабом или «просто» смертником. Он, удачливый, себя уважал, себя ценил, ремесло свое смертное тоже ценить начинал – и даже выше прочих себя ставил. Вот я, де, настоящий мужчина, уже двадцать врагов на арене убил, ко мне, сильному да страшному, матроны римские перед каждым боем на свиданку ходят. И не поменяю я свое ремесло гладиаторское ни на что иное. Да и в самом деле, что делать, ежели с арены отпустят? Жернов мельничный крутить-вращать? И даже ежели свобода – куда податься? В ночные сторожа? А что завтра убить могут, так все мы «там» будем, все лучше, чем от водки и от простуд. Могут убить, а могут и не убить, авось, еще год протяну. Или пять, или даже десять. Так что одна живем, день – но мой. Зато какой день!

Потому и не боялись римские политики гладиаторов в охрану брать. Конечно, брали не всяких, а с разбором, какие понадежнее. И не ошибались – не предавали гладиаторы, уважали они, смертники, свое ремесло.

Понять такое трудно, но все-таки можно. Корпорация! А у всякой корпорации законы сходные. Вспомним еще раз: «Когда рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями, первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения...» Так это для свободного римлянина гладиаторы почтения не заслуживали, а сами они свое ремесло почитали. Памятники погибшим ставили, а на каждом таком памятнике число побед обозначено было. И стихи-эпитафии сочиняли. Хозяева же эту корпоративность, эту гордость профессиональную всячески в гладиаторах поддерживали. И тоже понятно, почему. Я ведь памятники надгробные не зря помянул. Разрешалось гладиаторам свой «общак» иметь – именно на подобный случай. Жил ты как волк, а похоронят как человека, и камень над могилой на вечную память поставят, не забудут.

Все это я к тому, что гладиаторы, особенно в своем ремесле поднаторевшие – нечто совсем иное, чем, скажем, рабы на винограднике или домашняя обслуга, что господ тайком объедает. Это народ сильный, в себе уверенный, жестокий. Не очень дружный, но спаянный смертной спайкой.

И опасный, очень опасный! Потому и камеры, потому и стража у ворот. Гладиаторы бунтуют редко, восстают еще реже, но вдруг? Ведь мало не покажется!

И не показалось, как мы знаем. Одни пять Орлов чего стоят!

Но даже если бунтовать не станут, а просто в город, в «самоволку» убегут, а там по пьяному делу драку затеют? Ведь драться-то обучены! Кто отвечать будет за шеи свернутые и руки-ноги оторванные? Правильно – хозяин, Лентул Батиат. Поэтому двери – покрепче, а замки понадежнее.

Дорогой читатель! Долго я думал, с чем жизнь гладиаторскую сравнить. Сравнение – великое дело, хоть и некорректное порой. И, знаете, сообразил. В детстве я очень роман Джованьоли любил – тот самый, про Спартака. И другой роман мне очень нравился – Артура Конан Дойля. Но не про сыскаря великого, не про мистера Шерлока Холмса, а тот, который про боксеров – «Родни Стоун». Помните, наверно? Век XIX, самое-самое начало, адмирал Нельсон еще только под Трафальгар собирается, а в Англии народ по боксерам с ума сходит. Профессиональный бокс – дело жестокое, боксер боксеру вроде как волк. Но держатся боксеры вместе, пьют вместе, гуляют тоже. И относятся к другу уважительно. Вот она, корпорация! А помните, как к боксерам, что пирушку в каком-то сарае старом устроили, всякие лорды в гости заглядывали? Они, лорды эти, боксеров и за людей не считали, потому как позорное дело – друг друга по мордасам за фунты-стерлинги

лупцевать. Но в гости ходили, и эль на стол ставили, и за здоровье пили. А боксеры все понимали, но ремеслом своим гордились, к лордам же относились этак снисходительно...

Таковыми были они, гладиаторы. Но это, так сказать, вообще, а школе Лентула Батиата кто собрался? Почему в других школах **заговора** не было, а в этой случился?

Плутарх:

«У некоего Лентула Батиата была в Капуе школа гладиаторов, из которых большинство были галлы и фракийцы, заключенные в темницу для гладиаторских состязаний вследствие несправедливости купившего их господина. Они были заключены здесь и предназначены для гладиаторских боев».

Джованьоли считал, если помните, что в школе Батиата содержались военнопленные галлы и фракийцы. Пленные эти, ясное дело, Рим не любили, умирать на потеху римской толпе не хотели, вот и решили бежать. И не просто бежать, а против Рима войну начать.

Убедительно? Как по мне, не совсем.

Вот, например, Гай Ганник, будущий командир одного из отрядов спартаковцев. Настоящее имя его, как уже говорилось, Канникас или Канникий, он галл из племени инсубров. Но инсубры – это Цизальпинская Галлия, старая римская провинция. Провинция конечно же с Римом не воюет, ею правит римский наместник, там стоят римские войска. На какой войне мог попасть в плен Гай Ганник?

Или, допустим, Крикс... Впрочем, про Крикса отдельно – и подробнее. Сначала перечитаем еще раз Плутарха:

«...Большинство были ГАЛЛЫ и ФРАКИЙЦЫ, заключенные в темницу для гладиаторских состязаний вследствие НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ купившего их господина».

Читатель, вы не видите тут ничего странного?

А как по мне, странновато, что в школе сложились два таких «этнических большинства». В эти годы Рим во Фракии воевал, а вот в Галлии – нет. Откуда же толпы рабов-галлов? Из римских провинций, из Галлии Цизальпинской и Галлии Нарбонской? Но ведь галлы из Галлии Цизальпинской, как и Гай Ганник, римские граждане, а граждане могли стать рабами в исключительных случаях. Из Нарбонской? В принципе возможно, но ведь там тоже – ни войны, ни бунта. Между тем именно в эти годы очень много рабов в Рим привозили с Востока, особенно из Малой Азии. Этих-то почему не видно и не слышно? В гладиаторы не брали?

Ладно, пусть не брали. Дурного поведения были, видать. Но что значит «вследствие несправедливости купившего их господина»? Купивший их господин – Лентул Батиат. Но в чем несправедливость? Не хотели в гладиаторы идти, а их заставили? Так ведь они рабы, а раб согласно римскому закону, это, извините, «говорящее орудие». Посадят на цепь у дверей вместо собаки – лай! Будут на тебя опираться сапогом вместо скамейки – терпи! Можно говорить о хозяйской жестокости, о самодурстве, о людоедстве даже – но не о несправедливости. Закон – есть закон, а если по латыни – «dura lex sed lex».

Может, с переводом что-то не так? Ладно, возьмем другой перевод:

«Некий Лентул Батиат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы. Попали эти люди в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов».

Ага, вроде понятнее! Жили-были добрые и смирные рабы, но жестокий Батиат их купил и насильно гладиаторскому ремеслу учиться заставил. А они, добрые и смирные, от возмущения пол-Италии сожгли и вырезали.

Я не смеюсь, читатель, просто показываю, как иногда всего несколько слов много весить могут. Отрывок этот я и сам перевел, посему сказать могу, что первый перевод правильный. Второй более гладкий, но от истины дальше.

Тогда в чем несправедливость? А несправедливость могла быть в том и только в том, что будущих гладиаторов продали в рабство НЕЗАКОННО. То есть, они юридически вольные, но кто-то подлость совершил, цепями их сковал и на рабский рынок отправил. Они, бедняги, кричат, что свободны, что права все имеют, что домой хотят – а их плетью по физиономии.

Такое бывало, хотя и достаточно редко, но вспомним еще раз, что Плутарх пишет:

«ДВЕСТИ ЧЕЛОВЕК из них сговорились бежать».

Двести незаконно проданных в рабство в одной гладиаторской школе? Двести римских граждан? А ведь за незаконное обращение в рабство, за беспредел подобный ой-ой-ой что полагалось. А тут – целых двести!

А теперь припомним Саллюстия:

«Немногие благоразумные одобряли и говорили, что им нечего искать другого метода отступления; это были люди свободного духа и прославленные...»

Так кто такие эти самые, «прославленные»? Те, что на арене своих же собратьев резали? Так ведь Саллюстий пишет: «свободные духом». Интересно, правда?

Если же Плутарху и Саллюстию все же поверить, то получается, что в школе Лентула Батиата содержалось двести человек, незаконно проданных в рабство. В их числе были люди свободные духом и прославленные. Среди них и возник заговор.

Но позвольте, ведь среди заговорщиков много фракийцев. И сам Спартак вроде бы фракиец. Фракия же в состав Римской Республики пока еще не входит, война там. Значит, фракийцы-гладиаторы – из военнопленных, а обращение военнопленных в рабство в любом случае ЗАКОННО!

Ребус этот разгадать можно. Вспомним, что Плутарх жил через полтора века после Спартака, причем в Греции, латинский язык знал плохо, Рим изучал по книжкам, впервые приехал в Италию уже пожилым человеком. Значит, все римские реалии он брал из вторых рук или даже из третьих. Брал – и порою не мог разобраться. И тут не разобрался. Что-то прочитал, попытался осмыслить – и получил два землячества, фракийское и галльское, а вдобавок и двести человек, несправедливо проданных в рабство.

А что на самом деле случилось? Вспомним, что фракийцы в войске Спартака были странными, и галлы странными...

С этого и начнем.

15. «На той войне незначительной...»

Дорогой читатель! Не стану томить вас больше загадками, тем более, и загадок-то никаких тут нет. Если бы и все остальное было так просто!

Знаете ли вы, читатель, спортивный клуб «Спартак»? Да-да, тот самый, в честь Спартака названный. А клуб «Динамо»? Смешной вопрос, правда?

А теперь вспомним. Спортивных клубов много, но «Спартак» и «Динамо» – самые крупные. В каждом клубе несколько команд – есть «Спартак» московский, есть ставропольский, есть какой-то еще. И с командами «Динамо» такая же история – есть «Динамо» московское, а есть и киевское. Более того, на каждом крупном стадионе всегда найдется большая группа болельщиков соответствующего клуба. Болельщики свистят, кричат, а порою безобразничают и даже дерутся друг с другом. В недавние времена чуть ли не основная интрига каждого чемпионата состояла в том, кто именно победит – «Спартак» или «Динамо».

Вспомнили?

Так вот, гладиаторы тоже делились на клубы. Сами римляне называли такие клубы корпорациями. Отличие такой корпорации от современного спортивного клуба в том, что оружие гладиаторам полагалось разное. Скажем, у ретиария (первая глава «Спартака» Джованьоли, не забыли?) трезубец с сетью, а у его противника меч со щитом. А в остальном очень даже похоже – тренировались по корпорациям, и выпивали так же, и «общак» у каждой корпорации отдельный. В общем, тут свои, а все прочие – чужие. И с болельщиками та же история, они вокруг арены, как и в наши дни на стадионе, четко по интересам рассаживались. И дрались абсолютно сходно, и стража точно так же их разнимала, а власти издавали эдикты, оные беспорядки осуждавшие.

Главных гладиаторских корпораций было две, их римляне позаимствовали у этрусков – вместе с гладиатурой. И пока гладиаторы существовали, эти корпорации оставались основными. За всех прочих тоже, конечно, болели, но не так. И места в цирке всегда делились пополам: за тех, и за этих, прочие же болельщики должны были в сторонке тесниться. Да и не только в цирке. Болельщики толпами по улицам бродили, шумели, права качали. А уж если на их стороне был кто-то значительный, сенатор, скажем, или даже консул!..

Все как у нас, правда? Только наши клубы известно как называются, а вот у римлян... Догадались? Одна корпорация именовалась «галлы», а вторая... Совершенно верно, «фракийцы».

Этруски придумали такое, потому что с галлами и фракийцами неоднократно воевали. Посему и гладиаторы, что из пленных набирались, такие названия получили. И не только названия, оружие и снаряжение тоже. Первоначально «галлы» из настоящих галлов формировались, а «фракийцы» из фракийцев. Режутся меж собою «галлы» с «фракийцами», а у этрусков их души этрусские прямо-таки млеют. Как не порадоваться, ежели враги лютые прямо у тебя на глазах друг друга контрапупят!

Римляне все это в наследство взяли, взяли – и приумножили. «Галлы» с «фракийцами» остались, но врагов много, и вот в придачу появились «самниты». Настоящие самниты римлянам, можно сказать, кровники, те с ними подряд три войны вели, а потом еще несколько раз сражались – с весьма переменным успехом. Как же подобную «команду» не создать!

Остальные корпорации помельче. Много их было, всех этих ретиариев с андабатами, но народ, как и прежде, все больше за «галлов» с «фракийцами» болел. Правда, I век до Р.Х. – не времена этрусские, в «галлы» стали зачислять не только галлов, и во «фракийцы» – не одних фракийцев. Да только для публики разницы не было, ведь и сейчас игроки в футбольную команду не только из родной ДЮСШ попадают. Переманили, перекупили – так ли важно? Форму надел, майку с надписью, и вперед, штурмуй ворота! Так и гладиаторов покупали. И на контракт сманивали, ежели, допустим не раб, а вольноотпущенник.

Так что перечитаем Плутарха заново:

«У некоего Лентула Батиата была в Капуе школа гладиаторов, из которых большинство были „галлы“ и „фракийцы“, заключенные в темницу для гладиаторских состязаний вследствие несправедливости купившего их господина. Они были заключены здесь и предназначены для гладиаторских боев».

Все логично! В гладиаторской школе Батиата готовили главным образом «галлов» и «фракийцев», потому как они были самыми популярными. А из кого эти «галлы» с «фракийцами» набирались, из негров или, допустим, испанцев, никого уже не волновало. Впрочем, могло быть и наоборот – галл становился «галлом», фракиец «фракийцем». Кто знает, вдруг в этом был особый шик?

Орозий:

«Под начальством галлов Крикса и Эномая и фракийца Спартака...»

Переведем:

«Под начальством „галлов“ Крикса и Эномая и „фракийца“ Спартака...»

Что поделаешь? Не знали эти древние, что такое кавычки!

Итак, с «галлами» и «фракийцами» все просто решается, а вот почему «несправедливость», следует подумать. Ведь не сам Плутарх это измыслил. Жил Плутарх много позже, о Спартаке только в книжках читал. Вот и вычитал. А мы удивляться не станем, ведь Саллюстий тоже нам рассказывает про «свободных духом» да еще «прославленных».

Спешить не будем. Познакомимся сначала поближе с этими «прославленными». О Спартаке речь впереди, пока о его командирах. Знаем мы о них не так и мало. Откуда знаем? Прежде всего – имя. Это неправда, дорогой читатель, что имя может о человеке много сказать. Имя говорит о человеке не много, а очень и очень много.

Итак, Гай Ганник, как мы уже знаем, галл-инсубр из Галлии Цизальпинской. От рождения носит имя Канникас или Каникий, но называют его по-римски. И неспроста! Римское имя – вроде паспорта. Если человека так зовут, значит, наверняка он – римский гражданин, пусть даже и бывший. А вот если негражданин по-римски себя называть пытается, его и в тюрьму посадить могут – за самозванство.

Римские историки восставших гладиаторов ненавидели, но о Гае Ганнике не спорили, называя по-римски, как гражданина. А мы вспомним, что в 89 году до Р.Х. все свободные жители Цизальпинской Галлии получили права римского гражданства. Так что Ганник – «галл» из настоящих галлов, да еще и римский гражданин. Но бывший, потому как ныне он раб-гладиатор.

А вот Крикс, тоже «галл». Джованьоли его в истинные галлы произвел, а вот мы торопиться не станем. Имя Крикс не галльское, а греческое и означает оно «Носящий Браслет». Однако носили это имя (вместе с браслетом) не греки, а оски, одно из италийских племен.

Тут пояснение требуется. Греки жили в Италии еще с Троянской войны. Особенно много их обитало на юге, эти места так и назывались – Великая Греция. За века местные жители и сами на греков походить стали. Именами тоже. Попросту говоря, свои имена на язык Гомера переводили.

Итак, Крикс – скорее всего оск. Оски как раз там и жили – в Кампании, где Капуя. Появились они там за много веков до Спартака из соседнего Самниума. Не просто появились – вместе с друзьями-союзниками Кампанию завоевали и правили ею, пока не римляне не пожаловали. Имена оски носили греческие, но язык свой ко временам Спартака еще не забыли. Так и писали по-осски – греческими буквами. Не исключено, что гладиаторствовал Крикс в родных местах, а может, даже в родном городе. Так что один из вождей восстания – местный. А местному-то легче связи с «волей» наладить!

Оски жили не сами по себе. С седой древности входили они в большой племенной союз – самнитский. Напомню, что самниты – Риму кровники, похуже галлов, поэтому римляне самнитов почти всех вырезали и в рабство продали. А те, что уцелели, римское гражданство все-таки получили – в тот же год, что и галлы. Значит и Крикс теоретически тоже мог быть римским гражданином.

Но имя не только о роде-племени говорит. «Носящий Браслет» – имя жреческое. Сам Крикс мог жрецом и не быть, но то, что он из соответствующей семьи, наверняка. Так что прошу знакомиться: Крикс, оск, потомственный жрец и, вероятно, римский гражданин – но тоже бывший.

Итак, Ганник и Крикс, галл-инсубр и оск. Оба из Италии, оба имеют все права на римское гражданство, но к 74 году до Р.Х. и оск и инсубр не граждане, а рабы, гладиаторы-«галлы».

Что еще о Ганнике и Криксе можно сказать? Оба стали командирами, значит были у товарищей в авторитете. Авторитет же такой не просто так завоевывается, значит оба сражались на арене не первый год. Оба имели военный опыт, ведь не зря их командирами выбрали. Значит, скорее всего воевали, и не просто воевали, а ПРОТИВ Рима. Иначе с какой стати италиков, да еще и римских граждан, в гладиаторы отправляли?

Как видим, у Ганника и Крикса очень-очень много общего. Недаром Крикс стал командиром отдельного отряда, а Ганник – его заместителем. Когда же Крикс погиб, Ганник возглавил осиротевший отряд.

А вот еще один командир – Эномай, тот, которого Джованьоли в германцы произвел. Он тоже «галл», но происхождения уж точно не галльского. И не германского, по крайней мере если по имени судить. Эномай – имя греческое. Звали так нескольких мифологических персонажей, о которых в знаменитой книге Куна рассказывается. Но во времена Спартака мифологическими именами греки себя называть не любили, они эти имена для рабов оставили. Так что ежели встречаем мы имя Агамемнон или, допустим, Аякс, можно и не задумываться – раб. И не просто раб, а тот, кто в рабстве родился, иначе бы он не мифологическое, а обычное имя носил. Конечно, имя рабу могли сменить для пущего хозяйского удобства, но в этом случае невольника обычно по стране, откуда его привезли, называли. Скажем, Сириск или Сир – значит, из Сирии он, бедолага.

Итак, имя греческое, но сам Эномай едва ли родился в Греции. Греки и в Италии жили, так что скорее всего Эномай – тоже из местных. Раб, в рабстве родился – и стал гладиатором. А поскольку его командиром выбрали, не ошибемся, если предположим, что и он авторитетом пользовался. Значит не первый год на арене выступал – и опыт военный какой-то имел.

Крикс, Эномай и Ганник – спартаковские генералы. Все трое из одной корпорации – «галльской», всем им товарищи доверяли. Скорее всего, эти трое у истоков **заговора** и стояли. Уж не их ли «несправедливость» постигла? Уж не они ли «прославленные»?

Подумаем.

Эномая сразу в сторону отведем. Он – раб, причем доморощенный, потомственный, его римлянин Саллюстий в «прославленные» не запишет. С Эномаем все не так сложно. Как раб мог в гладиаторах оказаться? Ясное дело, продали, причем без всякой «несправедливости», а согласно римскому закону. За что продали? Могли за что угодно, скажем, сладости хозяйские тайком ел под одеялом. Но если сложить все вместе... Давайте вновь вспомним: потомственный раб, дерется лихо, в товарищей в авторитете, да еще повоевать успел. Что получается? Как по мне, получается РАЗБОЙНИК. И не просто разбойник, а разбойничий атаман, из беглых. Хозяина бросил, ушел в зеленый лес, погулял там, душеньку потешил – и попался. Попался, в гладиаторы угодили, но и там себя нашел, не пропал.

Так что с Эномаем проще. С Ганником и Криксом труднее.

Сложим еще раз все вместе: коренные италийцы, родились свободными, один с севера, второй с юга. Оба воевали, причем очень вероятно, не рядовыми, а офицерами. В гладиаторах не первый год. Попали же они в гладиаторы скорее всего именно как военнопленные, однако кое-кто из римлян склонен считать, что на арену их направили НЕСПРАВЕДЛИВО.

Остается вспомнить такую войну, где не иноземцы, а сами италийцы с римлянами воевали и на этой войне прославиться могли. Прославиться, а после в плен попасть.

Дорогой читатель, такая война была. Откроем учебник.

Римская Республика из одного города выросла. В результате же получилось вот что: страна огромная, а правами гражданства только жители Рима и пользуются. Им все, всем другим – ничего. Обидно? Еще как обидно! Особенно обидно было римским соседям, жителям Италии. Они римлянам – друзья и союзники, они за Рим уже несколько веков воюют, а им – ни прав избирательных, ни личной неприкосновенности, ни всего прочего. Вот скажем, командира, что за Рим не одну войну прошагал, могли запросто розгами высечь. И секли, между прочим.

Чем кончилось, догадаться легко. Вначале союзники римлян по-хорошему просили, умоляли даже. А римляне их не слушали, правами своими не делились, потому что гражданство римское дорогого стоило. Дадут, скажем, гражданство этруску или самниту, а он на выборах не за того кандидата проголосует. А была еще и земля общественная, что гражданам полагалась, и хлеб бесплатный...

В общем, ничего союзники не получили. Тогда они заступников среди римлян, из тех, что поумнее и почестнее, искать стали. Нашли! Народный трибун Ливий Друз стал за права союзников бороться, законопроекты нужные предлагать. Это понравилось не всем. В 90 г. до Р.Х. Ливия Друза зарезали – прямо на улице.

Вот тогда италийцы и восстали. И не просто восстали – провозгласили они собственное государство. Его так и называли – «Государство Италия». А на монетах стали чеканить изображение Быка, что римскую Волчицу попирает.

Итак, Рим против Италии, Бык – против Волчицы.

Об остальном можно и в учебнике прочесть. Страшная была эта война – Союзническая. Безжалостная – и бесславная, незначительная, так сказать. Воевали-то друг против друга бывшие однополчане. А на такой войне в плен берут редко...

Рим победил. Государство Италия погибло, Волчица растерзала Быка, но всем уцелевшим союзникам римляне гражданство все-таки предоставили, потому как поняли, прочувствовали, так сказать, что без этого новая война начаться может.

Дорогой читатель! Вам уже ясно, на что я намекаю. Но прежде чем я намекаю в слова облеку, вы и возразить можете. Ведь как ни крути, союзники стали Риму ВРАГАМИ. Как же мог римский патриот Саллюстий им сочувствовать? А раз они враги, то и в рабство попали вполне законно, по правилам войны.

Не спешите. История не кончилась.

Основные силы союзников были разбиты к 88 г. до Р.Х. Основные – но не все. Очень долго италийцы в Кампании держались, как раз рядом с Капуей, в городе Нола. Была там их последняя крепость.

А теперь снова Джованьоли вспомним. Романист итальянский верно подметил, что у многих городов в Кампании НЕ БЫЛО СТЕН. А не было их, потому что римляне эти стены сломали. Почему и за какие грехи, догадаться легко.

Но и когда Нолу римляне взяли, война не кончилась. Среди тех, кто не сдался, были и самниты, в чей союз входили оски. За это земли самнитские римляне жгли огнем – в буквальном смысле. А самниты и их товарищи в лес зеленый ушли и воевали в том лесу еще несколько лет. Не сдавалось Государство Италия!

У римлян же дела тоже так-сяк шли. Порою так-сяк, а порою и совсем плохо. Два римских генерала – Марий и Сулла – начали между собой войну. История долгая, но главное в том, что Марий с союзниками

ДОГОВОРИЛСЯ. Он предоставил им гражданство и все прочие права, а они войну против Рима прекратили и послали на помощь Марию свое войско. Таким образом, стали они из врагов законными римскими гражданами и бойцами римской армии. С точки зрения Мария, конечно. А вот для Суллы и сулланцев – наоборот.

Марианцы проиграли. Сам Марий умер, а его сторонников Сулла в щепки разнес. Италики, сторонники марианцев, дрались до конца. Последний самнитский отряд был разбит возле Коллинских ворот Рима. Случилось это в 82 г. до Р.Х., всего за восемь лет до спартаковского восстания.

Самнитов не просто разбили – тех, кто попал в плен, несколько тысяч человек, Сулла приказал вырезать. Даже римский Сенат ужаснулся.

Страбон:

«Затем Сулла продолжал непрерывно преследовать самнитов проскрипциями, пока не уничтожил у них всех именитых людей или не изгнал из Италии. Лицам, упрекавшим его за страшную жестокость, он отвечал, что по опыту знает, что ни один римлянин не будет жить в мире, пока самниты продолжают существовать самостоятельно. Действительно, их города стали теперь простыми селениями, а некоторые совершенно исчезли...»

Гибли города, гибли люди. Уцелевших же самнитов, понятное дело, в оковы. И в рудники, и на арену, само собой. Так галл Ганник и оск Крикс и встретились.

А теперь вспомним иных наших героев – Красса, Цезаря и Помпея. Всех их эта страшная война коснулась, но по-разному. Помпей был сулланцем и командовал при Сулле карательным отрядом. Красс – тоже сулланец, тоже воевал. Марианцы убили его отца и брата, а его самого преследовали долго и упорно. А вот Цезарь – марианец. Не воевал, слишком молод был, но и его война задела. Он Марию родичем приходился, а потому и в соответствующий список угодил. Пришлось будущему диктатору от ареста скрываться и даже Италию покинуть.

Цезарь не простил. Через несколько лет он первым начал бороться за реабилитацию осужденных. Дело шло туго, у Суллы, даже после его смерти, в Риме немало сторонников оставалось.

И это знакомо, правда?

А теперь к Саллюстию вернемся, который о «прославленных» писал. Он – сторонник Цезаря, его единомышленник. Цезарь же был марианцем, за Мария пострадал и другим пострадавшим помочь пытался.

Прочитаем-ка мы снова Саллюстия с Плутархом заодно, но уже с небольшим уточнениями и добавлениями:

Саллюстий:

«Немногие благоразумные одобряли и говорили, что им нечего искать другого метода отступления; это были люди свободного духа и прославленные, БЫВШИЕ БОЙЦЫ И КОМАНДИРЫ АРМИИ МАРИЯ, НЕЗАКОННО РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ДИКТАТОРОМ СУЛЛОЙ...»

Плутарх:

«У некоего Лентула Батиата была в Капуе школа гладиаторов, из которых большинство были „галлы" и „фракийцы", заключенные в темницу для гладиаторских состязаний вследствие несправедливости купившего их господина, ПОСМЕВШЕГО ОТПРАВИТЬ НА АРЕНУ РИМСКИХ ГРАЖДАН, ГЕРОИЧЕСКИ ЗАЩИЩАВШИХ СВОБОДУ ОТ ТИРАНИИ СУЛЛЫ».

Могло быть такое? Могли бывшие офицеры армии Мария заговор устроить? Могли – и устраивали. Пленные марианцы из тюрем бежали, отряды партизанские создавали, целые провинции захватывали. Но об этом – в свой черед, пока же сделаем предварительный вывод:

В школе Лентула Батиата содержался разный народ. Среди гладиаторов встречались разбойники (Эномай), но были и бывшие бойцы армии Государства Италия, позднее воевавшие на стороне Мария против Суллы. С пленом они не смирились, считали себя пострадавшими за правое дело – и решили бежать, для чего и организовали заговор.

Однако их вождем стал фракиец Спартак. Или, быть может, Спартак-«фракиец».

16. Явление героя.

Вот наконец-то и добрались мы до Спартака! Не знаю как вы, дорогой читатель, а вот я изрядно смущен. Мне ведь теперь нашего героя описать следует. Сначала, конечно же, внешность, ведь сперва мы человека видим, потом с ним заговариваем, а уж после выводы делать начинаем. Эх, воспеть бы его по завету Джованьоли Вещего! Как-нибудь этак: «И тут публика увидела Спартака. Его высокий рост, широкие плечи, прекрасные белокурые волосы, выбивающиеся из-под шлема, мужественный взгляд ярких голубых глаз сразу же привлекли внимание сидевшей в первом ряду молодой матроны...»

Я почти не шучу. Уверен, что низкорослым и узкоплечим в гладиаторах делать было нечего, постоянные тренировки поддерживали этих парней в превосходной форме, а среди фракийцев брюнеты встречались редко. Взгляд же человека – это характер, это ум, а уж умом и характером Спартак обладал – жизнью доказано.

К счастью ничего выдумывать не надо. Дорогой читатель, нам повезло. Нам исключительно повезло! У нас есть ПОРТРЕТ Спартака. Откуда он взялся, об этом в свой черед, пока же радостно вздохнем – портрет!

Есть все-таки на земле (и в Истории) справедливость. Вот Марк Красс шесть тысяч гладиаторов на крестах повесил, а от него и портрета не осталось. Имеется профилик один, и мы лишь **гадать** можем, он ли это, Марк Лициний, или кто из его предков. От Помпея, что спартаковцев добивал, портреты сохранились, но лишь бюсты да головы. Вроде бы как снесли Гнею Великому башку в Египте, слепок сделали – и нам на память оставили. А вот от Спартака остался КОННЫЙ портрет. Впереди, на лихом коне! Впечатляет?

Смотрим. Смотрим и выводы делаем.

Рост и плечи широкие – это мы почти угадали. Почти – потому что Спартак очень высоким не кажется. Лошадь под ним не слишком крупная, итальянская, но Спартаку как раз впору. А рядом римский кавалерист нарисован, совсем не гигант, так он Спартака ростом явно повыше.

Итак, исправимся: широкоплечий, роста же скорее среднего. Видно, что крепок, что мускулы на руках и ногах, так сказать, вполне гладиаторские. На коне сидит уверенно, хотя и ранен – значит, ловок и тренирован. Не левша – меч в правой руке держит, как и положено.

Лицо... Не очень хорошо портрет сохранился, но ежели приглядеться... Лицо изображено в профиль. Крупный нос, острый, чуть выдающийся вперед подбородок – европеоид, причем именно европеец. На нынешнего итальянца или испанца не похож, скорее уж на немца или даже шведа. Брови сходятся к переносице. Небольшая борода, причем не подбрита – щеки тоже заросли. А вот цвет волос определить нельзя, поскольку портрет в одну краску выполнен. Но мое впечатление – блондин или рыжий, во всяком случае не брюнет. В целом, это лицо сильного волевого человека, но, как по мне, явно не голубых кровей.

Возраст – под сорок или немного больше. И это логично – пожил уже Спартак, повоевал, погладиаторствовал. Да и не стали бы мальчишку вождем избирать. Опять же опыт жизненный...

Все? Нет, конечно же не все. Оружие! Оружие – это всегда интересно, ведь Спартак – главнокомандующий, значит имел возможность выбирать оружие по руке, то, к чему привык, чем лучше владел.

Итак...

Прежде всего щит – обычный, кавалерийский, «парма эквестрис» его называли. Это, дорогой читатель, большой круглый щит, сверху – бронза, по бронзе два кольца рельефные, одно в центре, второе по краям идет. Панцирь короткий, так называемый «анатомический». Похож он на тот, что изображен на Капитолийском фризе (это в самом центре Рима), но менее роскошный. Такой обычно носили центурионы. Шлем же очень редкий, итало-коринфского типа. Редкий – и весьма дорогой по тем временам, такой носили только военачальники. Не иначе, с претора снят, а то и с консула. Похожий шлем на том же Капитолийском фризе изображен, а еще один, целенький, в Эрмитаже хранится. На ногах поножи, на двух ремнях держатся. На поножах – рельеф, значит тоже штучной работы.

А вот меч... Меч у Спартака в правой руке, а ножны – на правом бедре, как у центуриона (рядовые легионеры меч на левом бедре носили). Сам же меч необычный – короткий, короче римского кавалерийского, и очень широкий. И на легионерский пехотный гладис не похож. Пусть поправят меня знатоки, но как по мне это гладиаторский меч. Могло быть такое? В принципе да, в руку берется самое привычное, а за долгие годы Спартак к гладиаторскому оружию явно приспособился. А вот то, что ножны на правом бедре, любопытно. Ведь почему центурионы ножны на правом бедре носили? Потому, что в правой руке им было положено знак своей власти держать – палку-дубинку. Меч же им левой выхватывать приходилось, если дубинка не помогала. Но у Спартака на левой руке щит, меч, как и полагается, в правой. Привычка? Или обычно он в правой тоже что-то иное держал, а перед боем просто ножны перецепить не успел?

Такой вот портрет героя. А что насчет характера, привычек, опыта?

Саллюстий:

«Спартак, великий своими силами и тела и души...»

Плутарх:

«Спартак, номад-фракиец, обладавший не только большой смелостью и физической силой, но умом и гуманностью. Этим он значительно превосходил других, будучи гораздо более похожим на эллина».

Диодор Сицилийский:

«Спартак, хотя он и был варваром, получившим как-то от некоего человека благодеяние, оказался по отношению к нему благодарным: даже у варваров природа сама учит отвечать благодарностью благодетелям».

Поверим? Насчет гуманности, право не знаю. Вспомните сотни пленных римлян, которые перед этим гуманистом насмерть дрались. Впрочем, все в сравнении познается, возможно спартаковские командиры еще покруче были. И то, что добро не забывал, не диво – все мы люди, даже Спартак. Помните заячий тулупчик, что Пугачеву подарили? Возможно, и Спартак за такой тулупчик какого-то римского Гринева помиловал, к кресту не приколотил. А вот насчет того, что умен, конечно же, правда. Добавлю: умен и коммуникабелен, умел с людьми ладить, иначе бы **заговор** возглавить не сумел. То, что на эллина похож, это Плутарху виднее, но вот греческий язык Спартак знать мог. Ведь Плутарх – грек, а у греков с этим сурово. Не читал Гомера в оригинале, значит и ума нет.

Латынь Спартак тоже знал, это уж наверняка. Возможно, и образован был неплохо, но это уже чистый домысел в духе Джованьоли. Но почему бы и нет? Гладиаторы – народ простой и жизнь повидавший. Чем

можно было среди них авторитет завоевать и укрепить? Силой да ловкостью? Этим все они славились. Так что, может быть, Спартак и образованием народ к себе привлекал.

А вот военное дело Спартак знал отлично. Римскую армию знал, римскую тактику. Впечатление такое, что он с римским войском очень хорошо знаком был, и не как рядовой, а как командир, причем не десятник, но куда повыше. Ведь для того, чтобы с консульскими армиями в кошки-мышки играть, требуется не только талант, но и опыт. А опыт в деле приобретается.

И еще... Думается мне, что Спартак в Италии уже воевал. Не просто знал страну, а именно воевал, причем не так и мало. Уж больно безошибочно он свою армию по итальянским дорогам и тропам водил. С одними проводниками каши не сваришь, тут надо будущий театр боевых действий, так сказать, прочувствовать.

А теперь – биография. С этим куда сложнее. Снова вспомним Плутарха:

«Спартак, номад-ФРАКИЕЦ...»

Фракиец? А что другие говорят?

Афиней:

«...Гладиатор Спартак, убежав во время войн с Митридатом из итальянского города Капуи и подняв большое количество рабов – он и сам был раб, ФРАКИЕЦ родом...»

Синезий:

«Некогда выходцы из ГАЛЛИИ Крикс и Спартак, люди из низких гладиаторов, предназначенным быть на арене цирка очистительными жертвами за народ римский, убежали...»

Понимай, как хочешь – то ли из Фракии Спартак, то ли из Галлии. Так кто он? Фракиец или «фракиец»? Галл или «галл»? Если Крикс и Эномай – «галлы», как нам Орозий сообщил, то Спартак... Тут, честно говоря, сомнения имеются и немалые. Логика – это одно, факты же – совсем другое.

Вот например, из какой гладиаторской корпорации Спартак? Некоторые считают Спартака не «фракийцем», а мирмиллоном. Написано об этом, якобы, у какого-то римского автора. Долго я его, автора неведомого, искал. Нашел. Это все тот же Флор. В некоторых рукописях его книги Спартак просто гладиатором назван, в же других уточняется – гладиатор-мирмиллон. Предположим, что так оно и было. Предположим – и сразу же забудем. И вот почему. Название «мирмиллон» появилось позже, уже в I веке от Р.Х. Стали так называть некую гладиаторскую корпорацию за серебряную рыбу на шлеме, вроде как «рыбники». Во времена Спартака эта корпорация тоже существовала, но звалась иначе. Мирмиллоны – это «галлы». Так вот, меч, что на портрете изображен очень похож на «галльский» гладиаторский.

Значит, Спартак «галл», а не «фракиец»? Все к одному: Эномай «галл», и Крикс «галл», и Спартак. Потому и путает римлянин Синезий. Услыхал он от кого-то, что Спартак к галлам какое-то отношение имел...

Не уверен, честно говоря. Спартак – гладиатор судя по всему с немалым опытом, значит мог всякому оружию выучиться. Гладиаторов из одной корпорации-«клуба» в другую не так редко переводили, как и наших футболистов. А «фракийский» меч для конного боя неудобен, большой он. Так что Спартак, на коня садясь, мог «галльский» меч к бедру пристегнуть.

Не будем пока гадать. Не будем, и к историкам мудрым обратимся. А историки эти вот что нам рассказывают:

1. Плутарх и здесь ошибся – перепутал Плутарх «номада» с «медом». А меды – известное фракийское племя. Между прочим, именно в земле медов нынешние болгары Спартаку памятник поставили. К тому же имя «Спартак» очень на фракийское «Спарток» похоже. Спартоки же (точнее – Спартокиды) – одна из царских династий во Фракии. Они из Фракии на Боспор, что в **Крыму** находился, переселились и там много веков правили. И в самой Фракии правили. Отсюда, мол, у Спартака и образование, и военный опыт. Царевич!

2. Плутарх не ошибся. «Номад» обычно как «кочевник» переводится. Фракийцы – не кочевники, но слово и другое значение имело. «Номад» – житель далекой периферии, вроде как «варвар». Хотел Плутарх уточнить, что Спартак из фракийцев, но не из «ближних», а из, так сказать, отдаленных. А где еще фракийские племена жили, кроме как во Фракии? Жили эти племена в Малой Азии, там где Турция современная. Значит, Спартак – малоазиец, откуда-нибудь из Вифинии (это недалеко от нынешнего Стамбула).

Я бы, дорогой читатель, с мудрыми историками спорить не стал. И я не спорю, другое предлагаю. Может, нам само имя что-либо подскажет?

Подсказывает, конечно. Версий тут две:

– «Спартак» – искаженное фракийское «Спарток». Перепутали римляне. Значит, он фракиец чистых кровей. Царевич – не обязательно, но аристократ скорее всего.

– «Спартак» – имя фракийское, но по происхождению – греческое. Произошло это имя от мифического народа спартов. Это те, что из драконьих зубов выросли, с которыми Кадм Фиванский воевал. В честь этих спартов целые города называли. Был город Спартол (это в Македонии, рядом с Фракией), а был еще и город Спартакос, причем даже не рядом, а в самой Фракии. Уже теплее! Значит, «Спартак» – родом из этих самых спартов, так сказать, потомок.

Логично? Второе предположение логично, а вот первое – нет. Римляне прекрасно знали, кто такие фракийские Спартоки. И Плутарх знал. Едва ли они все разом царское имя от гладиаторского отличить не смогли. Так что можем быть уверены: не СпартОк, именно СпартАк.

Что касемо спартов, то поверить можно, ежели бы не одно «но». Одно, только очень уж серьезное. Если спартов так почитали, если в их часть города называли, то почему имя «Спартак» нигде во всей античной истории больше НЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ? Один Спартак – как перст. Любое другое имя возьмем, даже редкое самое, и сразу же несколько отыщем. Ведь сейчас надписей древних, греческих и римских, десятки тысяч найдено. Имен тоже – десятки тысяч. И ни единого Спартака – кроме, конечно, нашего великолепного парня.

Есть, есть! – отвечают ученые. Встречается такое имя! Вот надпись III века от Р.Х. из Милета, а вот и другая, того же времени, там четко сказано: Спартак, фракиец, из племени бессов...

Нет, дорогой читатель! В первом случае не Спартак, а Спартик, а во втором – Спартикс. Близко, но все же не то. Не встречалось такого имени! Города Спартол и Спартакос и вправду были, а вот имени «Спартак»... Догадливый читатель, наверно, уже руки потирает. Не имя, значит прозвище. А почему бы и нет? Некий фракиец из города Спартакоса попал в плен...

Может, и так. А я вам, дорогой читатель, иную версию предложу, хотя и близкую. Дело в том, что имя «Спартак» действительно существовало, но не во Фракии. Имя это – греческое и не такое уж неизвестное. Вот только людей этим именем не называли. И вот почему.

Была в Греции такая богиня – Артемида. Как-то увидел ее возле ручья охотник Актеон. Богиня в это самое время изволила водные процедуры принимать. Заметила Артемида, что за нею подсматривают – озлилась. Озлилась и Акетона в оленя превратила. Псы же Актеоновы, хозяина не распознав, на клочья беднягу разорвали.

История известная. Менее известно, как псов Актеона звали. А звали их так: одного Омарг, второго Борес, а третьего... Одни авторы пишут «Спарт», а вот другие – «СПАРТАК».

Так неужели «Спартак» – собачья кличка? Неужели нашего великолепного парня звали Бобиком? Не знаю, что и ответить, но в любом случае совпадение невероятное. Зато теперь вполне понятно, отчего этим именем людей не называли. «Шарик» да «Бобик» у всех на слуху, но не встречаем же мы Шарика Петровича или Бобика Ивановича! Разве что воевода Полкан в какой-то сказке есть. Но один – как и Спартак.

Впрочем, если это действительно не имя нашего героя, а кличка (точнее – прозвище), удивляться особо не станем. Он гладиатор, гладиаторов же порой подобными прозвищами одаривали – вроде как сценическими псевдонимами. А чем не прозвище для бойца с арены? Ведь насчет «Бобика» я пошутил, «Спартак» для тех, кто понимал, кто мифы греческие знал, звучало грозно. Спартак – тот, кто своих же на куски рвет, не жалеет. Почти Пес Баскервильей!

А теперь подумаем. Подумаем и выводы сделаем. Выводы же могут быть такими: либо «Спартак» невероятно редкое имя неизвестного (фракийского? греческого?) происхождения, либо это просто кличка. В любом случае, увы, страну, откуда Спартак родом, мы по его имени точно не определим. И возникает у меня сомнение. Точнее возникло, давно уже. А с чего мы взяли, что Спартак был иноземцем? Вспомним, что он и римскую армию досконально изучил, и Италию неплохо знал. Так не был ли Спартак РИМЛЯНИНОМ? Причем не италиком, как Крикс или Ганник, не рабом, в Италии родившимся, как Эномай, а именно римлянином? Настоящим?

Невероятно?

Может, и невероятно, да только в этом случае все на свои места становится. Посудите сами! Офицер армии Мария, репрессирован, попал в гладиаторы. Кличка – потому что не хотели хозяева, чтобы гордое римское имя каждый раз на арене выкликали. Ведь оно могло быть известным, даже очень. Соблазн! Соблазн – да и шум немалый, ведь у Мария и марианцев много сочувствующих оставалось. Спартак мог и сам кличкой назваться – дабы род свой римский не позорить. А вот и следок!

Варрон:

«Спартак был несправедливо брошен в гладиаторы...»

Улавливаете? «Несправедливо»! Двести несправедливо проданных в гладиаторскую школу – и Спартак вместе с ними. А ведь если будущий вождь и впрямь был дезертиром и разбойником, то по римским законам на арене ему самое место.

А как же «фракийская» биография? А так! Или мы биографии иных вождей не читали? Только недавно историки разобрались, в каком году Отец Народов товарищ Сталин родился. Казалось бы, к чему скрывать год рождения? А ведь скрывал, и не только это скрывал. «Власть под псевдонимом» – как Роман Гуль выразился. Понадобилась вождю Спартаку соответствующая биография, задумался спартаковский отдел пропаганды...

Могло ли такое быть? Честно отвечаю: не знаю. Спартака видели тысячи людей. И римляне видели. Римлян же, коренных, настоящих, не так и много было. И не опознали своего? А ведь ежели опознали, скрыть бы не смогли. Такая сенсация! Кроме того называться фракийцем не очень удобно. В войске Спартака настоящие фракийцы наверняка имелись. Сообразили бы они, что перед ними не земляк? Наверняка! Пошли бы лишние разговоры, а зачем такое вождю? В общем, не знаю. Может быть, Спартак и вправду был фракийцем. Может быть. Но вот откуда он родом, где жил и что делал, сказать не решусь. Ясно, что пожил, ясно, что повоевал. А вот остальное... Посему ничего выдумывать не стану, просто процитирую. Кое-что из этого мы уже знаем, остается вместе сложить.

Плутарх:

«Гладиаторы выбрали себе трех вождей, из которых первым стал Спартак, номад-фракиец, обладавший не только большой смелостью и физической силой, но умом и гуманностью. Этим он значительно превосходил других, будучи гораздо более похожим на эллина. Говорят, что когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, ему приснился сон, будто змея обвилась вокруг его лица. Жена Спартака, его соплеменница, пророчица и одержимая дионисовским вдохновением, предсказала, что это знак великого могущества, грозного для него по своему несчастному концу. И теперь она также была вместе с ним и вместе бежала».

Аппиан:

«В это самое время в Италии среди гладиаторов, которые обучались в Капуе для выступлений в цирке, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и, проданный в рабство, попал в гладиаторы».

Флор:

«От этих знаков отличий не отказался Спартак, этот солдат из фракийских наемников, ставший из солдата дезертиром, из дезертира разбойником, а затем за почитание его физической силы – гладиатором».

Вот, собственно и все. Правда ли это, мы не знаем, но по крайней мере именно так о Спартаке рассказывали – или он сам рассказывал. Конечно, историки по поводу этих слов много чего надумали. Например:

1. Если Спартак был из Фракии, он мог служить в римских вспомогательных частях в самой же Фракии, но не захотел воевать против братьев-фракийцев и дезертировал.

2. Если Спартак был фракийцем, но из Малой Азии, он мог служить в римских вспомогательных частях, набранных в провинции Вифиния, но во время Первой Митридатовой войны перешел к противнику.

Логично? Вполне. Понятно, откуда военный опыт, и почему в гладиаторы попал, тоже понятно. Беда лишь, что это лишь версии. А я вам еще одну подкину:

3. Спартак служил в римских вспомогательных частях, набранных Суллой в Греции и во Фракии, затем прибыл с его армией в Италию, дабы воевать с марианцами, но воевать не захотел, дезертировал и стал разбойником.

Тоже логично. Более того, в этом случае ясно, почему Спартак, не пожелавший воевать за Суллу, сошелся с марианцами Криксом и Ганником. И почему «несправедливо» на арену отправлен ясно.

На своей версии не настаиваю. Все могло быть и так, а могло и совсем иначе. Иначе – и куда занимательней. Но об этом – чуть-чуть позже.

А кем был Спартак в школе Лентула Батиата? Джованьоли считал – тренером. Помните? Спартак, по приказу Суллы из рабства освобожденный, кормится тренерской работой, а заодно заговорщиков спланирует. Так что по его мнению Спартак не раб, в отпущенник. Эта версия очень популярной стала. В одной серьезной научной книге так и пишется: вышел на волю, стал тренером в школе Лентула Батиата. Видать начитался в детстве этот автор ученый Джованьоли!

Почему итальянский романист такое придумал? Не только ради сюжета занимательного. Он ведь как рассуждал? Чтобы заговор организовать, нужно с гладиаторами постоянно общаться, связи с «волей» поддерживать, в других гладиаторских школах бывать, с людьми разными встречаться. Раба за ворота не выпускают, отпущенника же да еще тренера – пожалуйста.

Древние авторы, как мы видим, ничего подобного о Спартаке не писали. У всех он просто гладиатор и раб. Могли перепутать? Насчет рабского статуса, думаю, нет. Древние четко различали, когда раб, а когда отпущенник. Это вроде как в XVIII веке в России: это крепостной, а это бывший крепостной, ныне уважаемый человек, купец второй гильдии. Так что уверен – Спартак был рабом. А вот то что он тренерствовал, занятия с гладиаторами проводил, вполне вероятно. Тут я с Джованьоли согласен, более того еще аргумент добавить могу. Тренер – он старшой, он приказы отдает, его слушаться привыкли. Вот он среди заговорщиков главным и стал.

Итак, повторим:

В некотором царстве, в Римском государстве, в городе Капуя жил да был ланиста Лентул Батиат. И была у этого Батиата гладиаторская школа. Жил Батиат, поживал, добро наживал, да только вот беда случилась. Организовал фракиец Спартак в его школе заговор...

Правильно? Думаю, не совсем.

17. Змея и браслет.

А с чего это мы взяли, дорогой читатель, что руководителем и организатором **заговора** гладиаторов был именно Спартак? Да-да, не удивляйтесь и не кивайте на учебник истории. Там сказано, что Спартак командовал повстанческой АРМИЕЙ. Вот это верно, хотя, как мы увидим, и с некоторыми оговорками. А что касемо заговора...

Так ведь тот же Плутарх пишет... Да ничего подобного он не пишет!

Плутарх:

«Двести человек из них сговорились бежать, но так как о заговоре был сделан донос – о чем они заблаговременно узнали, – то 78 гладиаторов, предупредив его, вырвались на волю... Заняв сильную и укрепленную позицию, гладиаторы выбрали себе трех вождей, из которых первым стал Спартак».

Ясно? Сначала гладиаторы бегут, а лишь ПОТОМ выбирают себе трех вождей, из которых первый – Спартак.

Это Плутарх, а другие? Другие разное сообщают. Веллей Патеркул действительно уверен, что Спартак был главой заговора в школе Батиата, а вот Орозий иначе думает:

«Под начальством галлов Крикса и Эномая и фракийца Спартака они заняли гору Везувий».

В перечне вождей Спартак всего лишь третий. Первый Крикс, Эномай – второй. Но, может, Аппиан? Читаем:

«Этот Спартак уговорил около 70 человек из числа своих товарищей-гладиаторов пойти даже на крайний риск ради свободы...»

Понимай, как хочешь – то ли Спартак действительно заговорщиками руководил, то ли он всего лишь УГОВОРИЛ остальных. А это нечто иное. Организовали заговор трое, Крикс, Эномай и Спартак. Последний отвечал за разъяснительную работу среди личного состава школы. Политруком был, так сказать.

Кто еще поможет?

Синезий:

«Крикс и Спартак, люди из низких гладиаторов... Те, которые соединились с Криксом и Спартаком...»

Фемистий:

«...Превзошел своей наглостью Крикса, превзошел и Спартака...»

Как видим, Крикс снова первый, Спартак – второй. И кому верить? Но вспомним, что и Аппиан, и Плутарх писали не по горячим следам. Время шло, про Спартака, конечно, помнили, а вот детали заговора постепенно забывались. К тому же все эти авторы, Патеркула включая, интересовались именно ВОЙНОЙ, а не заговором. На войне же главным вождем стал Спартак.

Еще поищем? Нам бы кого поближе, кто события эти помнить мог. Что ж, есть и такие. Цезарь и Цицерон заговору современники, но о нем ничего не пишут. Саллюстий тоже современник, но от его книги только обрывки сохранились. А еще?

Достаточно близко ко временам Спартака жил великий римский историк Тит Ливий, тот, что Ганнибала критиковал. Сам он эти события не помнил, но живых свидетелей застать мог. Кроме того, отличался этот Ливий необыкновенной добросовестностью – ежели дело до римского патриотизма не доходило. Ему обычно верят, поверим и мы. От соответствующей книги его «Истории» сохранился конспект, а в том конспекте сказано:

«Семьдесят четыре гладиатора в Капуе бежали из школы Лентула и, собрав около себя толпу рабов, присужденных к каторжным работам, под начальством Крикса и Спартака подняли войну».

Итак, первый вождь Крикс, Спартак – лишь второй. Поверим? Я лично поверил. Поверил, и вот какая картина мне представилась. Точнее, версия.

Заговор возник среди тех, кто воевал сначала против Рима в армии Государства **Италия**, а затем против Суллы. Возглавили заговор Крикс и Ганник, оба «галлы». Кое-кого из своих товарищей-«галлов» они уговорили, но затем пошли сложности. Дело тут вот чем. Судя по дальнейшему, заговорщики собирались не просто бежать, а ВОЕВАТЬ против Рима, а для этого дела хорошо бы побольше опытного народа завербовать. Гладиаторы – лучшие кадры, но только не спешат гладиаторы к заговору приставать. Почему? Тоже понятно. Заговор, побег, а потом война – это смертельный риск. На арене еще могут и не убить, но вот ежели против державы пойдешь, крест почти обеспечен. К тому же в школе кормят, в школе тепло, «волчиц» приводят, болельщики винца наливают. А если бежишь, что тебя ждет? В холодном лесу скрываться, последнюю корку хлеба делить, под ночным дождиком скучать. Большинство гладиаторов – не идейные бойцы против Рима, это всякая шваль, за грехи свои в школу проданная. Трудно таких на почти верную смерть уговорить.

Крикс не унывает и подключает Эномая. Тот бывший разбойник и наверняка в авторитете. Этот романтик с большой дороги может уговорить многих, ему есть чем народец соблазнить. Мол, жизнь вольная, песни у костра ночного, дележ добычи... Однако все, и Крикс, и Ганник, и Эномай – «галлы». В школе Батиата «галлов» много, но и «фракийцев» много. Их бы к заговору привлечь! Только не дружат между собой корпорации. Не дружат и не очень друг другу доверяют. А вдруг конкуренты провокацию затеяли? Нравы в школе этой, уверен, были еще те.

И вот тогда подключается «фракиец» Спартак. Он человек очень авторитетный – опытный гладиатор, а может, и тренер, его слушают. А говорит Спартак своим товарищам, как мы уже благодаря Аппиану знаем, вот что:

«Этот Спартак уговорил около 70 человек из числа своих товарищей-гладиаторов пойти даже на крайний риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей».

Его выслушали и поверили. В конце концов к заговору, как сообщает Плутарх, примкнуло двести человек. Немало! Можно и начинать.

Такая вот версия. Да только вопросы остаются. Почему именно Спартак остальных уговорить сумел? Почему поверили, да так поверили, что после бегства Спартак ПЕРВЫМ вождем стал? Крикс и Энмай – тоже вожди, но все же не главные.

Всяко, конечно, могло быть. Например, показал себя Спартак во время бегства. Заговор-то раскрыли! Но Спартак не растерялся, товарищей возглавил...

Вполне вероятно. Но есть еще одна зацепка, ее нам, как вы помните, Плутарх подбросил. А подбросил он ее потому, что и сам в какой-то старой римской книге прочел. Значит, история была известная.

Итак:

«Говорят, что когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, ему приснился сон, будто змея обвилась вокруг его лица. Жена Спартака, его соплеменница, пророчица и одержимая дионисовским вдохновением, предсказала, что это знак великого могущества, грозного для него по своему несчастному концу. И теперь она также была вместе с ним и вместе бежала».

Вот и до жены Спартака очередь дошла, до той самой таинственной дамы, что сумела все годы рабства рядом с мужем прожить. Если это было действительно так, все понятнее становится. Женщина-фракиянка, известная как пророчица, начинает рассказывать гладиаторам, что муж у нее – не просто бывший римский солдат и дезертир. Ему великое могущество предстоит! И никаких сомнений в том нет, потому как сон вещий был. Так что слушайте его во всем, он вам плохого не посоветует.

...Про «несчастный конец» она, конечно, помалкивала. Это уже потом, когда спартаковцев разбили, ясно стало.

Верится? Мне, признаться, не совсем, и причина все та же. Что эта дама в школе гладиаторской делала? Как туда попала? Если Спартак не раб, а отпущенник, он мог жену из рабства выкупить, вместе с ней в школу Батиата приехать и устроить ее поварихой. Но ведь Спартак – раб, и эта дама – рабыня! Причем, вместе они давно, еще во Фракии познакомились, затем Спартак воюет в римской армии, дезертирует, его ловят, из одной гладиаторской школы в другую перебрасывают... А жена все время рядом с ним! Такое и Джованьоли придумать не решился. Не поверят!

И я, знаете, не верю. Но вот что некая пророчица из Фракии заговорщикам помогла – очень даже верю. И что ее предсказания о «великом могуществе» Спартака колеблющихся убедили, тоже верю. Такое и сейчас случается, и тогда случалось. Любит народ всякую мистику, а кто надо, этим пользуется.

А вот и пример. Место действия – Сицилия, время – 137 г. до Р.Х. Невольники злого и жадного рабовладельца Демофила готовы восстать. Готовы, но все-таки опасаются – это ведь верный крест! И тогда появляется среди них некий сириец Евн.

Диодор Сицилийский:

«Он хвастался, что может по указаниям богов, данных ему во все, предсказывать будущее и, благодаря своей ловкости, обманул таким образом многих. Затем он начал предсказывать не только по снам, но стал прикидываться, будто видит богов наяву и от них узнает будущее. Из всей его болтовни кое-что иногда сбывалось».

Сбывалось, вот как? Значит, не такая уж это была болтовня. Но этот еще не все.

«С помощью некоторого приспособления он умел в припадке вдохновения изрыгать огонь и таким образом пророчествовать о будущем. В пустой орех или что-то подобное, составленное из двух высверленных половинок, он вкладывал раскаленный уголь... Затем, вложив все это в рот, он извлекал иногда искры, иногда пламя».

И о чем же этот умелец пророчествовал?

«Еще до восстания он говорил, что Сирийская богиня является ему и предсказывает, что он будет царем».

Богиня сказала правду – Евн стал царем созданного восставшими рабами Ново-Сирийского царства.

Как видим, сириец Евн предсказывал – и жрица-фракиянка предсказывала. Евн огонь изрыгал, а фракиянка впадала в транс, в «дионисийское вдохновение». И оба они в своих пророчествах не ошиблись. Но все-таки как эта дама в школе гладиаторской оказалась? Как умудрилась все эти годы от мужа не отстать?

Дорогой читатель! Есть у меня и на этот случай версия. А поскольку я фантастику очень люблю, версия совершенно фантастическая. Представим себе...

В школе Лентула Батиата – пирушка. Угощает хозяин своих гладиаторов перед завтрашним боем. Не он один – из города болельщики набежали, винца принесли, закуски. И девочек привели, тех, которых римляне презрительно «волчицам» величали. За столом шум, за столом крики, раскраснелись лица, к «волчицам» уже лапы потные тянутся.

Представили?

И вот одна из «волчиц», хлебнув неразбавленного цекубского, расхвсталась... Даже не так! Обидели ее, «волчицу». Гладиаторы – народ грубый, к тому же винцо на столе. Обидели, до слез довели.

«Волчица» – рабыня-фракиянка. Не очень молодая уже, но наверняка интересная. И не только из-за внешности – болтают, что она у себя во Фракии жрицей была. И не из последних! Накатывает на ее порой дионисийское вдохновение, да так, что страшно бывает.

И вот – обидели. Женщина плачет, женщина кричит. Латынь знает плохо, иностранка она, поэтому, что именно кричит, да еще сквозь слезы, не очень и понятно. Что-то про своего грозного мужа, у которого змея вокруг головы обвилась. Он, этот муж, и сейчас рядом с нею, он им всем покажет...

Кто сочувствует, а кто смеется. Смеется, фракиянку дразнит. Мол, кликни, кликни своего грозного благоверного! Где он сейчас-то? Под столом прячется? А вот тот, кто чуть в сторонке стоит, не смеется. Крепкий, лет под сорок, шрамы на лице, седина на висках, на правом запястье – старый бронзовый браслет.

Крикс...

Не смеется Крикс, думает. Думает, с товарищем своим переглядывается. Это Ганник. И с другим переглядывается, нам еще неизвестным.

А бедную женщину совсем довели. И вот высохли слезы. Вскочила фракиянка, глазами сумасшедшими сверкнула, из горла – рык, руки с пальцами скрюченные вперед рванулись... Стих смех, молчание упало. Поняли – нельзя дальше человека трогать. Дионисийское вдохновение у «волчицы», а это уже не шутки, это ведь она с богами разговаривает!

А из груди у фракиянки – страшный хрип: «ПРИДЕТ МОЙ МУЖ! СКОРО! СКОРО!»

Женщину в покое оставили, она, бедняжка, на ложе упала, кто-то вина ей поднес. А Крикс между тем Ганника в сторонку отозвал. И того, третьего, отозвал.

Пока они, дорогой читатель, беседуют, я вам этого третьего представлю. Знакомьтесь: Каст, галл, вероятно, тоже из корпорации «галлов». В дальнейшем воевал в отряде Крикса, а после его гибели стал заместителем нового командира – Ганника. Пять римских Орлов в гладиаторской палатке – на их совести.

Чем интересен Каст кроме своей будущей славы? Именем, дорогой читатель, именем. «Каст» означает «Незапятнанный». Имя это, дорогой читатель, жрецское. И вновь, как и с Криксом, нельзя сказать, был ли сам Каст жрецом. Но то, то из соответствующей семьи, очевидно.

О чем беседуют эти трое? Крикс и Каст, пусть и не жрецы, но какое-то понятие о жреческих тайнах-секретах имеют. Имеют – и единственные на этой пирушке понимают, О ЧЕМ ИМЕННО кричала несчастная женщина. Вот об этом они меж собою толкуют, а заодно товарищу своему Ганнику объясняют.

И я вам объясню.

Фракиянка – пророчица, значит, скорее всего, жрица. Плутарх намекает, что Диониса. Вполне возможно, Дионис – божество фракийское. Фракийское – и очень грозное. Это у поздних скульпторов Дионис на мальчишку с виноградной гроздью похож. Настоящий Дионис бородатый, страшный, противоречий не терпящий. Кого и как он наказал, что во гневе учудить способен был, в любой книжке по мифологии прочитать можно. А еще он вакханалии по Греции и Фракии устраивал, когда люди целыми городами с ума сходили. И много чего еще мог, мог – и творил.

А теперь скажите-ка мне, кто является МУЖЕМ ЖРИЦЫ? Намек поняли? А если не поняли, вспомните, как называют монахинь? Верно, невестами Христовыми. Теперь ясно?

Не христиане сие придумали, обычай этот очень и очень давний – жрица принадлежит Тому, Кому служит. Не человеку, понятно. В древности такое часто особым обрядом оформляли, «священный брак» этот обряд назывался.

Вот о Ком фракиянка кричала! Вот у Кого змея вокруг головы обвивалась, вот Кто все эти годы рядом с нею был!

Поговорили три «галла»-гладиатора. Переглянулись. Носящий Браслет с Незапятанным, вновь переглянулись, к фракиянке подошли. А она уже и успокоиться немного успела. Присели Крикс и Каст рядышком на ложе, а Ганник поблизости стал, вроде как на стреме...

А на следующий день поползли по гладиаторской школе слухи. И не даром поползли! Вскоре появился у гладиаторов новый тренер – фракиец с собачьей кличкой вместо имени. Но никто не удивился, ведь ТАКОЕ имя вслух называть нельзя. И сказал гладиаторам новый тренер, что должны они пойти даже на крайний риск ради свободы, ведь это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей. А Он их Сам поведет.

Дорогой читатель! Я не утверждаю, что два жреца, оск и галл, вместе со жрицей-фракиянкой ВЫЗВАЛИ или СОТВОРИЛИ Спартака, того, кто сумел до гладиаторских сердец достучаться и очарованных гладиаторов в бой повести. Не утверждаю, потому как в древних богов вы не верите, да и я не очень.

...А для тех, кто все-таки верит, я несколько соображений приберег. Оч-чень любопытных! Но об этом после, ближе к финалу.

Скучные же материалисты имеют полное право допустить, что Крикс и его товарищи соответствующие слухи распускали и этими слухами сполна воспользовались. Скажем, Крикс (или Ганник, или Каст) могли Спартака еще до этого знать – пересекались где-то их гладиаторские пути-дороги. И про то, что Спартак в школу привозят, ведать могли, хотя бы через писаришку подкупленного. А тут жрица фракийская к месту подвернулась.

Но могли и не знать. Привезли Спартака в школу, познакомились накоротке. Спартак-то парнем коммуникабельным был и доверие наверняка вызывал. И сообразили заговорщики: вот он, человек нужный! Подмигнули фракиянке, которую в очередной раз на ее службу в школу притащили, а она и шепнула кому надо. Вот Он, мол, Муж мой грозный! Прибыл! Прибыл – и к вам слово верное имеет.

Остальное понятно. Крикс и Ганник по-прежнему с «галлами» шушукались, Эномай – с элементом разбойным. Спартак же – с «фракийцами». А поскольку про него уже ЗНАЛИ, то нового тренера и все прочие внимательно слушали.

Вот вам и заговор!

18. Дело техники.

Как устраиваются **заговоры** я, честно говоря, представляю себе слабо – опыта не было, да и особой необходимости тоже. Посему о конспирации в школе Батиата, о, так сказать, технической стороне дела, могу лишь порассуждать. Да и то весьма абстрактно.

Прежде всего, откуда знать историкам римским всякие любопытные подробности? Сколько человек в заговорщиках состояло, что своим товарищам Спартак говорил? Едва ли спартаковцы такими деталями с римлянами делились. Плутарх поясняет: был донос. Допустим. Допустим и добавим: был донос и наверняка следствие. Побег из гладиаторской школы – ЧП немалого масштаба, значит, комиссию из местной администрации, то есть префекта и его чиновников, создавали, обыски проводили, допросы, «оченьки» устраивали. Кое-что и всплыло. Кое-что, но наверняка, как мы увидим, не все.

Попробуем и мы по следам пройти. Жаль только, что следы давно остыли. Нас бы туда, в Капую, в горячее лето 74 года до Р.Х.!

Итак...

Прежде всего – цель. С этим понятно – побег. Зная же то, что случилось после, добавить можно: побег и последующая борьба с Римом. В этом можно не сомневаться, иначе гладиаторы, свободу получив, быстро бы разбежались по всей прекрасной Италии и уж точно не стали бы создавать многотысячную армию. Значит цель – побег и вооруженная борьба. А вот ЗА ЧТО именно, говорить пока рано.

Кто заговором руководил, мы тоже знаем – Крикс, Эномай и Спартак, рядом с ними – Ганник и Каст. Пять человек, пять будущих командиров повстанческой армии, так сказать, директория. А вот с количеством заговорщиков разобраться куда сложнее.

Плутарх:

«Двести человек из них сговорились бежать».

Поверим? Прежде всего, откуда цифра? Скорее всего, из доноса или из материалов следствия. И тут начинают одолевать меня первые сомнения. В доносах такие цифры обычно преувеличивают. Это понятно – доносчик, стукач грязный, выслужиться хочет, посему охотно к былям небылицы прилагает. Да и у страха глаза велики. А вот следствие цифры может СПРЯТАТЬ. Также понятно почему – дабы шуму было поменьше. Дал Батиат городскому префекту и его присным на лапу, те и спустили дело на тормозах. Но и наоборот бывает. Представьте себе: Капуя, паника, гладиаторы ополчение городское вдребезги разбили. Кто крайний? Ясное дело, Лентул Батиат! И начинают его школу ТРЯСТИ. Гладиаторов огнем пытаются, и обслугу пытаются, и даже девочек-«волчиц». Вот и оговаривают себя от боли и страха.

Я же считаю, что двести человек для такого заговора все же многовато. В любой тюрьме стукачи имеются, причем в достаточном количестве. И в гладиаторской тюрьме-школе таковые были. Неужели Спартак с Криксом посчастливилось две сотни завербовать, прежде чем на доносчика нарваться? Не верится что-то.

А дело могло быть так. Двести человек – это те, кто в заварухе участвовал. Ведь какое самое лучшее прикрытие массового побега? Конечно, же тюремный бунт. Кликнули клич, отперли двери камер: вываливай, братва, настало времечко! Кто не такой смелый и не отчаянный, тот в уголок забился, а сорви-головам кровь в печень ударила. Уговоры слушать – это одно, а когда камеры открыты, когда вертухай с перерезанным горлом в коридоре валяется... Вот и бросился народец – волюшки хлебнуть. А заговорщикам это и требуется. Пока толпа стражников ловит и на части рвет, можно под шумок уйти.

И ведь ушли! А вот остальным, кто вовремя не сообразил, туго пришлось. Самих же заговорщиков было много меньше. Сколько именно?

Аппиан:

«Этот Спартак уговорил около 70 человек из числа своих товарищей-гладиаторов...»

Может, так оно и было. Заговорщиков семь десятков, они и устроили бунт. Остальные же – это спартаковская «массовка», дабы бежать сподручнее было.

А сколько заговор существовал? Думаю, не очень долго. Конечно, «директория» могла шушукаться между собою несколько лет, но вот когда число завербованных перевалило за десяток, а то и за два, действовать следовало БыСТРО. Выдадут! И действительно выдали. Так что скорее всего заговор имел два этапа:

– Маленькая группа строит планы, нащупывает связи с «волей», с другими гладиаторскими школами, присматривается к товарищам на предмет вербовки.

– Начинается вербовка, заговор разрастается – но с каждым днем растет и опасность. Так что дней этих должно было быть не так и много. Месяц? Два? Едва ли больше.

А теперь прикинем, о чем «директория» шушукаться могла. Прежде всего – связи с «волей». Трудно, но вполне осуществимо. Вспомним, что Крикс мог быть из этих мест, да и Эномай где-то в Южной Италии разбойничал. Значит, оба имели все шансы связаться со «своими». Для Энома «свои» это, конечно, дружки из зеленого леса, для Крикса – уцелевшие однополчане, родичи, друзья. А эти родичи и друзья наверняка перекинули мостик к тому, что очень условно можно назвать «подпольем» – с теми из местных, что не смирились с владычеством Рима.

То, что такое подполье существовало, мы скоро убедимся.

А другие гладиаторские школы? Помните, как у Джованьоли Спартак мечтал чуть ли не десять тысяч гладиаторов поднять? Почему бы и нет? Гладиаторов то и дело увозят из Капуи в иные города – на арене резаться. Школа Батиата одной из лучших считалась, значит на гладиаторов спрос постоянный был. А перед резней на арене вполне можно встретить старого дружка, с которым в одной армии воевали или вместе разбойничали. Парой слов перекинулись, тот кивнул... Тебя зарезали, но дружок уцелел, зубами скрипнул – и поклялся, что сделает все, как надо. Вернулся он в свою школу, к примеру, в городе Пренесте, кое с кем из самых надежных переговоров – и вот вам еще одна «директория».

А как связывались? Как «малявы» из-за решеток перекидывали? Это как раз просто. В школе гладиаторской немало народа с «воли» бывает – те же пирушки перед боем, те же «волчицы». Под видом болельщика-поклонника в школу кто угодно мог заглянуть. А если рисковать не хотелось, то можно к «волчицам» за помощью обратиться. Постоянное место службы «волчиц» – лупанарий, «волчатник», то есть. Там у клиентов точно паспорта не требуют. Так что достаточно найти смелую девочку-связную, денюжат ей подкинуть...

Если же друзья на «воле» есть, ежели связь с ними устойчивая, можно через них курьеров куда угодно направлять. В римскую гладиаторскую школу, к примеру. Там ведь тоже пирушки случаются. Так что Джованьоли, когда о заговоре писал, мало что преувеличил. Разве что контакты Спартака с римской верхушкой выдумал. И не потому, что, скажем, тот же Юлий Цезарь (помните в романе?) с гладиаторским курьером говорить бы побрезговал и тут же в преторию его сдал. Может, и сдал бы, но мог и выслушать. Да только Криксу и Спартаку пока что козырять на таких переговорах было нечем. Вот когда повстанческая армия появилась и стала легионы бить! А если какой-нибудь политический отморозок вроде Катилины в услугах гладиаторов-головорезов нужду имел, то побег бы не понадобился – ему проще было нанять сотню-другую «галлов» и «фракийцев» на вполне законных основаниях. Он так и сделал через несколько лет, причем, как мы еще увидим, без всякого шума. Так что, думаю, никто в Риме заговор не поддерживал и о заговоре не знал. И курьеры гладиаторские в двери римских политиков не стучались.

А вот что могло быть, так это вербовка в самой школе. Вспомним, что Плутарх сообщает:

«Двести человек из них сговорились бежать, но так как о заговоре был сделан донос – о чем они заблаговременно узнали, – то 78 гладиаторов, предупредив его, вырвались на волю...»

ЗАБЛАГОВРЕМЕННО узнали!

Значит, был доносчик, но был и тот, кто предупредил. Причем предупредил заблаговременно, а это, между прочим, весьма сложно. Система безопасности в такой школе продумана до мелочей. И вот приводят к Лентулу Батиату (или к тому, кто вместо него на хозяйстве) доносчика. То, что приводят лично, не сомневаюсь, уж больно новости страшные. Что должен сделать Батиат (или кто иной), первые же слова от «стукача» услышав? Правильно! Развязать на ширину колчана свою хлебрезку и заорать: «Тревога!!!» А дальше все по штатному расписанию: караульные оружие хватают, дежурная смена к воротам бежит, к дверям тюремным, к оружейной...

Но все-таки предупредили Спартака, причем заблаговременно! Значит помогал заговорщикам кто-то из школьного руководства – тот, кто мог донос попридержать и весточку о провале вовремя перекинуть.

Итак, свой человек в школьном руководстве. Это раз. А два – кто-то из вертухаев, из тех, что ключи от камер на поясе носят. Камеры-то запираются! И на кухне, через которую бежать пришлось, кто-то мог быть.

Если все это верно, то про остальное можно у Джованьоли почитать. Помните? Ночь, хрип зарезанных охранников, кухонные вертела в гладиаторских лапищах, пустые улицы Капуи...

Могло быть так? Могло! Но могло быть все иначе. Иначе – и куда проще. Ведь Джованьоли что придумал? Придумал он, что «свой человек» рядом с Батиатом – это Спартак. Батиат ему верит, в командировки по Италии направляет. Вот Спартак о доносе первым и узнает. Но ведь Спартак – раб, и вся остальная «директория» – рабы! Даже если Спартак не просто боец, а тренер, все равно никакой веры ему нет. Каморку получше выделили, девиц почище приводят, но чтобы тайнами делиться! Вербовать же кого-то из школьного штата – риск чудовищный. Что могли Спартак с Криксом вертухаю предложить? Горсть денариев? Так ведь за помощь в таком деле можно если не на крест, то в каменоломню точно угодить. Но вертухай еще ладно, а как человека в руководстве школы перевербовать? Что пообещать, чем заплатить?

Внедрили? Нашли Штирлица, скажем, из старых друзей Крикса, что на воле остались? Так ведь непросто это, Батиат кого попало на службу не берет.

Так что, все иначе случиться могло. Не было у заговорщиков своей агентуры – ни на кухне, ни среди вертухаев, ни рядом с Батиатом. И доноса могло не быть. Ведь все это мы придумали, Плутарху поверив, а тот в какой-то книжке римской нашел. Книжка же эта по материалам следствия писалась, а то и просто по слухам. То есть, может и правда, а может, и совсем наоборот. Когда школу Батиата трясти стали, что ланиста в

оправдания сказать мог? Да, бежали, случился грех. Но ведь если не я, то бежало бы куда больше, целых две сотни! Но это дело я, господа хорошие, в корне пресек, у меня служба безопасности на высоте...

А если мы Плутарху с Батиатом не поверим? Неопытный я заговорщик, но ежели бы мне и вправду довелось побег из школы Батиата планировать...

19. «На рывок».

А теперь, дорогой читатель, вновь представьте себе, что вы Спартак. Вы в школе Лентула Батиата. Лето, мухи жужжат, возле ворот стража скучает. А у гладиаторов – тренировка уже не первый час. Перерыв, у всех языки на плечах, никто друг на друга не смотрит, потому как устали. А вам того и нужно. Отозвали вы в сторонку Крикса с Ганником, а Каста дозорным поставили. Эномай же давно рядом с вами, вы ему вроде бы как премудрости фехтовальные втолковываете.

Шепчетесь.

О чем? Да о том, что дело худо – видел Ганник, как некий «галл», всего пару дней вами в заговор принятый, с вертухаем шушукался. И рожа у него была в тот миг ну самая-самая! А может, и не случилось ничего такого. Просто рассудили вы: пора! Народу немало завербовано, значит, ежели не выдали, то выдадут всенепременно. И лето проходит, а осенью, в дождь, в лесу совсем кисло. Значит? Значит, бежать надо. Сегодня. Сейчас! Как говорится, вчера было рано, завтра поздно будет...

С вами соглашаются – в принципе. Да только как? И прежде всего – когда? Днем или ночью?

А теперь вновь Джованьоли вспомним. У него побег ночью состоялся, видать, для пущей романтики. Тьма, глухие шаги караульных, отблеск светильника на кинжале... Но если вы и вправду Спартак, то вы должны сразу решить – днем. Днем и только днем!

Поясню.

Ночной побег хорош, если бежишь в одиночку или группой малой. Растворился в темноте – и ищи ветра в поле! Но вам нужен не просто побег, вам нужен БУНТ. Ведь незаметно несколько десятков человек из школы-тюрьмы не выведешь, прорываться придется. А для этого людей требуется прежде всего вместе СОБРАТЬ.

Я вам, дорогой читатель, не зря про камеры все время напоминал. Для того эти одиночки и придуманы были, чтобы народ разъединить. Даже если вертухай с ключами подкуплен, все равно трудно. Ведь это сколько времени требуется, чтобы все камеры отворить! А вертухай-то не один, сменщик с ним, и начальник караула время от времени в коридор заглядывает. Днем же все проще. Вот сейчас гладиаторы в зале тренируются. И в соседнем зале тоже, и еще в одном. Стражи, конечно, полно, но ежели толпой навалиться... Такое, дорогой читатель, побегом «на рывок» называется.

Это раз.

Во-вторых ночью охрана особо бдит. Почему – тоже понятно. Причем бдит не только охрана школы, но и городская стража – и ворота, что из города напрямик к свободе ведут, заперты. В соседних Помпеях стен городских нет, разрушили их, но в Капуе есть. Значит либо ворота ломать, либо акробатикой заниматься, через стены перелезть. А времени на это мало останется, стража по пятам бежать будет, в городе тревогу объявят, перепуганные обыватели за оружие схватятся.

Это два.

А если вы, читатель, заговорщик опытный, с воображением, то ко всему этому еще одну мысль приплюсуете. Вырваться из города мало, надо еще и уйти подальше. Ночью уходить вроде бы лучше, но за ночью утро настает. Сейчас лето, ночи короткие, значит, через несколько часов, когда как раз в Капуе ополчение соберут и по соседним городишкам клич кликнут, вы на виду окажетесь, под ярким солнышком. А если днем из города вырваться, то все наоборот будет. Пока ополчение сбежит, пока оружие раздадут и разберут, ночь настанет. Значит, несколько часов форы у вас есть.

Это три.

И последнее. Как именно бежать, вы заранее продумали. Вспомним еще раз: школьные помещения квадратом вокруг двора идут, забора нет, но ворота охраняются, стража на месте, а окна наружу скорее всего решетками забраны. Один путь – через кухню, там отдельный вход, через который продукты в школу приносят. Однако ночью кухня не работает, двери заперты, днем же совсем наоборот. Вон, прямо сейчас повара через дверь открытую дымящийся котел выносят.

Ваши выводы, Спартак?

Спартак выводы сделал. Бежали днем. И в этом я почти уверен.

Плутарх:

«Случайно встретив по дороге несколько телег, везущих в другой город оружие для гладиаторов, они захватили его и вооружились».

Едва ли телеги с оружием по ночам ездили. То-то подарок разбойничкам! Так что днем все это было, не иначе. Между прочим, телеги эти могли последним аргументом стать. Оружие требуется? Требуется – и много. Где взять? На тренировках у гладиаторов мечи учебные, деревянные. А если и боевые выдают, то совсем немного.

Оружие есть в школе – гладиаторское. Но оружейную охраняют на совесть, дверь прочная, а времени, чтобы с ней возиться, не будет.

Оружие есть у стражников, но за каждый меч, каждое копье придется кровью платить. И с временем опять-таки декохт.

Оружие есть в городе, у городской стражи, но с ним та же история.

А вот именно сегодня вы узнали, что в соседний город, скажем в те же Помпеи, должны в тамошнюю школу оружие доставить. Сам Батиат и обмолвился. Мол, зашевелились конкуренты, в Риме, в лучшей мастерской, что у ворот Тибуртинских, мечи «галльские» заказали! Несколько телег с оружием – это не так и мало, дорогу же, по которой повезут, вычислить просто. Если же трудно, друг Эномай подскажет, он места здешние знает. Так что телеги эти могли перехватить не так и случайно.

...А может, и вовсе не случайно. Раб-писарь, что в помпейской школе лямку тянет, заранее «маявчу» перебрал с очередной «волчицей».

Итак, решено! Бежим – днем и сейчас. А для начала заварим-ка бучу!

Постойте, постойте, а как же донос? Ведь пишет Плутарх! Нельзя же так просто почтенного грека игнорировать!

Право, не знаю. Вот прочитал я в одной весьма серьезной книге, что донос прямо в Сенат поступил, в город Рим. Там испугались, курьера в Капуе отправили, но заговорщики начеку оказались, курьера того опередили – на аэроплане, видать. И Джованьоли о том же пишет. Только у него Спартака сам Цезарь предупредил. Уважая я романиста итальянского, но такое даже комментировать не стану.

Уверен, если бы власти, что в Риме, что в Капуе, предупреждены были, то тем дело бы и кончилось. А в то, что у Спартака была своя контрразведка, да такая, чтобы в Сенате римском или даже при префекте капуанском уши имела, напротив, не верю. Впрочем, желающие могут верить. Могло, конечно, и такое быть, но, как по мне, чисто теоретически. А вот откуда разговоры про донос да про предупреждение пошли, рискну предположить.

Итак, вы Спартак. Все решено, вы встаете, на гладиаторов, что уже готовы вновь за деревянные мечи взяться, смотрите. В зале гладиаторов сотня, из них ВАШИХ – человек двадцать. Не так и мало, но вы людей хорошо знаете. Разные они, и не все храбрецы. Когда один на один, соглашаются – опять-таки в принципе, но когда нужно не в принципе, когда требуется здесь и сейчас, когда тень решетки оконной крестом деревянным начинает казаться...

Значит? Значит, надо народ ПОДТОЛКНУТЬ. А как? Да очень просто – надо их убедить, что обратный путь закрыт – напроочь! Что смерть и там, и тут, но при побеге еще есть какой-то шанс, а если струсишь – все. И огонь тебе будет, и железо, и крест деревянный с гвоздями. И покаяния твоего никто слушать не станет, разве что крысы в камере смертников.

Итак? Вы киваете Криксу с Эномаем. И Ганнику киваете. А сами народу: «Станови-и-ись! Стр-р-роиться!»

Вы же тренер, не забыли?

Строится народ, все еще ни о чем не подозревает. А вы минуту-другую ждете, затем руку вверх легионерским приветствием выбрасываете...

Речь, дорогой читатель, я за Спартака сочинять не стану. И так все ясно. Она должна быть короткой, чтобы стражники, у дверей скучающие, не сообразили, и яркой. И очень-очень убедительной. Мол, следует, товарищи и братья, пойти даже на крайний риск ради свободы, и это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей. Отступать некуда – нас выдали, вот-вот вязать придут. А если повяжут, то для острастки не только заговорщиков казнят, но и остальных не помилюют. Каждого второго – на крест, прочих в рудники свинцовые. Позади, товарищи и братья, смерть. Впереди, товарищи, свобода!

Убедили? Меня и убеждать не надо. А вот гладиаторы... Которые ВАШИ, которых вы сами вербовали, вроде как подрастерялись. Сейчас очнутся, сейчас просыпаться станут, но это «сейчас» затянуться может. Но это ВАШИ. Все же прочие просто одурели, глаза на лоб выкатили, губами белыми шевелят. А стражник, тот, что слева от входа, уже челюсть отвисшую на место прилаживает, у того же, что справа, в глазах долг служебный разгорается...

Подтолкнуть! Еще! Сейчас же! И не словами, слов мало, нужно ДЕЛО, чтобы до всех сразу дошло, пока стражник, тот, что справа, ручищей по эфесу гладиса хлопает...

Нет, дорогой читатель, не хлопает уже. Вы ведь не зря с Криксом и прочими шептались. Сползает стражник на пол, глаза закатив, в шее у него – сапожное шило, а Эномай-разбойничек аккуратно так его придерживает, чтобы панцирь не загремел. Второй же, тот, что слева, еще хрипит. Но недолго ему хрипеть, у Крикса руки железные, да и Ганник рядом.

Два трупа у дверей. Все! Рубикон позади, жребий брошен, и танки Западный Буг пересекали...

А теперь можете командовать. Что именно? Как что? В соседнем зале – «фракийцы» тренируются, в том, что дальше – «самниты» с андабатами. Первая полусотня – с Криксом, вторая – с Эномаем, учебные мечи взять, оружие стражников поделить, душить всех, кто в шлеме и панцире!..

И вот уже блестят глаза, вот уже заорали «Спарта-а-а-ак!», вот уже не надо бояться, потому что поздно, и давят стражу в коридоре, и врываются в соседний зал, и вскипает грозной толпой двор...

Вы, дорогой читатель, наверняка догадались уже. Я ведь ничего не выдумал, я совершенно реальный бунт описал. Только случился он не в далекой Капуе двадцать один век назад, а поближе и не так давно. Год

1917-й, раннее утро 27 февраля, Петроград, казармы лейб-гвардии Волынского полка. Так тогда все и началось...

Почему Спартак мог действовать именно ТАК? А потому, дорогой читатель, что бунтуют везде одинаково. И ничего нового за двадцать один век в этом жутком деле не придумали. Уверен!

А дальше – все понятно. Вы ведь сценарий побега с товарищами своими не один раз проговаривали. Сейчас тревогу объявят, сейчас рожок сигнальный запоет, стража из караульной выскочит. Не страшно! И то, что народ во дворе безоружный – тоже не страшно. Даже то, что вышли не все, две сотни всего, остальные по углам забились – не страшно. Двести человек хватит, у страха глаза велики, сейчас Батиату кажется, что не школа бунтует – Ганнибал в Капую ворвался.

И систему охраны вы изучили. Ведь куда дежурная смена бросится? Первым делом, понятно, к воротам – тем, что со двора на улицу ведут. Вон, уже прибежали, копьями ошетились, щиты сомкнули! А другие стражники возле оружейной толпятся. Также логично – нельзя бунтарей к оружию подпускать. Все же остальные «палача» Батиата телами прикрывают, потому как очень многие сейчас Батиатовым телом заинтересоваться могут.

Ну и прекрасно! Можете для верности проорать: «Даешь Батиата!» – чтобы страшнее было. А Крикс уже толпу в воротах ведет, а Эномай возле оружейной...

Догадались? Увы, обычаи бунта везде одинаковы – чтобы вытащить СВОИХ, требуется закрыться ЧУЖИМИ. Стеной тел закрыться, кучей мяса. Сейчас охранники безоружную толпу колоть и рубить станут, а там и городская стража подоспеет. Быть резне! Не прорвется никто, ни через ворота, ни через двери оружейной. Вот уже первые лужи крови под сандалиями и калигами хлюпают, вот уже охранники с вертухаями начинают в себя приходить, а Батиат-«палач» из окна команды отдавать пытается, ровно Сципион какой-то...

Вы не смотрите – некогда вам, вы уже возле кухни. А рядом с вами – ВАШИ, что незаметненько этак сквозь орущую толпу просочились. И другие, что поумнее да повнимательнее. Сколько вас? Не важно, потом. Сейчас удирать нужно, а не подсчеты вести.

Дверь кухни открыта, изнутри осточертевшей ячменной похлебкой несет, одуревший от ужаса повар спрятаться пытается – прямо в котел кипящий... Ну, чего ждете? Пока дверь, что на улицу ведет, запрут? Так ведь уже заперли, сволочи! Ничего, это не дверь оружейной, железом не обита. Выломаем!

Вперед!

И не забудьте команду отдать, чтобы орлы ваши прихватили все полезное – ножи кухонные, вертела, топоры для разделки мяса. Оружие не боевое, но в умелых руках чудеса сотворить может. И припасов захватите. Вон, копченая баранья нога на вас так и смотрит!

Вот и все, дорогой читатель. Впереди у вас пустая улица, где-то дальше, у ворот школьных, крики, стража городская калигами по мостовой топает и доспехами звенит. А вам – через всю Капую к другим воротам, городским, пока их запереть не догадались. Лучше бегом, лучше молча... А можно и не молча. Орите: «Пожар!» или даже «Ганнибал у ворот!» Пока добрые капунцы очухаются, пока глаза протрут, пока сообразят, какой век на дворе...

У стражников же, что у городским ворот, не забудьте оружие забрать. Их же самих душить не надо, хоть и хочется. Вы лучше им над ухом проорите: «Вперед, морю! К морю! Там нас пираты ждут!» Авось, запомнят, авось погоня лишний час по дорогам лесным проплутает.

А теперь можете и оглянуться, дыхание перевести. Вот она, Капуя, город-тюрьма – позади! И школа проклятая позади, и колонны дорические, что вокруг двора красуются, и похлебка из ячменя, и шаги вертухаев в коридоре.

И неволя тоже – позади!

Кажется, побег «на рынок» получился на славу, дорогой читатель. У нас с вами прямо-таки талант!

20. Везувий или Промежуточный финиш.

Уходят не только откуда-то, но и КУДА-ТО. Вываться из проклятой школы, из осточертевшей Капуи – полдела. Важные, очень трудные, но лишь полдела. Ведь скоро там, в Капуе, опомнятся. Загонят уцелевших гладиаторов по камерам, трупы подсчитают, найдут связанных караульных у городских ворот... Значит, времени мало, значит, надо уходить – и немедленно. Но прежде чем ступить на пыльную дорогу, что прочь от города ведет, поглядеть следует. И уже не на Капую, а друг на друга. Это тоже важно, даже очень. Оно дело, нас дюжина всего уцелела, совсем другое – сотня. С сотней отчаянных парней и бой принять можно, а с дюжиной только и осталось, что по лесам прятаться.

Итак, сколько их ушло?

Тит Ливий:

«Семьдесят четыре гладиатора в Капуе бежали из школы Лентула...»

Веллей Патеркул:

«Когда в Испании шла война с Серторием, шестьдесят четыре беглых раба бежали из Капуи из гладиаторской школы под начальством Спартака».

Плутарх:

«78 гладиаторов... вырвались на волю».

Аппиан:

«Этот Спартак уговорил около 70 человек из числа своих товарищей-гладиаторов... Напав на стражу и одолев ее, они вырвались на свободу и бежали из города».

Флор:

«Спартак, Крикс, Энотай, выломав двери гладиаторской школы Лентула, не более как с тридцатью людьми такого же положения вырвались в Капуу».

Фронтин:

«...Несколько когорт отступило перед семьдесятю четырьмя гладиаторами».

Орозий:

«74 гладиатора в Капуе убежали из школы Гнея Лентула».

Цицерон:

«„Не более пятидесяти“, – говоришь ты. Со Спартаком вначале было меньше».

Как видим, почти все называют близкие цифры – от 78 до 64 человек. Расхождение вполне объяснимо, ведь беглецов, когда они лесными дорогами пробирались, никто не считал. Цифры эти из ведомости все того же Гнея Лентула Батиата и, возможно, из материалов городской комиссии, что ЧП расследовало. А пока трупы убитых пересчитали, пока разобрались... Убитого стражника за гладиатора приняли и соответствующую черточку на восковой табличке поставили. И наоборот быть могло. Скажем, двое-трое беглецов за городскими воротами погибли – караульные уж больно расторопными оказались. Этих-то убитых могли вначале не подсчитать или два раза учесть – как убитых, и как бежавших.

Но почему Флор с Цицероном совсем иное пишут, причем так уверенно? «Не более как с тридцатью людьми». «Не более пятидесяти»? А ведь Марк Туллий Цицерон – современник, ему такие подробности знать положено.

Один умный историк предположил, что через ворота со Спартаком всего три десятка и прорвалось, но там, в школе, бой продолжался, и кое-кто сумел еще убежать. Убежать, через те же ворота пробиться, а потом присоединиться к основному отряду. Уцелевшие же караульные честно отрапортовали, что в группе прорыва всего три десятка насчитать удалось.

Может, и так, а может, все проще было. Цифра Флора – из римского архива. Накатали власти Капуи в Сенат донесение о случившемся безобразии, но количество сбежавших срезали – ровно вдвое. Авось и нагоняй вдвое меньший получат! Флор архивы поднял, но количество бежавших перепроверять не стал. С Цицероном же иная история. Он ведь не историю писал, когда о пятидесяти спартаковцах обмолвился. Это из личного письма – к другу его Титу Помпонию Аттику. А сообщает он другу Аттику о всяческих безобразиях, что на острове Саламине творятся. Друг его возражает, что беда невелика, негодяев тамошних мало, пятьдесят всего. «Ах, всего пятьдесят?!» – возмущается златоуст. – «А у Спартака!..» Как по мне, обычный риторический прием. Так что поверим не Флору и не Цицерону, а всем остальным. Цифру же возьмем среднюю – 70 человек. Два взвода, в общем.

Итак, бойцов посчитали. А оружие? Голыми руками ведь не повоюешь!

Веллей Патеркул:

«Захватив из этого города мечи, они сначала устремились на гору Везувий...»

Плутарх:

«78 гладиаторов... вырвались на волю, вооруженные взятыми на кухне ножами и вертелами. Случайно встретив по дороге несколько телег, везущих в другой город оружие для гладиаторов, они захватили его и вооружились».

Аппиан:

«Напав на стражу и одолев ее, они вырвались на свободу и бежали из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у встречных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий».

Сходится. Во время бунта удалось захватить несколько мечей – у тех же городских стражников на улице и у ворот. А еще были кухонные вертела и ножи. Но этого мало, вот и отбирали у всех встречных кинжалы и дубины.

...Интересно, а кто это по дорогам прекрасной Италии с дубинами путешествовал? Кинжал у пояса – ладно, а вот дубины! Ну и зрелище, я вам скажу!..

Но все равно, оружия на всех не хватает. Мало его, очень! Прочитал я в одной книжке о том, что спартаковцам все же удалось оружейную вскрыть и мечи-панцири расхватать. Едва ли, иначе бы телеги с гладиаторским оружием не понадобились.

Телеги эти подвернулись очень вовремя, так сказать, удачная импровизация. Да только самая удачная импровизация – та, что не один день готовится. И вот мыслишка мне в голову приходит: может, телеги эти Спартак не случайно встретил и даже не вычислил, не подстерег? Может, оружие это беглецам ПОДКИНУЛИ? Кто? Да хотя бы друзья Крикса! А то, что оружие гладиаторское, вполне понятно. Если бы заказали сотню

боевых гладисов и легионерских шлемов, что власти бы подумали? А так оформили заказ на какую-нибудь гладиаторскую школу, пояснили, что игры Мегалитийские на носу, что «галльские» мечи им нужны самые лучшие, дабы этим носом в грязь не ударить перед гостями. И поехали себе телеги малой скоростью!

В общем, с оружием вопрос решился. Значит, со Спартак и Криксом уже не толпа – отряд. Можно и повоевать.

То, что они собирались именно ВОЕВАТЬ, очевидно. Ведь если бы Спартак со товарищи бежали, дабы только волюшки хлебнуть, что делать им следовало? Сразу же за воротами капуанскими – враздробь, мелкими группами – да в зеленый лес. А там, кто на север, кто на юг, кто за море, кто на палубу пиратскую. Ловить, понятное дело будут, кого-то поймают, кого-то на крест, но другие уйти смогут. Схема старая, веками тюремной жизни проверенная. А вместо этого...

А вместо это отряд занимает ПЛАЦДАРМ.

Уверен, что Везувий, как место постоянного лагеря, Спартак и Крикс наметили заранее. Уверен потому, что далековато – от Капуи до Везувия полсотни километров (12 миль, ежели по-римски). Леса и поближе есть, но гора удобнее, на горе обороняться легче. Именно обороняться, а не в чащобе прятаться. И тем, кто присоединиться пожелает, добираться проще. Ориентир!

...И море близко. От Везувия до побережья километров пятнадцать. Тоже полезно!

Итак, Везувий. Но до Везувия еще идти и идти. Точнее же – бежать и бежать. Бежать – потому что каждая минута на счету, за капуанскими стенами уже трубы трубят, городской совет ополчение созывает. Значит, драться придется, а перед дракой и отдохнуть следует, и осмотреться... А ведь еще надо повозки с оружием перехватить!

Так что, думаю, бежали. Как и положено на длинной дистанции, не очень быстро, отдыхая. Полсотни километров – не шутка, а ведь беглецы после боя. Ничего, ребята тренированные, выдержат! Ночью пару часов поспать, росой утренней умыться...

Добрались где-то к утру, в крайнем случае, к полудню. Эномай-разбойник языком щелкнул, пальцем нужную тропинку указал, ту, что к вершине Везувия ведет...

А каким был Везувий в те годы?

Страбон:

«Над этими местностями возвышается гора Везувий, покрытая вокруг, кроме вершины, прекрасными загородными усадьбами. Что касается вершины, то она, правда, в значительной части плоская, совершенно бесплодная, на вид пепельного цвета; на ней видны пористые углубления в горах скал черного как сажа цвета на поверхности; эти скалы словно изъедены огнем».

Уточним – Страбон жил и книгу свою писал лет через шестьдесят после Спартака. Гора за эти годы не изменилась, изменились окрестности. Судя по всему «прекрасных загородных усадеб» в времена Спартака на Везувии еще не было, а если и успели построить с полдюжины, то не завидую я тамошним дачникам. Может, хоть убежать успели, когда за своими воротами спартаковцев увидели?

Сейчас Везувий-вулкан высоту 1277 метров имеет. Тогда Везувий, не вулкан еще, чуток повыше был. Склоны крутые, но не слишком, альпинизмом заниматься не требуется. И тропинок хватает. Как по мне, три часа подъема, ежели не надрываться и без вещей.

Теперь – вверх! Вверх, а потом – отдыхать. Время есть, хотя и не очень много. Капуанское ополчение уже в пути, уже спешит... Впрочем, нет. Спешит – да не слишком. Выступили, уверен, только утром, идут на своих двоих. Значит, придут лишь завтра под вечер, так что можно и поспать, караулы выставив. Поспать, проснуться, баранью ногу честно на всех поделить, на разведку сбегать, у неосторожных путников лишнюю дубину конфисковать, завалы на дороге устроить. Плутарх ведь не зря спартаковскую позицию на Везувии «укрепленной» назвал. И к местности приновиться, план будущего боя наметить... Так что ополчение капуанское по всем правилам встречено было.

Уверен!

Знаете, дорогой читатель, что мне эта ситуация напоминает? Напоминает мне она ковбойские вестерны. Ограбила банк лихая шайка, ударили в землю каменистыми копыта, но шериф с банкиром народ созывают, обещают по пять долларов каждому, ежели негодяев нагонят и деньги вернут. Ну и собирается народец: лавочники, клерки, трактирные вышибалы. Собираются, коней седлают, в кольтах образца 1841 года барабаны проворчивают... В Капуе все очень похоже, только без лошадей. Откуда там конница, это же не штат Невада!

Это я к чему? А к тому, что капуанское воинство во главе с местным шерифом-префектом годится лишь для того, чтобы сдавшихся и руки вверх поднявших вязать. Они для того и идут – рабов беглых излавливать, ведь про повозки с оружием они скорее всего еще НЕ ЗНАЮТ! И кто идет? Набрали в ополчение сотни три героев, из них тех, кто с оружием дружит, хорошо если пять десятков. А остальные...

Джованьоли считал, что гладиаторы воинство это на самой вершине встретили. Думаю, встретить его они могли где угодно, особенно ежели под вечер дело было. Пустая горная дорога, усталые за день вояки еле-еле бредут, а тут завал впереди, молодецкий посвист со всех сторон...

Плутарх:

«Прежде всего гладиаторы бросились на пришедший из Капуи отряд и, захватив много настоящего военного оружия, с радостью переменили на него свое прежнее вооружение, презирая его как позорное и варварское вооружение гладиаторов».

«Бросились» – хорошо сказано. А «набросились» – еще точнее.

В общем, даже не хочется мне этот бой описывать. Семь десятков профессиональных убийц против толпы фермеров и лавочников!.. Интересно, много ли убежать успело? Префект капуанский, ежели он лично воинством руководил, скорее всего уцелел, по крайней мере никто из римских авторов в покойниках его не числит. Видать, был он мастером по бегу на длинные дистанции.

А Плутарха слегка поправим. Хорошо ему в мирной Греции о «позорном и варварском оружии» рассуждать. В бою не до сантиментов, и брали гладиаторы то, что больше по руке. Значит, немало было среди них тех, кто к настоящему оружию привык. Так и вижу Крикса, поправляющего перевязь с гладисом...

Напоследок же том, что мы уже знаем. Тоже из Плутарха:

«Заняв сильную и укрепленную позицию, гладиаторы выбрали себе трех вождей, из которых ПЕРВЫМ СТАЛ СПАРТАК».

...Завтра городской префект Капуи, подталкиваемый почтенными гражданами, слезницу в Рим отправит. Дескать, ловили беглецов – не поймали, помощи просим, а не то появится в наших местах еще одна шайка, и такое начнется!..

Все эти насмерть перепуганные капуанские лавочники и трактирщики, еще не знали, что не начнется – началось.

НАЧАЛАСЬ СПАРТАКОВСКАЯ ВОЙНА!

21. Рекогносцировка.

А любите ли вы, дорогой читатель, стратегические игры? «Панцергенерал», к примеру, или, что к теме нашей ближе – «Центурион»? Там, правда, за Рим играть приходится, а мы с вами, напротив – то есть, ПРОТИВ Рима сыграем.

Вместе со Спартаком.

Дано: укрепленная позиция на Везувии. Это раз. Времени на подготовку армии достаточно. Это два... Вот тут-то меня читатель и остановит. С чего это я взял, что времени достаточно? Ведь из Капуи в Рим уже гонец спешит, а там соберут когорты – и прощай, Спартак! Прямо на Везувии и задавят, а трупы гладиаторские у стен Капуи на крестах развешат.

А я вот считаю, что времени хватает, и даже если когорты пришлют – не беда. В общем, условия для начала спартаковской войны можно сказать оптимальные – не для Рима, для гладиаторов. Почему? А потому... Неверно я начал, дорогой читатель. Про армию и про мобилизационные ресурсы потом. Сперва, как в настоящем боевом приказе...

Вам никогда не приходилось отдавать боевой приказ? И уставы штудировать? Если приходилось, то знать вы должны, что во всяком боевом приказе первый пункт – ПОЛОЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА. С этого и начнем.

Противник наш – Римская Республика, государство крупное и сильное. Еще не такое, каким станет при Траяне, но все же...

...Современная Италия, юг нынешней Франции, почти вся Испания с куском Португалии, Греция с Македонией, Албания, часть Болгарии и Югославии, запад Турции, а в придачу еще кусок Туниса и Алжира.

Впечатляет?

Население большое, мобилизационные и финансовые возможности – тоже. Сколько именно, ученые по разному оценивают, но цифры пока не так и важны, достаточно вспомнить, что армию тысяч в шестьдесят в Риме могли набрать и вооружить за месяц. И кормить эту армию тоже могли. Опытных солдат и офицеров хватало, потому как воевали постоянно. И генералов хватало, причем не все римские генералы были тупицами.

Столица – Рим. Город, как мы уже знаем, очень хорошо укрепленный. С ходу не взять и осаждать долго.

И каковы наши шансы?

А шансы есть. Есть, потому что я пока лишь про сильные стороны Республики упомянул. Но хватает и слабых. Прежде всего – РАБЫ. Население Италии во времена Спартака – восемь миллионов свободных граждан и четыре миллиона рабов. Да еще два миллиона отпущенников, то есть рабов, но бывших. Значит? Значит, римляне могут воевать только одной рукой, второй приходится собственного раба за горло держать – дабы он в хозяйское горло не вцепился. Конечно, не все рабы готовы бунтовать, и бежать тоже готовы не все, но опаска всегда есть. А вот для восставших рабы – резерв, и очень немалый. Даже если к Спартаку перебежит каждый двадцатый раб... Подсчитали?

Рабы и так бегут, да не просто бегут – разбойничьи шайки сколачивают. Разбойников именно в эти годы в Италии было – не счесть. С ними боролись, но без особого успеха. Пришлось за четыре года до побега спартаковцев специальный закон принимать – против разбоев. Его Марк Лукулл предложил, тот, что скоро во

Фракию зверствовать отправится. Закон-то приняли, но пользы от него пока нет. Грабят на большой дороге, и в городах грабят, и по селам.

Разбойничают не только беглые рабы, свободные тоже. В Италии людям живется по-разному, как и везде. Есть богатые, есть победнее, есть совсем голодранцы. А есть и просто оторви-головы, которым на месте не сидится. Пассионарии, так сказать.

А ко всем проблемам на Италию еще одна навалилась, весьма неприятная. Голод! Настоящий, когда хлеба не хватает. В самом Риме народ еще так-сяк подкармливают, и в больших городах покормливают, а вот все остальные правительством римским просто брошены. Хочешь кору жуй, хочешь улиток. Они, говорят, в Италии очень вкусные!

Голод этот за год до побега гладиаторов начался и еще не кончился, потому как урожай пока не собран. А тот, кто голодает, кто одну краюху скверного хлеба на всю семью делит – плохой патриот. И солдат скверный.

...Между прочим, для начала войны Спартак самое верное время выбрал. Лето – урожай на полях, но его уже собирать начинают. Значит, будет чем армию кормить...

Итак, недовольных много и для недовольства причин хватает. Но есть в Италии и те, кто Рим ненавидит СОЗНАТЕЛЬНО – те самые друзья Крикса и Ганника, те, кто не смирился с гибелью Государства Италия. Особенно много их на юге, как раз там, где Спартак собирается свою армию разворачивать. Значит, можно рассчитывать, что к восставшим примкнут не только рабы, но и СВОБОДНЫЕ. Другие же свободные римскую власть будут поддерживать, так сказать, вяло. Не от души.

В Италии недовольных много, но и в самом Риме не меньше. Город Рим – он в державе Римской вроде как цитадель. А если в цитадели плохо!..

В Риме-цитадели плохо. Напомню:

Не так давно закончилась гражданская война – та самая, между Марием и Суллой, двумя генералами. После войны – несколько лет сулланской диктатуры. Сулла ушел в отставку и умер, но у власти по-прежнему его сторонники. Они реформ не хотят, марианцев ненавидят и боятся, реабилитации невинно пострадавших препятствуют.

Марианцы их тоже ненавидят. Не только платонически – заговоры устраивают, на окраины государства бегут, дабы там против сулланцев воевать. И в самой Италии воюют. Скажем, в 77 году до Р.Х., то есть за три года до побега спартаковцев, проконсул Лепид поднял восстание. Пришлось Сенату армию собирать и Лепида громить. Разгромили не до конца, Лепид погиб, но его войска в Испанию ушли – дальше с Римом воевать.

В самом же Риме на улицах неспокойно. Толпа демагогов-крикунов слушает, властям подчиняться не желает, срывает принятие законов в Народном собрании. И выборы тоже срывает. А демагоги-крикуны толпу все больше разъяряют, обещают долги кассировать, богачей за горло взять. Да и в Сенате раскол. Кто за Мария, кто за Суллу, кто сам за себя.

Итак, в Риме скверно, в Риме тревожно, в Риме страшновато. Так что римской власти пока не до побега гладиаторов. Своих проблем хватает.

Теперь давайте, дорогой читатель, над Италией воспарим – вроде как в корабле космическом. Воспарим да поглядим, что по сторонам происходит. Италия ведь только часть Римской Республики, есть и другие части. А там...

А там – война. Причем не на одном фронте, а сразу на четырех.

Война во Фракии – о ней мы уже знаем. Тяжелая для Рима война, ей еще три года длиться. Завязла там римская армия. Скоро, как мы знаем, туда направится Марк Лукулл, консул этого, 74 года до Р.Х. Но война с фракийцами для Рима не очень опасна. Фракийцы обороняются, римляне – наступают. Зато если мы поглядим на восток, там где нынешняя Турция, то увидим совсем иное.

На востоке – Митридат Евпатор, царь Понта, который в один день сто тысяч римских граждан вырезал. Как раз в это время он начал свою Третью войну против Рима. У Митридата неплохая армия, у Митридата большой флот, Митридат уже занял римскую Вифинию и наступает на юг. Именно здесь воюет самая сильная армия Рима под командованием Луция Лициния Лукулла.

А теперь поглядим на запад, на Испанию. Там римские дела совсем плохи. Испанию римляне уже потеряли, в Испании – Серторий.

Серторий – бывший генерал Мария. В Риме он вне закона, зато в Испании – царь, бог и воинский начальник. Серторий собрал недобитых марианцев, договорился с испанцами, армию создал...

В Испании против Сертория воюет Гней Помпей. Пока что с весьма и весьма переменным успехом.

Итак, все лучшие римские солдаты на внешних фронтах. И лучшие офицеры там, и генералы тоже. В самой Италии остались те, кто воевать не любит и воевать не хочет. Не бойцы, одним словом.

А есть еще и четвертый фронт. Там вообще для римлян просвета не видно, хоть воду сливай. Воду я потому упомянул, что четвертый фронт – это пираты. Они всюду – от Испании до Сирии, но основная их база в Киликии, это юго-восток современной Турции. С пиратами Рим воевать не в силах. Как раз в этом самом 74 году до Р.Х., когда гладиаторы из Капуи бежали, Сенат решил послать против пиратов претора Марка Антония. Тот будет воевать три года и ничего не добьется. И даже хуже – возле Крита пираты римский флот разобьют, заместителя Антония возьмут в плен и прикуют цепями к мачте.

Пираты грабят не только на море. На суше тоже грабят. Скажем, высадились они однажды прямо в Италии и взяли в плен римского претора – вместе с ликторами. Пиратам платят дань, пираты внаглую заходят в римские порты, и там их трогать не решаются. Пираты – хозяева моря.

Вывод? А вывод простой: Римская Республика – в кольце фронтов. Враги Рима многочисленны и активны. Значит, Спартак можно (и нужно!) искать СОЮЗНИКОВ. И Серторий, и Митридат много бы дали, чтобы в самой Италии война разгорелась. И пираты под шумок пограбить Италию не прочь. Более того, антиримский союз уже существует. Митридат Евпатор давно дружит с пиратами. И Серторий с ними дружит. А Митридат и Серторий договор заключили, дабы Рим разбить и римские владения между собой поделить.

Так что можем ли мы, дорогой читатель, против Рима войну начинать? Как по мне, самое время. Можем – и даже обязаны.

А теперь с космического корабля сойдем и на Везувий вернемся, к Спартаку поближе. Поглядим-ка вокруг. Ведь Испания далеко, и Киликия далеко, воевать нам придется вначале именно здесь, в Кампании. Тут нам армию разворачивать, тут первые бои вести.

И что мы видим?

Везувий, который еще не вулкан, вокруг густой лес, на редких вырубках – загородные усадьбы. Дальше равнина, на равнине – римские виллы, в каждой из них рабы, в цепи закованные, на полях вкалывают. Именно закованные, я ничуть не преувеличил. Днем, в цепях, их на поле или на виноградник ведут, а на ночь в эргастул отправляют, то есть в самую настоящую тюрьму. Очень любят эти рабы своих хозяев! И днем любят, и ночью, на подстилке вшивой ворочаясь, тоже любят.

Хозяева же здесь, в Кампании, особенные. Тут, в том числе возле Капуи, поселилась целая туча сулланских отставников, офицеров и солдат армии покойного диктатора. Все эти военные пенсионеры (одна извилина – и та от шлема) вести хозяйства не умеют напрочь, разоряются, а значит, пытаются выжать из рабов последние соки. Но есть и другие – умельцы, что сумели нажиться на распродаже имущества казенных при том же Сулле. Этих местное население, изрядно в те времена пострадавшее, любит особенно трепетно.

Но не все рабы в цепях. В Кампании и рядышком, в Апулии, Калабрии и Лукании, много рабов-пастухов. Тут картина совсем иная – пастуха в цепи не закуешь и на ночь в эргастул не отправишь, ведь он неделями стадо с поля на поле перегоняет. Пастуха надо посадить на коня, вооружить и еще собачку-волкодава в подмогу дать. Так что пастухи хоть и рабами считаются, но люди вполне вольные. И с характером. Ковбои, в общем.

Почему, спросите, не бегут эти ковбои от хозяев в зеленый лес? Бегут, конечно, но не все и не всегда. Пастухи с хозяевами В ДОЛЕ. Более того, хозяева не прочь, дабы «свои» ковбои перехватили стадо у «чужих». А если вдобавок они кошельки у прохожих позаимствуют, то на такое хозяева глаза готовы закрыть. Чувствуете, чем пахнет? Перед нами настоящая скотоводческая МАФИЯ. А мафия, даже если мафиози подрались кому служить, блюдет в первую очередь СВОИ интересы. Интересы же эти к одному сводятся – к размеру дохода.

Но это рабы. На полях и свободные работают. Фермеров много, но еще больше батраков. Батрацкую жизнь описывать не стану, она что в Риме, что в Мексике одинакова. Работы много, денег мало. А тут еще голод, не забыли? Так что терпение батрацкое, можно сказать, на пределе, тем более что хозяева – римляне, сулланские отставники и выдвиженцы, а батраки из местных, те же оски, к примеру. Значит, батраки хозяев своих ВДВОЙНЕ любят.

Есть батраки, а есть колонны. Это издольщики – берут у хозяина виллы шмат земли и вкалывают за часть урожая. Но как-то все выходит, что уже через год-два колонны кругом должны оказываются. Порядок же простой – не отдал долг, вкалывай дальше, с земли не уходи. А это уже крепостным правом пахнет. Так что и колонны – плохие римские патриоты.

Вот вам и мобилизационные ресурсы!

А разбойников, что по лесам скрываются, и мобилизовывать не надо. Они уже мобилизованы, вооружены и в боях испытаны. Остается им свистнуть, поговорить по душам, долю добычи предложить...

Есть в Кампании и города – та же Капуя, Нола, Помпеи. Там жизнь другая: рабы смиреннее, власть прочнее, так что города Риму – оплот. Но города в Кампании маленькие, да и живут там не только и не столько римляне. Которые же не римляне, даже если они уже римские граждане, далеко не всегда к Риму всей душой тянутся. Да и стен вокруг некоторых городов нет. Приходи, заходи, чего хочешь, то и делай...

А климат в Кампании неплохой – для войны неплохой. Лето теплое, но не жаркое. Самый горячий месяц – июль, но и тогда температура выше 24 градусов поднимается редко. Самый же холодный месяц – январь, средняя – плюс 8. Зимой дожди идут часто, но все-таки дожди – не снег, так что армию можно под крышами не прятать и у костров греть.

Исключение бывают. Скажем, зима 73-72 годов до Р.Х. выдалась снежной. Но в год, когда спартаковцы из Капуи бежали, погоды, насколько можно судить, стояли штатные. Это вам не Сибирь, где большевик Зверев свою партизанскую армию против Колчака разворачивал. Там зимой, извините, за минус 30 случается. А в Кампании – почти курорт.

Да и море рядом. Это я не к тому, чтобы армию побатальонно в средиземноморской водичке купать. Оно тоже полезно, но главное, что на море – пираты. Всего три часа ходу от Везувия – и встречаешься с очередным Джоном Сильвером. Винца ему налей, слово умное скажи...

Таков плацдарм, на котором Спартак свою армию готовился создавать. Как по мне, плацдарм оптимальный, более того, оптимальный настолько, что поневоле мыслишка закрадывается: а не предусмотрен ли плацдарм этот ЗАРАНЕЕ? Развернул, скажем, где-то за морем некий враг Рима карту Италии, ткнул стилосом в Кампанию, навел справки, в каких городах школы гладиаторские имеются, а затем вызвал офицера из числа римских эмигрантов-марианцев, велел ему документы сдать, имя-фамилию забыть, собачьей кличкой назваться. Все же остальное, включая жрицу-фракиянку и телеги с оружием группа поддержки обеспечила.

Могло быть такое? Могло – и бывало. Скажем, Серторий, тот что в Испании воевал, направлял к своему союзнику Митридату офицеров. Подчеркну – РИМСКИХ офицеров, из тех, что когда в армии Мария служили. Митридат даже хотел из римлян-эмигрантов целую армию собрать. И позже бывало. Одной из парфянских армий командовал настоящий римский генерал. И неплохо командовал, между прочим!

Так не был ли великолепный парень Спартак просто агентом Митридата или Сертория? Агентом, который должен был открыть ПЯТЫЙ фронт против ненавистного Рима? Ведь известно, что царь Понта планировал десант в самой Италии. Планировал, но так и не решился – далековато, да и риск слишком велик. А зачем десант, когда армию можно создать в самой Италии, причем почти незаметно? Сначала маленькая шайка, потом отряд, а уже через год...

Отвечу так: не знаю. Никто из римских историков о таком не писал, значит и они не знали. Посему и мы от суждения на этот счет пока воздержимся. Вот ежели в дальнейшем заметим какой-нибудь След, тогда и выводы делать станем.

И с целями войны, которые Спартак и его товарищи наметили, спешить не будем. Ведь нам уже понятно, что рабов Спартак освобождать не собирався, и родную Фракию спасти не спешил. Значит, и тут придется След искать.

Итак, дорогой читатель, повоюем. А поскольку мы уже осмотрелись, рекогносцировку провели, пора создавать АРМИЮ.

22. Нулевой цикл.

Ох, уж мне эти римские историки!

Вот, к примеру, все тот же Флор пишет про Спартака и спартаковцев:

«И, призвавши под знамена рабов, когда к ним немедленно собралось более десяти тысяч, эти люди, которые только что были довольны, что им удалось бежать, уже захотели и мести».

Просто-то как у Флора получается. Достаточно воткнуть в землю штандарт, свистнуть в два пальца – и тут же десять тысяч бойцов набегит. Тебе же только и осталось, что рожу скорчить пострашнее – и айда по всей прекрасной Италии гулять. Мстить, так сказать. А ведь десять тысяч человек – это почти два легиона, дивизия по нынешнему счету.

Дорогой читатель! Вам никогда не приходилось формировать дивизию? Мне тоже не приходилось, но я твердо знаю, что дело это очень и очень трудное и кропотливое. Дивизия-то как формируется? Вначале командир назначается, а вместе с ним – офицеры по полному штату. Затем выделяется лагерь, куда личный состав прибыть должен. Личный состав этот следует каждый день кормить и учить. Затем вооружение, затем... Я это к чему? А к тому, что создание армии Спартака для меня – загадка. Не то, чтобы совсем неразрешимая, но достаточно сложная. Дело ведь не в том, чтобы лихим посвистом собрать десять тысяч разгуляй-голов, это как раз просто. Но!

1. Армия была собрана буквально под носом у римских властей.

2. В первых же боях армия Спартака показала прекрасные боевые качества. Были биты несколько римских полководцев, причем биты позорно и страшно.

3. После первых успехов армия не только не разбежалась с добычей за плечами, а стала ядром будущей БОЛЬШОЙ армии Спартака.

А ведь речь идет не о регулярном формировании. Основной контингент спартаковцев – это разный сброд, без всякой военной подготовки, без дисциплины. И этот сброд лупит римскую армию!

Римские историки, вспоминая как Спартак разносил в клочья и щепки римские когорты, всячески оправдываются:

Аппиан:

«Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Но так как у них было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом, – римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим нападением, – то римские полководцы при столкновении с рабами потерпели поражение».

Гениально! Римские войска набраны наспех из неизвестно кого, а вот у Спартака – испытанные ветераны, спаянные железной дисциплиной. Так что ли?

В этом оправдании сквозит изумление – римляне шли разбираться с шайкой, а наткнулись на АРМИЮ, причем превосходящую их собственную по всем параметрам. И эту армию Спартак сумел организовать всего

за год. Почему за год? Да потому, что бежали гладиаторы летом 74 года до Р.Х., а первые бои с регулярной римской армией произошли летом следующего 73 года до Р.Х. Целый год спартаковцев не было видно и слышно, Лентул Батиат уже успел новых гладиаторов набрать, добрые капуанцы успокоились, за обычные дела принялись – и тут на тебе!

Итак, этот год Спартак потратил на создание армии. И не зря! Но вот заковыка, она же загвоздка: как удалось это свершить ТАЙНО? Леса возле Везувия – не сибирская тайга, скрыть формирование целой дивизии трудно. На проделки очередной шайки беглых рабов римский Сенат еще мог закрыть глаза, но когда у тебя под самым носом формируется легион или даже два легиона!

Сохранение секретности – еще не все. Ведь Спартаку требовались, как и любому командиру формируемой дивизии:

- Опытный офицерский и унтер-офицерский состав.
- Учебное и боевое оружие.
- Место для формирования и проведения учений и маневров.

– Регулярные поставки продовольствия. Сколько хлеба с мясом съедают десять тысяч человек ежедневно?

И конечно же, главный инструмент войны – деньги, причем деньги немалые.

Историки-романтики меня тут же поправят. Мол, это современной армии требуется, а в те времена далекие, для нас почти былинные, все проще было. Армия создавалась, так сказать, в бою. Воззвал Спартак ко всем страждущим и обремененным, сбегались эти страждущие с горящими глазами, а добрые бабушки им крынки с молоком на порог выносили. Пейте, мол, сыночки, не посрамите нашу армию-освободительницу! А потом все эти страждущие и обремененные в едином порыве, лютым гневом против поработителей объятые, стали разносить регулярные римские когорты.

Я бы этим романтикам предложил для начала просто построить в поле десять тысяч человек – даже без оружия. Построить, а потом попытаться заставить это толпище перестроиться по манипулам. Затем – сомкнуть строй, чуть отойти назад, потом то же самое, но с оружием...

А ведь все это спартаковцы проделывали ЛУЧШЕ, чем римляне. Более того, в первые месяцы войны особого численного преимущества у Спартака не было!

Фронтин:

«Несколько когорт отступило перед семьюдесятью четырьмя гладиаторами».

Каково? Напомню: когорта – пятьсот человек. А ведь это пишет не штатская штафирка Плутарх, а профессиональный римский военный. Так что отбросим байку, что армия Спартака «рождалась в боях». Такие песни годятся разве что для торжественного вечера в честь 23 февраля. В боях армия закаляется, приобретает характер, но ежели повести в первый бой толпу неподготовленных новобранцев против регулярной армии, этот бой станет для них и последним. Проверено!

Итак? Итак, когда летом 73 года до Р.Х. римляне попытались разгромить спартаковскую «шайку», их встретило неплохое подготовленное войско. Оно маневрировало, нападало и било врага на порядок лучше регулярной римской армии. Остается прикинуть, как Спартаку удалось такое войско создать.

Прежде всего отбросим способ традиционный. Спартак не организовывал возле Везувия учебный лагерь на десять тысяч человек, не устраивал маневров на полях Кампании (Крикс – за «синих», Эномай – за «зеленых»), не проводил торжественное принятие присяги у стен Капуи. О таком римляне сразу бы узнали. Узнали бы – и приняли меры. А между тем до лета 73 года до Р.Х. в Риме понятия не имели, что творится у Спартака.

Есть способ иной, тоже проверенный. Для организации дивизии требуется создать батальон. Всего один батальон, зато настоящий, обученный на совесть. Его следует погонять по горам и лесам, закалить в мелких стычках – а затем объявлять МОБИЛИЗАЦИЮ. Рядовые становятся командирами отделений и взводов, взводные – батальонными, ротные назначаются на полки...

Такой способ хорош именно для сохранения внезапности. Конечно, призывной контингент требуется еще учить и учить, но у армии уже есть костяк, скелет, так сказать. И обучается такая армия куда быстрее, и стойкости в ней больше. Так что на месте Спартака я бы так и поступил.

А как поступал сам Спартак?

Вернемся на Везувий. Уцелевшие капуанские ополченцы удирают, не глядя, гладиаторы из числа уже воевавших, примеряют римские доспехи, пробует пальцем острия гладисов.

...Сразу скажу, дорогой читатель. Скверные были у римлян гладисы!..

А что Спартак? Точнее – вся гладиаторская «директория»? Вспомним еще раз Плутарха:

«Заняв сильную и укрепленную позицию, гладиаторы выбрали себе трех вождей, из которых первым стал Спартак...»

Спартак – первый. А остальные?

Аппиан:

«Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс».

Задумаемся.

В отряде всего семь десятков, а командиров трое. В принципе логично: Эномай и Крикс – взводные, Спартак – ротный. Можно предположить, что Крикс своими друзьями-марианцами руководит, Эномай над бывшими разбойниками верховодит, а у Спартака своего взвода нет, он только двоим приказы отдает – Криксу и Эномаю. Так?

Джованьоли думал, что так, и многие другие тоже. А вот я сомневаюсь. Ведь что дальше было? Эномай в первых боях погиб, а вот Спартак и Крикс первые бои пережили, армию создали, и каждый стал командовать СВОИМ отрядом.

Орозий:

«Ведь тогда, говорят, у Крикса было войско в 10 000 человек, а у Спартака – втрое больше».

За цифры не ручаюсь («говорят»!), но организация понятна: Спартак – верховный вождь, у него войско побольше, Крикс – второй вождь, и войско у него поменьше. Поменьше – но свое. Риску предположить, что такой порядок был с самого начала: каждый вождь собственным отрядом командует. У Спартака отряд самый большой, поэтому Спартак – главный.

О том, почему именно так, в свой черед. Пока же констатируем, что создаются три отряда. И уточним – Крикс, скорее всего командует «галлами».

Саллюстий:

«А рабы, спорившие из-за плана дальнейших действий, были близки к междоусобию. Крикс и его единоплеменники – галлы – хотели идти навстречу врагу и сами вызвать его на бой».

Единоплеменниками ооска Крикса галлы не были, но вот «галлы»-гладиаторы (возможно, тоже ооски или самниты) и вправду могли составлять его гвардию. Именно отряд Крикса (после его гибели – Ганника) в будущем покажет необыкновенную стойкость и мужество. Пять римских Орлов – это из «галльского» лагеря. А когда пришло время умирать...

Плутарх:

«Воины подверглись бы большей опасности, если бы не подоспел быстро Красс. Он завязал сражение, самое большое из бывших в эту войну, в котором пало 12 300 рабов. Из них только двое были ранены в спину, все остальные пали в строю, сражаясь против римлян».

Так погибли «галлы». «Только двое были ранены в спину»! Лучшую эпитафию придумать трудно.

Итак, Крикс собрал вокруг себя «галлов» и в дальнейшем сумел создать из них прекрасное войско. Его заместителями, как мы знаем, были Ганник и Каст. А Спартак? Вероятно, он командовал остальными и прежде всего «фракийцами». Эномай же и вправду мог верховодить бывшими друзьями из зеленого леса. Таков командный состав. А вскоре появилось и первое пополнение. Можно было начинать:

Аппиан:

«...Гладиаторы удалились на гору Везувий. Оттуда, приняв в состав своего отряда многих беглых рабов и кое-кого из свободных крестьян с полей, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности».

Это пока не армия, больше на шайку похоже. В шайке верховодят гладиаторы, личный же состав – беглые рабы и те самые батраки и издольщики. Первых побольше, вторых – поменьше. Вместе ходят грабить. Сначала усадьбы, что на склонах, потом – округу. Зачем грабить? Смешной вопрос, дорогой читатель, правда? Но кроме самой очевидной причины, есть и не столь очевидные, но очень важные:

– Отряд растет, и личный состав надо кормить. Из голодных армию не создашь.

– «Набеги на ближайшие окрестности» – прекрасный способ приобрести какой-никакой, а военный опыт. Скажем, окружить виллу сулланского отставника, охрану обезоружить, от погони уйти.

– Такие операции сплачивают личный состав и помогают проверять новых бойцов. Герой познается в бою, трус тоже. Да и лишняя слава среди лихих людей не помешает.

Аппиан:

«Так как Спартак делил добычу поровну между всеми, то скоро у него собралось множество народа».

Как видим, Спартак поступает мудро. В отряде уже есть ветераны – беглецы-гладиаторы, есть и новобранцы. Но никакой дедовщины – добычу поровну. И вот уже расходятся слухи среди окрестных сорви-голов: тот «бугор» с Везувия по понятиям живет, людей не обижает, к такому и податься можно! Значит, авторитет трех вождей-командиров растет. Что и требуется.

Итак, первые месяцы отряд Спартака учится воевать. Особого внимания к себе восставшие не привлекают. Конечно, активная шайка – явление для властей неприятное, но таких шаек в прекрасной Италии не счесть. Шайкой больше, шайкой меньше... Городов Спартак пока не трогает, на римскую армию не нападает.

А народу в отряде прибывает. Всякого. Среди прочих – и фракийская жрица, та самая загадочная супруга Спартака.

Плутарх:

«И теперь она также была вместе с ним и вместе бежала».

Что вместе со Спартаком бежала, не уверен, но на Везувии фракиянка оказалась почти сразу. И очень к месту! Новобранцы, все эти парни с полей и виноградников, на такую с отвисшими челюстями смотрят.

Колдунья, не иначе! А фракиянка знай себе повторяет про «грозного мужа», и вот уже чешут затылки разбойнички, на Спартака поглядывая. Видать и вправду, «бугор» у нас не простой! Грозная слава, опять же. С таким не пропадешь!

Где-то так все и было. Лето, осень, зима, весна... Осенью и зимой – дожди, с кормежкой похуже, ветер шалаши продувает. Но терпеть можно. Разбойничья жизнь, что поделаешь! Зато добыча – поровну, песни у костра, а соседнем селе девицы-красавицы в гости ждут...

Но кроме этой жизни, простой и понятной, а отряде Спартака шла еще одна – ТАЙНАЯ. Об этом мы ничего не знаем, только догадываться можем.

Прежде всего Спартак готовил МОБИЛИЗАЦИЮ. Отряд пока небольшой, толпищу в зимнем лесу не прокормишь, но в час «икс» отряд должен превратиться в армию. Значит, надо гонцов по всей Кампании посылать, дабы с рабами на виллах шептались. И со свободными, из тех, кто властью римской недоволен, тоже. О чем шептались, понятно: слетелись, мол, на Везувий орлы, и эти орлы скоро Орлов римских в грязь кинут. Так что, если вы мужчины, ждите часа, кликнем.

...И добычу у нас поровну делят!

Не только по Кампании гонцы тайные пробирались, по соседним землям тоже. Много там полезного люду проживало! И в гладиаторские школы, уверен, заходили.

Тут – загадка. Помните у Джованьоли? У него Спартак всю Италию сетью заговора накрыл. И в римской гладиаторской школе – свои люди, и во всех прочих... Ведь гладиаторы – лучшие бойцы. Призвать бы в будущую армию хотя бы несколько сотен «фракийцев» и «галлов»! Тем более, уверен, связей у заговорщиков с другими школами хватало.

Вспомним, что все историки римские в один голос бойцов Спартака «гладиаторами» называют. Но ведь из школы Батиата только семь десятков бежало. Остальные откуда?

Это и есть загадка. Гладиаторы в войско Спартака попадали. Но как? Бунтов и побегов в гладиаторских школах в тот год больше не отмечено, крупных городов, где школы такие имелись, Спартак не захватывал. Бежали? Но ведь мы знаем, что из гладиаторской школы-тюрьмы не очень убежишь...

Может, и бежали. Некоторые. А вот остальных Спартак мог просто НАНЯТЬ. Невероятно? А как по мне, вполне вероятно. Конечно, не сам Спартак по школам ходил и не Крикса посылал. Но ведь друзья есть! Получилось же с повозками, которые гладиаторское оружие перевозили. А наемные гладиаторы в войске – явление для Рима привычное. Вспомним Катилину-злодея. Набрал он в войско гладиаторов и не пожалел. До конца сражались.

Особых подозрений это не вызвать не могло. Гладиаторов нанимали часто, и по одному, и целыми отрядами. Доказать же, что дюжина головорезов нужна тебе не для очередных заупокойных игр, а для мятежа, было почти невозможно. А вот и пример. Год 62 до Р.Х., в Риме судят участников заговора Катилины. Среди подсудимых – Корнелий Сулла, родственник покойного диктатора. Вроде бы пойман на горячем – в самый разгар событий нанял отряд гладиаторов, более того, поставил во главе его крайне подозрительного вольноотпущенника. Казалось бы – виновен. Ан нет! Гладиаторы эти в бой так и не вступили, значит, не доказано. Защищал этого Суллу сам Цицерон. Обвинение суду факты предъявляет, но златоуст невозмутим. Парирует!

Цицерон:

«Все это было сделано весьма спешно, хотя до игр было еще далеко». – Словно время для устройства игр не наступало... – «Но над отрядом начальствовал вольноотпущенник Корнелий». – Если самый набор отряда не вызывает подозрений, то вопрос о том, кто над ним начальствовал, не имеет отношения к делу; правда, Корнелий, по обязанности раба, взялся позаботиться о вооружении отряда...»

И что же вы думали? Оправдали Суллу. И действительно, что за беда? Ну, нанял целый отряд сорвиголов, ну, вооружил его, ну, поставил во главе сущего разбойника – и что? В своем праве подсудимый! А ведь суд состоялся уже ПОСЛЕ заговора, когда всем все ясно стало. ДО этих событий на такую мелочь, как гладиаторский отряд, никто вообще внимания не обратил.

Так отчего бы Спартаку не поступить так же, особенно ежели друзья верные имеются, а нанимаемые бойцы уже в заговоре состоят? Заняться набором гладиаторов мог не сам хозяин, а, скажем, его раб-управляющий. Обычное дело, римские будни.

Значит, нужны ДЕНЬГИ – и очень большие деньги. Не только на гладиаторов, конечно, на оружие тоже. Мы знаем, что в дальнейшем в армии Спартака оружия всегда не хватало. Не хватало – но и безоружными спартаковцы тоже не сражались. Значит, какой-то арсенал за эти месяцы накоплен был. По другому нельзя, когда на зов люди соберутся, надо же хотя бы часть вооружить, иначе в первом же бою, безоружные, полягут.

Плутарх:

«Одних из них гладиаторы снабжали оружием...»

Это он про начало спартаковской мобилизации. Значит, было оружие!

Да и на провизию деньги нужны. Сто человек грабежами прокормишь, и двести прокормишь. А тысячу? И еще одежда нужна, и обувь. В общем, какая война без денег?

Дорогой читатель, подскажем Спартаку, где деньги добыть? Ведь на святое дело! Правильно, прежде всего – «общак». С этим у Спартака строго было. Помните?

Плиний Старший:

«...Мы хорошо знаем, что Спартак запретил в своем лагере кому бы то ни было иметь золото и серебро».

Это будет через год, но почему бы Спартаку не ввести такой порядок и раньше, еще на Везувии? Правда, отряд еще молодой, новобранцы могут и не понять. Ну, скажем пока не все золото в «общак» отдавать следует, а только половину.

Есть еще и друзья Крикса – те италийцы, что римскую власть не любят. Если с оружием гладиаторским помогли, то почему бы и с деньгами не помочь? Еще раз вспомним, как здорово сражались «галлы». Значит, можно допустить что не только личным мужеством и дисциплиной они были сильны, но и оружие неплохое имели, и кормежку сносную.

А есть еще...

Нет, дорогой читатель! Не еще – в первую очередь. А в первую очередь есть те, кто с Римом в смертельной схватке сцепился. Рим на четырех фронтах воюет, так почему бы помощь врагам римским не предложить? Предложить – а заодно самим попросить. Дескать, будем бить римлян на их же территории, а вы только пособите!.. Могло быть такое? Уверен – могло. Ведь море от Везувия совсем близко, а у лихих парней из леса с пиратами наверняка дружба. Подкинут киликийцы гонца твоего, куда попросишь. И по цене сходной.

Кстати, и сами пираты могли поспособствовать, не за так, конечно, но за долю в добыче. Оружие из-за моря доставить, к примеру. Пираты ведь тоже не прочь, чтобы в Италии заваруха началась. Но главная надежда Спартака – не пираты, те и без спартаковской армии прожить могут. А вот те, что с Римом настоящую войну ведут...

Фракия отпадает – слишком далеко, и дела там уж очень плохи. Фракийцы из последних сил несколько крепостей удерживают, нет у них возможностей союзникам помогать. А вот Митридат и Серторий!.. Тем тоже несладко. На Митридата Лукулл насаждает, на Сертория – Помпей. Но войска еще есть, и оружие есть, и деньги. Самое время римлянам-супостатам удар в спину нанести. Так что, уверен, побывали там гонцы спартаковские. Побывали – и с пустыми руками не ушли.

А кто из них помочь мог, Митридат или Серторий? В принципе, все равно, ведь они – союзники. Но думаю все же, Серторий. К нему, в Испанию, добираться легче, и связь поддерживать проще. А ведь марианец Крикс мог лично Сертория знать! Кроме того, с Серторием – благо, близко – можно было договориться не только о согласованных, но и о СОВМЕСТНЫХ действиях против Рима. Между Италией и Испанией – только одно море, и только одна страна. На море – пираты, а страна эта – Галлия, та, где римлян тоже очень любят.

Итак, уверен, какая-то помощь была не только Спартаку обещана, но и Спартаком получена. Серторий мог прислать не только деньги и оружие, но и людей, скажем, десяток-другой опытных офицеров. Посылал же он военспецов Митридату!

Вы скажете, выдумка? Не писали об этом Плутарх с Аппианом? Так ведь подобные дела тайно делаются. Между прочим, мерзавец Перперна – тот, кто Сертория предал и убил, передал Помпею архив, в котором оказались очень и очень любопытные письма.

Плутарх:

«Из опасения, как бы эти письма не послужили причиной еще более ужасных войн, чем только что окончившиеся, Помпей велел убить Перперну, а письма сжег, даже не прочитав их».

Честный он был человек, Гней Помпей Великий!

А ведь тут и воображение можно включить. У Сертория в Риме много тайных друзей было. И вот возник у мятежников план... Но не станем спешить. Пройдем вместе со Спартаком по Италии, может, и этот След заметим.

Ну что, читатель? Пока мы с вами о тайных материях рассуждали, целый год прошел. В Кампании снова лето, но уже не 74 года до Р.Х., а следующего – 73-го, от основания же Рима 680-го. Пора нам с вами снова на Везувий, к Спартаку. Осмотреться надо. Может, чего нового увидим?

Итак, высоко сажу, далеко гляжу... Эге, это там на дороге пылит? Никак войско римское?

Дорогой читатель! Кажется, самое время за оружие браться!

23. Братья-акробатя или Первая битва.

Сначала – присказка.

А слышали ли вы, читатель дорогой, о Козьме Крючкове? Может, и не слышали, давно дело было, еще в Первую мировую. Бравый казак Крючков воевал в Восточной Пруссии и без счета немцев на пику нанизывал. Встретит тевтона – и враз на острие! И складировал он этих нанизанных целыми курганами. Честное слово! В общем, дивизии две перебил, потом за третью принялся...

Совершенно верно, дорогой читатель! Фронтвые байки это – те, что на каждой войне соответствующим отделом пропаганды сочиняются для поднятия боевого духа. Дело полезное – и для современников, и для потомков, потому как очень многое такие байки об эпохе сказать могут.

...А что там вправду с Козьмой Крючковым случилось, можно у Шолохова прочесть. «Тихий Дон», том второй...

Зачем это я бравого казака вспомнил? Да как не вспомнить? Вот пишет, к примеру, Фронтин:

«...Несколько когорт отступило перед семьдесятю четырьмя гладиаторами».

Напомню: когорта – пятьсот человек. Несколько – это больше двух. Можно даже уточнить:

Плутарх:

«Претор Клодий, присланный из Рима с трехтысячным отрядом...»

Итак, когорт было шесть. В легионе их десять, значит шесть когорт – половина легиона да еще с хвостиком. И вся эта орда драпает от двух гладиаторских взводов! Любители военной истории, оцените. Было ли когда-либо такое? Плачь, Козьма Крючков, от черной зависти!

Одно странно – эти байки не уцелевшие спартаковцы нам пересказывают, их нам римские историки преподносят. Плутарх, штафирка штатская, еще ладно, а вот Фронтин! Ведь он профессиональный военный, и труд своей, напомню, специально для военных писал. Видать, здорово спартаковцы римлян отлупили, если потомки этих отлупленных на полном серьезе повторяют то, что вопили когда-то перепуганные насмерть легионеры. Мол, спасайся, кто может, квинты! С теми, что на Везувии, лучше не связываться, каждый из них одной рукой полсотни кладет! Утека-а-а-ай!..

Такова присказка, сказка впереди. А будет эта сказка, как вы уже наверняка догадались, о первом сражении между спартаковцами о римской армией. Том самой знаменитом, у Везувия. Первом – разгром капуанских лавочников не в счет.

Итак...

Итак, что мы с вами видим? Напомню, мы на Везувии, совсем рядом со Спартак. Вождь не один, рядом с ним кто-то лохматый да бородатый в косматой куртке. Запыхался, лицо в поту, бородачи набок.

Познакомимся.

Плутарх:

«К ним присоединялось много местных пастухов, воинственных и быстроногих людей. Одних из них гладиаторы снабжали оружием, другими же пользовались в качестве разведчиков и легковооруженных».

Те самые лихие ковбои, помните? Не все они рабы, свободные тоже есть. Не зря Спартак эти месяцы потратил – помогают ему эти «воинственные и быстроногие»! И не только они, конечно. Разведка у спартаковцев была поставлена образцово. Пишет, к примеру, некий Фемистий о Спартаке и Криксе, о причинах их успехов:

«Причиной этого тогда была не храбрость этих двух рабов, но проклятые доноски и запятнанные кровью шпионы, заставившие италийцев стремиться ко всякой другой, сравнительно с существующим, перемене».

Какая экспрессия, а? «Проклятые доноски», «запятнанные кровью шпионы»! Кто же были эти Штирлицы? Прежде всего, конечно, рабы и вольноотпущенники. О таком «шпионе», негодую, сообщает Аполлинарий Сидонский:

«Так как он страдает чесоткой своего подлого языка, то особенно нужно остерегаться сообщать ему тайны его господ, которых он восхваляет при их счастье и на которых доносит при сомнительных обстоятельствах. И если обстоятельства времени побудят его известить о тайных планах рабов, то благодаря этому Спартаку все, что хранилось, выйдет наружу, все, что было скрыто, обнаружится».

«Чесотка своего подлого языка» – тоже неплохо. Допекли римлян их «говорящие орудия»!

«Шпионы» и «доноски» были не только из числа рабов, но также из свободных италийцев. Отчего так возмущен Фемистий? Не оттого ли, что спартаковская агентура была всюду: и в самом Риме, и в армии? Из-за одних пастухов-лазутчиков не стал бы римлянин столько эмоций тратить. Между прочим, доноски и шпионы, они же отважные спартаковские разведчики не только верные сведения передавали, но еще и агитацию, как мы видим, вели.

Вот они, друзья Крикса! Друзья, стремившиеся не к грабежам, не к бегству в отдаленные края, а к «переменам». Каким – ясно. Римский порядок было решено «переменить», причем самым кардинальным образом. Создание такой разведки и одновременно системы пропаганды – еще один успех Спартака и Крикса, еще одна причина их побед.

Тот, кто Спартаку сейчас докладывает, ясное дело, разведчик, он же доносчик и шпион. Послушаем его и мы. Так, так... Римлян тысячи три, по виду – совсем не вояки, но вооружены штатно. Командир на белом коне, при ликторах. У тех – топоры в связках, всего этих ликторов шесть. Вид у командира – важный, лет ему где-то за сорок, а кличет его то ли Клодий, то ли Клавдий.

Кивает Спартак, разведчика благодарит, а сам опять на дорогу смотрит. Спартак смотрит, и мы смотрим. Для удобства можем бинокль взять – морской. У Спартака бинокля еще нет, но нам он весьма поможет.

Кто же перед нами, такой важный? И откуда взялось римское войско? Никак проснулись?

С последним проще. Да, проснулись римляне. У Спартака почти все готово к мобилизации, народ уже начинает стекаться и оружие получать. Скрыть наплыв всякого беглого и разбойного люда к Везувии трудно, и Сенат римский, наконец, сообразил, что в Кампании происходит что-то не то. А вот что именно, еще точно не знает...

Аппиан:

«...Римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим нападением».

Скорее всего, Сенат решил, что шайка у Везувия излишне обнаглела. Да и капуанский префект слезницами замучил. Дескать, грабят, лиходеи, по дороге даже с дубиной и кинжалом проехать нельзя.

Итак, проснулись. Проснулись, оценили опасность и целое войско выслали. Шесть ликторов – охрана претора, то есть одного из заместителей консулов. Должность высокая, Цезарю еще до преторства много лет шагать. А как зовут начальничка? Клодий или Клавдий?

Тит Ливий:

«Они победили в открытом бою легата Клавдия Пульхра...»

Плутарх:

«Претор Клодий, присланный из Рима с трехтысячным отрядом...»

Флор:

«Когда они там были осаждены Клавдием Глабром...»

Фронтин:

«...Ударивши во фланг, привел Клодия в такой ужас, что несколько когорт отступило перед семьюдесятью четырьмя гладиаторами».

Кому поверим? Может, двое там было – и Клавдий, и Клодий? Вроде нет, все авторы про один и тот же бой пишут, про одного и того же претора. Тайна невеликая – историки давно установили, что никакого «претора Клодия» в тот год в Риме не было. Был претор Гай Клавдий Пульхр Глабр.

Поможем пастуху в мохнатом плаще. Жаль, наш рассказ Спартак не услышит!

Итак, Гай Клавдий Пульхр Глабр, претор, из знаменитого римского рода Клавдиев. Карьеру сделал при Сулле. Сейчас ему немногим больше сорока лет. Направлен к Везувию приказом консула этого года Марка Лукулла. Неспроста – Клавдий Пульхр его родственник. Победит претор разбойников, и следующий шаг в карьере обеспечен.

Что еще? Для Клавдия Пульхра эта война – не первая. Воевал он с Митридатом, воевал с марианцами в Италии. Считается неплохим полководцем – пока что. Зауважал, выходит, Рим беглых гладиаторов, если такого волка к Везувию направил!

А теперь спустимся вниз и пристроимся рядышком с этим самым Клавдием Пульхром. Вот сейчас дорога в сторону вильнула, расступились деревья... Везувий! Зеленый, лесом покрытый, между деревьями – мрамор усадеб брошенных, а вон и вершина скалистая. Лысая, так сказать.

О чем думает претор? А думает он о том, как лучше боевой приказ выполнить и Спартака с прочими разбойниками извести. Разведка доложила, что враги на Везувии прячутся, на самой вершине, там, где скалы. А вот сколько именно, та же самая разведка сообщить не смогла. Год назад из школы Батиата семьдесят четыре головореза бежали. За год кто-то голову сложил, но шайка наверняка пополнилась. Намного? Едва ли, иначе бы не стали разбойники на вершине тесниться...

Улавливаете, дорогой читатель? Претор ОШИБАЕТСЯ! Ни он не знает, ни консул Лукулл не знает, что у Спартака бойцов на порядок больше. И не на Везувии его главные силы. Этим главным силам только свистнуть нужно.

Почему ошибается претор? Одно из двух: или устаревшие разведданные перепроверить поленился – или Спартак ему голову заморочил. Подослал, скажем, такого же бородатого в меховом плаще, а тот и выдал, честными глазами моргая: все точно, сам видел, сам считал, семьдесят четыре их на Везувии, негодяев этих, что у меня в прошлом годе дубину отобрали.

Вот вам, читатель, еще одна тайна будущих спартаковских побед: введение врага в заблуждение, коротко же говоря – ДЕЗИНФОРМАЦИЯ. Так что боевой приказ, который Клавдий Пульхр сейчас своим войскам отдаст, из неверной посылки исходит. И пусть после не жалуется. Сам виноват!

Плутарх:

«Претор Клодий, присланный из Рима с трехтысячным отрядом, осадил их на горе, имевшей только один крутой и узкий проход, который он и стал сторожить. В остальных местах склоны горы были отвесные и гладкие».

Поясню. У самой вершины Везувия, где-то метрах в трехстах, находится кольцевая лощина. Сейчас она зовется Атрио дель Кавалло – Лошадиная Прихожая. Смысл названия понятен: до этой лощины можно и верхом, выше же – только на своих двоих. Попасть на самую вершину можно только по этой Прихожей, потому как слева и справа – отвесные скалы. Достаточно перегородить тропу рвом, караулы надежные выставить, а основное войско поблизости разместить. Не у вершины, неудобно там, а чуть ниже, на пологом склоне, в лагере по всем правилам укрепленном. И все, скучай, Спартак, жуй собственные калиги!

Как видим, претор осторожен. Его солдаты главным образом новобранцы, а потому не желает Клавдий Пульхр с гладиаторами в открытый бой вступать. Да и зачем? Много припаса среди скал не соберешь, доедут бунтари остатки, взвоят от голода, да сами и сдадутся. А полезут напролом – не беда, на узкой тропинке много не навоюешь.

Логично? Более чем. С точки зрения Клавдия Пульхра, конечно.

А что Спартак? Вспомним Джованьоли Вещего. Ночь, вершина Везувия, мрачный вождь смотрит в черный провал пропасти, думу тяжкую думает. Никак погибать придется? Римляне тропу стерегут, а пропасть только птице одолеть...

Но как по мне, Спартак в эту ночь спит. Спит – и сны приятные видит. И все прочие его бойцы спят, кроме часовых, понятно. И никто думу тяжкую не думает, напротив, Эномай даже во сне усмехается, крепкие зубы кажет. Почему? Ну вы же знаете, дорогие читатели, что дальше будет? Сейчас проснется вождь, на бледнеющее предутреннее небо поглядит, рявкнет: «Подъем!»...

Плутарх:

«На горе росло много дикого винограда. Гладиаторы срезали подходящие лозы и устроили из них крепкие и длинные лестницы, такие, что, спускаясь вдоль крутизны, они достигали подошвы горы. По ним гладиаторы все, кроме одного, благополучно сошли вниз. Оставшийся наверху, чтобы сторожить оружие, после того как все спустились, стал бросать его вниз и, побросав все, спустился сам. Римляне об этом ничего не знали. Поэтому, зайдя им в тыл, гладиаторы неожиданно ударили по ним и, обратив в бегство, овладели лагерем».

Фронтин:

«Спартак... осажденный на горе Везувий, там, где гора наиболее неприступна и отвесна, а потому и была не охраняема, сплел из древесных веток крепкие веревки; опустившись на них, он не только ускользнул, но даже, ударивши во фланг, привел Клодия в такой ужас, что несколько когорт отступило перед семьдесятю четырьмя гладиаторами».

Флор:

«Первым своим местопребыванием они, словно звери, облюбовали гору Везувий. Когда они там были осаждены Клавдием Глабром, то, спустившись по голым стремнинам горы на веревках, связанных из прутьев виноградной лозы, они сошли к самой подошве горы. И, выйдя незамеченными, разгромили внезапным нападением лагерь ничего подобного не ожидавшего вождя».

Некоторые Флора иначе переводят. Будто бы спустились гладиаторы не по «по голым стремнинам горы», то есть, по голым склонам, а «через жерло полый горы» – через кратер. И это возможно, ибо Везувий тогда «спал». Но только зачем? Кратер – огромная воронка с отвесными склонами. Вниз спуститься не так и трудно, ежели веревки под рукой. А дальше? Как из кратера выбраться? Так что спускались гладиаторы именно по внешнему склону – от голой вершины к подошве.

Все это мы с вами, дорогие читатели, с детских лет знаем, но теперь мы все выросли, а посему порассуждаем как взрослые. И начнем с финала.

То, что смелые братцы-акробатцы с Везувия по лестницам из винограда спустились, охотно верю. Не выдумаете такого. Но чтобы эти семьдесят четыре брательника-акробательника разгромили трехтысячный отряд? Нет, не верю, уж извините.

На это и возразить можно. Караульная служба у Клавдия Пульхра была не на высоте, удара римляне не ждали, и когда налетели братья-акробатки перед рассветом, в сон самый сладкий, началась ПАНИКА. Могло быть? Чисто теоретически – да, но послушаем наших рассказчиков внимательнее.

Тит Ливий:

«Они победили в открытом бою легата Клавдия Пульхра...»

Все тот же Фронтин:

«...Он не только ускользнул, но даже, ударивши во фланг, привел Клодия в такой ужас...»

Итак, налетом на лагерь дело не кончилось – был ОТКРЫТЫЙ БОЙ, и Спартак победил, ударив противнику ВО ФЛАНГ. Плутарх же уточняет:

«...Зайдя им в тыл, гладиаторы неожиданно ударили по ним и, обратив в бегство, овладели лагерем».

Итак, был удар во фланг, но был и удар в ТЫЛ. Лагерь же был захвачен Спартаком позже, когда римляне бежали. А если бьют во фланг и в тыл, значит противник успел-таки выстроиться для боя. Значит? Значит, трюк братьев-акробатцев с лестницами из винограда был лишь началом. Римляне что-то почуяли, успели вывести когорты из лагеря, выстроиться, но тут по ним ударили СО ВСЕХ СТОРОН. Ясное дело, нападавших было побольше, чем два взвода. Плохо римская разведка сработала!

А теперь подумаем, как все случилось на самом деле. Уверен, что про подход войска Клавдия Пульхра Спартаку сообщили заблаговременно – вспомним тех самых «воинственных и быстроногих»! Римлян много, но у Спартака преимущество: он про римлян ЗНАЕТ, а те лишь догадываются о том, что на Везувии творится, более того, догадки их весьма от истины далеки. Что делать Спартаку, какой приказ отдать? Ведь скоро мобилизация, скоро армию разворачивать. А что может быть лучше для новорожденной армии, чем громкая победа? Значит, не уходить, значит – драться. За Спартака – внезапность и отличное знание местности.

Дорогой читатель! Как вы думаете, хорошо ли изучил Спартак за этот год Везувий? И я тоже думаю, что гору он знал если не как свои пять пальцев, то где-то близко. Так неужели вождь не мог сообразить, что его отряд легко отрезать? Или он в этой Лошадиной Прихожей никогда не бывал?

Следовательно? Следовательно, Спартак сыграл с римлянами в ПОДДАВКИ. Подставился, так сказать. Запирайте, злые квириты, меня на вершине, голодом морите, стерегите крепко... Штурма он мог не бояться. Тропа, как мы помним, узкая, десяток гладиаторов там когорту задержат.

Но вначале Спартак отдал другой приказ – приказ о начале МОБИЛИЗАЦИИ. И помчались «воинственные и быстроногие» по окрестным селам и виллам народ с дубьем собирать. Настало, мол, время Римскую Волчицу оным дубьем утешить. Вставай, проклятьем заклеянный, весь мир голодный и рабов!

Доказательства? Перечитаем еще раз Флора:

«И, призвавши под знамена рабов, когда к ним немедленно собралось более десяти тысяч, эти люди, которые только что были довольны, что им удалось бежать, уже захотели и мести.

Первым своим местопребыванием они, словно звери, облюбовали гору Везувий. Когда они там были осаждены Клавдием Глабром...»

То есть, сначала Спартак призывает под знамена десять тысяч рабов, а уж ПОСЛЕ сражается с претором Клавдием Пульхром Глабром. Фронтин же написал про семь десятков гладиаторов, прочитав о них в каком-то из старых документов. Скажем, в донесении капуанского префекта, что, де, бежали, разбойничают. Цифра эта верна лишь в одном отношении – претор Клавдий, донесению поверив, шел разбираться именно с семью десятками наглых врагов. И кто же ему после этого доктор?

Время у Спартака было, римляне гладиаторов у вершины не час и не два стерегли. Фронтин пишет об «осажденном» Спартаке, значит, денек-другой легионеры у Везувия простояли. Как раз хватило, чтобы отряды восставших вокруг горы разместить.

Но как же лестницы из винограда? Зачем Спартаку такая акробатика понадобилась? А затем, дорогой читатель, что на вершине Везувия находилась штабная группа. Новобранцев, что у горы собирались, следовало возглавить. Вот будущие командиры десятков и сотен спустились к своим подчиненным. Спустились – и в бой повели.

А еще – оружие. Не исключено, что на вершине находился спартаковский арсенал. Помните у Плутарха?

«Оставшийся наверху, чтобы сторожить оружие, после того как все спустились, стал бросать его вниз и, побросав все, спустился сам».

Вполне вероятно, что этого оружия было немало – не на семь десятков, а, скажем, на семь сотен. С одними дубинами не повоюешь.

Уверен, что лестницы – тоже домашняя заготовка. Гладиаторы сидят на Везувии уже год. Гора крутая, каждый раз бить ноги и дышалку портить не хочется. Вот и сообразили лестницы сплести. Наверх, конечно, ползти трудно, зато вниз – одно удовольствие. Р-р-раз – и ты у подножия горы. Так что Спартак просто задействовал свой «виноградный лифт».

Остальное понятно. В предрассветных сумерках на наскоро выстроенный римский строй набросилось несколько сот спартаковцев. Удар во фланг, затем – в тыл, звон стали, хрип умирающих, строй когорт распадается...

...Очередной секрет успехов Спартака – ВНЕЗАПНОСТЬ. Налетай, откуда не ждут, бей, пока не оглянулись... Вот, собственно и вся битва у Везувия. Остается эпилог.

Орозий:

«...Путем вылазки они завоевали лагерь претора Клодия, который окружил их кольцом осады. И, обратив его самого в бегство, они все захваченное сделали своей добычей».

А много добра в лагере было?

Плутарх:

«При страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии...»

Изнеженность, роскошь – это и чаши серебряные, и покрывала ткани бесценной, и деликатесы в амфорах. Хватало добра! Как помним, добычу Спартак делил поровну, так что было чему порадоваться его новым бойцам. А мобилизация уже шла вовсю. Сходились к Везувии пастухи, батраки с полей, беглые рабы...

Впрочем, о спартаковской армии еще будет время поговорить. Пока же прощаемся с Эномаем. Его мы больше не встретим, увы! Скорее всего, именно в этом первом бою отважный разбойник погиб.

Орозий:

«Эномай же был убит в предшествующем сражении».

«Предшествующее» – то, что случилось до боев с войском пропретора Вариния, которого прислали на смену незадачливому Клавдию Пульхру. «Сражение» – не случайная стычка, а большая битва. Единственная крупная битва до боев с Варинием – битва у Везувия.

У римлян было принято, прощаясь навсегда, трижды повторять имя ушедшего. Повторим и мы:

ЭНОМАЙ! ЭНОМАЙ! ЭНОМАЙ!

Как говорили те же римляне, храбрый разбойник, один из первых соратников Спартака, ПРОЖИЛ. Прожил – и едва ли пожалел в предсмертный миг о своей судьбе.

Оставим Спартака и его товарищей сжимать кулаки у погребального костра. Война только начинается, и самое время взглянуть нам в другую сторону, на север, где на семи холмах возвышается Вечный Город. Мы ведь с вами там еще не бывали, правда? Так вот, дорогой читатель, если вы ожидаете увидеть нечто, напоминающее компьютерные декорации к голливудскому «Гладиатору», то вы весьма удивитесь. Ни мрамора, ни колонн коринфских, ни золота, ни триумфальных арок. Рим пока еще неказистый, как сами римляне говорят, «кирпичный». Одноэтажный такой, провинциальный, улочки узенькие, как где-нибудь в Бухаре...

Увы, дорогой читатель! Поспешил я с приглашением в Вечный Город. Не пускают туда нас в вами. Вон, видите, снова римское войско по дороге пылит!..

24. «Орел Шестого легиона».

Во времена далекие, когда я каждый год ездил раскапывать древний город Херсонес, что на месте современного Севастополя, любили мы в нашей экспедиции одну песню. И под гитару пели ее, и без гитары. Может, и вы ее знаете?

Пусть я погиб и взят Хароном
И кровь моя досталась псам, –
Орел Шестого легиона,
Орел Шестого легиона
Все так же рвется к небесам!

А копали мы – представляете? – именно римскую цитадель, где когда-то легионеры постоем стояли. Даже мороз по коже продирал. Так и виделись нам в вечерних сумерках, в сизом тумане, что от Карантинной бухты наползал, грозные тени в лориках и невысоких шлемах италийского типа. Острятся над шлемами пилумы, сомкнуты прямоугольные щиты-скутумы...

Все также храбр он и беспечен
И бег его неукротим,
Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век соладат быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.

Про Шестой легион не только мы, археологи-бродяжники, пели. До сих пор про бесстрашные легионы, про армию римскую, про непобедимых легионеров, память осталась. На киноэкране они, в компьютерной игре они, в детской книжке-раскраске...

Под палестинских знойным небом,
В сирийских шумных городах,
Предупреждение «quos ego»,
Предупреждение «quos ego»,
Заставит дрогнуть дух врага!

Вот он, легион, краса и гордость военной истории! Десять когорт ровным строем, справа – первая сдвоенная, пять двойных сотен, центурион-примпил впереди, на сверкающей лорике – золотые медали. А вот и знамена – красный вексиллиум, золотой Орел...

Пот, кровь, мозоли нам не в тягость,
На раны плюй! – Не до того!
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Мы с честью выполним его.

А названия, названия! Да у любого распоследнего демократа сердце имперской гордостью защежит: легион Шестой Железный, легион Двенадцатый Молниеносный, Пятнадцатый Сдвоенный Марсов Победоносный, Восьмой Рысий, Двадцатый Траянов, Пятнадцатый Клавдиев, Первый Августов...

Эх!
Сожжен в песках Иерусалима,
В волнах Евфрата закален,
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима,
Шестой шагает легион!

Не удержался я, читатель дорогой, полностью песню пропел. Ах, Орел Шестого легиона!..

...А у Спартака таких Орлов было целых пять, причем только в одном лагере. Сколько в другом лагере – можем только догадываться. Коллекционировали гладиаторы Орлов! А у преторов-командующих ликторские связки отбирали. И коней тоже отбирали. Да и самих командующих к этому самому Харону отправляли

регулярно. Спартак же настолько возгордился, что перестал перебежчиков из этих самых легионов принимать. Мол, пшли прочь, гордые квириты, не надобны вы мне.

Это я к чему? А вот к чему. Одно римское войско Спартак на наших глазах уже разбил. Скоро он и второе разобьет, и третье, а затем за консульские легионы примется.

Так чего это с римской армией, с той самой, без которой компьютерная игра – не игра, случилось? Где доблесть, где блеск копий, где звон гладисов? Пока что легионерам лишь сапоги-калиги надобны, дабы удирать. Еще долго, целый год, им на длинные дистанции бегать придется. И не говорите мне, что Спартака в конце концов разобьют. Как же! Три римских армии – Красса, Помпея и Лукулла – против одной гладиаторской. Так любой, извините, дурак победить сможет.

Любители военной истории! Вам за римскую армию не обидно? Поклонники Империи, не сжимается ли ваше имперское сердце, на такой позор глядя? И мне чуток не по себе, хоть Империю, что римскую, что российскую, что штатовскую, не особо люблю. Но все-таки Шестой легион... А посему разобраться хочу и вас, дорогой читатель, к тому призываю. Разобраться и выяснить, почему Спартак БИЛ РИМЛЯН? Почему он лупил римскую армию, непобедимые легионы в клочья разносил?

У проницательного читателя ответ уже готов. Ведь что говаривали древние? Говаривали они, что победа лежит на коленях у богов. Как решат небожители, так все и случится. Вспорхнет Победа-Виктория с колен Юпитера Капитолийского – и прямиком в спартаковский лагерь. Вот тут-то я вами, дорогой читатель, совершенно согласен. Согласен и твердо обещаю этот вопрос досконально разъяснить. Но чуть попозже. Почему не сейчас? Да потому, что сами римляне на богов не кивали, они все больше на причины не теологического, а морального характера напирали. Помните?

Плутарх:

«При страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии...»

Аппиан:

«Но так как у них было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом, – римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим нападением, – то римские полководцы при столкновении с рабами потерпели поражение».

А можно и еще добавить. Из Саллюстия, к примеру:

«...Из разбежавшихся в последний раз, несмотря на строгий приказ, никто не возвращался обратно под знамена, остальные же солдаты из-за крайней распушенности отказывались от службы...»

И еще из него же:

«Вариний тем не менее, невзирая на прошлый опыт, повел к лагерю беглых рабов своих новобранцев, незнакомых и ошеломленных несчастьями других солдат. Они шли медленным шагом в молчании; уже далеко не так хвастливо шли они на битву, как требовали ее раньше...»

Итак, сами римляне в один голос поясняли свои поражения так:

1. В римской армии было много новобранцев и неграждан, то есть народа ненадежного.
2. Солдаты и офицеры были изнежены и склонны к роскоши, что привело к падению дисциплины.

Называли и третью причину, вполне очевидную. Пишет некто Фронтон (с Фронтинем не путать!) панегирик императору Траяну, хочет его от души восславить. И с кем же этот певун своего императора сравнивает?

«Могу сказать, что в делах войны проявили большое искусство и Спартак, и Вириат...»

Поясню. Вириат – вождь испанского племени лузитан, бил он римлян десять долгих лет, причем очень успешно. Итак, Траян столь же великий полководец, как испанский вождь Вириат и гладиатор Спартак. Думаю, на такую похвалу Траян ничуть не обиделся. Напротив, возгордился. Уважали римляне Спартака-полководца!

Флор:

«...Спартак... погиб, как подобало бы великому полководцу».

Вот так! Великий полководец, не иначе. А я вам больше скажу, дорогой читатель. В подлиннике у Флора не «полководец», а «император». Великий ИМПЕРАТОР Спартак!

Впечатляет? Меня, признаться, не очень. Ганнибала римляне тоже хвалили, и тех других, кто римские армии бил, тоже. Куда деваться-то? Надо же Орлов в гладиаторской палатке как-то оправдать. Великий, мол, полководец, что поделаешь? Вот и Карл Маркс великолепного парня великим полководцем считал. Не чета он, Спартак, всякому Гарибальди!

А мы и спорить не будем. Великий, не великий, но, воевать Спартак умел. О его талантах мы уже говорили и еще много говорить будем. Но давайте-ка сначала на Рим поглядим, на его славную армию. Разговоры про неопытность да распушенность меня, повторюсь, не слишком убеждают. В римском войске новобранцы и неграждане – а войске Спартака, извините, кто? Выпускники юнкерских училищ? Или та каторжная рвань, что в гладиаторское войско стекалась, имела моральный облик, как у Сергия Радонежского? А ведь в армию Спартака постоянно новый люд приходил, учить их было некогда, и воспитывать некогда. Пилум в зубы – и в бой! Так что приглядимся мы к римской армии повнимательней. Она, конечно,

непобедимая, она, конечно, легендарная... Стоп, стоп! А кто вам сказал, что она, армия римская, непобедимая?

Вспомним.

Римское государство существовало долго, очень долго. В разные эпохи Рим был разным. При Сервии Туллии один, при Гракхах совсем другой, при императоре Константине – третий. Рим менялся – и армия его менялась. Армия – она ведь часть общества, не забыли? Здорово общество – и армия здорова, а если с обществом что-то не так...

А теперь откроем учебник, можно даже школьный. И что мы видим?

За век-полтора до Спартака, условно говоря после Второй и до Третьей Пунической войны (кому интересно, 201–147 годы до Р.Х.) римская армия действительно не знала себе равных. Верный признак – победы не числом, а умением. Для меня показатель даже не Ганнибал, римлянами в конце концов разбитый, не азиатские толпища Антиоха Сирийского, а Македония. Армия, созданная Филиппом и дошедшая с Александром Великим до Индии, громившая греков, фракийцев, скифов, эллинов. Граник, Исс, Гавгамеллы... Шутка ли? И что стало с македонской армией? Возьмите того же Плутарха, почитайте!

Вот тогда-то и завоевал себе Рим великую славу, держава же римская словно на дрожжах росла. И дивились современники, и вопросом задавались. Что, мол, Риму помогает, что именно Рим до небес возносит, а его армию непобедимой делает?

Это было. Было – и прошло. Уже после Третьей Пунической римскую армию словно подменили, словно душу из нее вынули.

Смотрим в учебник.

Римскую армию несколько лет подряд бьют рабы на **Сицилии**. И в Первое сицилийское восстание бьют, и во Второе.

Римскую армию бьет Аристоник в Пергаме. Не просто бьет, а берет в плен консула Красса (предок!) и вливает ему в глотку расплавленное золото.

Югуртинская война – вечный позор Рима. Югурта, этот нумидийский Дудаев, над гордыми легионами просто глумится, иначе и не скажешь.

Армия Понта (тоже мне, великая держава!) в Первую Митридову войну не просто разбивает римлян в Азии, но и без боя занимает Грецию.

Кимры и тевтоны уничтожают консульские армии и грозятся сжечь Рим.

Мало?

Но ведь римляне в конце концов все эти войны выигрывают? Да, но как? Числом, растрачивая огромные людские и материальные ресурсы, попросту говоря, разоряя государство. Гай Марий сумел разбить Югурту! Великая, понимаете ли, честь – на седьмой год войны разгромить несколько оазисов в Сахаре!

Ну и Спартак, наконец...

А еще будут парфяне, что римских Орлов тоже коллекционировать принялись, и много кто еще будет. И это победоносное войско? Бедоносная она, армия римская!

Почему? В чем причина? И об этом скажем. Пока же констатируем: в эпоху Спартака римская армия переживала не лучшие годы. Ее регулярно били слабейшие, побеждала же она почти исключительно числом. Тушей давила, так сказать. А чтобы любителей песни про Шестой легион успокоить, сразу скажу – римская армия кризис пережила. И Рим кризис пережил. Уже через полвека после Спартака римские легионы действительно стали походить на то, к чему мы привыкли: ровный строй когорт, нестерпимо яркий блеск лорик, алый плащ легата, кавалерские алы на флангах. И Орел, золотой Орел так и рвется к небесам!

Нет, не удержусь, снова затяну:

Пусть я погиб и взят Хароном

И кровь моя досталась псам, –

Орел Шестого легиона,

Орел Шестого легиона

Все так же рвется к небесам!

Увы, не допеть мне! Не допеть, потому как до Шестого Железного легиона еще почти целых полвека, а сейчас бедоносные римские войска, скорее, посмешище для современников.

Но все-таки, почему?

25. О шлеме с двумя заклепками

О богах и морали, как и обещано, в свой черед, пока же о причинах более материальных. Римские авторы тоже обращали на них внимание. Иногда.

Саллюстий:

«Вариний, ввиду того что часть его солдат была больна из-за осенней непогоды...»

Итак, одна из причин побед Спартака – осенняя непогода. Легионеры кашляют, чихают, ревматизмом мучаются, а их с небес низких да серых – дождем, дождем! Над спартаковцами же, само собой, не каплет, все гладиаторы под зонтиками, в теплых фуфайках, в болотных сапогах... Наполеон тоже, как известно, погоду винил, правда не осень, а зиму. Стало быть, Бонапартия генерал Зима поразил, а Вариния – фельдмаршал Осень.

Посмеемся?

Посмеемся – и о более серьезных вещах поговорим. Для начала о солдатах. В годы взлета, в годы, когда Римская Республика шагала от победы к победе, в легионы брали, как правило, добровольцев из числа римских граждан. Исключения бывали (после Канн в армию набирали даже рабов), но весьма редкие. Принцип простой: оружие покупаешь сам, котловое довольствие наше, вместо жалования – доля в военной добыче. Для такой армии требовалось наличие таких факторов, как:

1. Достаточное число граждан.
2. Патриотизм.
3. Доход, позволяющий приобрести доспехи и оружие.

К началу I века до Р.Х. факторы 2 и 3 определенно сошли на нет. Причин тому было много, но для нас важнее следствие. А оно более чем очевидно – римскую армию стало очень трудно пополнять. Выход имелся один – перевести армию на КОНТРАКТ, что и было сделано Гаем Марием, тем самым, что с Суллой враждовал. Теперь принцип изменился: приходи хоть голый, накормим, оденем, вооружим, а ты вой.

Дорогой читатель, а не догадаетесь ли вы сами, кто теперь в армию римскую хлынул, какой контингент? Именно, именно! Безработные, неудачники и просто всякая рвань. Моральный уровень вкуче с моральным обликом соответственные, а умение воевать – сугубо сомнительное.

Марий предусмотрел и это, попытавшись сделать армию ПОСТОЯННОЙ. Теперь не от похода к походу служишь, но и в мирное время лямку тянешь, премудрость воинскую изучаешь. Лет пять помаршируешь – и уже на человека похож, хотя бы издали. Тогда и появились первые «стационарные» легионы вместе с позолоченными Орлами.

Нетерпеливый читатель уже, поди, вопросом задается: зачем я учебник истории пересказываю? Это все вещи очевидные, с детства известные...

Нет, дорогой читатель, не очевидные. Не все так просто было.

Вспомните, как туго идет создание контрактной армии в современной России. И причину этого вспомните. Да-да, совершенно верно, контрактная армия – дело очень и очень дорогое. Контрактник за деньги служит, его одевать и обувать следует, да еще и пенсию после выслуги лет платить. Не всякий бюджет такое потянет, особенно если армия немаленькая. И в Риме денег не хватало, поэтому реформа Мария в годы, нас интересующие, была осуществлена только частично. Солдат на очередную войну по-прежнему НАБИРАЛИ. Набирали, а после войны по домам отпускали, вроде как сезонников. Постоянных же легионов в Риме было создано всего-ничего. А может, и вообще – ничего. Когда Спартак свою войну начал, на разных фронтах, как вы помните, три римские армии воевали – в Испании, Фракии и Азии. Так вот, все три набирались для соответствующей войны, а после нее тут же были распущены. Возможно, стационарными являлись два консульские легиона, что в Италии стояли, да и в этом я, признаться, сомневаюсь. Орлы легионные уже имелись, но сами легионы считались как бы кадрированными. Война – легион разворачивается, нет войны – солдат по домам, а Орла в храм, до следующего раза.

Результат такой политики очевиден. Воинские части каждый раз создавались ЗАНОВО. А в таких частях – ни спайки боевой, ни боевых традиций, ни гордости за знамя. Все это со временем приходит, но если времени нет? Часть контрактников, что в армию приходила, была из ветеранов, но часть – новобранцы. Значит, снова учить надо, а если опять-таки с временем декокх?

Это теория. А вот и практика. Начал Спартак войну, и кого против него направлять, каких солдат и офицеров? Лучших уже разобрали, лучшие в Испании, Фракии и Азии. Три войны – не шутка, мобилизационные возможности не безграничны. Вспомните, что брали в легионы как правило граждан и брали добровольно, а ведь у Помпея и обоих Лукуллов в общей сложности более под двести тысяч человек служат. Сколько желающих повоевать осталось? Повторюсь: в прекрасной Италии жили восемь миллионов свободных (из них граждане далеко не все), два миллиона отпущенников и четыре миллиона рабов. Рабов римляне брали в войско в самых исключительных случаях, отпущенников во времена Спартака – достаточно редко. Кто остался? А вне Италии набирать армию почти невозможно, там, в провинциях, римских граждан совсем мало.

Желающие могут сами подсчитать процент населения, который можно призвать в армию без развала экономики. Намекну – он не слишком высокий.

Мы уже знаем, что набор в армию идет туго. Пропретор Вариний даже неграждан в войско свое позвал. Говоря просто – позвал, кого попало. Вот и попало! Необученные, не закаленные, не дисциплинированные, друг с другом незнакомые. К тому же не все – граждане, а негражданам за Рим умирать резона нет. Так чему удивляться?

Вот вам и первая причина, почему римские орлы перед Спартаком зайцами становились. Вторая же причина вслед за первой идет – уровень и качество боевой подготовки.

Я не о новобранцах, я вообще. Представим, что набрал тот же Вариний не шваль придорожную, а сплошь ветеранов, что по несколько походов под Орлами отшагали. Лица в шрамах, на щеках – мозоли от

шлемов, взгляд героический... Только почему этих героев время от времени приходится на учебу гладиаторам отдавать? Не на поле боя, а на поле учебном. Вспомним, что еще в 106 г. до Р.Х. гладиаторы были инструкторами в армии консула Рутилия Руфа. И после такое случалось. Со стороны выглядит, признаться, дико – римские легионеры, краса и гордость, обучаются у... Как там у Флора? «Наименее заслуживающих почтения», кажется?

А странного, если вдуматься, ничего нет.

Вспомним Суворова. Князь Италийский (вот совпадение-то!) так говорил, русских и турок сравнивая: один турок всегда одного русского побеждает, и десять турок десяток русских победят. Сотня на сотню – силы равные. А вот уже тысяча русских всегда тысячу турок погонит.

Уловили закономерность? Совершенно верно, есть умение (и традиция) боя индивидуального, а есть – коллективного. Легионера готовили для боя в строю. Плечо товарища слева, плечо товарища справа, пилум – прямиком во вражеский щит, и вперед, главное, чтобы строй не нарушить. В строю легионер – орел, а вот один на один... И не потому, что в одиночку легионер – трус, просто такому в римской армии не учили, да и не умели учить. Традиции не было и, так сказать, школы тоже. Поэтому так и ценили в Риме поединщиков, тех, кто умел, скажем, лично вражеского вождя к Плутону направить. Своих ценили, а вражеских очень боялись.

А как учили гладиаторов? Мы уже знаем – как. На арене один на один драться приходилось, для того бойцов и готовили. Но и отряд на отряд, случалось, дрались, этому тоже учили крепко. Причем, обратите внимание, отряды были не очень большие, зато мобильные. Идеальные диверсанты, правда?

Вот такой подготовки легионерам не хватало. Потому и направляли в легионы гладиаторов-инструкторов.

Значит?

Значит, строй на строй, по всем правилам, у Спартака и его войска шансов будет мало, особенно если в римском строю настоящие ветераны. Но чем больше правила нарушаются, тем выше шансы у Спартака. Везувий помните? Ночью, в предрассветных сумерках, со всех сторон... А еще можно на марше легионеров застукать или во время купания (не шучу, и такое будет). Или из засады напасть. А ведь повстанческая война – она полупартизанская. У кого в такой войне больше шансов? Между прочим, разный люд разбойный, что к Спартаку стекался, тоже индивидуальному бою обучен. И засадам всяким, и нападениям внезапным.

Вот вам и вторая причина. Для войны с повстанцами, для герильи римские войска были подготовлены ПЛОХО. Их этому просто не учили.

А третья причина вообще на поверхности лежит. Откуда в спартаковской армии командиры, мы уже знаем – повстанцы их выбирали. И самого Спартака выбрали, и Крикса, и Эномая. Демократия! Но ведь и римляне своих командиров избирали! Вспомните того же Цезаря. Захотел военным трибуном стать – к народу обращаясь, избирательную компанию веди. Военный трибун – должность выборная, и претор выборная. И консулы, римские главнокомандующие, тоже избирались. Так какая разница? И у спартаковцев голосуют, и римлян.

Разница, дорогой читатель, очень и очень большая. Восставшие избирали лучших КОМАНДИРОВ, и ошибиться в этом деле нельзя было, потому как от такого выбора жизнь каждого зависела. А вот римляне избирали ПОЛИТИКОВ. И военный трибун, и претор и консул – ступеньки в политической карьере. Делали же карьеру не только (и не столько!) профессиональные военные, а все, кому хочется. Поэтому претором мог стать вояка с дюжиной походов за плечами, а мог и обыкновенный штатский штафирка. И консулами становились не только заслуженные генералы, тот же Цицерон, к примеру. А ведь консул, извините, главнокомандующий. Стратег! Ему армию в бой вести, Отечество спасать!

Вот и получалось, что у Спартака командирами избирались лучшие гладиаторы и забубенные разбойники, а у римлян – лучшие говоруны и политиканы. Кто кого победит, а?

Дорогой читатель! И того, что мы с вами перечислили уже за глаза хватит. Но ведь это не все, ох, не все! Даже если легион из ветеранов набрать, опытного полководца под золоченным Орлом поставить, направить инструкторов-гладиаторов для индивидуальной подготовки, этого мало. Для победы солдатам еще и надежный инструмент требуется – оружие и доспехи. Так вот, и доспехи, и оружие, в римской армии эпохи Спартака и Цезаря были ПЛОХИЕ. Даже можно сказать, прескверные.

Слышу, слышу глас возмущенный, любителей военной истории глас. Это у римлян-то доспехи и оружие плохие?! А сверкающие лорики? А щиты-скутумы, из которых непробиваемая римская «черепашка» составлялась?

Ладно, согласен. Надевайте, дорогие любители военной истории, римскую лорику. Да не на майку и не на футболку, вы же кожу себе враз раскровяните! Сперва натяните на плечи специальную тунику из тонкой кожи с накладками-птеригами, чтобы плечи и бедра защитить. Теперь скутум в руку, на голову – шлем. В зеркало посмотритесь... Красиво, да? А теперь всю эту красоту снимайте! Почему? Все верно, и лорики были у римлян, и скутумы. В свое время были – в императорское. И наступило это время через полвека после гибели Спартака, а то и через целый век. А пока...

А пока у нас, дорогой читатель, на дворе I век до Рождества Христова. Ни скутумов, ни лорик у легионеров еще нет. Не изобрели еще!

А что есть?

Поглядим. Вот, к примеру, алтарь Домиция Агенобарба. Сейчас он в Лувре хранится, а стоял когда-то в самом Риме. На алтаре – рельеф, а на рельефе – легионеры. Время – очень близкое к Спартаку, лет за десять до восстания в Капуе.

Годится? Годится! Значит, смотрим.

Легионеров четверо, рядом с ними офицер – военный трибун. О нем позже, сначала о солдатах.

Лорик нет, вместо них – легкие панцири, которые в специальных работах именуются «кольчугами». Это не совсем кольчуга, но что-то очень близкое. Тип панциря – греческий, так называемый «льняной». Защищал такой «льняной» панцирь разве что от скользящих ударов. Шея открыта, руки тоже. И наколенников нет.

Зато есть большие овальные щиты – тоже греческого типа. Они почти ростовые, если на землю поставить, верхний край как раз на уровне сердца будет. Основа такого щита деревянная, придерживается он изнутри за маленькую ручку, вроде дверной, значит тяжелый и не очень удобный в обращении. В строю стоять с ним еще можно, а вот драться вне строя плохо. Меньше же и легче щит, увы, не сделаешь, потому как панцирь уж больно легок.

Шлемы тоже легкие. Для знатоков военной истории уточню: монтефортинского и итало-коринфского типов с длинными гребнями из конских волос. Нашечники есть, но лоб полностью открыт.

Мечи короткие и узкие. Через четверть века, при Цезаре, они станут подлиннее, где-то 65 сантиметров, но эти заметно меньше. В общем, не мечи, а почти что кинжалы, «фракийский» и «галльский» гладиаторские не в пример больше на оружие похожи. С мечами, между прочим, римлянам постоянно не везло. Качество металла, как я уже намекал, было скверное, да и форма не очень удачная. В Первую Пуническую, когда пришлось с карфагенянами драться, римские мечи против карфагенских никуда не годились. Пришлось армию перевооружать – мечами испанского типа. Но и эти оказались слабоваты. Столкнулся, скажем, Цезарь в Галлии Косматой с новинкой – галльскими (настоящими, не гладиаторскими) длинными мечами – и пришлось срочно войско перевооружать.

Копий-пилумов на рельефе нет, но знающий читатель представляет, что пилумы были не для копеечного боя. Их в щиты вражеские положено было кидать. Металл у острия ломается, древко провисает, враг остается без щита. Одноразовое оружие, в общем.

Что же мы видим? А видим мы, что легионер не очень поворотлив и не слишком вооружен. Для поражения врага – только меч, причем не очень смертоносный. Было ли такое вооружение лучше гладиаторского? Если и да, то не намного.

Офицер-трибун на рельефе оснащен получше. На нем короткий панцирь, шлем итало-коринфского типа, но явно качественнее, чем у солдат, и поножи – такие же, как у Спартака на картине. Щит круглый, старинный, греческого типа, а меч римский, такой же короткий.

Итак, вооружение и доспехи у римлян в эпоху Спартака были явно устаревшими. В свое время римская армия переняла и то и другое у греков. Переняла – и оставила почти без изменений до времен Цезаря и Августа.

Тут и возразить можно. В римской армии оружие устаревшее, а Спартака и такого нет. А если есть, то очень мало. Однако не будем спешить – это ПОКА у Спартака оружия мало. Но и о спартаковском оружии – в свой черед.

И еще добавить следует. Римское оружие и доспехи не только устаревшие, они еще и сделаны плохо. Помните, я на шлем с двумя заклепками намекал? Таких шлемов археологи нашли немало. По правилам нашечники на римском шлеме должны были на четырех заклепках держаться, но заклепок всего две – по одну на каждый. Явное нарушение технологии, да к тому же опасно – ударят по шлему, нашечник и слетит. И металл скверный, и исполнение очень грубое. Находят же такие шлемы чаще всего разбитыми вдребезги. Не с дыркой, а именно вдребезги. Тюк – и нету!

Шлем этот я в качестве примера привел, остальное не лучше делалось. Пилумы должны были при попадании во вражеский щит ломаться и щит этот к земле пригибать. Но это в теории, на практике же не ломались. Враг пилум выдирал и оным пилумом легионера колот. Что делать? Изловчилась фронтовая голь, стала прямо в походе пилумы совершенствовать. Скажем, легионеры Мария принялись снимать заклепки, которыми острие к древку крепилось, и деревянными штырьками заменять. Вы спросите, отчего такое безобразие происходило, почему шлемы от удара разбивались, а пилумы не гнулись? Да очень просто! Ведь теперь оружием легионера снабжало ГОСУДАРСТВО. Раньше, когда воин себе доспехи и оружие заказывал, он лично заинтересован в их качестве был и денег не жалел. Жизнь дороже! А государство... В общем, понятно – числом поболее, ценою подешевле. И проще, никаких тебе передовых технологий и новинок. Заказывали обычно оптом, в частных мастерских, а как частники и чиновники-подрядчики к военным заказам относятся, хорошо известно. Сделать попримитивнее, да еще и лишний сестерций на каждом шлеме сэкономить. А за счет чего? Да за счет крови солдатской!

Вот и выходит, что при Спартаке у римлян оружие было хуже, чем во Вторую Пуническую войну. Это уже позже императоры римские всерьез за дело взялись, государственные эргастерии создали, контроль за качеством организовали, конструкторов привлекли.

Позже – не сейчас!

Так что не удивляйтесь, дорогой читатель, что спартаковцы и дальше гордые легионы будут побеждать. А ведь было еще и то, о чем римские историки вещают. Не лгут они про изнеженность и распущенность, и про низкий моральный дух не лгут.

А тут еще боги!

26. Гладиаторские легионы

Ох, как мне хочется, дорогой читатель, вам о богах римских рассказать! Но – не решаюсь пока. Без повода, знаете, небожителей (а тем паче иных, которые вовсе не на небе обитают) лучше не тревожить. И не просто без повода, а без повода ОСОБОГО. А то вызвал как-то ученик Роджера Бэкона одного такого косматого!..

Да и несправедливо выйдет. Римскую армию я чуть ли не по косточкам разобрал, а как же Спартак? Легионы, значит, плохи были, а чем гладиаторская ватага лучше? Вон, глядите, какие толпища к Везувию сбегаются! Кое-кого мы уже видели. Напомню.

Аппиан:

«...Гладиаторы удалились на гору Везувий. Оттуда, приняв в состав своего отряда многих беглых рабов и кое-кого из свободных крестьян с полей...»

Плутарх:

«К ним присоединялось много местных пастухов, воинственных и быстроногих людей. Одних из них гладиаторы снабжали оружием, другими же пользовались в качестве разведчиков и легковооруженных».

Итак, пастухи, батраки с полей, беглые рабы. Уточним – не просто беглые.

Тит Ливий:

«Собрав около себя толпу рабов, присужденных к каторжным работам...»

Как видим, были просто беглые, но были и каторжники. Что и говорить, горячий материал, эти в плен сдаваться не станут! А вот и итог.

Флор:

«И, призвавши под знамена рабов, когда к ним немедленно собралось более десяти тысяч...»

Десять – не десять, но несколько тысяч к Спартаку в это время сбежались. Сбежались, оружие разобрали, по отрядам разошлись, с командирами познакомились. А командиры, как мы помним, гладиаторы. Не все, но, вероятно, многие.

Повторимся. Снова Флор:

«...Рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями...»

Орозий:

«...Эта война с беглыми рабами, или, сказать правильнее, с гладиаторами».

Еще раз подчеркну – римляне считали, что воюют именно с гладиаторами. Рабы и прочие – катапультное мясо.

Итак, сошлось толпище, сбежалось. Это еще не совсем войско и даже совсем не войско. Поэтому первая задача: превратить сброд в армию. Времени не так и много, пламя войны уже не тлеет под пеплом, наружу вырвалось. Разгрома своих когорт Рим не простит. С чего начнем? Понятное дело, с командования. С этим вроде бы ясно. Еще на Везувии избрали трех вождей – Спартака, Крикса и Эномая. Главный – Спартак, остальные у него в подчинении. Эномай погиб, Спартак и Крикс остались. Значит, Спартак старший, Крикс его заместитель. Так? Нет, не совсем так.

Мы уже знаем, дорогой читатель, что там, на границе Кампании и Самниума, создается не одна армия, а ДВЕ.

Орозий:

«Ведь тогда, говорят, у Крикса было войско в 10 000 человек, а у Спартака – втрое больше».

Значит, у Спартака войско свое, а у Крикса свое. У Спартака побольше, у Крикса – поменьше, причем в соотношении один к трем. Но, может, ошибся Орозий? Нет, не ошибся. Ведь и дальше мы видим два войска – спартаковскую армию и тот самый, уже неоднократно упоминаемый отряд «галлов». Порою они действуют порознь, порою совместно. Причем ссорятся.

Саллюстий:

«А рабы, спорившие из-за плана дальнейших действий, были близки к междоусобию. Крикс и его единоплеменники – галлы – хотели идти навстречу врагу и сами вызвать его на бой. Напротив, Спартак отсоветовал нападение».

Как видим, у Спартака и его офицеров один план, у Крикса – другой, причем такое впечатление, что приказать Спартак Криксу не может. Может лишь ПОСПОРИТЬ или ОТСОВЕТОВАТЬ.

Мудрые историки часто писали и пишут о розни в спартаковском командовании. И Джованьоли Вещий о том же рассказывал. Мол, поссорился Крикс со Спартаком, отряд свой от армии отделил. А потом и Ганник с Кастом...

Уточним: отряд «галлов» от армии Спартака никогда НЕ ОТДЕЛЯЛСЯ, ибо с самого начала представлял собой отдельное соединение, Спартаку далеко не всегда подчиненное.

Итак, создаются две армии. У двух армий соответственно двое командующих – Спартак и Крикс. Один другому прямо не подчиняется, совместные же решения приходится обсуждать и выработать.

Возразить можно. Орозий пишет, что Марк Красс «победил его вспомогательные войска галлов и германцев». «Его» – это Спартака, «галлы и германцы» – тот самый отряд Ганника и Каста, которым прежде Крикс командовал. И войско это для Спартака «вспомогательное». Верно, вспомогательное. У римлян «вспомогательные войска» (ауксиллии и алы) в состав основных сил не входили, это отдельные подразделения, которые армии временно ПРИДАВАЛИСЬ. Так что все правильно, для Спартака «галлы и германцы» – лишь вспомогательное войско.

Удивимся, дорогой читатель. Какой в этом смысл? Вот-вот свежие римские когорты подспеют, а Спартак и Крикс в вождей играют, фельдмаршальский жезл поделить не могут. Неужто честолюбие заело?

По поводу честолюбия ничего конкретного сказать не могу. И такое порою случалось, но, думаю, все же не оно, честолюбие, в этом деле было главным. Создавать две армии вместо одной имело смысл в единственном случае – если перед ними стояли РАЗНЫЕ задачи. Армия Спартака намеревалось делать одно, армия Крикса же – совсем другое. Пока они вместе, но на определенном этапе их пути разойдутся.

Логично? На этот раз да.

Видите, дорогой читатель, вновь мы к самому-самому главному подошли – к ЦЕЛЯМ спартаковской войны. Выходит, у Спартака и Крикса они были разные? А если разные, то какие именно?

Многое по этому поводу написано, очень много. А мы не будем спешить. Давайте на спартаковское войско поближе поглядим, может и прояснится что. Задумаемся прежде всего о том, каков был принцип комплектования, кого записывали к Криксу, кого к Спартаку? Мы видим, что у Спартака бойцов больше, причем намного. Почему? Популярнее он был, фракиец, добычу делил по справедливости? Может, и так, а может, и по-другому совсем. У Крикса бойцов меньше не потому ли, что он их ОТБИРАЛ? Народу в гладиаторское войско сходилась немало, но Криксу были нужны не все. И не всякие. Скажем, брал он, Носящий Браслет, только СВОИХ. Кого именно? Сам он – италик, из свободных, против Рима воевал. Может, и войско комплектовал из таких же? Ведь пишет же Саллюстий о «единоплеменниках» Крикса!

Ясно одно – армия Крикса отличалась необыкновенной стойкостью. Через год, у Гаргана, она понесет огромные потери, сам Крикс будет убит, но уцелевшие не разбегутся, более того, именно в их лагере римляне найдут коллекцию Орлов. А потом «галлы» погибнут, и только двоих из них убьют в спину.

Итак, «единоплеменники». А может, и единомышленники.

О таком уже давно писали. Вот, скажем, великий историк Мишулин, тот, что актеру Спартаку Мишулину дядей приходится, считал, что Крикс собирал в своем войске не рабов, а тех самых «свободных с полей», то есть италиков, римской властью недовольных. Потому и цели у него и у Спартака разные были. Чего могли хотеть вольные италики, те, что Рим ненавидели? Не из **Италии** же им уходить! Их родина здесь, вот только бы землицы побольше, римлян поменьше...

Крикс и его армия воевали ЗА ИТАЛИЮ, за свободную Италию – без Рима. За то, чтобы Бык забодал Волчицу. Могло такое быть? Как по мне – более чем вероятно, а потому имеем мы право назвать армию Крикса – Армией Италии.

А Спартак? Выходит, за свободу Италии фракиец воевать не хотел? Ясно одно – они с Криксом союзники, пока, по крайней мере. Союзники, но едва ли единомышленники.

Итак, две армии. В каждой армии – свой командующий. И не просто «батяня» или «пахан», а командующий в определенном ранге. Вспомним.

Флор:

«И, чтобы придать достоподобный вид настоящего войска, они... приносили своему начальнику взятые от преторов знаки отличия и ликторские связки. От этих знаков отличий не отказался Спартак...»

(Цитату эту я нарочно обрезал и сократил – дабы интереснее было.)

Итак, восставшие:

1. Стремятся, чтобы их армия выглядела «достоподобно».
2. Спартак-командующий провозглашается ПРЕТОРОМ.

А теперь мы можем дополнить портрет нашего героя. Как? Именно этими преторскими «знаками отличия». Прежде всего – ликторы, шесть молодцов со связками прутьев. Поскольку претор Спартак действует вне Рима, к каждой связке добавляется топор. Для чего, известно – претор имеет право наказывать провинившихся, и не просто наказывать, а карать смертью. Мигнет ликторам, укажет на провинившегося, а те – за прутя. Или за топор, если он так решит.

Тога в походе претору не полагалась, а вот перевязь на поясе скорее всего была. Равно как и золотой амулет-булла на груди, и особого вида полусапожки на ногах.

Хороший претор получился?

Это были не шутки. Обязанность претора – вести войско. Спартак войско ведет. Обязанность претора – суд и поддержание порядка. Спартак, как мы увидим, занимается и этим.

Итак, армия Спартака – преторская. Позвольте, а консул-то кто? Ведь преторы – заместители консулов, значит, и Спартак – заместитель... Так и хочется написать – Крикса. Не напишу – нет данных, никто не говорит, что Крикс Спартаком и спартаковской армией хоть как-то распоряжался. Разве что уже известное нам перечисление вождей, в котором Крикса упорно называют ПЕРВЫМ. Мы даже не знаем, получил ли Носящий Браслет от своих подчиненных какие-нибудь «знаки отличия». Может, для своих земляков-италиков Крикс действительно был Первым Консулом, тем, кому предстоит возглавить возрожденное Государство Италия? Спартак же и его армия – ломоть отрезанный, им по домам скоро, за Альпы.

Если и так, то Спартак скорее всего не спорил. Недаром были созданы не одно войско, а два. Каждому – своя судьба. Увы, точно знать это нам не дано, а потому на другое внимание обратим. Претор – должность РИМСКАЯ! Выходит, армия Спартака считала себя... Чем?

Так и вспоминается Емелька Пугачев с его «господами енералами», Военной коллегией и «графом Орловым»!

Но, может, и не было в преторских отличиях Спартака чего-то глубинного, тайного. Просто захватили славные бойцы-спартаковцы римский лагерь, нашли в брошенной преторской палатке ликторские связки и принесли вождю в качестве трофея. К тому же привычка. Многие в Италии родились, римские должности у всех на слуху. В Риме, мол, свои преторы есть, а у нас свой будет. И так могло случиться. Но в любом случае, спартаковская армия с самого начала пыталась выглядеть «достоительно».

...Но все-таки как-то уж очень по-римски!

С командующими ясно, а кто в их распоряжении? Войско немалое: у Везувия десять тысяч, чуть позже, как мы уже знаем, еще больше. Как эту ораву организовать? Полки там, батальоны...

Джованьоли (помните?) был уверен, что Спартак создавал свою армию по типу римской, с когортами и легионами. И другие так считали. Логично? Да, логично. Многие из спартаковцев с римской армией знакомы, многие – местные уроженцы, к тому же воевать придется именно с римскими легионами. Если уж Спартак становится претором!..

Но это логика. А факты есть? А фактов, дорогой читатель, почти что и нет. Римские историки пишут об отрядах или просто о «части войска» Спартака, причем эти отряды и части заведомо разной численности. Никаких тебе легионов, никаких когорт с манипулами. Значит, выдумал все Джованьоли Вещий? Или, скажем корректнее, домыслил?

В принципе, конечно, домыслил, но есть одна зацепка. Я ведь написал, что фактов ПОЧТИ нет. Заглянем в финал. Спартак погиб, его войско разбито...

Аппиан:

«Большое число спартаковцев еще укрылось в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались до тех пор, пока не погибли все, за исключением 6000, которые были схвачены и повешены вдоль всей дороги, ведущей из Капуи в Рим».

Плутарх:

«Судьбе хотелось все-таки сделать Помпея некоторым образом участником в этой победе. Пять тысяч рабов, успевших спастись в сражении, встретились с ним и были истреблены все до последнего человека...»

Обратили внимание? Ушедшие в горы спартаковцы разделены на четыре отряда. Еще один отряд прорывается на север, чтобы наткнуться на армию Помпея. В отряде – пять тысяч бойцов. Уж не спартаковские ли это ЛЕГИОНЫ?

И еще добавить можно. Помните, сколько было в отряде «галлов», когда он погиб у горы Каламации?

Плутарх:

«Красс... завязал сражение, самое большое из бывших в эту войну, в котором пало 12 300 рабов...»

По численности как раз два легиона. И командиров у этих погибших двое было – Ганник и Каст. Значит... Значит, с некоторой долей вероятности можно предположить, что Спартак действительно создавал свою армию по типу римской – с легионами, когортами и всем прочим.

Итак, легионы. А под какими знаменами? Вот, к примеру, Флор пишет:

«И, призвавши под знамена рабов...»

Это не просто красивая фраза. Знамена в армии всегда есть. Они, знамена, не просто ради гордости нужны. Знамя – символ весьма практический. В бою знамя для солдата – главный ориентир, где оно – там и ты. А после боя к знамени уцелевшие бойцы собираются. Так что были у спартаковцев знамена, уверен. Жаль мы с вами, дорогой читатель, не сможем на эти знамена взглянуть хотя бы одним глазком. Символика военная о многом, очень многом говорит! Одно дело над спартаковским легионом Галльский Петух реет, совсем другое – Итальянский Бык или Фракийский Всадник.

А если не Петух и не Бык, а римский Орел? Как голштинское знамя у Емельки Пугачева?

Увы, не увидать нам этого из нашего далека, так что каждый может свое вообразить. Я вот так и представляю над войском Крикса штандарт-вексилиум с Быком, что Волчицу топчет. А над войском Спартака... Нет, не решусь предположить. Пока, по крайней мере.

Знамена – это важно, но и оружие – тоже. Похулил я, дорогой читатель, римское оружие. А в спартаковской армии как с этим было?

Вы уже догадываетесь – оружия у Спартака было мало. Сколько бы ни запас он на Везувии мечей, шлемов и панцирей, на ораву в сорок тысяч человек не хватит. А ведь войско постоянно растет и расти будет. Пусть даже цифры римские завышены, потому как в глазах от страха двойтис, пусть не сорок тысяч у Спартака и Крикса – двадцать. Но все-таки – две дивизии, почти четыре легиона!

Да, оружия не хватает. Конечно, среди беглых рабов и кузнецы имеются, и прочие искусники, но производство такое времени требует. Времени – и места. Но ни того, ни другого у спартаковцев еще нет. Вчера бой, завтра новый. И что делать?

Кое-что доставалось в бою.

Саллюстий:

«Он велел снимать оружие и забирать коней».

«Он», понятное дело, Спартак, а забирали коней у оружие в пленных и убитых римлян. Но – не хватало.

Саллюстий:

«...И начали обжигать колья на огне, чтобы кроме их специального применения на войне ими можно было наносить вред почти такой же, как и железом».

«Зная хорошо местность и привычные плести из прутьев деревянную посуду, они, испытывая недостаток в щитах, воспользовались своим умением, каждый стал вооружаться круглым щитом небольшого размера, какой бывает у всадников...»

«Шкуры, свежесодранные, приклеивались, как клеим».

Фронтин:

«У Спартака и у его войска были щиты, сплетенные из прутьев и покрытые кожами».

Флор:

«Когда со дня на день стекались к ним новые силы и когда у них уже образовалось настоящее войско, они из прутьев и из шкур животных сделали себе необычные щиты, а из железа в рабских мастерских и тюрьмах, переплавивши его, они сделали себе мечи и копья».

Интересно, правда?

Мечи и копья из переплавленных тюремных решеток и кандалов спартаковцы стали изготавливать позже, когда удалось на какое-то время стать постоянным лагерем. В бою и в походе для кузнечного дела – ни времени, ни условий, разве что удастся денек-другой выкроить. А вот деревянные копья и «необычные щиты» – явная импровизация, причем очень удачная.

Вспомним римский щит. Он тяжелый, большой и не очень надежный. Спартаковский щит тоже не очень надежен, толстая шкура (ее натягивали на основу сырой, дабы форму нужную приняла) прямого удара не выдержит. Но основа щита не из цельного дерева, как у римлян, а из прутьев. Кроме того спартаковский щит меньше легионерского, значит ЛЕГЧЕ. А это уже немало. Недаром Фронтин, книгу для римских офицеров писавший, на эти щиты внимание обратил. Некоторые знатоки считают, что Спартак приказал изготавливать щиты по типу хорошо знакомых ему фракийских, ведь фракийские «парма» тоже плетенные, тоже кожей покрытые. Отчего бы и нет?

Деревянные копья – еще интереснее. У римлян-то копий нет, пилум – нечто совсем иное. Для того, чтобы разить врага, имеется только короткий меч. А у спартаковцев копья есть! Пусть даже деревянные (пока!), но вспомним еще раз римский «льняной» панцирь – шея открыта, руки открыты. И поножей у легионеров нет. Значит, у бойцов Спартака в бою все преимущества, особенно если это бой не «по-римски», не строй на строй, а, скажем, нападение из засады. Легионер гладис свой вперед выставил – а его острием деревянным в горло!

Копье – против меча. Разбирался Спартак в военном деле! Если и вводил он в армии римские порядки и традиции, то не просто так, а творчески, с учетом опыта иных народов, тех же фракийцев, к примеру. Но и это не все. Помните, я цитату из Флора обрезал и сократил? Полностью же она звучит так:

«И, чтобы придать достоподобный вид настоящего войска, они, захватив встречные табуны, сформировали конницу и приносили своему начальнику взятые от преторов знаки отличия и ликторские связки».

И еще добавим из Аппиана:

«Спартак же, поджидая всадников, кое-откуда прибывших к нему...»

Итак, при первой же возможности Спартак создает КАВАЛЕРИЮ. Часть бойцов сажает на конфискованных коней, но некоторые прибывают к нему сами – верхами, скажем, те же пастухи из Лукании и Апулии. Да и сам Спартак верхом сражается. Вспомним картину – впереди, на лихом коне!

О важности конницы на войне в эпоху, когда еще моторов не было я даже писать не стану, слишком очевидно. На другое хочу внимание обратить. Спартаковские всадники на конфискованных лошадях, уверен, не очень великая боевая сила. Но и римская конница немногим лучше. У римлян кавалерия, конечно есть (по тысяче с лишним всадников на легион), но легкая и не очень боеспособная. К примеру, против галльской, африканской и тем более парфянской она ничего сделать не могла. Так что конница для гладиаторской армии более чем важна. Это ведь не только бой, это разведка, это быстрый марш, дабы врагу дорогу перерезать...

К слову, о быстрых маршах. Именно на марше, в движении, спартаковская армия и рождалась. Не было времени у Спартак и Крикса стационарный лагерь строить и муштрой новобранцев заниматься. И у нас, дорогой читатель, нет больше времени о спартаковской армии рассуждать. Вот оно, войско римское! Снова дорога пылит, снова легионеры калигами землю прекрасной Италии топчут, снова золоченный Орел к небесам рвется...

В бой, дорогой читатель!

27. Военный совет с читателем

Самое время нам с вами из нашего совсем не прекрасного далека, из XXI века от Р.Х., снова в пучину Истории нырнуть. И вынырнуть аккуратно у хорошо знакомого нам Везувия. Красиво, правда? Вдоль дороги пинии зеленеют, склоны диким виноградом поросли, а над головой – веселое итальянское солнце. Жарковато, но не слишком, вы же помните, дорогой читатель, что климат здесь вполне курортный. А сейчас, как догадаться можно, уже не июль, уже к осени ближе. Вон, вдаль поле пшеничное желтеет...

Оглядимся.

Здорово все изменилось, правда? Народищу-то, и какого! Физиономии, конечно, протокольные, почти все в рванину одеты, на запястьях следы от «браслетов»... А вы себе, дорогой читатель, иначе героических повстанцев представляли?

Оружия, как видите мало, все больше дубье да те самые эрзац-копья. И лагеря по сути нет – не научились еще строить. Шатры вдоль дороги, палатки по склону ползут. А это что? Верно, алтарь, а возле него фракиянка знакомая, та что во дворе школы Батиата плакала. Уже не плачет! Повеселела, пополнила слегка, приделалась, у плеча заколка-фибула камнями сверкает. Что делает? Как по мне, за птицами следит. Какая справа появится, какая слева. Если слева, то плохо, а вот если справа... Ага, что-то летит! Сокол кажется. Справа? Справа! Ну, значит, будет дело!

Но нам не сюда, нам к той красной палатке, что в самом центре. Трофейная палатка, преторская. Слева и справа – значки когорт в землю врыты, тоже трофейные. А у входа... Знакомая компания! Все те же – Спартак, Крикс, Ганник, Каст. Вот только Эномая, увы, нет...

Что, изменились вожди? На каждом панцирь трофейный и не простой, а с центуриона снятый. Шлемов нет, ни к чему их в жару зря на голову напяливать, а вот мечи на богатых перевязях имеются, причем на правом боку, как у тех же центурионов.

Вожди заняты – разговаривают, даже, кажется, спорят. Хмурится Крикс, Ганник губы поджимает, а Спартак спокоен, даже слегка улыбается. Спокоен, но если присмотреться... Да, тоже взволнован, но виду не кажет. Не положено верховному вождю чувства свои выдавать! Что еще? А еще карта в руках. Вы, читатель, римские карты никогда не видели? Не преферансные, штабные, а географические? Сразу скажу, они на наши не очень похожи, но разобраться в принципе можно. На римских картах главное – дороги, для того они и составлялись, чтобы дорогу нужную отыскать.

А теперь снова представьте, что вы – Спартак. Представили? А раз представили, то сразу вам задание, как для истинного вождя. Нужно вам сразу два дела делать: совет военный вести, каждого внимательно слушая – и самому крепко думать, потому как ваше слово – главное. Помните, как у Чапаева? Мол, на все, чего тут наговорено, наплевать и забыть, а тебе слухай, чего я говорить буду!

Нелегко? Ты вы же вожди! Цезарь, говорят, сразу семь дел вершил – и ничего, получалось. А я вам слегка помогу. Военный совет вести просто. Высказываются в порядке чинов-должностей, от младшего к старшему. Сначала Каст, потом Ганник... Вы же слушаете, ни одного слово не пропускаете. И думаете. О чем? Вы это, дорогой читатель, уже знать должны. Первое в боевом приказе что?

Итак, положение противника. Разведку, лохматую и быстроногую, вы уже выслушали. Идет на вас с воинством грозным пропретор Публий Валерий Вариний. Знаете такого?

...Стойте, стойте, о чем это Каст говорит? Да, конечно – наступать и наступать! У войска должна появиться ПРИВЫЧКА К ПОБЕДЕ. Одно сражение уже выиграно, но этого мало. Если выиграть еще одно, пусть даже небольшое, у войска дух взиграет, а там и полным кулаком бить можно. Вы киваете: привычка к победе силы у войска утраивает. Но не все так просто, как Касту-Незапятнанному кажется...

Итак, пропретор Вариний. «Про» – значит бывший, но не в отставку уволенный, а новый приказ получивший. С Варинием немного иначе. Он – претор этого года, а полномочия сложил досрочно, дабы войско под начало получить и гладиаторам укорот дать. Знатен – потомок первого римского консула Валерия Публикола. Семья в Риме чуть ли не самая влиятельная, отец его, Вариния, сейчас принцепс Сената, это нечто вроде спикера. Глава законодательной власти – не шутка!

Воевал – и немало, причем на тех же фронтах, что Клавдий Пульхр. Как вояка, на очень хорошем счету. Опытен, но не стар – сейчас ему сорок с небольшим. Что еще? А еще он друг Марка Красса. Не просто друг, а друг и единомышленник, политический партнер. И назначение получил благодаря Крассу.

...Ага, Ганнику слово! Тот тоже за наступление. Сил у римлян пока немного, но с каждым днем войско Вариния растет. Ждать нельзя!..

Вы это знаете. Сенат поручил набрать Варинию то ли два, то ли целых три легиона. Seriously! Но пока с ним всего тысячи две – то, что в Риме наскрести успели. Однако в это самое время Коссиний и Тораний,

помощники Вариния, вербуют новобранцев. Первых встречных гребут, даже не граждан. И Фурий, начальник конницы, бойцов собирает. Так что через несколько дней...

Потому и горячится Ганник. Теперь бы ударить, пока эти дураки вместе не собрались! Вы вновь киваете. И тут Ганник прав, да только не совсем. Не дураки римляне, у них просто выхода иного нет. Почему? А поглядим-ка на карту.

...Везувий, дорога на Капую, знакомая такая. А от Капуи этой проклятой... Оценили? От Капуи на Рим идут целых ДВЕ дороги, одна параллельно другой. Та, что ближе к морю, знаменитая Аппиева, лучшая в римской державе, можно сказать, стратегическая, вторая – Латинская, хоть и не такая первоклассная, зато короче. Значит, стоит вам взять Капую, и Рим под угрозой. Причем ваши шансы вырастают вдвое, потому что римлянам придется обе дороги сторожить, войско пополам делать. А если пропустят? Тогда вся эта орава с дубинами и дрекольем по прекрасной военной дороге (умели строить квириты, умели!) бодрым шагом, переходящим в бег, рванет прямо к Вечному Городу. Идти не так и много – на карту поглядите. А если бежать, а если конницу на конфискованных лошадях вперед пустить!..

Рим, конечно, не взять – это и вам ясно, и Сенату. Обломаются дубины о стены Вечного Города. Но проблема для Рима в том, что на север от Кампании (снова на карту смотрим!), начинается, так сказать, коренная римская земля. Это Лациум, геополитический «хартленд» Республики. Ну и что? А то, что римлян смутить нелегко – даже если чужое войско в **Италию** вторгнется. Крепкие у квиритов нервы! Но туда, в Лациум, они стараются не пустить врага ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ. Ведь «хартленд», перевести ежели, это сердцевина, средоточие державы. Тут и по птицам **гадать** не требуется, сразу ясно, что драка будет. Насмерть!

Значит, Варинию нужно поскорее Капую занять и обе эти дороги прикрыть. Потому он и спешит, войско гонит. Но войско пока у него маленькое, да и кого приведут с собою Коссиний и Фурий? Ясное дело, всякую голь и рвань.

Итак, наступать? Врезать по Варинию?

Но вы не спешите, вы Крикса слушаете. Он тоже за наступление. У Крикса своя цель, свой интерес. Громкая победа Италию против римлян поднимет. Стоило Клавдия Пульхра поколотить, так сразу несколько тысяч сбежалось. Но этого мало, в войско идут пока беглые рабы и батраки с полей. Вот если бы города поднять! Здесь, в Кампании римлян не любят, и южнее, в Лукании не любят, а уж в Самниуме, что на севере, и говорить нечего. Так самниты, римские кровники...

Вы в третий раз киваете. Крикс – оск, оски в самнитском союзе не первый век...

А Носящий Браслет уже горячится начал. Мол, отступление сразу же дух угасит – и в войске, и у тех, кто готов восставших поддержать. Италики, его сородичи, ждут побед. Страна готова восстать, еще чуток, еще один удар – и воскреснет Государство Италия! Бык поднимет на рога Волчицу!

Вы не спорите. Не спорите, но и не соглашаетесь. Иная у вас цель, чем у Крикса, но про эту цель вы пока молчите. Да и не только в ней дело. До цели далеко, сейчас на повестке дня – Вариний.

Вот и вам настало время говорить. Что вы должны товарищам своим горячим сказать? А должны вы сказать прежде всего о том, что римляне именно наступления от вас и ЖДУТ. Ждут – и готовятся. Войска у Вариния пока мало, но оно вооружено штатно, а у вас пока дубина – оружие античного пролетариата. Возможные потери оценили? А ведь вам требуется не лечь костями в борьбе с Варинем, не погибнуть героически, а победить. Победить, закалить армию в боях... Так что же делать? Биться лбом в капуанские ворота? Стены штурмовать, людей на приступах терять? Войско ваше на девять десятых из необстрелянных новобранцев, выдержат ли они? А к римлянам подкрепления спешат.

Переглядываются вожди. Убедили вы их? Кажется, нет, вон, как Крикс нахмурился! И верно – если не наступать, значит, самим ждать удара? Через несколько дней римляне силы соберут. И что тогда?

Носящий Браслет прав. Наступать ваше войско еще не умеет, но и обороняться не умеет. Стоит римлянам перегородить поле строем манипулов, начать бой по всем правилам... И все!

Ну что, дорогой читатель? Ну что, Спартак? Чего делать будем? Правильно – думать. И прежде всего о своем противнике, о Публии Валерии Варинии. Что вы еще о нем знаете? Чего от него ждать можно?

Подсказать? Подскажу – и охотно. Клавдий Пульхр, которого вы у Везувия разбили, по натуре осторожен был. А вот Вариний – ЗАБИЯКА. Причем с характером, из тех, что в драку полезут, по физиономии получат, на землю упадут – но тут же встанут и снова начнут кулаками махать. Откуда я это взял? Да вся жизнь у Вариния такая – от битвы к битве. Через много лет, когда потомку Публиколы под семьдесят будет, поспешит он на очередную войну. Поспешит – и погибнет под Диррахием, защищая Помпея. Характер! Да и с кем он дружит? С Крассом! Значит, духом близки, Красса же добрые римляне бодливым быком прозвали – за нрав бешеный.

...Между прочим, прозвище «Вариний» означает «Непостоянный». Тоже деталь!..

Что сделает забияка Вариний, если вашего наступления не дождется? Будет ждать, пока Коссиний резервы приведет? Или?..

А теперь вам следует своих командиров убедить. И не просто аргументами, а чем-нибудь таким. Притчей, например. Любят они, вожди, притчами изъясняться. А вот и притча, самая подходящая, из Тита Ливия. Правда, Тит Ливий еще даже не родился, ну да ничего, я вам, дорогой читатель, эту притчу сам расскажу.

Итак... Давным давно, еще при царях, случилось Риму воевать. Поссорились римляне с жителями соседнего города Альба. Война – дело для Рима привычное, но Альба город особый, из него предки римлян

происходят. Альбанцы и римляне – родичи, жалко кровь проливать, потому и решили выставить поединщиков. От Альбы – трех братьев Куриациев, а от Рима тоже трех братьев, но Горациев. Они режутся, а два войска смотрят. Чьи поединщики победят – того и верх будет.

Долго резались, долго мечами из скверного железа звенели. Но из римлян поединщики слабые, плохая у них индивидуальная подготовка, альбанцы же дрались не в пример лучше. Убили сначала одного из братьев Горациев, потом другого. Последний Гораций остался – один. Правда, он не ранен, а его враги все в крови, но все-таки один против трех... Значит, все? Значит, победила Альба? Дорогой читатель, вы, конечно, уже знаете ответ, потому как история эта почти в каждом учебнике пересказана. Не победила Альба. Не победила, потому что последний Гораций внезапно бросился БЕЖАТЬ. А Куриации горячие парни были, забияки, как и Вариний. Не сообразили они, не успели просто – и следом кинулись. Один отстал, второй задержался – ведь все раненые. А Гораций внезапно остановился, развернулся и самого резвого – мечом! Потому бросился ко второму...

Хороша притча?

Почему притча, почему не просто история? Кажется, Крикс понял – уже не хмурится, кивает задумчиво. А Ганник даже смеется. И Каст смеется.

Убедили вы своих командиров, дорогой читатель. Поняли они, что если враг сильнее, его следует БИТЬ ПО ЧАСТЯМ. Вот вам еще один секрет побед Спартака.

Все! Пора закрывать военный совет. И войско поднимать пора. Подмигивает вам жрица-фракиянка, соскучилась поди, да только времени на нее у вас нет и на что иное, тоже приятное, нет. Подзывайте скорее трубача с трофейной римской бузиной. Пусть играет! Пусть войско на дорогу выбирается, по отрядам строится.

Начинаем отступление, а еще точнее – НАСТУПЛЕНИЕ НАЗАД.

28. Гулял по Кампании Вариний-герой...

Спартак разбил пропретора Публия Валерия Вариния. Это мы знаем, поэтому незачем приберегать данный факт, словно ружье на сцене, дабы в финале ахнуло. Разбил, причем весьма основательно. Но вот что внимание на себя обращает. Когда возле Везувия когорты претора Клавдия Пульхра под гладиаторский удар попали, куда этот претор делся? А Харон его знает, куда делся! Сгинул – и с поля боя, и из Истории. То ли со стыда утопился, то ли сограждане заплевали. И поделом!

А вот Вариния пришлось бить до поздней осени. Упорен оказался, забияка. Его бьют, а он снова атакует, снова бьют – а он опять. Если же учесть, что пропретору не удалось выиграть НИ ОДНОГО крупного сражения, что его войско сражалось скверно, а командный состав оказался мягко говоря не на высоте, то поневоле такого забияку зауважашь. Ведь у всей этой спартаковской эпопеи и другая сторона имеется. Хорошо было Джованьоли Вещему Спартака славить! И за свободу он, и за права угнетенных, и за равенство-братство всякое. А если с римской колокольни на все это взглянуть? Ведь Вариний, как ни крути, Отчизну защищал, дом, очаги родные, могилы предков. И бойцы его умирали не за всякую вредную чушь вроде «интернационального долга», а за Родину. Не Фракию, не Азию и не Испанию спартаковские легионы жгли и топтали, а Италию!

Так что не знаю, как вы, дорогой читатель, а я над забытой могилой пропретора Вариния хохотать и свистеть не намерен. А вы... Дело, конечно, ваше...

Но вот сражалась римская армия в эту осень, осень года до Рождества Христова 73-го, и вправду плохо. Сказал бы, что хуже некуда, но не скажу. Впереди будет жаркое лето года следующего, а там такое начнется!..

Да, плохо воевали квириты, и Вариний талантом в Ганнибала не вырос, но все же главная причина римских поражений не в наспех набранных легионах и не в Варинии. Имя этой причине – СПАРТАК. Именно здесь, между Капуей и Фуриями, он впервые показал, на что действительно способен. Рискну предположить, что без Спартака война кончилась бы еще в эту осень – почти и не начавшись. Ведь ежели приглядеться, Вариний поступал не так и глупо.

Оставим лирику, займемся стратегией. Это тоже, уверяю вас, интересно.

Итак, Вариний в Капуе, Спартак у Везувия, между ними всего полсотни километров. У Спартака войско чуть больше, у Вариния чуть меньше. С вооружением наоборот – у Вариния полный комплект, у Спартака – совсем мало. Качество бойцов где-то одинаковое, и там, и там большинство составляют новобранцы. Вариний ждет подкреплений – и Спартак ждет. Но у Спартака важное стратегическое преимущество – он имеет СВОБОДУ МАНЕВРА, а вот у Вариния такой свободы нет. Отступать некуда – позади Лациум. И уходить от Капуи опасно, потому как можно врага ненароком в собственный тыл пропустить. Значит остается одно – активная оборона. Связать врага мелкими стычками, подождать подхода подкреплений – и уж тогда бить.

Где-то так Вариний и рассуждал. Рассуждал – и действовать готовился. Но вот однажды днем или даже ночью...

Представим себе:

...Красная преторская палатка, молчаливые бенефициарии у входа, вокруг – еле различимый во тьме спящий лагерь. Конский топот... Резкий голос часового... Гонец соскакивает с коня, что-то говорит дежурному

бенефициарию... А вот и Вариний – сонный, еще ничего еще не понимающий. Красный плащ, который он только что накинул, сползает с плеча, в глазах – тревога.

Что?!!

И – новость. Путающая все карты, ломающая все планы: СПАРТАК УШЕЛ!

Первый вопрос – куда? Второй – что делать? Куда – гонец знает. На юг ушел, по Помпилиевой дороге, в сторону Лукании.

Ага! Вариний протирает сонные глаза, быстро разворачивает карту, облегченно вздыхает. И вы бы на его месте, дорогой читатель, вздохнули. Враг отступает, опасность для Рима миновала, можно не бояться того, что гладиаторы будут штурмовать Капую и прорываться на Аппиеву дорогу. Но что делать-то? Пусть себе уходит Спартак и войско свое уводит? Нельзя! Между Капуей и Везувием полсотни километров, два дневных перехода, а теперь это расстояние с каждым часом увеличивается, значит перед врагом – оперативный простор. Хочешь, иди Луканию опустошать, хочешь, на запад поворачивай в Апулию или Калабрию. А ведь там Барий и Брундизий, порты, через которые Рим со своими армиями, теми что во Фракии и Азии, связь держит. Линия коммуникаций, причем важнейшая!

Трет Вариний лоб, думает. И посоветоваться почти что не с кем. Военные трибуны, что к палатке пропретора уже сбежаться успели, не вояки. Штатские они, из политиков-карьеристов. Коссиний, Вариния заместитель, пока не прибыл, войска собирает, и Тораний, еще один заместитель, войска собирает. А кто в наличие?

Вариний оглядывается... Хвала богам! Фурий, начальник конницы, только вчера прибыл с подкреплениями.

Вариний плащ поправляет. Вариний подзывает Фурия и отдает боевой приказ. Приказ простой и ясный: взять четыре когорты и спешить вслед Спартаку. В бой не вступать, наблюдать и сообщать о результатах.

Пока Фурий когорты по тревоге поднимает, пока легионеры поминают Плутона с Цербером и панцири свои застегивают, подумаем, прав ли был Вариний, такой приказ отдавая?

Как по мне, и да, и нет.

Да – потому что так и следует делать, если противник отступает. Ваш авангард противнику в затылок дышит, а главные силы собираются и готовятся к бою. Нет – потому что Вариний не подумал как следует, ПОЧЕМУ спартаковцы уходят. Вернее подумал, но...

Аппиан:

«...Римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим нападением...»

Как рассуждал Вариний? Да очень просто! Собралась возле Везувия громадная шайка, окрестности ограбила, лихостью да хитростью претора Клавдия Пульхра разбила, а узнав про свежее римское войско, решило что? Правильно – решило удрать куда подальше. Значит, все правильно, Фурий с двумя тысячами Спартака будет стеречь, не отпускать, Вариний же тем временем подождет резервы и...

«И...», как мы знаем, не получилось. Мы ведь с вами, дорогой читатель, не зря историю Горациев с Куриациями вспомнили, так что дальнейшее более чем ясно. Спартак-Гораций побежал, Фурий, он же Куриаций-первый – следом. А поскольку отрыв между ними в два с лишним перехода, Куриаций-первый бежал очень быстро. Бежал – да и не заметил, как Спартак-Гораций повернулся к нему лицом.

Плутарх:

«Вторым против гладиаторов был послан претор Публий Вариний. Гладиаторы сначала вступили в бой с одним из его помощников, Фурием, командовавшим отрядом в 2000 человек, и обратили его в бегство».

Как именно это случилось, Плутарх уточнять не стал – из скромности видать. То ли спартаковцы на спящий римский лагерь налетели, то ли на марше легионеров подстерегли. Уверен в одном – построиться по всем правилам римлянам не дали. Четыре когорты в сомкнутом строю, даже если это когорты из новобранцев, дело серьезное, так что Фурия явно застали врасплох. Мне почему-то кажется, что случилось это на марше, где-то часа в четыре по полудню. На марше – потому что после Везувия, после гладиаторских акробатических трюков, римляне по ночам караулы наверняка стали удваивать и с караульными разъяснительную работу усиленно вести. А днем... Местность в Кампании неровная, холмы то и дело к самой дорожке подступают, а на холмах лес. Остальное просто: половину войска, из самых-самых желторотых, в бою пока бесполезных, вперед отправить, дабы пылили побольше и разведчиков Фурия с толку сбивали. Тех же, что поопытнее – на лесную опушку, в засаду, да еще с двух сторон. Отряд свой Фурий наверняка ускоренным маршем гонит, а тут еще солнышко припекает, шлемы на головах легионерских греет. Жарко, душно, пыль, каждый о привале мечтает, о глотке-другом поски...

...Вы не пили поску, читатель? Это легионерская кока-кола – перебродившее легкое вино пополам с водой. Изрядно в жару помогает!..

Солдатам Фурия поски хлебнуть не довелось. Свист слева, свист справа, рев трофейной буцины – и ответный рев сотен глоток со всех сторон. Слева – толпа страшных, лохматых, с мозолями кандалными на запястьях, справа – такая же, но еще пострашнее, а впереди – крепкий мужчина лет сорока в коротком центурионском панцире с галльским гладиаторским мечом. Думаю, легионеры даже не успели сомкнуть свои овальные щиты на деревянной основе.

Интересно, сколькими значками когорт в этот день пополнилась гладиаторская коллекция? Как бы не всеми четырьмя сразу!

Дорогой читатель! Я бы рассказал вам, как перепуганный гонец через лагерные ворота на взмыленном коне мчится, как бледнеет лицо Вариния, гонцу этому внимающего, как с ужасом переглядываются военные трибуны, как скрипят пропреторовы зубы, как дрожит карта в его пальцах...

Не расскажу. Не потому, что не хочется, просто с этого момента я Вариния перестаю понимать. Точнее понимаю – но не до конца. Ведь что ему следовало делать, о разгроме отряда Фурия узнав? Как по мне, собрать все в силы в кулак и крепко подумать. Ведь уже ясно, что происходит нечто страшное. Сначала Клавдий Пульхр, потом – Фурий. Кончились шутки, всеконечно кончились. А ведь за спиной – Капуя и дороги на Рим!

А между тем, следующая битва происходит у городка Салин, почти на границе с Луканией. И не с войском самого Вариния, а с отрядом его заместителя, претора Коссиния.

Плутарх:

«Затем Спартак подстерег советчика Публия и сотоварища его по должности Кассиния, посланного с большими силами, и едва не взяли его в плен, в то время, как он купался около Салин. Когда Кассинию с трудом удалось бежать, Спартак немедленно завладел его обозом и, преследуя его по пятам, после ожесточенной резни, захватил лагерь. Пал и сам Кассиний».

Саллюстий:

«Коссиний мылся в источнике на ближайшей вилле...»

Картинку представили, а? Теплый денек, вдали – римский лагерь, часовые в горячий панцирях на солнышке скучают. А вот и вилла среди сада зеленого, рядом речушка журчит, в речушке же – римский претор неглиже. Жарко ему, претору. Плещется он, телеса свои преторские обмывает. Хорошо! Рядом конек вороной чуть поник головой, в тенечке травку щиплет...

То, что Коссиний, мягко говоря, дурак, вы это, дорогой читатель, сообразили. А дураков и в бане бьют. Сейчас этому Коссинию по первое число достанется. Но вот вопрос: как он вообще здесь оказался? Ведь войско Вариния далеко, не в одном даже переходе. Инициативу гнилую проявил? Но ведь Плутарх пишет – «посланного». Значит, Вариний своего заместителя сам к Салинам направил?

Думаю, дело было так. Поскрипел пропретор зубами, разгладил карту, помозговал чуток. Он ведь забияка, помните? И вообразил этот забияка себя не кем-нибудь, а Ганнибалом. Тем самым.

Поясню.

У Салин дорога одна. На западе, совсем близко, море, на востоке – лесистые холмы. Перекрестить бы дорогу да запереть Спартак в Кампании! У Салин наковальня, в Капуе – молот. Запереть Спартак – и раздавить в кровавую лепешку. Чисто Ганнибалов номер!

Коссиний, заместитель Вариния в это время войска собирал. И собрал, причем немало – «большие силы». Поскольку Коссиний претор, ему вполне могли доверить легион. И вот Вариний, спеша Спартаку за все воздать, посылает этот легион НАПЕРЕПЕРЕЗ спартаковской армии. Еще один брат Куриаций спешит-бежит, язык на плечо повесив, к Салинам. Добежал весь в поту, жарко ему стало, а тут речка...

Вы помните, дорогой читатель, что у меня подозрение есть, будто Спартак в Италии уже воевал? Уж больно он местность кампанскую хорошо прочувствовал! Впрочем, там мог воевать и Крикс, ведь именно в Кампании был последний оплот Государства Италия. Да и разведка быстроногая подсказать явно успела.

Не то, чтобы замысел забияки Вариния таким уже глупым был, но что слишком рискованным – точно. Да и разведка у Вариния (а у Коссиния тем паче) оказалась в отличие от спартаковской не на высоте. Спартак-то уже подходил к Салинам, причем явно не с той стороны, откуда его часовые высматривали.

А дальше все, как в старом фильме про партизан – голый претор бежит к лагерю, телесами сверкая и опережая собственный визг, на конька вороного уже какой-то гладиатор (уж не Крикс ли?) взбирается, страшная толпица с деревянными копьями обоз, что как раз к лагерным воротам тянулся, дуванит, а еще одна толпа уже частокол штурмует. Не рваться золоченному Орлу к небесам, а лежать в гладиаторском шатре – первым экземпляром будущей Орлиной коллекции. Воинству же, что Коссиний привел, уже Харон учет ведет. С каждой души Харону медяк полагается, да только некому будет легионеров по всем правилам в путь снаряжать. Так что скитаться их душам по берегу Леты до конца веков!

Даже не хочу представлять, что гладиаторы с трупом Коссиния сотворили. Едва ли похоронили с честью.

Пусть я погиб и взят Хароном

И кровь моя досталась псам...

Где-то так оно и случилось, уверен. А вот что с его преторскими сапожками и перевязью сделали, вполне представляю – их-то претору Спартаку и поднесли, дабы войско гладиаторское выглядело «достодолжно».

Претор Коссиний ПРОЖИЛ. Был братец Куриаций-второй – и нет его!

Итак, Коссинию уже все равно, разве что медяка не хватает, дабы Харону-паромщику заплатить. А вот Варинию... Ох, не завидую я пропретору! Вроде и не воевал еще, а половины войска уже нет, словно его Ио-Корова, Юпитера возлюбленная, языком своим коровьим слизнула. Но беда не приходит одна, а все с детками. Судя по всему, именно в это время похолодало, набежали тучки – и пошли дожди. Осень на пороге,

не забыли? А ведь в войске Вариния полно новобранцев. Им-то каково? Мокро, прохладно – и страшно до икоты. Вот и принялся народ потихоньку разбегаться. Да так, что осталось у пропретора... Сколько осталось?

Саллюстий:

«Между тем сам Вариний, будучи вблизи рабов с теми четырьмя тысячами солдат, которые остались ему верны...»

Четыре тысячи – не так и мало, но и не очень много. А остальные? Кто на побывку отпросился, а кто и отпрашиваться не стал. К Спартаку же, напротив, новые толпы валят. Помните?

Орозий:

«Ведь тогда, говорят, у Крикса было войско в 10 000 человек, а у Спартака – втрое больше».

Напомню: «говорят». У страха глаза велики, но народу к Спартаку набежало немало. С одной стороны это очень хорошо. А вот с другой... Сорок (ну не сорок, пусть двадцать) тысяч бутербродов и чашек кофе на завтрак, столько же порций супа-харчо на обед... Да и народец еще дикий, в караулы не ходил, в манипульном строю не стоял.

Варинию не слаще. И не просто не слаще, а гораздо горше. Чего ему делать осталось? Ясно что – подмоги просить.

Саллюстий:

«Вариний, ввиду того что часть его солдат была больна из-за осенней непогоды, а из разбежавшихся в последний раз, несмотря на строгий приказ, никто не возвращался обратно под знамена, остальные же солдаты из-за крайней распушенности отказывались от службы, – Вариний отправил своего квестора Гая Торания в Рим, чтобы через него лично узнать об истинном положении дел».

Насчет «узнать» Саллюстий скромничает – не просто узнать, а доложить, успокоить Сенат (интересно, чем?), и главное, просить еще войска. Как мы дальше увидим, Сенат просьбе внял и войско Торанию предоставил. Да и куда им было деваться, отцам-сенаторам?

Сам же Вариний, Вариний-забияка, двинул остатки своего войска прямо на Спартака. Глупо? Не так и глупо, если подумать. На месте стоять, неизвестно чего ожидая, еще хуже. Разбегутся солдатики! А так можно к патриотизму римскому воззвать, погибших товарищей поименно назвать, о душах их неупокоенных, что у Леты бродят, вспомнить. И ведь получилось поначалу!

Саллюстий:

«Уже далеко не так хвастливо шли они на битву, как требовали ее раньше».

То есть через несколько дней, а то и недель, задор спал, но поначалу солдаты «требовали» битву и шли на нее не как-нибудь, а «хвастливо». Умел Вариний дух своих легионеров поднять. Ударили калиги в мокрую от дождя землю, посуровели лица, грянула над строем залихватская песня...

Пот, кровь, мозоли нам не в тягость,

На раны плюй! – Не до того!

Пусть даст приказ Тиберий Август,

Пусть даст приказ Тиберий Август,

Мы с честью выполним его.

Шучу я, конечно, дорогой читатель. Не родился еще будущий Тиберий Август, и песни в то время были иные. Но что-то подобное над войском римским точно звучало.

Чего мог бояться Вариний? Да того, что Спартак опять боя не примет, в братца Горация играть начнет. Этак и пыл солдатский угаснет (и ведь угас-таки в конце концов!). Значит, скорее, значит догнать!

Но Спартак не уходит, ждет Спартак Вариния. Построил лагерь по всем правилам, новобранцев учит, копья на огне обжигает. Ждет? Почему? Неужто возгордился фракиец? Конечно, в гладиаторском лагере толпа громадная, а у Вариния всего четыре тысячи, но стоит ли подставляться? Ведь если противник хочет одного, мы должны поступить совсем наоборот.

Не спешите, дорогой читатель! Вы, наверно, догадались – Спартак кое-что придумал. Краешек замысла уже виден – сыграть, как на Везувии, в ПОДДАВКИ. Римляне хотят битвы и не просто хотят, а идут на нее «хвастливо»? Спешат, задыхаются, калиги грязью пачкают? Значит, так тому и быть!

Встретим!

И встретили. Судя по всему, где-то там же, у границы Кампании и Лукании. Слева – холмы, за холмами, совсем близко, море с пиратами, справа тоже холмы, между холмами поля спелой пшеницей желтеют. А вот и лагерь гладиаторский на одном из холмов.

Дождик...

Римское войско между тем по дороге мокрой ползет. Впереди, как и полагается, разъезд конный на невысоких итальянских лошадаках. Эге, чей это плащ красный? Неужели сам Вариний? Точно! Не утерпел пропретор, лично в дозор поехал – убедиться, не ушел ли враг. Убедился – здесь Спартак! Значит, занимаем оборону, строим лагерь, а завтра... А завтра – в бой!

Дорогой читатель! Страсть как хочется мне описать строительство римского лагеря. Вот что умели квириды, так это строить. Прирожденные инженеры! А военный лагерь – это целая поэма в трех песнях, гекзаметром, как у Вергилия. Сначала оборону занимаем, прикрываем грудью тех, кто землю копает, затем колья в эту землю втыкаем иглами ежовыми. А ведь колья легионеры на себе таскают, некогда на виду у противника в лес с топором бегать. И растет вал, и углубляется ров, и выстраиваются хитрым порядком белые легионерские палатки. А вот и золоченный Орел в самом центре рвется к дождливому осеннему небу...

Но не буду я об этом сейчас рассказывать, ведь читатели и сами военную историю знают. Поэтому я сразу о результате.

Саллюстий:

«Между тем сам Вариний, будучи вблизи рабов с теми четырьмя тысячами солдат, которые остались ему верны, располагается лагерем, укрепленным валом, рвом и большими сооружениями».

Итак, напротив спартаковского лагеря – римский. Всем лагерям лагерь – укрепленный, причем не просто рвом-валом, а еще и «большими сооружениями». Не иначе башни из древолесин по углам выстроили. Такой штурмом не возьмешь. Все! Попался ты, Спартак, схватили тебя за руку. Утром запоем буцина...

А за частоколом римским песни гремят, дух легионерский поднимают. Хлебнем поски, ячменной лепешкой зажем! Ничего, что дождь, ничего что мало нас. Врежем этим грязным гладиаторам, отребью рода человеческого!

Сожжен в песках **Иерусалима**,

Волнах Евфрата закален,

В честь императора и Рима,

В честь императора и Рима,

Шестой шагает легион!

Спели песенку. Спели, спать легли. Спите, квириды, спите! Баю-баюшки-баю, не ложитесь на краю, придет страшный Спартак и ухватит за бочок!

Не ухватил – живыми проснулись. Проснулись, вскинулись. Пора! Вот и буцина играет, вот и когорты строятся. Вперед, доблестные римляне! Где Спартак, подать нам его, такого-разэтакого!

А действительно, где Спартак? Чего-то тихо у гладиаторов!

Саллюстий:

«Вариний при наступлении дня, не слыша обычных криков рабов и не видя бросаемых в лагерь камней, а сверх того слыша шум и смятение своих и громкие выкрики отовсюду теснящихся около него, посылает всадников на возвышающийся над окрестностью холм, с тем чтобы они произвели разведку...»

Что такое? Где Спартак?!

Есть такой древний анекдот про отважного разведчика. Поймали его враги, в сарай заперли... Вот именно! На третий день сумел он своим зорким оком разглядеть, что в сарае-то нет одной стены...

И снова Саллюстий:

«Рабы же ввиду полного истощения их провианта все тайком вышли из лагеря; а чтобы враг на них не напал вблизи, в то время как они будут заниматься грабежом, восставшие, уже привыкшие по военному обычаю выставлять посты, караулы и выполнять другие обязанности, оставили в лагере трубача, а чтобы для наблюдающих издали было впечатление о якобы стоящих часовых, поставили свежие трупы, подперев их вколотыми кольями, и зажгли многочисленные огни, чтобы солдаты Вариния из страха обратились в бегство... а сами ушли по непроходимым дорогам».

Фронтин:

«Спартак... когда проконсул Вариний отрезал ему путь, вбивши столбы на небольшом расстоянии один от другого перед воротами лагеря, привязал к ним прямо стоящие трупы, одевши их в военную одежду и оружие, так что для смотрящих издали они представляли вид военной стражи, а по всему лагерю велел разложить огни. Обманувши врагов такой хитростью, он под покровом ночной тишины увел свои войска».

Комментировать тут почти что нечего, разве что вновь Ганнибала вспомнить. Он тоже с огнем игрался – привязал как-то к коровьим рогам горящие факелы и пустил стадо по ночной дороге. Римляне и купились – вслед бросились. И ведь не только из-за недостатка провианта ушел Спартак. Военная психология – штука серьезная. Шести римляне на битву, жаром дышали – а весь жар вхолостую. Тут не только у желторотого новобранца руки опустятся. Что и говорить? Ганнибалов коготь!

И еще – «по непроходимым дорогам». Смысл ясен: Спартак увел войско с Помпилиевой дороги на север. На юг не мог, море там. А на севере – поля хлебные, деревни, пастбища – будет чем войско кормить. Конечно, месить грязь между пашен не очень весело, но бывшие рабы народ неприхотливый. А вот римляне, особенно новобранцы...

Саллюстий:

«Через несколько дней у наших против обыкновения начала возрастать смелость и развязываться язык. Неосторожно увлеченный всем этим, Вариний тем не менее, невзирая на прошлый опыт, повел к лагерю»

беглых рабов своих новобранцев, незнакомых и ошеломленных несчастьями других солдат. Они шли медленным шагом в молчании; уже далеко не так хвастливо шли они на битву, как требовали ее раньше».

Картина ясная. Первая реакция доблестных легионеров понятна – обманули! догнать! перерезать! Вариний-забияка тоже не прочь, но дни идут, дождик лупит, грязь под ногами чавкает. А вот и враг – снова в лагере заперся. Как видим, лагеря спартаковцы строить уже научились, и караульную службу освоили. Так что легкой победы не будет, за все кровью платить придется.

Саллюстий:

«И тогда, как бывает при критическом положении дел, каждый особенно вспоминал то, что у него осталось самого дорогого дома, и все, во всех рангах, только внешне выполняли свои обязанности».

«Во всех рангах»! Выходит, и солдаты скисли, духом упали, и офицеры. Но Вариний не отстает. Понимает пропретор, что ждать нельзя, еще немного, и разбежится его воинство. Значит – вперед, на битву!

А в это время...

Саллюстий:

«...Рабы, спорившие из-за плана дальнейших действий, были близки к междоусобию. Крикс и его единоплеменники – галлы – хотели идти навстречу врагу и сами вызвать его на бой. Напротив, Спартак отсоветовал нападение...»

Грешно много цитат приводить, но уж очень этот отрывок интересен. Жаль, не все сохранилось, но смысл понятен: Спартак за то, чтобы опять отступить, боя не принимая, а вот Крикс со своими единоплеменниками – против.

Почему?

Принято считать, что Крикс по натуре очень горячим был. Этакий товарищ Троцкий! Все в бой рвался, об осторожности не думая. А я вот предлагаю по другому Саллюстия прочитать:

«Крикс и его единоплеменники – „галлы“ – хотели идти навстречу врагу...»

Что получается? А получается, что оск Крикс и его единоплеменники из числа «галлов» – оски и самниты – не желают покидать родную землю. Совсем рядом, за холмами, уже Лукания. Значит, Кампанию бросить, римлянам отдать, чтобы они все дороги крестами с распятыми мятежниками обставили? Ведь Крикс и его товарищи для того и бежали, для того и войну начинали, чтобы родину освободить!

Но мудрый Спартак тверд.

Саллюстий:

«Напротив, Спартак отсоветовал нападение... Тот метод, как они до тех пор двигались (...) у них была забота, как бы они уже во время пути не были разъединены и истреблены, они хотели возможно скорее уйти».

«Метод», которым спартаковцы двигались очевиден: отступать до поры до времени, причем отступать вместе, не разделяя армии. Опасно – по одиночке разобьют.

Итак, спорят. За Крикса многие. И вправду, не всем охота грязь осеннюю месить.

Саллюстий:

«...Часть по своей глупости, полагаясь на все прибывающие силы, жестокие характером, иные, позорно забывши о своей родине, главнейшая же масса по своей рабской натуре, не стремясь ни к чему иному, кроме добычи и удовлетворения своей жестокости...»

Так и представляется: красный шатер Спартака, невозмутимый вождь, рядом с ним разгоряченные командиры, а вокруг шатра толпища немерянная, на две части разделенная. Слева – те, что за Крикса, справа – за Спартака. Шумят, кричат, ревут, дубинами машут. Что поделаешь? И характер жестокий, и натура рабская...

Про жестокий характер да про рабскую натуру Саллюстия виднее, но вот «позорно забывшие»... Мы с ними уже встречались. Помните, я обещал другое объяснения этим «позорникам» дать? Ведь что выходит? Это не рабы, не «жестокие характером». Уж не РИМСКИЕ ли это ГРАЖДАНЕ? Тогда все понятно: для римлянина Саллюстия они – предатели, иначе не назовешь.

А «жестокие характером», как по мне, это разбойники, больше некому. Вот вам и спартаковская армия в разрезе. Все как и прежде: италики, в том числе римские граждане, беглые рабы и удалцы из зеленого леса.

Итак, спор. Большинство за бой, но и Спартака кое-кто поддерживает. Помните?

«Немногие благоразумные одобряли и говорили, что им нечего искать другого метода отступления; это были люди свободного духа и прославленные».

Так и видишь за спиною у Спартака нескольких хмурых офицеров-ветеранов из числа недобитых марианцев. Интересно все же, откуда они? Также из числа гладиаторов – или Серторий из Испании военспецов подкинул?

Саллюстий:

«Совет этот по обстоятельствам дела казался самым лучшим. В конце концов Спартак убеждает своих выйти на поля, более обширные и богатые скотом, чтобы там, прежде чем явится Вариний, реорганизовав свое войско, они могли увеличить свою численность отборными людьми».

Спартак не читал великого Клаузевица, но и без него знал одно из главных правил стратегии: ОТКЛАДЫВАТЬ ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ до той поры, пока твои силы максимально увеличатся, а силы врага столь же убудут.

Забияка Вариний не смог навязать Спартаку бой. Армия восставших снова ушла.

...Зеленые холмы, мокрая пшеница по полях, редкие проселочные дороги в хлюпающих лужах. Прощай, Кампания! Лукания, встречай гостей!

29. Новый Порядок

Знаете что, дорогой читатель? Хватит пока о стратегии и тактике. И не потому, что надоело, просто на войне в бой не каждый день ходишь. Между боями большие перерывы случаются, а в тех перерывах жизнь течет. Так на всякой войне бывает, на этой же – в особенности. Очень интересная жизнь для спартаковцев началась, новая. Раньше рабами были, на арене и на виноградниках выкладывались, а теперь – вольные бойцы армии Спартака. Поживем, братцы! Кому война, кому и мать родная!

Это с одной стороны. А вот и другая. Новая жизнь не только для спартаковцев наступила, но и для всей Кампании. И для Лукании, по которой сейчас гладиаторы маршируют, наступила, а потом и для иных мест прекрасной Италии настанет. Сметает лавина спартаковская на своем пути все, на чем римская власть стоит – стражу городскую и сельскую, префектов с декурионами, надсмотрщиков и управляющих. Был прежде порядок римский, стал спартаковский – Новый Порядок! То что обещано было, помните? Словами Фемистия выражаясь, «перемена».

Так что пусть Спартак с Криксом ведут свои армии по Лукании, пусть пока забияка Вариний за ними гонится...

...Куда спартаковцы идут, спрашиваете? К морю, дорогой читатель, к морю, аккуратно к городу Метапонт. Для тех, кто не знает, это на побережье Тарентийского залива, как раз между каблуком и носком итальянского «сапога». Пусть пока идут, а мы поглядим, что именно Спартак этим краям несет, какую свободу, какие равенство и братство, какую «другую, по сравнению с существующими, перемену». И не просто перемену. Блаженный Августин пишет о спартаковском ГОСУДАРСТВЕ:

«Пусть скажут мне, какой помог им бог из состояния маленькой и презренной разбойничьей шайки перейти в состояние государства?»

Де-юре ни Спартак, ни Крикс свое государство не провозглашали, но де-факто на руинах римской власти и в самом деле возникало нечто новое. Вот только что именно?

...Ох, и приходилось читать! И не только у Джованьоли, у многих иных тоже. Мол, свергли восставшие власть римскую, и свою установили – хорошую да справедливую. Освободили рабов, выборы в местные советы организовали, один писатель даже обмолвился, будто провозгласили спартаковцы Государство Солнца чуть ли не по Фоме Кампанелле. А что на деле?

Флор:

«Они распространяются по всей Кампании. Не удовлетворившись разгромом поместий и поселков, они, произведя страшное избиение, опустошают Нолу, Нуцерия, Фурии и Метапонт».

Орозий:

«...Они все наполняли убийствами, пожарами, грабежами и насилиями...»

Дальше цитировать не стану, чтобы нудным не показаться, но все прочие тоже в один голос про грабежи да про разбои. Как же так, что за Государство Солнца такое? Но, может, авторы римские на Спартака клеветают в злобе своей рабовладельческой? Все общие слова, нам бы факты. Где грабили, что жгли, кого убили?

А вот и факты.

Саллюстий:

«...Спартак, скрывшись за Эбуринскими горами, доходит до города Нар в Лукании и оттуда на рассвете достигает Анниевского Форума, будучи незамеченным местными сельскими жителями. Тотчас беглые рабы вопреки приказу вождя начали хватать и бесчестить девушек и женщин. Иные бросали огонь на крыши домов, а многие из местных рабов, нравы которых делали их союзниками восставших, тащили из тайников скрытые господами ценности или извлекали даже самих господ. И не было ничего святого и неприкосновенного для гнева варваров и рабской их натуры».

Так и представляю себе... Нет, даже представлять не хочется! Анниев Форум – городишко маленький, беззащитный, ни стен, ни гарнизона. А тут ревушая потная толпа с кольями и дубинами. И вот уже черный дым над красными черепичными крышами клубится, и рвется к осеннему небу отчаянный женский вопль...

А ведь была еще Нола, были Нуцерия, Фурии и Метапонт. И те самые упомянутые Флором поселки по дороге попадались, и поместья, и просто одинокие путники. Будем возмущаться, дорогой читатель? Не оправдал Спартак наших надежд? Можно и повозмущаться, а можно иначе вопрос поставить: могло ли быть как-нибудь по-другому?

Уверен – НЕТ!

Почему – даже не стану объяснять. Кандальники вырвались на волю. Те, кого культурные и цивилизованные римляне даже не считали за людей, кого запирали в вонючие эргастулы, держали прикованными на цепи, бичевали, посылали на крест. Так чего еще можно от таких ждать? Соблюдения Гаагской конвенции?

Аммиан Марцеллин:

«Сколько знатных людей... обнимали колени Спартака. Сколько голов, перед которыми трепетали народы, пали под позорным топором палача».

И вновь вспоминается Емелька Пугачев. Тому тоже обезумевшие от ужаса дворяне в ноги кланялись. Только ведь не помогало, разве что самозванный «ампиратор» предпочитал не топор, а веревку. Так что не были спартаковцы особо оригинальны. Вот, пожалуйста, еще пример:

«Ворвавшись в дома, рабы принялись за массовые убийства, не щадя даже грудных детей: отрывая их от груди матерей, разбивали о землю. Невозможно сказать, сколько было изнасиловано женщин на глазах их мужей. К ворвавшимся в город рабам присоединилось большое количество городских рабов, которые, расправившись сначала со своими господами, затем приняли участие в общей резне».

Нет, это не Анниев Форум и не Спартаковская война – Сицилия, город Энна, год 137 до Р.Х., Первое Сицилийское восстание рабов, описанное Диодором. Но в отличие от Саллюстия, поминавшего «рабскую натуру», честный грек Диодор, перечислив все творившиеся ужасы, делает вывод:

«Все, содеянное рабами по отношению к их господам, не было результатом жестокости их натуры, но явилось воздаянием за совершенные над ними раньше обиды».

...А под бледным северным небом России благородные поручики Голицыны и не менее благородные корнеты Оболенские все никак не могли взять в толк, отчего это холопы сожгли родовое поместье, родителей старых в могилу свели? Повторюсь: бунтуют везде одинаково. Не только в пугачевской России вчерашние рабы режут всех, кто в немецком платье и вешают «ближе к звездам» профессоров астрономии.

Вместе с тем будем справедливы. Перечитаем еще раз Саллюстия:

«Тотчас беглые рабы ВОПРЕКИ ПРИКАЗУ вождя...»

Более того:

«Спартак, не будучи в состоянии помешать этому, хотя он неоднократно умолял рабов оставить их бесчинства, решил предотвратить их быстротою действий».

Итак, Спартак против бесчинств. Он издает на этот счет ясный приказ и не только издает, но даже УМОЛЯЕТ своих головорезов не трогать мирных обывателей. А когда это не помогает, спешит увести войско дальше. Не из-за этого ли Плутарх поминает «гуманность» вождя гладиаторов?

Не знаю, был ли Спартак гуманистом, но он, как и Крикс, прекрасно понимал, что:

1. Грабежи и мародерство РАЗЛАГАЮТ армию.
2. Они отпугивают мирное население, значит, неизбежны трудности со снабжением.
3. Все эти ограбленные будут ждать римских солдат, как избавителей.

Где уж тут мечтать о Государстве Солнца или о свободной Италии? И действительно – от спартаковцев бегут.

Саллюстий:

«Спартак снимается лагерем на рассвете и располагается на поле, достаточно обширном, где он видит колонов у своих хижин; а на полях тогда стоял осенний зрелый хлеб. Но жители, когда наступил день, узнав от бежавших соседей, что к ним приближаются беглые рабы, торопятся со всем своим достоянием укрыться в соседних горах».

А через четверть века Квинт Гораций Флакк, который еще и не родился в тот страшный год, напишет как о чем-то совершенно естественном и понятном:

Отрок, принеси и венков и мирра,
И вина времен войн с народом марсов,
Коль спаслось оно от бродивших всюду
Шаек Спартака.

Помнили в Италии спартаковские грабежи!

Итак, проблема, причем очень серьезная. Если у Везувия Спартаку, как мы помним, помогали – и быстроногие пастухи, и «свободные с полей», то теперь от спартаковской армии-освободительницы прячутся даже нищие издольщики. Выход один – крепить дисциплину, бить по рукам излишне кровожадных и просто жадных. Но пока это трудно, армия быстро растет – за счет тех самых рабов, что с удовольствием тащили из тайников господское добро и самих господ. Едва ли этой публике можно за один раз растолковать азы цивилизованного обращения с местным населением. Желал ли этого Спартак или нет, но война быстро превращается в КЛАССОВУЮ. Рабы и прочий сброд – против всех остальных.

Аппиан:

«Ни один итальянский город не примкнул к ним: его войско состояло из рабов-перебежчиков и всяких попутчиков».

Интересно, как вели себя Крикс и его единоплеменники-«галлы», ведь это именно их Италию разоряла спартаковская орда? Увы, об этом мы ничего не знаем. Точнее, не знаем конкретно о Криксе, Ганнике и Касте, но как вели себя новоиспеченные офицеры и генералы спартаковской армии, да и сам Спартак, кое-какое представление имеем. Вот вам, так сказать, картинки с выставки.

Флор:

«Даже и погребение вождей, павших в сражении, он справлял торжествами, подобавшими полководцам. Он приказывал пленным сражаться с оружием в руках около погребального костра, как будто желая вполне загладить всякий позор прошедшего, если только он сам, бывший прежде гладиатором, будет устраивать похороны как какой-нибудь важный вельможа, с гладиаторскими боями».

Орозий:

«Итак, когда они все наполняли убийствами, пожарами, грабежами и насилиями, на похоронах одной пленной женщины, которая лишила себя жизни в отчаянии от нарушения своего целомудрия, они, как будто скорее учителя гладиаторов, чем начальника войска, устроили игры гладиаторов из 400 пленных, которые, надо полагать, должны были быть испытаны для этого зрелища».

Блаженный Августин:

«Одержавши же множество побед, предавались удовольствиям, каких желали, делали, что внушала похоть, и жили ПОДОБНО ЦАРЯМ».

«Подобно царям»? И что тут скажешь? Так и хочется вновь вспомнить Емельку Пугачева с его «господами енералами», но те хоть не заставляли пленных екатерининских офицеров ходить в штыковую друг на друга. Как видим, с одной стороны вождь Спартак умоляет своих головорезов не трогать мирных обывателей, а с другой... А с другой ПРЕТОР Спартак не возражает против того, что его собственные офицеры творят ничуть не меньшие безобразия. Так и хочется задуматься: когда же он был искренним? Или изнасилованных пленниц разрешалось держать в палатке только своим, из «ближнего круга»? Может, и в Анниевом Форуме Спартака заботили вовсе не соображения гуманизма, а нечто более земное? Скажем, разгром города замедлял движение армии, а по пятам шли когорты Вариния?

И вновь вспомним о гладиаторах. Ведь не только ради мести заставляли спартаковские офицеры и генералы своих пленников резаться у погребальных шатров. Такое впечатление, что они, как и римляне, ВЕРИЛИ в кровавую защиту от неупокоенных душ – иначе бы не стали проводить игры в честь несчастной пленницы. Душа самоубийцы – мститель, и только кровь сотен жертв может ее успокоить.

Очень по-римски!

Можно добавить, что массовые жертвоприношения душам умерших (это, как мы увидим, только начало) позволяют заподозрить наличие у верхушки спартаковцев настоящего КУЛЬТА – культа Смерти, подобного тому, что был у этрусков. Неудивительно! Гладиаторы, Смерти посвященные и для богов уже умершие, поклоняются богам и демонам СВОЕГО мира. Боги живых уже не могут им помочь – значит помогут боги мертвых!

Страшновато выходит, правда?

Но как же Новый Порядок? Как же освобождение рабов, «перемена существующего порядка», создание на юге Италии вольного «партизанского края»? Увы, ни следочка, пока по крайней мере. Рабы освобождались, только если бежали в спартаковскую армию, а местные жители были предоставлены самим себе – и милости своих вчерашних невольников.

Итак, Новый Порядок Спартака это:

1. Террор, направленный не только против «плохих» рабовладельцев, но и против всех подряд.
2. Грабежи, от которых страдали даже бедные издольщики-колоны.
3. Отсутствие каких-либо попыток создать АЛЬТЕРНАТИВУ римской власти и договориться с местным населением.
4. Отсутствие попыток централизованного освобождения рабов.
5. Выделение новой спартаковской ЗНАТИ, причем знати РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ, охотно копирующих римские обычаи, вплоть до гладиаторских боев.

Но, может быть, иной политики и быть не могло? На войне как на войне, там всегда грабят, всегда режут, всегда насилюют. А уж на такой войне!.. Все верно – и грабят, и насилюют, чему мы уже и примеры приводили. Сравним, однако, Спартаковскую войну с иными, столь же опустошительными, на которых римлянам тоже доставалось.

– Ганнибал совершал неимоверные зверства, в том числе охотно заставлял римских пленников резаться на своих глазах. Но одновременно он старался наладить КОНТАКТ с не-римлянами, жителями Италии. Южную Италию он не разорял, за все платил, а пленных римских союзников отпускал без выкупа.

– Рабы на Сицилии в Первое Сицилийское восстание резали и насиловали, однако анархия быстро закончилась. Было провозглашено Новосирийское царство, правитель которого Евн законодательно ОСВОБОДИЛ рабов.

– Италики в период Союзнической войны римлян не щадили, однако жителей Государства Италии не только не трогали, но и наделили всеми гражданскими правами. Представители всех народов Италии (кроме римлян) получили места в Сенате, была создана многонациональная армия, в которую входили не рабы, а СВОБОДНЫЕ.

И Ганнибал, и восставшие италики опирались на верные им ГОРОДА, что обеспечивало их армии надежной базой. Главным опорным пунктом Ганнибала была, как мы помним, Капуя, италиков – Беневент. Спартак же такой возможности пока не имел.

Как видим, воевать с Римом можно по-разному.

Итак, в эти месяцы армия Спартака ведет себя на юге Италии как ВРАЖЕСКАЯ армия, более того, армия, чье командование и не надеется на какой-либо КОМПРОМИСС с противником. Вместе с тем, спартаковцы держат себя как-то уж очень ПО-РИМСКИ – войско строится по римским уставам, претор Спартак и его офицеры устраивают гладиаторские игры. Да и сам беспощадный террор – сильно ли он отличается от того, который как раз в это время устраивают римские вояки в родной Спартаку Фракии? Так и кажется, что в лице Спартака и спартаковцев на свет божий выступило не Государство Солнца и не Государство Италия, а Анти-Рим, такой же беспощадный и страшный, как и Рим подлинный. Словно армия римского претора Спартака, впад в коллективное безумие, приняла свою страну за вражескую.

И вновь хочется вспомнить о Криксе. Не потому ли Носящий Браслет отбирал людей, не потому ли создавал отдельное войско, что он и его «галлы» пытались вести себя иначе, старались осуществлять какую-то ДРУГУЮ политику, надеясь действительно обеспечить обещанную «перемену»? Но если это было и так, успеха эта политика не имела – слишком страшен казался Спартак. Едва ли перепуганные обыватели различали какое именно гладиаторское войско приближается к их городку.

Странное дело! Сколько написано о том, что не поделили между собой Спартак и Крикс, а о таком почему-то мудрые историки не подумали.

Но пока Спартак и Крикс – союзники. Их армии действуют вместе. Выбора нет – война в самом разгаре, забияка Вариний ведет свои поредевшие когорты по спартаковскому следу...

30. Зимой, у моря...

А не отдохнуть ли нам с вами, дорогой читатель, от всех этих забот? Нам ведь еще воевать и воевать, и с консулами, и с Марком Крассом. Не только воевать – хоронить наших героев тоже, увы, придется, и о всяких страхах замогильных рассуждать, и многое, многое другое. Так что пока есть возможность, махнем-ка к морю! К какому морю? Понятно, к Средиземному. Правда, отдыхать придется зимой... Холодно? Ничуть не холодно! Температура воды там, где нам отдыхать доведется, даже в феврале держится не ниже +12 градусов, обычно же – выше. Штормы и туманы бывают, но редко. А места красивые: горы, пиниями поросшие, холмы, берег скалистый. Почти Крым! Доберемся же мы туда очень просто – вслед за спартаковской армией. Куда она, туда и мы.

Ах да, Вариний! Вот забота, он тоже не отстаёт, забияка, не дает отдохнуть, прямо по пятам за Спартаком идет! Вцепился, словно какой-нибудь СС-штандартенфюрер в отряд Ковпака.

Орозий:

«...Обойдя кругом через Консенцию и Метапонт...»

Флор:

«...Они, произведя страшное избиение, опустошают Нолу, Нуцерия, Фурии и Метапонт...»

Смотрим на карту. Что значит, «обойдя кругом»? Ага, кажется понятно. Мы расстались со спартаковской армией на границе Кампаний и Лукании. Тогда Спартак как раз с Помпилиевой дороги свернул, помните? Если же верить почтенным римским авторам, дальше произошло вот что: пройдя по сельской округе, там, где урожай еще не убрали, и пополнившись новыми добровольцами, спартаковцы вновь оказались на Помпилиевой дороге, но уже гораздо южнее, почти на носке итальянского «сапога». Городишко Консенция как раз на этой дороге стоит, а Фурии неподалеку, у моря. Так что, дорогой читатель, Луканию мы уже с вами пробежали, теперь мы в Бруттии – там, где через год Красс попытается запереть Спартака своей «линией Мажино». Но в Бруттии спартаковцы не остались и повернули назад, в Луканию, вновь сошли с дороги и оказались у Метапонта, на самой границе с Апулией, где начинается итальянский «каблук». Так что получается если не круг, то уж петля – определенно.

Шли с боями.

Плутарх:

«Претора же Спартак разбил во многих сражениях...»

«Многие сражения» – это не два и не три. Так и хочется спросить уважаемого Плутарха: с кем это Спартаку сражаться довелось? С четырьмя тысячами чихающих и кашляющих под осенним дождем римских новобранцев? Ведь квестор Тораний, посланный за войском в Рим, еще не вернулся. Крепок же оказался пропретор Публий Валерий Вариний!

Скорее всего, было немного по-другому. Не сражения – стычки. Спартак не спешил, закалял свою армию в небольших боях, на маршах, приучал к дисциплине и строю, пополнял новобранцами – и ждал. Чего

ждал? Да того, что легионеры Вариния окончательно упадут духом. Ведь Спартак шел впереди, опустошая округу, значит римским солдатам доставались в буквальном смысле объедки. А тут еще осень, холод, дожди. Удачные стычки укрепляли у спартаковцев привычку к победе. У римлян же – все наоборот.

Спартакoвская армия постоянно росла, причем теперь Спартак стремился пополнять ее не только количественно, но и качественно.

Саллюстий:

«...Прежде чем явится Вариний, реорганизовавши свое войско, они могли увеличить свою численность отборными людьми».

«Отборные люди» – вот даже как! Очевидно, агентура восставших заранее собирала добровольцев в отряды, по возможности вооружала их, после чего новые подразделения примыкали к основным силам. А вот и результат.

Аппиан:

«После этого к Спартаку сбежалось еще больше народа, а войско его уже достигло 70 000. Восставшие ковали оружие и собирали припасы».

Флор:

«...Из железа в рабских мастерских и тюрьмах, переплавивши его, они сделали себе мечи и копья».

Цифру в 70 тысяч следует оставить на совести Аппиана, но даже если римляне завышали число врагов вдвое, итог спартакoвской мобилизации впечатляет. Создается БОЛЬШАЯ армия, способная драться не только с когортами Вариния. Не просто создается, вооружается тоже. Теперь Спартак контролирует немалую территорию, значит в сельских кузнях можно начать изготовление всего необходимого. Качество этих мечей и копий не могло быть высоким, но это лучше, чем ничего.

Итак, армия Спартака росла, крепла и вооружалась. Но Вариний не отставал. Упорен оказался пропретор! И наконец... И наконец, Спартак решил дать римлянам открытый бой – строй на строй, согласно уставу. То ли счел, что войско уже готово, то ли узнал о приближении Торания с резервами. Да и показать всем, и своим, и чужим, что гордых квиритов можно бить не только из засады, было самое время.

Итак, бой – решительный, насмерть.

Тит Ливий:

«Они победили в открытом бою легата Клавдия Пульхра и претора Публия Вариния».

Плутарх:

«Претора же Спартак разбил во многих сражениях и в конце концов захватил его ликторов и коня».

Флор:

«Затем они разгромили другой лагерь, Вариния...»

Аппиан:

«...Римские полководцы при столкновении с рабами потерпели поражение. У Вариния сам Спартак отнял даже коня: такой опасности – попасться в плен к гладиаторам – подвергался сам римский полководец».

Ох, и немногословны же римляне, описывая свои поражения! Впрочем, кое-что понятно. И даже не кое-что – многое. Решающая битва произошла скорее всего в середине осени где-то неподалеку от моря, в Лукании. Бой был «открытый», и римляне успели выстроить лагерь. Значит, на этот раз все было действительно по правилам: ночь перед сражением, рев буцины на рассвете, ровный строй манипулов, золоченный Орел, к небесам рвущийся... Представляю, как ликовали легионеры. Еще бы! Наконец-то это отродье гладиаторское осмелилось выйти на правильный бой. Ну, мы их сейчас! Щиты сомкнуть, пилумы к бою, шаг держать ровнее!..

Пусть я погиб и взят Хароном,

И кровь моя досталась псам!..

А что же Спартак? Увы, молчат историки римские, а если и cedят по словечку, то определенно сквозь зубы. Но главное мы знаем – Спартак ЛИЧНО атаковал Вариния. И не только атаковал, но и захватил коня, ликторов, а самого пропретора чуть не взял в плен.

Как это понять? Сам Вариний едва ли согласился выйти на поединок. Римляне так не воюют, они атакуют строем манипулов, впереди – легковооруженные, по флангам – конница, а за спинами легионерскими – лагерь, так сказать, последняя крепость на всякий пожарный. Полководец же находится в центре, желательно на возвышении, чтобы поле боя лучше видеть и сражением управлять.

Вот всю эту уставную красоту Спартак и поломал. Скорее всего, он даже не стал ждать, пока строй на строй ударит – атаковал сам, причем не пехотой, а конницей, прямо в центр, где стоял римский полководец. Атаковал, обратил в бегство, нарушил управление, посеял панику...

Вот вам, дорогие читатели, еще один секрет спартакoвских побед – удар ПО ВОЖДЮ. Это уже не Ганнибал, это Александр Македонский. Помните Исс? Громадная персидская армия против небольшой македонской. Ввек не победить бы Александру, если по всем правилам воевать. И действительно, персы жмут на флангах, персы готовятся ударить в центре, но Александр бьет сам – прямо по золоченной колеснице Царя Царей. И – все, можно гнать врага и считать трофеи.

Удар по вождю – способ древний, но проверенный и очень действенный. Во Вторую Мировую этим отличался «панцергенерал» Клейст. Первый и главный удар – по штабу врага, а остальное уже дело техники.

Так и представляется... Мокрое поле, блестящие от дождя легионерские шлемы, оцетинившийся пилумами строй, а в самом центре – что-то непонятное. Каша! Прогнулся строй прямо к золоченному Орлу, качнулся Орел, накренился... И тут же крик по всему полю: «Варини-и-ий! Вари-и-и-и-ин-и-ий уби-и-ит! Уби-и-и-ит!»

Пропретор-то жив остался, но кричали гладиаторы, уверен, именно это, чтобы ужас навести. Способ старый – и тоже проверенный.

И вот рухнул, исчез Орел, дрогнули пилумы, опустились – а на римский строй уже мчит страшная орда с деревянными копьями наперевес. Ударили копья в овальные щиты, взлетели к осеннему небу огромные дубины... Отвоевалось войско Вариния! Взят лагерь, уцелевшие легионеры бегут по осенней грязи, бросая оружие, немногие, страх преодолевшие, прикрывают окровавленного пропретора, кто-то ищет ему коня, взамен того, что Спартак захватил...

Вариния-забику мы больше не встретим, дорогой читатель. Ему предстоит еще жить целые четверть века, чтобы погибнуть за морем, в Эпире, в самый разгар страшной гражданской войны, чуть было не погубившей Рим.

Ты был храбрым воякой, Вариний. Жаль, что твоя кровь досталась псам!

Вот, собственно, и все. Впрочем, был еще и эпилог – в Луканию спешил квестор Тораний с резервными когортами. Но было уже поздно.

Флор:

«Затем они разгромили другой лагерь, Вариния, а следом за ним и лагерь Торания».

Как по мне, Торания разбили внезапно, ведь Флор не о битве пишет, а о захвате лагеря. Возможно, квестор даже не успел узнать о разгроме главных сил. Налетели со всех сторон, окружили, разнесли лагерьный частокол по бревнышку...

Ну, а теперь – к морю, отдыхать. Что, еще рано? Ах, да, мы же еще итоги не подвели. Воевали, воевали, а что в результате? Надо же провести, так сказать, разбор полетов!

Ладно, заглянем в лагерь Спартака. Сегодня там шумно – гуляют победители, давятся цекубским и фалернским. Кто сам пьет, кто белых от ужаса девушек, в соседнем городке захваченных, поить пытается. Пленные легионеры тут же, связанные как бараны, а возле них несколько крепких мужиков, шрамами украшенных – это бывшие гладиаторы пришли присмотреть тех, кому скоро резать друг друга придется. Оценивают, мускулы щупают, зубы считают. Того, который центурион, в «галлы» определить решили, а этого, совсем молоденького, в ретиарии. Чуть дальше – толпа, там добычу делят. Немало добра в римских лагерях оказалось!

А вот и красная палатка вождя. Вокруг – значки когорт и два трофейных Орла, у входа хмурые парни в ликторских плащах с фасциями, в каждой связке – по топору.

Заглянем?

Спартак у карты. Возле него Крикс и все остальные, нам уже известные. Но и неизвестные тоже – растет спартаковское войско, много новых командиров появилось. Тесно в палатке! Кое-кого мы даже по именам знаем. Вот, знакомьтесь: Публипор. Судя по имени – раб из тех, что в неволе родились. Имя латинское, значит местный. Худой, плечистый, на запястьях – следы кандалы. Каторжник, да и только!

Саллюстий:

«...Публипор остановился в Луканской области, зная эти места».

Когда и почему Публипор остановился в Лукании, мы не знаем – слишком мал отрывок. Но ясно, что этот спартаковский командир в Южной Италии бывал неоднократно. То ли разбойничал, то ли на вилле ляжку тянул.

...Публипор – единственный из знакомых нам спартаковских командиров, кто уцелеет после разгрома при Брундизии и еще долго будет вредить Риму...

Остальные ему под стать – рабы, гладиаторы, разбойники, голь с полей. Через несколько веков Юлий Капитолин вспоминал о Спартаке, критикуя императора Максимиана:

«Он не терпел около себя никого из знатных, он властвовал, как будто бы взял себе за образец Спартака...»

Не удивимся – голубой крови и белой кости в штабе гладиаторов точно не было.

А вот и карта, тоже нам известная. Стилос Спартака указывает на Метапонт, на небольшую речку Казуент, что возле города протекает. Лагерь гладиаторский где-то здесь. А дальше...

...На запад, совсем рядом, за речкой Брандан, Апулия, область, что к итальянскому «каблуку» примыкает. А вот и сам «каблук» – Калабрия. На юго-западе от лагеря спартаковцев – «носок» – Бруттий, туда мы уже заглядывали. Мы же в Лукании, посередине, на север от нас Самниум и знакомая нам Кампания.

И что мы видим? А видим мы то, что римских войск ни на «носке», ни на «каблуке» уже НЕТ, да и вся нижняя часть «сапога» от римлян свободна. Рим за «голенище» держится, все, что от его войск осталось, скорее всего в Капуе, где дорога на столицу. А вся Южная Италия уже СПАРТАКОВСКАЯ. Вот он, итог этой осени!

Так чего ждать? Вон, молодой командир, явно из пастухов местных, пальцем грязным в карту тычет. На Рим! Свернем шею Волчице! Ведь у римлян и войск-то не осталось! И другие, из пастухов и рабов бывших, тоже на карту кивают, товарища поддерживают. А бородатые парни из зеленого леса, теперь тоже командиры, радостно зубы скалят. Ох, и много добра, в этом самом Риме, надолго хватит!

...Жестокие они сердцем, разбойники, что поделаешь?

Но не за ними последнее слово, не им решать. Сейчас будет говорит Крикс. Изменился он, Носящий Браслет! Плащ красный преторский на нем, как и на Спартаке, перевязь – тоже преторская, на ногах сапожки-калиги штучной работы. Лишь браслет прежний – бронзовый, вытертый...

И что Крикс скажет? Тоже на Рим позовет, ведь горячий этот оск, невыдержанный? Но странное дело – совсем о другом его речь. И Ганник с Кастом (ишь, панцири золоченные, нацепили!) на Рим идти не зовут. Да и Спартак совсем о другом говорит. Упирается стилос в карту, там где «носок». Фурии, маленький городишко недалеко моря, всего в нескольких километрах от Тарентийского залива. Туда!

Туда? Качают командиры головами лохматыми, переглядываются и вновь вопросы задают. Чего в тех Фуриях делать? Ожидать, пока римляне новое войско соберут? Вон, лазутчики сообщают – в консульские легионы набор начат. Ударить бы сейчас...

Спартак тверд. Стилос вновь утыкается в карту. Туда, в Фурии! Армия к большим боям еще НЕ ГОТОВА. Отчего не готова? Послушаем вождя. Причин много, но главных две:

1. В армии много неопытных и необученных новобранцев и не хватает оружия. А ведь по мере приближения к Риму сопротивление противника станет возрастать, в бой пойдут лучшие римские войска. Центральную Италию и свою столицу римляне будут защищать до последней капли крови.

2. Для победы над Римом требуется не только армия, но и поддержка местного итальянского населения, необходима база, ПЛАЦДАРМ для борьбы. Пока такого плацдарма создать не удалось.

Спорить будут еще долго, но результат нам с вами, дорогой читатель, известен. Спартак вновь всех переубедит, вновь сумеет на своем настоять. И Крикс его на этот раз поддержит. Оба знают: на Рим идти еще РАНО. Разгром Вариния дал восставшим передышку, и этим следует воспользоваться сполна. Толпа не победит римскую армию, толпу следует превратить в войско. Время для этого есть, есть и возможности. Нужна не героическая смерть, нужна победа.

Итак, к морю. В Фурии!

Пока же спартаковское войско с лагеря снимается, подумаем, отчего именно в Фурии, отчего, раз мы у моря зимовать решили, не остаться на месте, в Лукании? Или все дело в том, что Луканию армия-освободительница уже дочиста разграбила, а Бруттий – нет? И это тоже, воинов придется до самой весны кормить. Но причина эта, думаю, не единственная. Приглядим-ка на места, куда спартаковская армия направляется, повнимательнее.

Фурии – это Бруттий, самый «носок» итальянского «сапога». Несколько небольших, но удобных гаваней, а рядом, за Мессенским проливом – Сицилия.

Страбон:

«Город регийцев... всегда был передовым оплотом против острова».

И Африка не так далеко, а ведь на море, как мы помним, пираты, те самые благородные флибустьеры из Киликии, что так римляне любят. Что еще? Местность гористая, но есть и равнины.

Страбон:

«...В окрестностях Гиппония прекрасные цветистые луга...»

Тоже полезно, будет где коней пасти, а к зиме заготовить сено. Но не это главное. Бруттий – земля особая. Почему? Да из-за народа, там живущего. Они так и звались – бруттии или бреттийцы. Считались же эти бруттии-бреттийцы первыми в Италии разбойниками и мятежниками.

Страбон:

«Название этому племени дали левканцы, так как бруттиями они называют всех мятежников. Прежде бруттии были простыми пастухами у левканцев, а затем благодаря слабости своих господ начали вести себя как свободные люди. Как говорят, они восстали...»

Итак, Бруттий – Земля Мятежа. Гордые пастухи-бруттии в давние годы сумели освободиться от власти своих господ. Чем не союзники для Спартака? К тому же в Кампании и Лукании много римских поселенцев (тех же ветеранов Суллы), а на итальянском «носке» римлян почти что и не встретишь. Неуютно им среди потомственных мятежников! Кампания и Лукания уже отвоевались, уже покорились Волчице, Бруттий – нет. Может, потому и не жалели спартаковцы перепуганных кампанцев и луканов. Не союзники они, просто стадо овец. А вот Бруттий...

Это знал не только Спартак, все знали. Именно здесь, на носке итальянского «сапога», находилась последняя база Ганнибала. Не любили бруттии-бреттийцы Рим! Но если Бруттий был плацдармом Ганнибала, почему бы ему не стать плацдармом Спартака?

Не станем спешить. Посмотрим сперва, что спартаковцы делать станут. Перенесемся сразу на пару месяцев вперед и поглядим на Фурии с птичьего полета.

...Темное зимнее море, морсящий дождь, ветер с близких гор, сигнальные костры на пологих вершинах. Да, уже не лето. Мрачновато! А вот и Фурии – небольшой городишко среди холмов.

Аппиан:

«Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город».

Это понятно. Фурии город маленький, спартаковское толпище в нем не поместится, да и незачем бойцов комфортом баловать. Снега нет, морозов тоже, можно и в легионерских палатках перезимовать. Особой опасности нет – римские войска далеко, за сотни километров. А местные жители? Ведь с такими, как бруттии, лучше не ссорится.

Плиний Старший:

«...Спартак запретил в своем лагере кому бы то ни было иметь золото и серебро».

Аппиан:

«Спартак... запрещал купцам, торговавшим с его людьми, предлагать вещи из золота и серебра, а своим – покупать их. Они покупали только железо и медь за дорогую цену, и тех, кто приносил им эти вещи, не обижали».

Про золото-серебро, которое спартаковцы в «общак» сдавали, мы уже знаем. Знаем – и вывод делаем: в армии удалось навести порядок. Можно догадаться, что гладиаторы, ставшие командирами, быстро укротили разудалую вольницу. Теперь эта вольница не только послушно сдает драгметаллы, но и НЕ ТРОГАЕТ местных жителей.

Снова вспомним Цезаря:

«...Им помогли некоторого рода навык в военном деле и дисциплина, которую они усвоили от нас».

Как видим, и навыки в деле военном появились, и дисциплина. Быстро учились спартаковцы! Тем, кто желает со спартаковцами торговать, ПЛАТЯТ – для того и средства нужны. А это уже, согласитесь, совсем другая картина, чем прежде. Кампанию и Луканию Спартак грабил, Бруттий – не трогает.

...Перенесемся на двадцать лет вперед. Уже давно нет в живых Спартака, но его бойцы все еще сражаются. Против них идет войной пропретор Гай Октавий, отец будущего императора Августа.

Светоний:

«После претуры он... уничтожил остатки банд Спартака и Катилины – беглых рабов, захвативших область Фурий... Ребенком Август получил прозвище Фурийского в память происхождения предков, либо же потому, что его отец после его рождения уничтожил в Фуриях шайку беглых рабов».

Как видим, спартаковцы прочно утвердились в Бруттии. Только через двадцать лет римлянами удалось уничтожить остатки их «шайки». Значит, не зря Спартак стал налаживать контакты с вольнолюбивыми пастухами, не зря принялся торговать, а не грабить.

Что покупали спартаковцы? Как видим, покупали оружие и то, из чего оно изготавливается. Вооружить несколько десятков тысяч человек – не шутка, но время есть, есть деньги, так что почти наверняка к весне деревянные копья с обожженными наконечниками можно уже было сдавать в музей боевой славы.

Вооружить народ мало, требуется его еще и обучить. Но и это не проблема.

Аппиан:

«Приобретая таким путем нужный им материал в большом количестве, они хорошо вооружались и часто, чтобы опустошить страну, выходили на грабеж. Сражаясь снова с римлянами, они побеждали их и, нагруженные добычей, возвращались к себе».

Если задуматься, выходит очень интересно. Зачем требовалось грабить, ясно – «конкретная» добыча (себе и в «общак»), приобретение боевого опыта, а заодно разведка местности, изучение будущего поля боя. Ведь добыча доставалась не просто так, приходилось сражаться, причем не с местными жителями, а с римлянами. Интересно, однако, где? «Опустошать» Бруттий не имело смысла, огромная спартаковская армия превратила бы его в пустыню за несколько дней. А кто тогда будет гладиаторам металл для оружия продавать? И римлян в этих местах всего-ничего. Соседняя Лукания, да и Кампания тоже, уже «зачищены», значит Спартак и Крикс посылали свои отряды дальше на север и на запад – в Апулию, Калабрию, Самниум, Пицен, а может даже и в Лациум, под самый Рим. Причем, если Аппиан опять не напутал, сражались именно с РИМЛЯНАМИ, а не с италиками. Кажется, и тут Спартак начал воевать по-новому. Но в любом случае плохо спалось этой зимой в Вечном Городе!

Плутарх:

«Спартак был теперь велик и грозен».

Еще бы!

Итак, дорогой читатель, если вы думали отдохнуть у моря в такой приятной компании, то слегка ошиблись. Отдых у нас с вами получился весьма и весьма активным. Все эти месяцы у маленького города Фурии, в Бруттии, на земле мятежников, Спартак делал то же, что и возле Везувия – организовывал войско. Но уже не отборный батальон, а БОЛЬШУЮ армию, способную воевать с лучшими римскими войсками на равных.

...Ох, и быстро же время летит! Ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель. Холодный ветер с гор сменяется жарким африканским сирокко, бруттийские луга покрываются чудо-цветами...

Страбон:

«Думают, что сюда из Сицилии приходила Кора собирать цветы. Поэтому у местных женщин вошло в обычай собирать цветы и плести венки, так что считается позорным носить в праздник покупные венки».

Увы, не носить спартаковцам венки из brutтийских цветов. Зима позади, впереди весна – и новая война. На этот раз Спартак не ждет удара, он бьет сам. Армия восставших гладиаторов начинает травлю Римской Волчицы.

Горе тебе, Вечный Город! Горе!

31. Подражание Платону или Диалог, которого не было

Спартак: И все-таки нам лучше держаться вместе, Крикс!

Крикс: Это я уже слышал. Только кому это «нам», Спартак? Двум бывшим гладиаторам? Оску и фракийцу? Или моему и твоему войску – тем, кто борется за свободу Италии и любителям пограбить? Давай сначала определим, что такое «нам».

Спартак: Нам – двум преторам восставших гладиаторов, решивших умереть за свободу, а не резаться на арене на потеху всякой сволочи.

Крикс: Тогда почему один претор даже не сообщил другому, когда мы выступаем. Завтра? Послезавтра?

Спартак: Крикс, неужели ты не услышишь звук трубы?

Крикс: Пусть так... Но куда, а главное, ЗАЧЕМ мы поведем войска, я должен знать. И мои товарищи – тоже!

Спартак: Но ведь сегодня я объявил это всем, на лагерной площади.

Крикс: Слышал, слышал, как же! Мы идем к Альпам, переходим их и разбегаемся, кто во Фракию, кто в Галлию. Интересно, куда ты велишь идти моим самнитам, в Галлию или во Фракию? А остальным – brutттиям, кампанцам, калабрийцам? А тем бедолагам, что родились в рабстве и даже не знают, где их отчизна? Ты бы слышал, как они все сейчас шумят! Их родная земля здесь, здесь, здесь!.. А главное, Спартак, я тебе не верю. Ты никогда не назовешь истинную цель похода посреди лагерной площади.

Спартак: Если шлем полководца узнает его настоящие мысли, этот шлем следует разбить – и переплавить... Ну и скверные же шлемы у этих легионеров! Наши, те, что мы делать научились, получше будут, правда?

Крикс: Правда... Знаешь, иногда мне кажется, что мы все для тебя – деревянные солдатики, которые ты двигаешь по карте. Хуже! Бараны для алтаря, жертвенное мясо!..

Спартак: Крикс...

Крикс: Ладно, не буду. Бывший гладиатор может обижаться на своего товарища, но претор «галлов» не имеет на это права... Давай я тебя лучше развеселю. Кто-то пустил слух, что новый римский консул Лентул – это наш ланиста Лентул Батиат. Представляешь? Ребята уже решают, с каким оружием пустить этого толстяка на арену. Как по мне, быть ему андабатом. Андабатам ведь бегать не нужно, стой себе, размахивай ножичком, пока не зарезали!..

Спартак: Смешно... И весьма полезно. Перед решающей битвой можно будет крикнуть «Даешь Батиата!». Жаль, что это и вправду не наш ланиста! Консулами сейчас в Риме Гней Лентул Клодиан и Луций Геллий Публикола. Геллий – ставленник Помпея, Лентул – марианцев.

Крикс: Геллий Публикола? Так он родич Вариния?

Спартак: Очень дальний. Род один, семьи разные. Но Вариний хотя бы воевал, а эти... Говорят, правда, что Гней Лентул неплохой полководец, только армией ни разу не командовал. Штабная крыса! Не Вариний, одним словом.

Крикс: Жаль, не прикончил ты Вариния!

Спартак: Я и сам жалел. Поначалу. А потом решил – так даже лучше. Пусть живет долго, и пусть ему в спину пальцами тычут...

Крикс: Мол, не тот ли это Вариний, которого гладиаторы разбили? У которого Спартак коня забрал? Верно... Знать бы где этот задира сейчас!

Спартак: В провинции Азия. В бой его уже не пустят, будет готовить резервы для армии Луция Лукулла.

Крикс: Знаешь, меня всегда поражало, как ты в этой римской кухне разбираешься. Кто какого рода, какой семьи... Да и не меня одного. Многие говорят, что ты совсем не похож на фракийца.

Спартак: А каким должен быть фракиец? Носить широкие штаны, заплетать волосы в косички и красить лицо перед боем?

Крикс: И даже под страхом смерти не выговаривать латинское «th». Дело не в косичках. Ты слишком похож на римлянина, Спартак!

Спартак: Да, мне говорил это один центурион перед тем, как я приказал распять его на кресте. И даже с креста что-то пытался кричать... Думаешь, если я римлянин, тем, на Капитолии, будет легче?

Крикс: Не будет... Но и нам тоже! За что мы воюем, Спартак? За Италию? За то, чтобы убежать и спрятаться за Альпами? За то, чтобы уничтожить Рим? Скажи это мне, своему товарищу, мне, претору «галлов»! Когда запоет труба, рассуждать об этом будет поздно...

Спартак: Мы договорились еще на Везувии, Крикс! У тебя свое войско, у тебя своя цель. Но пока мы вместе.

Крикс: Пока... Пока – что?

Спартак: Пока мы не выиграем эту кампанию. Лето все решит. Прошлой осенью мы разбили трех преторов и освободили юг Италии. Если мы разобьем консулов, вся Италия будет наша. А там...

Крикс: Нет! Это ты вчера говорил Ганнику. Он поверил, я не верю. Тебе не нужна свободная Италия, Спартак! Сколько раз я предлагал тебе провозгласить новое государства, наше, свободное, где всем найдется место – кроме проклятых римлян!

Спартак: Ганник, как ты помнишь, тоже говорил что-то похожее. Ему я ответил «рано». Тебе я отвечу иначе. Не рано – поздно! «Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор...»

Крикс: Что?!

Спартак: «Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор...» Так сказал мне один сириец, это записано в какой-то священной книге. Свободной Италии уже нет, Крикс. Нет, и не будет. Есть Рим... погоди! Ты задал мне много вопросов, а теперь выслушай ответ. Свободная Италия – это люди, которые готовы в такой стране жить и за нее сражаться. Еще сто лет назад это было возможно, теперь же... Кто пойдет за тобой, Крикс, кроме батраков с полей и разбойников с гор? Все остальные уже покорились. Вспомни! Этрурия, Умбрий, Лигурия и, конечно, Лациум уже много веков дружат с Римом. Сейчас там живут римские граждане, они голосуют, выбирают консулов. А здесь, на юге... Ты же видел: кампанцы и луканы – просто рабы, готовые лизать чужой сапог, бруттии ненавидят и будут ненавидеть любую власть, любую державу, что Рим, что Италию. А твои самниты... Не спеши, Крикс, послушай! Ваша знать перебита, города разрушены, земля перешла к римским колонистам. Несколько десятков храбрецов не изменят того, что случилось. Увы!..

Крикс: «Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор...» Хорошо, что хоть сейчас ты со мною откровенен, Спартак! Буду откровенен и я... Все это мне известно, но и ты, и римляне – вы все считаете без Хозяина, без Того, Кто на деле вершит судьбу Италии!

Спартак: Думаешь, твои боги помогут тебе, Носящий Браслет?

Крикс: Не мне – Италии! Ты умеешь воевать, Спартак, но я потомок жрецов, и мне известно кое-что иное. Судьбы Рима и Италии решатся не на поле битвы, настоящее сражение состоится не здесь, не на земле. Я... Я так и не стал жрецом, Спартак, не успел, в семнадцать лет ушел воевать за нашу землю. Но кое-что я знаю. Боги отступились от Рима! Они молчат, когда на Капитолии режут очередного пленника и пытаются его кровью задобрить Хозяина. Боги не спешат, Они ждут, Они выбирают. И я... И я знаю, что делать, чтобы Они помогли воскресить Италию! Мы, наша армия, мы лишь протопчем тропу...

Спартак: Так кто же, скажи, считает наших товарищей баранами на алтаре? Крикс! Что бы ты не делал, боги не сойдут на землю и не атакуют консульские легионы в полный рост.

Крикс: Сражаться будут солдаты, а боги даруют им победу!

Спартак: Пусть даже так. Но мы еще не протоптали тропу, Крикс. Я не обманывал Ганника. Если нам удастся разбить консулов...

Крикс: Если нам удастся разбить консулов, мы возьмем Рим?..

Спартак: ...И волк будет выть на Капитолии! Нет, Рим мы взять не сможем, но тогда у нас будет выбор. Выбор – и сила. Если мы обратимся к Италии из разоренного консульского лагеря, нас будут слушать совсем иначе. Нас – Крикса, Первого Консула Италии и Спартака, претора гладиаторов. Мы сможем на равных договариваться с Митридатом, Серторием и Косматой Галлией, и не просить – требовать у них помощи. В конце концов, мы получим возможность просто уйти из Италии, хотя бы на время, и у нас будет несколько месяцев, прежде чем римляне пойдут по следу.

Крикс: Выбор... А я почему-то верил, что ты поведешь своих фракийцев домой. Ведь сейчас там Марк Лукулл, там резня!

Спартак: «Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор...» Поздно, Крикс! Лукулл уже договорился с вождами одриссов. Это самое сильное племя, если они покорятся, остальным останется последовать их примеру – или погибнуть. Но если наши фракийцы захотят уйти домой, я не стану им мешать. Каждый имеет право умереть на родине – и за родину. И они, и ты, и я... Но для этого нам надо добраться до Альп. Вместе! На этот раз римляне будут воевать всерьез. Они считают, что нас семьдесят тысяч, мы сами постарались, чтобы они думали именно так. Значит консулы будут гнать под знамена всех подряд. Сенат послал за помощью даже в Косматую Галлию, к племени эдзев. А ведь нас не семьдесят тысяч, нас куда меньше, Крикс! Нас разобьют по одиночке, только вместе мы сможем...

Крикс: Не знаю. Нет... Я должен подумать... Если это так, почему ты объявил, что твое войско пойдет к Альпам? Римляне, уверен, уже знают! Знают – и...

Спартак: И что? Представь, что ты... Ну, хотя бы консул Лентул!

Крикс: Не хочу!

Спартак: Представь, представь! И вот тебе докладывают, что Спартак решил увести своих головорезов через Альпы в Галлию и во Фракию. Что ты будешь делать? Это ведь два разных пути. Если в Галлию, то идти

следует по Эмилиевой дороге через Тицин и Медиолан к Пеннинским Альпам. А если во Фракию, то добираться придется через Мантую и Верону к Альпам Карнийским или южнее, по адриатическому побережью. Расходящиеся направления! Куда свои легионы отправишь, консул?

Крикс: Думаешь... Думаешь, они разделят армию, и тогда ты их по частям – как Вариния? Но ведь консулы могут попытаться перехватить тебя в Средней Италии, где-нибудь в Пицене. Там горы, дорога жмет к морю...

Спартак: Хорошо изучил карту, молодец! Они не такие смелые, Крикс. Когда я буду в Пицене, консулы не решаться отойти от Рима. А вдруг все это хитрость, и наша настоящая цель – столица? Горы в Пицене невысокие, есть перевалы... Представь, консулы уведут легионы, а наша орава уже у Рима, возле самых Тибуртинских ворот. Не хуже, чем у Ганнибала получится!

Крикс: Спартак, я тебе не верю. Ты говоришь все правильно, но не говоришь главного. Зачем тебе это? Ты считаешь, что свободную Италию не воскресить, пусть так... Но ведь ты не отпустишь ребят домой, даже тех, кто захочет. Я тебя знаю! Ты поведешь их дальше, поведешь умирать. Зачем? За что? Ты же сам сказал, что Рим нам не взять, их проклятую Республику не уничтожить. Ты ничего не хочешь построить, никого не желаешь освобождать. Тогда зачем?!

Спартак: Поговорим об этом возле Альп, где-нибудь в Медиолане или в Вероне. Хорошо?

Крикс: Знаешь, Спартак, та фракийская девка кричит, что ты – не человек. Наши, конечно, смеются, но кое-кто начинает верить. Этот, из новеньких, Публий, вчера предложил в твою честь алтарь выстроить! И я тоже начинаю верить... Только боги могут рассуждать ТАК! Безжалостно, не думая о людях. О людях – и даже о себе самом...

Спартак: Если бы я нацепил венец и объявил себя царем, тебе стало бы легче? Искусство войны – искусство богов, Крикс! Иногда приходится рассуждать как ОНИ, чтобы победить.

Крикс: Нет! Если ты и бог, ты – Чужой Бог, Спартак. Нам не по пути!

Спартак: Сейчас не время ссориться. Нам лучше держаться вместе, Крикс!

Крикс: Это я уже слышал. Но кому это «нам», Спартак?

32. Кости на игровой доске

Такого диалога скорее всего не было. Едва ли Крикс и Спартак беседовали в стиле героев Платона. Скорее всего, спорили горячо, шумели, кричали даже – а может быть, напротив, шепотом ругались, чтобы подчиненные не услышали. Но итог известен – с весны 72 года обе армии начинают действовать ПОРОЗНЬ, значит, цели Спартака и Носящего Браслет окончательно разошлись.

Тут и возразить можно. Не домыслы ли это, не выдумка ли злонамеренных римлян? Может, не было никакой ссоры, просто решили вожди армию разделить? Крикс на юге остался, освобожденную территорию «защищать», а Спартак к Альпам направился. Или, допустим, Спартак двинулся на консула Геллия, а Крикс решил разделиться с Лентулом. Да и снабжать две армии проще. Отвел своих Крикс, дабы фуражировкой заняться, а тут...

Не спорю – и такое могло быть. Война – не маневры, на войне как на войне, там случается всякое. Но:

1. С самого начала армий было ДВЕ, что никак не вызывалось военной необходимостью.

2. Спартак и Крикс и до весны 72 года до Р.Х. не всегда находили общий язык, скажем, во время боев с Варинием.

3. Армии Спартака и Крикса разделились в самый невыгодный момент – перед столкновением с главными римскими силами.

4. В дальнейшем уцелевшая часть армии Крикса – отряд «галлов» под командованием Ганника – продолжает оперировать САМОСТОЯТЕЛЬНО.

Результат известен. Сначала погиб Крикс, затем – остальные «галлы». Допустил бы такое Спартак, если бы командовал всей армией? Ведь бить врага по частям – это есть стиль! Так что я лично в ссору вождей верю. Пусть даже это была не ссора, не открытый разрыв. Армии могли разойтись мирно, даже прощальный парад устроить, но ясно, что весной 72 года до Р.Х., в самом начале новой военной кампании, Крикс и его Армия Италии начали решать какую-то СВОЮ задачу. К Альпам Носящий Браслет войско не повел.

Остается понять, чего именно хотели Крикс и его «галлы». Но не станем спешить, летняя кампания только начинается, и хорошо бы нам представить, как будущее поле битвы виделось из Рима, с самой вершины Капитолийского холма. Так сказать, римский взгляд на игральную доску – перед тем, как будут брошены кости.

Итак, читатель, на Капитолий! Впрочем, нет, еще не туда, на Капитолий – храмы, там римские боги гнездо свили. С ними пообщаться мы успеем, а пока отправимся лучше на Форум. Форум – сердце Рима, большая площадь, где народ постоянно толпится, там речи произносятся, там споры ведут. Да и просто интересно – все-таки Рим, великий город.

Что такое? Ах да, я же предупреждал – на фильм «Гладиатор» это не очень похоже. Не тот еще Рим – ни мрамора, ни золота, ни арок триумфальных. Бедновато! Слева несколько небольших храмов под черепицей, справа – базилика, тоже красной черепицей крытая, там торговцы сделки заключают, а в самом

центре что-то вроде круглой ямы со стоячей водой и чуть ли не с лягушками. Называется эта яма Курциев пруд, но купаться там, дорогой читатель, я бы не советовал. А вокруг – лавки, обычные торговые лавки. Грязь, конечно, мусор всякий. А что там впереди, почему караул стоит? Неужели тюрьма? Да, самая настоящая, правда не очень большая, не главная, а нечто вроде подрайона милиции. Чуть правее, как раз между лавками... Нет, мы туда не пойдем, там канализацию чинят. Прямо под Форумом проходит Большая Клоака, по ней все римские стоки в Тибр отправляются. Построили эту Клоаку еще при царях, вот и приходится постоянно ремонтировать.

И это великий Рим? Да, он самый. Римляне, современники Спартака, тоже сетовали, что выглядит Вечный Город весьма и весьма неказисто. Зато народу, народу! Кто торгует, кто просто языки чешет. Много тут этих чесальщиков! Работяги, понятно, при деле, а бездельники, которые бесплатный хлеб получают, каждый день именно сюда на Форум и сходятся. Сюда же политики спешат – с избирателями потолковать. Вон, видите парня, что прямо у Курциева пруда толпу собрал? Это Лициний Макр, народный трибун. Вещает, рукой машет, того и гляди того на землю соскользнет. Демократ он, этот Макр – так называемый. Все ему реформы, все ему права человека! Разошелся, раскраснелся, волосы короткие чуть ли не дыбом стоят. О чем это он? Слышно, конечно, плохо... Ну, ничего, нам Саллюстий подскажет.

«...Из-за каких несправедливостей и сколько раз плел с оружием в руках уходил от отцов-сенаторов... шайка преступников... нескольких человек, которые под предлогом состояния войны захватили государственную казну, войска, царства, провинции...»

Ого! Неужели это он про Сенат римский, про оплот законности и порядка? Кажется, да.

«...Вы, подобно скотине, вы, которых множество, отдаетесь во власть и на милость каждого из них, дабы они вами повелевали и для своей выгоды использовали вас...»

Это уже про своих слушателей. Разошелся трибун, обличает. Да, кипят страсти в Риме, кипят. Как бы до бунта не дошло!

«...Требовать возвращения себе свободы...»

Ну вот!

А это кто, чуть в сторонке, возле храма Януса? К толпе не подходит, но слушает внимательно, кивает даже. Тога на нем побогаче, с широкой красной каймой. А вот волос нет – лысый, хоть и молодой, и тридцати не исполнилось. Лицо худое, подбородок острый... Неужели Цезарь? Тот самый – Гай Юлий? Да, это он, будущий диктатор собственной персоной. Молодому военному трибуну Цезарю скоро на фронт, вот и зашел на Форум – потолкаться среди знакомых, новости узнать и заодно и говоруна Макра послушать. Ведь Цезарь тоже из демократов, по крайней мере так считается.

О чем же говорят добрые квириды? Трибун Макр не умолкает, власти кроет, обличает супостатов, что в Сенате засели. Что с демократа (по-римски ежели – «популяра») возьмешь? А вот те, кто посолдней, кто себя государственными мужами мнит, об ином толкуют. Вот только что к Цезарю почтенный дядя подошел, тоже в тоге с каймой. На Макра-говоруна покосился, поморщился даже. И Цезарь от развоевавшегося демократа отвернулся, будто и не слушал его.

Так про что разговор между мужами патрициями? А про то, что сегодня на заседании Сената было. Говорит тот, что постарше, а Цезарь ему внимает, сжимает тонкие губы. Думает...

Подумать есть о чем. С одной стороны, дела не особо удачны – от хорошей жизни не станет Сенат обоим консулов на войну с какими-то гладиаторами посылать. Да и в самом Риме страсти кипят, один Макр чего стоит! Но с другой...

С другой же стороны могло показаться, что положение Римской Республики весной 72 года до Р.Х., от основания же Рима 682-го, не столь и плохое. Во всяком случае, паниковать никто не собирался – ни в Сенате, ни на Форуме. И основания для такого умеренного оптимизма имелись. Главное – успехи на внешних фронтах. Мы помним, у Рима их было целых четыре. И вот...

Во Фракии консул прошлого года Марк Лукулл рьяно взялся за дело. Мы уже знаем, что он договорился с племенем одриссов, остальных же римские легионы стирают в кровавый порошок. Всего несколько крепостей осталось у фракийцев, вот их сейчас армия Лукулла и осаждает. Скоро войне конец, по всему видно.

И в Азии дела хороши. Армия другого Лукулла уже в самом Понте, в Комане, готовится добить Митридата. А чтобы тот не скрылся где-нибудь в горном лабиринте, римляне его кольцом укреплений окружают, сил не жалеют. Не уйдет, понтиец!

...Митридат уйдет, более того, разобьет римский авангард, а затем в войну вступит Великая Армения, и придется римлянам сражаться на Востоке еще много лет. Но этого пока на Форуме не знают. Не знают – и радуются. Скоро добьют Митридата, совсем скоро!..

В Испании, где мятежник Серторий с Помпеем насмерть сцепился, дела не столь хороши, но и там подвижки заметны. Легионы Помпея перешли реку Ибр, многие испанские общины откололись от Сертория, под римскую руку подались. Так что и в Испании успехи налицо.

Кто еще? Пираты? И с ними решили разобраться, самое время. Как раз сегодня постановили отцы-сенаторы отправить против этих Морганов и Дрейков целый флот во главе с Публием Сервилием Исаврийским. Скоро веревки вздорожают!

...Публия Сервилия пираты расколошматят. Но об этом пока тоже никто не знает...

Остается кто? Остается – Спартак.

К весне паника в Риме прошла. Если Спартак и Крикс оценивали бои с Варинием как важную победу – и были в том правы, то с римского Форума осенние сражения смотрелись несколько иначе. К Капуе и дальше, в Лациум, в «хартленд» державы, Вариний гладиаторов не пустил. Не пустил – и даже сохранил остатки войска. Римляне уже поняли, что это не случайный бунт, и не наспех собранным новобранцам его подавить, потому и почтен Вариний доверием, на важную должность в провинцию Азия отправлен. Оценили забияку!

Всю зиму, как мы знаем, Спартак армию обучал и вооружал, но и в Риме тем же занимались. Собраны консульские легионы. Их два, зато это отборные войска. А к этим двум – еще два. Немного? Как сказать! Легионы полного состава, почти двадцать пять тысяч вояк. А к каждому легиону еще и вспомогательные войска полагаются. Помчались гонцы сенатские ко всем римским союзникам. Выручайте, мол, друзья, за Римом не заржавеет!

И выручали. Спартак не зря о галльской коннице упомянул. В Галлии Косматой римлян не любят, но есть там у них и давние союзники – племя эдуев. Вот галльская конница в Рим и пришла.

А еще в армию призвали ветеранов – тех, кто свое отслужил и получил земельные наделы. Не все они старики, многим еще и полвека не стукнуло. Зато вояки хоть куда, с самим Суллой Митридата били. И Мария били, и многих иных. Спартаковцы этих ветеранов в плен не берут, так что и уговаривать особо не пришлось.

Сколько собрали в итоге? Думаю, тысяч сорок смогли. Но ведь у Спартака войск много больше!

Если и больше, то ненамного. Семьдесят тысяч – это римская оценка, с явным преувеличением. Возможно, ВСЕХ восставших было столько, но не все, кто от хозяев бежал, к спартаковской армии примкнули. Многие в зеленый лес ушли, к братьям-разбойникам, а у Спартака и Крикса вместе хорошо если тысяч пятьдесят осталось. Тоже немало, но воевать им теперь придется не с новобранцами Вариния, а с регулярной римской армией. Можно сказать, армией кадровой. Между тем, уверен, римские военные из консульских штабов перечитали донесения битых преторов не раз и не два. Перечитали, над секретами спартаковских побед задумались. А учиться римляне умели, особенно если вода к городу подступит.

А еще в Риме знали, не могли не знать:

1. О расколе в армии восставших.

2. О цели похода, объявленной Спартаком – вывести рабов из Италии. И о направлении знали – на север, к Альпам.

Поверили? Скорее всего, да. Вполне логично: собралась вольница, пограбила, а как римские Орлы стрепенились, решила удрать куда подальше. Да ко всему еще и перессорилась. Значит? Значит, римские стратеги были уверены, что:

– Врага удастся бить по частям.

– Воевать придется с УБЕГАЮЩИМИ, с теми, кто стремится удрать, а не победить.

К тому же путь к Альпам лежит через Центральную Италию, а это – коренная римская земля, где Спартаку не найти союзников. Дома и стены помогают, даже Ганнибал не смог в этих местах развернуться. У Спартака и его армии дорога одна, к Альпам, римляне же, зная это, могут нанести удар в любой момент, с любого направления. Так что не Спартаку, а консулам выбирать время и место.

Логично? Да, и это логично, по крайней мере, именно так римляне обязаны были рассуждать. А мы с ними спорить не станем, жизнь покажет, что из всего этого вышло. Давайте пока с Цезарем попрощаемся. Ненадолго, еще встретиться придется. Вот он, диктатор будущий, своему знакомцу в тоге с каймой кивнул, гордо так, с достоинством, тогу на плече поправил...

И опять меня знающий читатель за руку схватит. Ведь не запомнили Гая Юлия Цезаря ни в войске Лентула, ни в войске Геллия. Верно, не запомнили. Но ведь военный трибун Цезарь мог разными делами заниматься. Война – это не только фронт, это и снабжение, и формирование резервов. Не мог же военный трибун без дела слоняться, если консулы на войну идут.

...А вот в армии Красса Цезарь, как уже приходилось отмечать, определенно был. Но об этом в свой черед.

Так что Цезарь в эту весну, весну 72 года до Р.Х., мог числиться при одной из консульских армией, но выполнять поручения где-нибудь в тылу или даже в самом Риме. Опыта у военного трибуна еще не было, вот и поставили его, скажем, на фуражировку. При какой из армий? Думаю, консула Лентула, Цезарь и Лентул – оба марианцы, можно сказать, единомышленники.

Ничего, Цезарь! Еще повоюешь!

А теперь кинем прощальный взгляд на Форум, грязным прудом полюбуемся, на суету рабов-сантехников, Клоаку вскрывающих, поглядим. Пора нам назад, в красную палатку Спартака.

Вождь один. Карта, два бронзовых светильника с головами Пана по углам стола чадят. Но Спартак на карту не смотрит, помнит он ее. И дороги помнит, и перевалы горные. О другом сейчас его мысли. О чем – догадаться можно. Еще до рассвета запоют в лагере буцины, раскроются ворота – и прощай Бруттий! Армия уходит – армия Спартака. Крикс... Крикс тоже уходит, но не в это утро. Куда именно, Спартак знает, рассказал ему Носящий Браслет. Взгляд на карту... Морщится Спартак, еле заметно головой качает. Помогут ли Криксу боги Италии?

Порознь... А ведь римское войско уже в походе, и римские лазутчики наверняка проведали. Значит, станут бить по частям...

Развернута карта. Светильник с головой Пана поставлен прямо посередине. Вот!

Спартак смотрит, и мы поглядим. Осторожно, чтобы не помешать.

Основа любой войны – маневр, основа маневра – дороги. Юг Италии-сапога для этого не очень удобен. Со всех сторон – море, а посреди Апеннины. Горы эти не очень высокие, не выше Крымских, но большое войско через них провести сложно. Партизанить, скрываться, бить из засады – другое дело, но с тридцатью тысячами бойцов не развернешься. И с двадцатью тысячами – тоже. Значит, остаются дороги. А дорог, настоящих, военных, здесь на юге всего три.

Спартак берет стилос, проводит им по карте... Да, три дороги: первая к Брундизию, на самый каблук итальянского «сапога» тянется, вторая, Аппиева, к Таренту – она почти параллельно первой идет. И третья, Помпилиева, эта до самого «носка», до города Регия протянулась. Три дороги, как три щупальца, в разные стороны идут, но из одной точки. А точка эта – Капуя. Значит, именно там римский кулак соберется? Нет, далековато, не успеют консулы! Зато чуть на восток, в Самниуме...

Вождь придвигает светильник ближе. Вот он, город Беневент, бывшая столица Государства Италия. На двух дорогах стоит, а третья всего в одном переходе. Сообщат лазутчики римские, куда гладиаторы маршируют, и сожмутся щупальца, отсекая армию Крикса от армии Спартака. Геллий с одной стороны, Лентул с другой. И уйти трудно – горы вокруг.

Хмурится вождь, уголок рта дергает. Да, бить станут по частям. Но если так, то сами римляне свое войско неизбежно РАЗДЕЛЯТ! А это уже легче. Кроме того...

Вождь подходит ко входу, откидывает полог. Тих ночной лагерь, только часовые голос подают. Подтянулось войско! Римские ветераны, конечно, сила, особенно если строй на строй, но... Важны не только солдаты, важны командиры. Римляне так и не решились традицию нарушить, единого командующего назначить. Два консула, две армии...

Согласимся со Спартаком. Римская система именно в этом пункте всегда слабину давала. Два президента, особенно в мирное время, еще куда ни шло, а два главнокомандующих это уже, извините! Конечно, можно обе консульские армии вместе свести, но кто командовать станет, по очереди, что ли? Смеяться будете, дорогой читатель! Именно по очереди. Сегодня один, завтра другой. Первый войско вперед ведет, а второй назад поворачивает. Представляете, что будет?

Я лично представляю. Будут КАННЫ – те самые, где Ганнибал римское войско уничтожил. Там как раз два консула командовали. Один, поумнее, не хотел о карфагенский строй лоб разбивать, подальше армию римскую отвел. Но день кончился, и стал командовать второй, что поглупее был. Заиграли трубы, пошли legionеры Ганнибалу укорот давать...

Неизвестно, что хуже – два войска, действующие порознь, или одно, но с двумя головами. Как по мне, оба варианта хуже. Значит, у Спартака есть дополнительный шанс – и не такой уж маленький!

И еще... На столе у Спартака, рядом с картой, восковые таблички, в книжку сложенные. Письмо из самого Рима, от верного человека, а в письме том список римских офицеров, что при консульских штабах служить будут. И не просто список, а с комментариями: где воевал, с кем воевал, чем отличился. Постарались спартаковские разведчики, все эти «доносчики» и «шпионы»! А как не постараться? Ведь у каждого сенатора рабов полон дом. И секретарь из рабов, и писарь, да и у остальных уши и глаза имеются. А ведь сколько рабов – столько и врагов!

Усмехается вождь, руку к табличкам протягивает, но открывать не спешит. Помнит! Да и помнить почти что нечего. Квинт Аррий, претор при консуле Геллии, повоевать успел, а остальные... Не вояки остальные, почти все – штафирки штатские, из карьеристов. Вот, скажем, братья Катоны. Старший, Цепион, хоть в Азии служил, а младший только своей болтовней на Форуме известен. Такие навоюют! Без шелковых покрывал и кубков серебряных и дня в лагере не просидят, затоскуют. А этот, Гай Юлий Цезарь? Говорят, в той же Азии отличился – к пиратам плен угодил, выкуп со всей провинции собирали. Когда же его из Азии попросили, в трибуны военные избираться решил.

Ну-ну!

Вождь вдыхает теплый весенний воздух, задерживает полог палатки. Надо поспать, хотя бы немного. Ведь скоро запоет труба...

...Кости катятся по игровой доске.

33. Боги Италии или Эхо Троянской войны

Дорогой читатель! Проводим войско Спартака, поглядим ему вслед, но сопровождать не станем. Намекну – прошляпили консулы спартаковский рейд, не смогли его армию перехватить. Да что там перехватить, они ее попросту НЕ ЗАМЕТИЛИ. Но об этом после, сейчас же о другом, куда более печальном. Крикс тоже выступил в поход. Выступил – навстречу смерти.

Тит Ливий:

«Претор Квинт Аррий истребил Крикса, вождя беглых рабов, и двадцать тысяч человек».

Плутарх:

«Один из консулов, Геллий, уничтожил внезапным нападением всю германскую часть восставших, отделившуюся от остальных спартаковцев вследствие своеволия и гордости».

Аппиан:

«Тогда римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы Гаргана был разбит Крикс, командовавший тридцатитысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве».

Орозий:

«Затем против восставших с войском были посланы консулы Геллий и Лентул, из которых Геллий разбил в бою Крикса, сражавшегося самым ожесточенным образом».

Гибель Крикса – первая крупная неудача восставших. Первая – и по сути единственная за всю летнюю кампанию. Так и задумаешься, отчего такое случилось? Кто виноват? Джованьоли, ежели помните, все на предательство валил. Затесалась, мол, в спартаковскую армию римская шпионка, этакая Мата Хари. Она и наделала бед – Крикса дезинформировала, в засаду отряд его завела.

Про шпионов ничего определенного сказать не могу. То, что были они в гладиаторском лагере, не сомневаюсь. На войне как на войне, без агентурной разведки – никак. Но прежде чем во всем римскую Мата Хари винить, послушаем иные мнения.

Мнений этих немало, однако все к одному сводятся. Историки, люди от романтики далекие, считают, что все проще было. Отделился отряд Крикса от спартаковской армии дабы попросту пограбить. Вот и застучали «галлов» римляне на горячем. Один умник даже предположил, что пьяны были бойцы Крикса, меч поднять не могли.

Насчет того, что пьяны – неправда. Вспомним, что Орозий пишет: «Геллий разбил в бою Крикса, сражавшегося самым ОЖЕСТОЧЕННЫМ ОБРАЗОМ». Пьяные грабители так сражаться просто не смогут. Был бой, причем бой жестокий. Об этом и потери говорят – ведь если бы войско Крикса под римскими ударами разбежалось, то никак не могли две трети его на поле битвы костями лечь. А ведь никто из авторов римских не сообщает о пленных. Значит, не сдавались, до конца стояли.

Да и не сгинул весь отряд у Гаргана. Уцелевшие еще долго воевали под командованием Ганника и Каста, а когда довелось умирать, погибли от ударов в грудь. Нет, не пьяную ораву разбили римляне у неведомой нам горы, там погибли отборные бойцы, возможно, лучшие во всей армии восставших. Так что же случилось?

Прежде чем решить «что», определим вначале «где», может, что-то и прояснится. Смотрим на карту.

Гора Гарган – это восточное побережье Италии, почти рядом с морем. Точнее не одна гора, а горы, небольшая гряда. Максимальная высота – 1056 метров, склоны пологие, лесом поросшие. На северо-востоке два озера, тоже небольшие. А теперь другую карту возьмем – из исторического атласа. Во времена Спартака эта область называлась Апулия. Места бедные, не очень здоровые – болота вокруг. Население – пастухи да фермеры. В общем, провинция. Глушь.

Что еще? А еще неподалеку от Гаргана есть город Сипонт. И при Спартаке он был, и сейчас существует. Долгожитель! Город этот небольшой – и тоже бедный. Все? Нет, не все. Лет за десять до Спартака в Апулию прибыли римские колонисты, те самые ветераны Суллы. Сипонт заселили, вокруг него виллы построили. Обычно ветераны хозяйствовали скверно, но эти деловыми оказались – принялись ирригацию в порядок приводить, болота осушать. С местным населением были на ножах, как и почти везде в Италии. Оккупанты!

Так что понадобилось Криксу в этих глухих местах?

Первая мысль – с ветеранами сулланскими разобраться, имущество их поделить, а рабами и батраками войско пополнить. И это возможно. Кампанию и Луканию спартаковцы от римлян уже «зачистили», и Бруттий «зачистили», теперь Апулии черед пришел. Если мы не ошиблись, и Крикс действительно воевал за Италию, то все логично – освобождали «галлы» родную землю от оккупантов. Поднимал Бык квиристов на рога!

Куда дальше Крикс собирался, тоже ясно. От Сипонта новая дорога начинается, и ведет она вдоль восточного побережья Италии на север. А рядом Самниум, земля непокорных самнитов. Стал на дорогу – и гони войско долгими переходами вдоль моря, затем сворачивай на запад, заходи консульским армиям в тыл...

К Сипонту Крикс прорвался, сумел, но на этом его удача кончилась. Претор Квинт Аррий, заместитель консула Геллия, перехватил «галлов». Чтобы добраться до Гаргана, Криксу пришлось свою армию от Фурий через Апеннины вести, переходя с дороги на дорогу. Долго – и неудобно. Римлянам куда проще было. От Беневента до Сипонта дорога прямая, всего несколько переходов. Подкрадывайся – и бей.

Квинт Аррий, тот, кто разбил Крикса, был опытным военным. Роду незнатного, из Этрурии, карьеру сделал сам, без чужой помощи. Чем известен? Друг Марка Красс, близкий знакомый златоуста Цицерона да и сам неплохой оратор. Вероятно, консул Геллий, не очень надеясь на собственный опыт, доверил армию своему заместителю. Как видим, не ошибся.

Итак, Носящий Браслет вел свое войско к дороге на Самниум, обходя римские армии – и получил удар во фланг по всем правилам военной науки. Удар вышел неожиданным, недаром Плутарх пишет о «внезапном нападении». То ли ночью Аррий со своим войском напал, то ли перед рассветом. Отсюда и потери среди «галлов». Можно лишь удивиться, что Ганнику удалось увести армии с кровавого поля.

Согласимся со всем этим, но вот что любопытно – Крикс погиб не при штурме Сипонта, и не на марше через Апулию. Погиб он возле горы Гарган, в местах пустынных, где ни добычи, ни римлян не сыщешь. Такое

впечатление, что его отряд шел именно туда. Не грабить шел, не мстить, а для чего-то другого. Шел, пришел и погиб. Может, прав Джованьоли Вещий? Совершал Крикс со своим войском некий военный маневр, например, двигался на соединение со Спартаксом. Проводили об этом римляне, подобрались в белесом утреннем тумане, как беляки к Чапаеву...

Вновь на карту смотрим. Не получается! Гора Гарган на полуострове находится, с трех сторон море, дорога в стороне осталась, у Сипонта. Какой уж тут военный маневр! Но может, ключ к разгадке именно там, у этой горы? А что мы о ней знаем? И о ней, и о том, что рядом?

Страбон:

«Перед заливом находится мыс Гарган, выдающийся в открытое море на 300 стадий к востоку...»

Все верно, море с трех сторон, с военной точки зрения – тупик и ловушка. А что поблизости?

Страбон:

«Обогнув мыс, находим городок Урий и перед мысом – Диомедовы острова».

Стоп, стоп, стоп! Мы же с вами, дорогой читатель, не туда завернули. Не в ту историю, и не в историю даже, а напрямик в мифологию. Диомед – греческий герой, из тех, что Трои брали. Помните, тот, что у ворот Крепостенной на бой с богами выходил? Но мы же с вами в Италии, читатель! Что тут Диомеду-герою делать? Смешались времена, того и гляди, троянцы набегут.

Страбон:

«На холме под названием Дрий два храма героев: один на самой вершине – Калханта...»

Уже набегали! Калхант – он из самой Трои, известный прорицатель. Поссорился с Приамом-царем, в Ахайю эмигрировал, затем вновь под Трои поехал – воевать...

Кажется с войны Спартаковской мы с вами попали на другую, и не какую-нибудь – Троянскую. «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный, который ахейнам тысячи бедствий содеял: многие души могучие славных героев изринул в мрачный Аид...» А кто там еще нам встретится?

Страбон:

«Другой храм – Подалирия – внизу подошвы холма, приблизительно в 100 стадиях от моря. С холма стекает маленькая речка, исцеляющая все болезни скота».

Не ошиблись мы – Троянская война и есть. Подалирий – сын бога Асклепия, главный врач греческой армии под Троей. И куда же мы с вами, дорогой читатель, попали? Что за места таинственные? Выход один – вновь откроем Страбона и будем читать все подряд.

Страбон:

«Недалеко над морем (во всяком случае на равнине) лежат два города – Конусий и Аргириппа, бывшие прежде самыми большими из итальянских городов-колоний, как это видно по окружностям остатков стен. Теперь Аргириппа меньше; сперва он назывался Аргос Гиппион, затем Аргириппа, а теперь Арпи. Оба города, как говорят, основал Диомед. В этих местах показывают остатки владений Диомеда – равнину Диомеда и многое другое: древние посвященные дары в святилище Афины в Лукерии (так как последняя была в древности городом давниев; теперь она пришла в упадок); в море поблизости два острова носят название Диомедовых; один из них обитаем, а другой, говорят, пустынен. На последнем острове, согласно передаваемой некоторыми версии мифа, Диомед исчез и его спутники были превращены в птиц; действительно, до сего дня птицы здесь остаются ручными и ведут в некотором роде человеческую жизнь, не только в смысле порядка в образе жизни, но и проявляют кротость по отношению к достойным людям и отвращение к преступным и порочным».

Как вам птички, дорогой читатель? Птички, ведущие себя, словно люди? «В некотором роде», конечно, но все-таки!

Не стану дальше цитировать, но поверьте на слово – там все одно к одному: святилища, храмы, легенды, чудеса. Так что не просто к безвестной горе вел свое войско Крикс, не в глухой закуток, где только овцы и бродят. Носящий Браслет шел к СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛЕ, туда, где родилась ИТАЛИЯ.

Итак, самое время нам покинуть I век до Р.Х. и воспарить над рекой Времен, которая, как известно, в своем стремлении уносит все дела людей. Но прежде послушаем еще одного классика.

«Битвы и мужа пою, кто в Италии первым из Трои –

Роком ведомый беглец – к берегам приплыл Лавинийским.

Долго его по морям и далеким землям бросала

Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.

Долго и войны он вел, – до того, как город построив,

В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян,

Города Альбы отцы и стены высокого Рима...»

Узнали? Ну, конечно же, Вергилий Марон. Той весной, весной 72 года до Р.Х., поэт еще не родился, ему предстоит появиться на свет лишь через полтора года в городе Мантуя, как раз там, куда ведет войска Спартак. А свою великую «Энеиду» он начнет писать только через полвека, да так и не допишет. К чему это я

все? Да к тому, что в поэме Вергилия был «озвучен» официальный римский миф. Помните? Эней, сын Анхиза, вместе со своими сородичами-троянцами основал на земле дикой Италии новый мир, новую цивилизацию. Троянские и итальянские корни сплелись, чтобы породить Великий Рим. В обиходном сознании, и в первую очередь римском, Эней без всяких оговорок считался основателем Рима.

Этот миф, известный нам со школьной скамьи, интересен прежде всего своим крайним неправдоподобием и абсолютным отсутствием логики. Понимал это и сам Вергилий, поэтому и завещал незаконченную «Энеиду» сжечь, а пепел развеять. Не сожгли и не развеяли – на страх многим поколениям школьников. А между тем...

А между тем, любой школьник, даже не успевающий по математике, легко может посчитать, что к основанию Рима Эней не мог иметь никакого отношения. Сами римляне вели свою историю от 753 года до Р.Х. А когда была Троянская война? Более того, каждый римский школьник обязан был знать, что Рим основали братья-бастарды Ромул и Рем. Эней-то при чем? Пришлось придумывать невероятной сложности комбинацию: Эней основал город Лавиний, его потомки Альбу Лонгу, а уж выходцы из Альбы Лонги Ромул и Рем – собственно Вечный Город. Если же добавить, что Альба Лонга и Рим были постоянными противниками (Горации и Куриации, помните?), то получается вообще нечто несусветное.

Однако официальный Рим держался за миф об Энее двумя руками. Отчего? Да прежде всего потому, что не они сие придумали. Каждый образованный грек знал, что троянец Эней действительно основал Рим, именно Рим, а не какой-то там Лавиний. Археологи подтверждают – Вечный Город основали именно современники Троянской войны. Город оказался старше, чем думали, на несколько веков.

Причина этой путаницы в том, что братья-разбойники Ромул и Рем основали не Рим, уже давно существовавший, а римское ГОСУДАРСТВО. Попросту говоря, город захватили, жителей перерезали и обратили в рабство – и создали свою державу. А их потомкам довелось выдумать всякую ерунду, дабы совместить два мифа.

Однако была и вторая причина римского интереса к Энею. Римляне верили в то, что их цивилизация имела ТРОЯНСКИЕ корни. За эту версию они держались поистине трепетно. Как-то римский Сенат вполне серьезно выступил на защиту одного заштатного греческого городишки только потому, что этот город НЕ ВОЕВАЛ с Троей. Каково?

Ну и что? А то, что троянский миф нужен был Риму для того, дабы противопоставить себя и свою историю всей остальной Италии. Противопоставить – и тем доказать свою исключительность. Вся же Италия была убеждена, что корни цивилизации италиков не в Трое, а в Греции. Повторялась история с этрусками – греки, как и этруски, были учителями римлян, но Рим упорно не желал этого признавать. Более того, греков римляне не любили (как и этрусков) и даже пытались презирать.

Между прочим, на роль основателей Рима «претендовали» два других персонажа троянского мифа – Диомед и Одиссей, но гордые римляне о таком не желали и слушать. Чтобы Вечный Город создали какие-то «гречишки»? Умрем – но не признаем!

...Я ведь Вергилия не зря помянул. В его время жил другой поэт – Юл Антоний, сын Марка Антония, приказавшего златоусту Цицерону руку отрубить. Этот Антоний-младший написал поэму «Диомед», в которой напомнил землякам о греческой версии основания Рима. В результате поэт был судим и приговорен к смерти, а его труд сожжен. Именно после этого Вергилий получил правительственный заказ – ваять «Энеиду»...

Итак, Рим держался за троянские корни, вся остальная Италия – за греческие. Италики с гордостью рассказывали о том, какой город основал тот же Диомед, какой Одиссей, а какой Неоптолем, сын Ахилла. И само название «Италия» – чисто греческое, его можно перевести как «Земля Телят», так что напрасно римляне выдумывали какого-то героя Итала.

И опять-таки – ну и что? А то, что греческая Италия начиналась именно здесь, у горы Гарган. Италики верили, что неподалеку от будущего Сипонта ступили на земли Италии герои Троянской войны. Здесь они основали первые города, здесь были покрыты итальянской землей. Для италиков все они – и Диомед, и Подалирий, и Калхант – давно уже стали БОГАМИ. Им строили храмы, они, оставшиеся навеки в земле Италии, хранили ее от бед. Сама же гора Гарган считалась священной, ее название можно перевести как «Небесная».

Вот куда вел свое войско Крикс! Потомок жрецов шел к величайшей святыне Италии, к могилам и храмам ее Основателей. Что он там искал, догадаться тоже можно. Именно отсюда, из «пуповины» родной земли, он мог провозгласить воссоздание Государства Италиия. Символический жест, понятный каждому, кто знал прошлое страны – там, где Италия родилась, там она и воскреснет.

Но, думаю, дело не только в жесте. Крикс верил в своих богов, в богов Италии, а поэтому, прежде чем обратиться к стране, он наверняка хотел узнать Их волю, спросить Их совета – и попросить Их помощи. А где же еще спрашивать, где приносить жертву, как не на священной земле? Возможно, к самой горе он отправился с небольшим отрядом, оставив войско где-нибудь у Сипонта. Священнодействие не терпит суеты! Так и вижу Носящего Браслет на вершине Гаргана у древнего алтаря с окровавленным кремневым ножом. Жертва принесена, Крикс молча ждет, а вокруг ночь, тишина, равнодушно святят теплые итальянские звезды...

Боги ответили. Из предрассветной мглы неслышно выступили стройные ряды римских манипулов. Первый луч солнца блеснул на золоченных крыльях легионного Орла, и вот тишину разорвал дружный крик сотен глоток: «Ферра! Ферра!». «Убей! Убей!» – древний боевой клич римлян.

Отсюда и огромные потери. Те, кто собрался у Гаргана, готовились к встрече с богами, а не претором Аррием. Возможно, Крикс погиб одним из первых. Его товарищи не оставили тело вождя, возле него началась неравная схватка. Подоспели основные силы во главе с Ганником, но было поздно – римляне уже почуяли успех, почуяли свежий запах крови. Волчица вцепилась Быку в горло...

О чем думал Крикс в свои последние минуты, истекая кровью на священной итальянской земле? Проклинал Рим? Желал удачи Спартаку? Или с ужасом начинал понимать, что получил от Них ответ, что Они, боги родной земли НЕ ПОЗВОЛИЛИ воссоздать Свободную Италию?

Что ж, даже боги не всемогущи. Но может, Они просто не спешили, ведь ход хрустального колеса Сатурна-Времени, что неслышно вращается под всеми мирами, не замедлить и не ускорить. «Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор». Италия Крикса уже умерла. Италии Джузеппе Гарибальди еще предстоит родиться через много-много веков.

Остальное уже не так и важно. Мы не знаем, сумели ли товарищи вынести тело погибшего вождя, смогли ли похоронить его с честью – или торжествующие римляне пригвоздили труп Носящего Браслет к позорному кресту. Небранный легионер отрубил мертвому Криксу кисть, сорвал окровавленный браслет...

Прощаемся и мы с храбрым оском.

КРИКС! КРИКС! КРИКС!

Если его душа услышит нас из невероятного далека, то пусть успокоится. Давно нет на свете Римской державы, сдохла хищная Волчица, а прекрасная Италия жива и будет жить вечно!

А пока... А пока в римском лагере праздник. Мчатся гонцы в Вечный Город, в город Волчицы, торопят гривастых коней. Победа, наконец-то победа! Одно войско мятежников разбито, скоро второму конец придет!

Победа!!!

Рано радуется, гордые квинты! Ой, рано!

34. Битые консулы или Месть за Крикса

Пусть римляне торжествуют! Пусть отцы-сенаторы сбегаются в Гостилиеву курию на чрезвычайное заседание, пусть маразматик Вариний-старший, пришепывая и глотая слова, читает коллегам победное донесение консула Геллия, а квинты обещают не скупиться на благодарственные жертвы. Летняя кампания только начинается. Нам же, дорогой читатель, самое время вновь осмотреться. Осмотреться – и задуматься о том, чего действительно добились римляне, уничтожив Крикса.

Еще раз напомним – погиб Носящий Браслет, но не вся его армия. Реальные потери «галлов» нам неизвестны. Двадцать тысяч убитых и «две трети войска» – это явно из донесения консула, с которым сейчас знакомит отцов-сенаторов принцепс Вариний. Цифры эти, конечно, генеральские, дорогой читатель. Уверен, в армии Крикса было куда меньше тридцати тысяч, соответственно и потери «галлов» оказались куда скромнее. И что значит, «две трети»? Римляне перепись среди бойцов Крикса проводили? Почти наверняка удача Квинта Аррия был связана не только с внезапностью, но и с численным преимуществом. Каждый консул имел по два легиона да еще вспомогательные войска, итого под двадцать тысяч вояк. Едва ли «галлов» было больше, отсюда и римский успех. Однако...

Однако, мы видим, что полностью армию Крикса разгромить не удалось. Взгляните на карту, дорогой читатель! Гарган находится на маленьком полуострове, значит, римляне имели полную возможность отрезать «галлов» от материка, прижать к морю – и в этом море утопить. Не вышло, более того, уцелевшие под командованием Ганника и Каста благополучно прорвались. Отряд сохранил боеспособность и воевал еще долго. Скорее всего, упустив Ганника, претор Аррий и консул Геллий махнули рукой и поспешили отрапортовать о полной победе, для верности добавив про «две трети». Уцелело, мол, не так и много, можно не бояться, отцы-сенаторы. И двадцать тысяч убитых меня не удивляют. Римские каратели по давней традиции ловили и убивали всех подозрительных на своем пути, и далеко не все погибшие были из армии восставших. Этак можно и сотню тысяч трупов насобирать.

Итак, отряд Ганника ушел. Куда? Многие думают, что на соединение со Спартаком. Джованьоли, и не он один, считал, что армия Спартака спешила к Гаргану на помощь товарищам, да вот не поспела. А вот этого скорее всего не было – и вот почему.

Прежде всего Ганник едва ли представлял, где находится спартаковская армия. Этого и римляне, как мы увидим, не знали. «Галлы» уходили, преследуемые консульскими легионами, отступать же неизвестно куда (на север? на запад?), имея на хвосте победоносного противника, слишком опасно. Никто из древних авторов не пишет о соединении «галлов» со Спартаком. В следующих раз мы встретим отряд Ганника и Каста на юге, неподалеку от все того же Бруттия. Скорее всего, «галлы» сумели прорваться в близкие Апеннины, затеряться среди горных тропинок и уйти обратно к Фуриям. Там же, до зимы, они и находились, пополняя отряд добровольцами и проводя небольшие рейды в соседние земли. Консул Геллий некоторое время преследовал их, а потом повернул обратно – римлянам стало не до «галлов».

Есть и еще один аргумент в пользу того, что отряд Ганника не присоединился к Спартаку. В этом случае «галлы» неизбежно привели бы за собой войско Геллия, и тогда бы консульские армии соединились. Но этого, как мы знаем, в тот момент не случилось.

И тут мы видим первую ошибку, совершенную консулами. Разбив Крикса, они НЕ ОБЪЕДИНИЛИ войска, чтобы вместе ударить по Спартаку. Расчет его оправдался – Геллий, радуясь быстрому успеху, предпочел гнаться за «галлами», и не спешить на соединение к Лентулу. Тот же, возможно, и сам этого не жаждал. Геллий уже прославился, так зачем же ему, Лентулу, делиться лаврами близкой победы?

Итак, консульские армии какое-то время действуют порознь. Поневоле начинаешь думать о самом неприятном: а не подставил ли Спартак Крикса под римские мечи, дабы спокойно уйти самому? Подождал, пока половина римских сил вцепиться в «галлов», повернется к спартаковской армии спиной...

Кто знает? Война – не маневры. Зато нам известно другое.

Аппиан:

«Спартак, принеся в жертву духу в память умершего Крикса 300 пленных римлян...»

Это случится позже, уже после разгрома консульских армий, но в страшном жертвоприношении есть глубокий смысл. Спартак не просто праздновал победу – сотни римлян, убитых в память Крикса, как по мне, своеобразное признание вины, попытка замазать вражеской кровью мертвые глаза Носившего Браслет, успокоить его неприкаянную душу. Так и представляешь себе: огромное поле, гладиаторское войско, окружившее наскоро построенный алтарь – и длинные шеренги белых от ужаса римлян. Льется кровь на камни, растет куча трупов, а вождь стоит возле самого алтаря, как всегда невозмутимый, лишь бледные губы что-то беззвучно шепчут...

Каким богам молился фракиец? Кого просил о заступничестве, чтобы душа Крикса простила его?

Но это будет потом, сейчас же война в самом разгаре. Консул Геллий пытается преследовать «галлов», а консул Лентул... Действительно, где он? Ведь на его долю выпало сразиться со Спартаком. И не просто сразиться – не выпустить гладиаторов из Южной Италии, не отдать на поток и разграбление еще уцелевшие области, не пустить врага на север. Его коллега Геллий, посланный против Крикса, своего противника нашел. А Лентул?

Ох, и немногословны же римляне, когда приходится писать о неприятном!

Тит Ливий:

«Консул Гней Лентул неудачно сразился со Спартаком».

Это мы уже знаем. «Неудачно»! А где, когда, как?

Плутарх:

«Когда Лентул окружил Спартака большим количеством войск, последний, ударив всеми силами в одно место, разбил легатов Лентула и захватил весь обоз».

Ага! Выходит, не просто «неудачно», но еще и обоз потерял.

Аппиан:

«Один из консулов опередил его и закрыл путь к дальнейшему бегству, а другой догонял сзади. Тогда Спартак, повернув и напав на них, по одиночке разбил обоих. Консулы отступили с поля битвы в полном беспорядке...»

Уже яснее! Знакомый почерк – бить врага по частям. Кто еще что расскажет?

Флор:

«...Напав в Апеннинах на консула Лентула, разбил и его войско...»

Орозий:

«...А Лентул, побежденный Спартаком, бежал».

И, наконец, вновь вспомним поэта Клавдина:

«Огнем и мечом бушевал он вдоль всей Италии, битвой открытой не раз он сходил с консульским войском, у слабых владык отнимая их лагерь».

Не знаю как вам, дорогой читатель, а мне вот показалось, что я присутствую на допросе какой-то мелкой шайки. Нашкодили, негодники, но признаваться не спешат, слова еле cedят. Мол, правда, было дело, сразились неудачно... Ну и обоз потеряли, есть такой грех... Да, в Апеннинах, именно там, горы такие есть... И лагерь тоже профукали... Ну, бежали, так что было делать?

А еще вояки!

В этом дружном мычании все можно выделить некоторые важные детали:

- Бой Спартака с Лентулом произошел после разгрома Крикса.
 - Римские армии действовали раздельно, причем Лентул пытался загородить Спартаку путь и окружить его войско, а Геллий догонял.
 - Это случилось в Апеннинах.
 - У восставших не было численного преимущества, иначе консул не смог бы окружить их «большим количеством войск».
 - Спартак сначала разбил легатов Лентула, а потом и его самого.
 - Разгром римлян был полный, они потеряли обоз и лагерь.
- А что мы еще услышим?

Плутарх:

«В начале войны с рабами, или войны со Спартаксом, армией командовал Геллий. Катон участвовал в походе добровольно, ради своего брата Цепиона, который был военным трибуном. Война была неудачной, поэтому Катон не мог проявить по мере сил своего усердия и храбрости. Тем не менее при страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии, он высказал свою любовь к порядку, мужество, присутствие духа и ум во всех случаях...»

Уже понятнее! Плутарх пишет о войске Геллия, но едва ли у Лентула порядки были строже. А теперь вновь смотрим на карту.

Где именно, в какой части Апеннин, случилась битва, мы не знаем. Очевидно одно – римляне не сумели перехватить Спартака на юге Италии, ведь там гор нет. Очевидно, Лентул и его легаты стерегли спартаковцев на дорогах, ведущих на север – на Помпилиеву и Аппиеву. Это разумно, ведь Лентул знал, что Спартак собирается прорываться – то ли Галлию, то ли в родную Фракию. Более того, консул был уверен, что восставшие будут не воевать, а УБЕГАТЬ (Аппиан так и пишет: «бегство»). Значит, лови, окружай, хватай, тащи веревки!..

А Спартак? А Спартак сделал то же, что и осенью, сражаясь с Варинием – ушел с Помпилиевой дороги, которая вела из Бруттия на север и, не сворачивая на Аппиеву, прорвался МЕЖДУ ними, где-нибудь возле города Компасы. Прорвался – и оказался в горах, в тех самых Апеннинах. Пока консул Лентул скликал своих легатов, что дороги сторожили, собирал войско в кулак, спартаковцы быстрым маршем («убегали»!) двинулись дальше, оставив Беневент, где скорее всего и была ставка консула, по левую руку.

Спартак прорвался, точнее проскользнул, без больших боев. Бруттий и Лукания остались позади, войско шло по Самниуму. Консул Лентул и его легаты вкупе с военными трибунами дружно моргали глазами, еще ничего не понимая, а Спартак уходил горными тропинками на север.

Идти горами нелегко, особенно с обозом и конницей, но Спартак конечно же заранее выяснил маршрут. Время было – и для этого, и для того, чтобы договориться с самнитами о проводниках и поставках провизии. Римских колонистов в горах не встретишь, а местные пастухи любили римлян трепетно, не меньше чем бруттий или галлы.

Что оставалось делать Лентулу? Бежать следом, плутать горным склонами?

Дорогие поклонники Рима и непобедимых римских легионов! Придется вас снова огорчить – римляне в горах воевать не любили и НЕ УМЕЛИ. Римский военный устав предусматривал бой сомкнутым строем манипулов, а какой строй среди паутины горных тропинок? Поэтому римская армия старалась в горах бой не вести, в крайнем случае строить в седловинах укрепления, дабы не пропустить врага. Как раз в это лето победоносное войско Луция Лициния Лукулла подобным образом пыталось добить Митридата в ущельях Коман. Не вышло! Митридат со своими горцами не только ускользнул из-под удара, но и сам загнал римлян в самую скалистую глушь, заставив занять круговую оборону. Ох, и несладко же пришлось Лукуллу! А ведь он, в отличие от консула Лентула, был и вправду талантливым полководцем.

А теперь вспомним, что Плутарх о честном Катоне рассказывал. «При страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии» поворачивать в горы, карабкаться по склонам, бросать обоз с серебряной посудой и шелковыми покрывалами? Да ни за что на свете!

Что мог сделать Лентул? Только две вещи. Первое – дать знать своему коллеге Геллию, дабы тот оставил в покое недобитых «галлов» и спешил на помощь. Тут не амбиций, ведь с каждым днем Спартак все ближе к Риму! И второе – самому попытаться ОБОГНАТЬ Спартака, отрезав ему путь на север. По какой дороге? Аппиева слишком далеко, у моря, а вот Латинская, та, что параллельно ей идет, вполне подходит. Обогнуть, свернуть куда-нибудь к Арпину, что на границе Лация и Самниума, а уже оттуда атаковать спартаковцев. Геллий же должен был наступать дорогой, по которой шел Крикс – от Сипонта на север, вдоль Адриатического моря. В общем, снова Канны – один консул хватается Спартака за горло, второй за ноги...

Что из этого гениального плана вышло, мы уже знаем. Где-то в Самниуме, среди гор, армии Спартака и Лентула встретились. Геллий не успел – слишком далеко был. Впрочем, Лентул был уверен в успехе. Вспомним о «большом количестве войск». Типичная проговорочка по Фрейду, так что зря перепуганные римляне толковали о неисчислимых спартаковских полчищах.

Ох, и любопытно бы узнать об этом бое подробнее! Побывать бы в палатке у Лентула на военном совете. Представим... Стол посреди палатки, да не простой, резного дерева с гнутыми ножками, вместо лавок или табуретов – кресла, тоже резные, покрывалами покрытые. А на креслах – легаты и трибуны, гладкие да кормленные. И сам Лентул, важный, нос вверх дерет, щеки толстые надувает, карту пальцами холеными разворачивает...

...Никогда не видел его портретов, но уверен – таким Лентул и был. Как же! Консул, патриций, живое воплощение римского величия.

А вот его офицеры. Мало кто из них воевал, зато спеси и амбиций – выше крыши. Сидят у карты и планы военные сочиняют. Стратеги, понимаешь, Ганнибалы! Все точно по Льву Толстому. Помните – «Война и мир», военный совет перед Аустерлицем? Первая колонна туда марширует, вторая – сюда... Не уйдет супостат!

Обратим внимание – римляне были уверены, что ОКРУЖИЛИ Спартака. Ну точно, Канны! Осталось сомкнуть клещи, раздавить грязных рабов...

Задумаемся.

Окружали Спартак неоднократно – и у Везувия, и сейчас, и позже, на Регийском полуострове. И каждый раз окружение непременно заканчивалось спартаковской победой. Еще один его прием, его коронный ход – убедить противника, что он взял тебя за горло. Убедить, уверить в успехе...

Зачем Спартаку понадобилось, чтобы Лентул его окружил? Ведь окружение, как ни крути – дело чрезвычайно опасное?

Да опасное – в обычных условиях. В чистом поле, когда враг идет с четырех сторон, спастись трудно. Но обратим внимание – сражение происходило В ГОРАХ. А окружение в горах – нечто совсем иное, чем на равнине. Сплошной фронт не выстроишь, не получится. Значит, один легат, к примеру, с отрядом занимает ущелье, второй – стережет дорогу на запад, ту, что в Лаций ведет, еще кто-то пытается зайти Спартаку в тыл, а сам Лентул строит свои когорты лицом к врагу, оставляя за спиной лагерь.

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Только в данном случае не про овраги, а про горы. Ведь теперь все римские отряды, сколько бы их ни было, ОТПРЕЗАНЫ друг от друга теми же Апеннинскими горами. Римляне САМИ разделили свое «большое количество войск» на части. Действовать сообща в горах трудно – пока гонцы по перевалам пробегут, пока приказ доставят, тут и война кончится.

Итак, армия Лентула разошлась по нескольким отрядам. Римские Ганнибалы были уверены в успехе. Еще бы! Окружили! Ну, а дальше...

Плутарх:

«Когда Лентул окружил Спартак большого количеством войск, последний, ударив всеми силами в одно место, разбил легатов Лентула и захватил весь обоз».

Тот же прием – беспробивной, смертоносный. Небольшая спартаковская армия всеми силами обрушивается на одного из легатов. Теснина ущелья, толпа на толпу, римские пилумы против гладиаторских пик. А со склонов, со всех сторон, на римлян наваливаются пастухи в мохнатых плащах. Этим горы не помеха!

Вот и все! Уцелевшие легионеры, теряя калиги, бегут по ущелью, подальше от смерти, а войско Спартак уже бьет второго легата. Консул Лентул, спав с лица, приказывает трубить тревогу и вести когорты на помощь. Да где там! Спартаковцы уже рядом, уже рвутся к лагерю, опрокидывают растерянных римлян...

Саллюстий:

«И в то же время Лентул, заняв двойным строем возвышенное место и защищая его при большой потере своих – когда из багажа стали появляться военные плащи и отборные когорты стали понимать...»

Увы, этот фрагмент – единственный, из которого можно что-то узнать о сражении с Лентулом. Очевидно, Саллюстий рассказывает уже о самом финале. Остатки консульской армии обороняются на каком-то холме, несут потери, но вот из багажа извлекаются плащи... Зачем плащи? Да чтобы на плечи накинуть, прежде чем в бега удариться. Паника! Даже отборные когорты, видя такое, не выдерживают. Строй распадается, уже не войско – толпа скатывается вниз по склону... Беги, Лентул, беги! Беги, слабый владыка, бросай обоз, оставляя лагерь, теряй Орлов – беги! Навстречу позору, навстречу бесславию...

А вот и эпилог. Через несколько дней спартаковское войско встретилось с армией Геллия. Вероятно, Спартак сам двинулся навстречу, может быть даже опередив весть о том, что его коллега уже разбит. Геллий успел-таки вывести войско, успел построить лагерь, но...

Аппиан:

«Тогда Спартак, повернув и напав на них, по одиночке разбил обоих. Консулы отступили с поля битвы в полном беспорядке».

Тит Ливий:

«Консул Луций Геллий и претор Квинт Аррий были разбиты тем же Спартаком в открытом бою».

Недолго пришлось ждать отмщения душе Носящего Браслет. Вот она месть – страшный, нечеловеческий рев над полем: «За Крикса! Бей Волчицу! За Крикса!!!» И дрогнули золоченные Орлы, и стали водой кости гордых легионеров, и рухнули лагерные ворота...

...А потом потянулись унылые шеренги пленных к наваленным посреди поля камням, хлынула жертвенная кровь, оскалились гниющие трупы у Гаргана, усмехнулась душа Крикса в царстве бледного Плутона...

Беги и ты, консул Геллий, слабый владыка! Беги, претор Аррий, слишком рано поверший в свою удачу! Быстро бегите, не оглядывайтесь, иначе и вас бросят на страшный алтарь, иначе и вам резанут по горлу кремневым ножом, и достанется ваша кровь псам.

Дрожи, Волчица!

35. Битые консулы-2 или Поход на север

Что было в следующие недели, покрыто мраком. Абсолютным, словно римские историки решили накинуть на происходившее тогда черное покрывало. Понять их можно, ведь писать о собственном позорище

никому не хочется. Лишь кое-кто проговаривается, но так, что разобраться почти невозможно. Почти. А мы попытаемся.

Что делал Спартак, мы знаем – армия восставших шла на север, причем шла очень быстро.

Плутарх:

«Наместник Цизальпинской Галлии Кассий с десятитысячной армией пошел навстречу Спартаку, бросившемуся к Альпам».

«Бросившемуся» – яснее не скажешь. Спартак двигался быстрым маршем через Среднюю Италию. Как именно?

Аппиан:

«Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда к галлам, жившим по обе стороны Альп».

Итак, спартаковцы по-прежнему шли по Апеннинам, но, думаю, не слишком долго. После разгрома консулов уже не было нужды плутать по горам, и Спартак вполне мог свернуть к Адриатическому морю на Эмилиеву дорогу, которая вела через Самниум, Пицен и Умбрию прямо к предгорьям Альп. Даже двигаясь по Апеннинам спартаковцы все равно наткнулись бы на эту дорогу где-нибудь у Фавенции или Бононии. Путь вдоль другого побережья Италии проходит через Лациум и Рим, а там этим летом Спартак точно не был. Итак, спартаковцы скорее всего шли по Эмилиевой дороге, обходя крупные города и не пытаясь их осаждать.

Аппиан:

«Ни один итальянский город не примкнул к ним...»

Это тоже понятно – гладиаторов боялись пуще смерти. Города запирали ворота, перепуганные жители прятались по темным углам, у стражников стучали зубы от страха. Но Спартак спешил и не тратил время на штурм. А вот городишкам поменьше и сельской округе приходилось плохо.

Плутарх:

«Но рабы, будучи сильны своей численностью и возгордившись своими успехами, не слушались Спартака и, двигаясь по Италии, занимались ее опустошением».

И вновь гуманист Плутарх противопоставляет «хорошего» Спартака его «плохому» войску. Трудно сказать, пытался ли вождь остановить грабежи и насилия. Может, и пытался, однако многотысячную армию следовало кормить, причем каждый день, значит в любом случае спартаковцы гребли все, что попадалось на пути. А чем отличается законная конфискация от незаконного грабежа, пусть уж судит читатель. Может, Спартак призывал отбирать у обывателей добро с вежливой улыбкой и выдавать расписку?

А если серьезно, то «опустошение» Средней Италии более чем объяснимо. Ведь именно эти земли – давняя римская территория, населенная верными союзниками Вечного Города. Полным полно было здесь и римских колонистов, отставников и их потомков. Этих, уверен, грабили с особым удовольствием. И, конечно, не только грабили. Завернул, скажем, тот же Публий Порк к своему бывшему хозяину на огонек. Ох, и долго тот огонек горел! Ох, и ярко!

Итак, Спартак шел на север, чтобы где-то у города Аримана свернуть на северо-запад, куда и вела Эмилиева дорога. Шел, не встречая особого сопротивления. Весна сменилась летом, от придорожных пиний приятно пахло горячей хвоей, жаркое итальянское солнце отражалось от гладиаторских шлемов, играло на стальных наконечниках копий...

А римляне?

Мы уже знаем, что наместник Цизальпинской Галлии Гай Кассий готовился встретить врага. Ведь римляне были уверены, что гладиаторы идут к Альпам, чтобы затем разойтись по домам. Значит, следовало перехватить супостатов. А где? Вновь глядим на карту. Если Спартак и в самом деле хотел возле Альп сказать всем «спасибо» и пожелать счастливого пути – галлам в Галлию, фракийцам – в родную Фракию, то армия должна была остановиться у Мутины. Удобнее некуда – одна дорога ведет через Регий и Плаценцию прямоком в Галлию, вторая, через Мантую и **Верону** к Карнийским Альпам, за которыми уже Балканы. Вот там-то, у Мутины проконсул Гай Кассий и решил Спартака встретить. Причем не один.

Тит Ливий:

«Проконсул Гай Кассий и претор Гней Манлий сразились со Спартаком...»

Итак, проконсул и претор. Кто такие, почему не знаем?

Проконсула мы знаем – это Гай Кассий Лонгин Вар, консул предыдущего года. Именно он вместе с Марком Лукуллом посылал против Спартака забияку Вариния. Теперь Гай Кассий – наместник, в его подчинении Цизальпинская Галлия и легион солдат. В обычных условиях легион – это много. В обычных – но не в подобных, поэтому проконсул срочно набирает ополчение. Однако, вот беда – воевать Гай Кассий не умеет. Ну совсем! Он известный законовед, юрист, в армии же никогда не служил. Вот она римская система! Юрист-губернатор, конечно, хорошо, но что делать, ежели Спартак пожалует? И вот рядом с ним появляется претор Гней Манлий. Этот как раз вояка, служил еще при Сулле и весьма отличился. Вероятно, Сенат, не веря в полководцев-юристов, направил его к Кассию в качестве заместителя по военным вопросам. И вовремя – спартаковцы уже не так далеко.

С тем, что на севере, мы разобрались – там, у Мутины, юрист и генерал срочно собирают войско, чтобы не дать спартаковцам перейти Альпы. Но что творится в самом Риме? Где консулы, где их армия?

А вот тут – молчок. Если и говорится что-то, то уж очень непонятно. Мы знаем, что по крайней мере еще одна битва консулов со Спартаксом была.

Орозий:

«Впоследствии оба консула, напрасно соединив свои войска, обратились в бегство, получив тяжелое поражение».

Опять надрали хвост Волчице, опять бежали слабые владыки! Но где? Когда?

Аппиан:

«В Пиценской области консулы снова попытались оказать противодействие ему. Здесь произошло второе большое сражение и снова римляне потерпели и тут большое поражение».

Вроде бы понятно – Пицен как раз по пути к Альпам, если двигаться по Эмилиевой дороге. Но беда в том, что Аппиан уверен, будто эта битва случилась уже ПОСЛЕ того, как Спартак, разбив проконсула Гая Кассия, повернул на юг. И такое вполне могло быть, но ведь в Пицене Спартака встречали уже не битые консулы, а новый командующий Марк Лициний Красс!

Плутарх:

«Красс остановился у границ Пицена, чтобы встретить двинувшегося туда Спартака...»

И кому верить – Плутарху или Аппиану? Я бы поверил Плутарху. Грек-то он грек, но пишет не в пример точнее, чем африканец Аппиан. Тот умудрился, как мы помним, даже братьев Лукуллов перепутать. Тем более войска Красса тоже сражались в Пицене – и тоже были наголову разбиты.

Дело, думаю, было так. Консулы бежали – вместе с остатками своих легионов. Бежали, оглянуться боялись, видать, за каждой пинией им страшные гладиаторы мерещились. Но Спартак не стал преследовать недобитых, дальше пошел. И вот остановились консулы, оглянулись этак стыдливо...

Именно тогда мог отличиться молодой Катон. Помните?

Плутарх:

«...Катон не мог проявить по мере сил своего усердия и храбрости. Тем не менее при страшной изнеженности и роскоши, царивших тогда в армии, он высказал свою любовь к порядку, мужество, присутствие духа и ум...»

Катон – не военный, армией еще не командовал, да и хвалит его Плутарх не за лихость, а за мужество и любовь к порядку. Возможно, именно Марк Катон первым опомнился, первым стал на дороге очумелых от ужаса беглецов, первым заорал: «Квириты, стой! Под знамя!» А потом строил перетрусившее войско, лупил по физиономиям паникеров... Недаром консул Геллий решил наградить молодого парня! Таким он и был, Катон – глуповатым, но до ужаса смелым и упорным. Таким и умер – через много лет, в далекой Африке, сорвав повязку с раны. Не желал Марк Катон Младший принимать пощаду от ненавистного Цезаря!

Итак, Катон и те, кто посмелее и потверже духом, остановили войско, привели в порядок. Собрались мужи-консулы где-нибудь под кипарисом (палатки-то свои, небось, бросили!), развернули карту, задумались. И было о чем! Армия разбита, в Риме наверняка паника... Это с одной стороны. Но с другой – вот удача! – спартаковцы на столицу не пошли, они на север рвутся. Значит, верно разведка донесла: убегает враг за Альпы. А это уже лучше, даже совсем неплохо. Убегает гладиатор, удара не ждет. А мы его перехватим!

Ох, уж и любили римляне хитрые планы составлять. Все в Ганнибалы рвались!

Перехватим, но где? Смотрят консулы на карту, лбы свои патрицианские морщат. Спартак по Самниуму идет, скоро у границ Пицена окажется. Идет Апеннинскими, спешит, но по горах не набегаешься. Найти бы подходящую дорогу, чтобы наперерез выйти. А вот она, подходящая – Соляная, поперек Италии-сапога протянулась. Если поспешить, можно в Пицене прежде спартаковцев оказаться. Вот там, где-нибудь возле города Аускула мы его и встретим!

Переглянулись консулы, кивнули. *Dixi* – сказано, пора войско строить. Перед тем же, как в поход выступить, хорошо бы награды раздать – для поднятия духа. Битву, конечно, проиграли, но надо же героев поощрить! Вот этот молодецкий – как его? – да, Марк Катон, брат трибуна Цепиона. Молодец, парень, не растерялся. А подать его сюда, а выдать венок! Заслужил!

Марк Катон за наградой, как мы знаем, не пришел. Чудак был парень!

И вот востепенулось войско, взметнулся к небесам уцелевший Орел, грянула песня. Вперед, квириты! Боги с небес смотрят на нас!

Остальное понятно. Консулы успели – к очередному разгрому. Не помогло ничего – ни римская доблесть, ни мужественный Марк Катон. Разбили слабых владык, да не просто разбили!

Увы, подробностей мы не знаем и не узнаем уже никогда. Молчат римские историки, глаза прячут. Остается лишь догадываться. Аппиан пишет о «большом сражении», значит, битва была по всем правилам, строй на строй. И финал мы знаем. Орозий сообщает, что поражение было «тяжелым». «Большим» – соглашается Аппиан. А теперь снова вспомним Клавдиана-поэта, что Спартака славил:

«...Битвой открытой не раз он сходил с консульским войском, у слабых владык отнимая их лагерь».

Обратили внимание? Владык двое, а лагерь один. Так что, возможно, поэт именно эту битву имеет в виду. Вновь ворвались гладиаторы в лагерные ворота, вновь бросились врассыпную гордые легионеры, вновь пополнилась коллекция римских знамен в спартаковском шатре... Как видим, уже не в первый раз Спартак

повел свое войско в «открытую битву», строй на строй. Выходит, научились кое-чему беглецы с полей и пастухи в лохматых плащах! Научились, поняли, что могут бить проклятых римлян не только из засады, не только в ночной тьме. Появилось именно то, что удваивает силы – ПРИВЫЧКА К ПОБЕДЕ. С такой привычкой никакие консулы не страшны! А римляне...

Плутарх:

«Теперь уже не только недостойный позор рабского восстания тревожил римский Сенат. Он боялся Спартака...»

«Боялся»! Хорошо сказано!

Аппиан:

«Третий уже год длилась эта страшная для римлян война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами».

«Страшная война» – тоже хорошо!

Орозий:

«Государство испытывало почти не меньший страх, чем когда Ганнибал стоял угрожающе у ворот Рима...»

Ганнибал! Вот чей призрак стоял этим летом перед глазами побелевших от ужаса римлян. Самый страшный враг, крушивший консульские армии, заливавший римской кровью Италию. Непобедимый, жестокий, непримиримый... Как спастись, где найти защитника? На земле? На небе?

Консульская армия сражаться уже не могла. Отвоевалась! Что же осталось у римлян? Остались лишь несколько тысяч человек под командованием двух полководцев – юриста и генерала, войско, которое Гай Кассий и Гней Манлий собирали у Мутины. Да только справятся ли они? Ой, не справятся!

Не справились, конечно. Да и не могли.

Тит Ливий:

«Проконсул Гай Кассий и претор Гней Манлий сразились со Спартаком и понесли поражение».

Плутарх:

«Наместник Цезальпинской Галлии Кассий с десяти тысячной армией пошел навстречу Спартаку, бросившемуся к Альпам. В завязавшейся битве Кассий потерпел поражение и, потеряв много людей, едва спасся сам».

Орозий:

«Вслед за этим тот же Спартак убил проконсула Гая Кассия, разбив его в сражении».

Флор:

«...И у Мутины уничтожил лагерь Публия Кассия».

От этих коротких фраз веет какой-то безнадежностью. И вправду, какие шансы были у Гая Кассия? Да никаких! Можно без труда догадаться, что почувствовал он, узнав о разгроме консульских войск. Ведь у наместника всего один легион и небольшое ополчение, перед ним же страшная орда, крушащая все на своем пути. А ведь за спиной – Галлия, та самая Галлия, где так любят римлян. Стоит плеснуть масла, стоит поднести горящий факел... Так и представляется, как проконсул, уже ни на что не надеясь, отмечает на карте продвижение врага. Ближе, ближе, еще ближе... Словно в страшном сне, когда не убежать, даже не зажмурится. Кролик ждал удава... Дождался! Все повторилось – разгромленное войско, потерянный лагерь. Кассия разбили вдребезги, да так, что историки даже не смогли решить, уцелел ли после битвы сам проконсул? То ли убили, то ли едва спасся. Во всяком случае, его маленькая армия перестала существовать – навсегда.

Лето спартаковских побед продолжалось. А мы остановимся, дорогой читатель. Оглядимся.

...Разоренный римский лагерь, окровавленные трупы в «льняных» панцирях, поваленные на землю белые палатки, брошенные на главной лагерьной площади значки когорт. Поверх них – Орел, оплеванный, истоптанный гладиаторскими калигами. Рядом – добыча, огромная куча, куда сносят найденное барахло. Богато жили римские офицеры, даже на войне ни в чем себе не отказывали, будет что поделить! Гуляй, босота, пей неразбавленное, ведь снова живем! А вот и пленные – целая толпа, кто в повязке кровавой, кто с сияком под глазом. Голые, связанные, как бараны. Гогочут бывшие рабы, пинками квиритов угощают, прикидывают, где лучше бой гладиаторский устроить. А это кто? Никак фракиянка знакомая? Она! Смеется жрица, пальцем в ближайшего римлянина тычет. Этого красавчика первым на алтарь бросим, потешим богов!

...Не зря она старалась, фракийская жрица. Слухи о том, что Спартаку помогают боги, уже разошлись по всей Италии. Разошлись, расплескались. Через много веков истовый христианин Августин Блаженный без всяких околнностей напишет:

«Пусть скажут мне, какой помог им бог из состояния маленькой и презренной разбойничьей шайки перейти в состояние государства, которого пришлось страшиться римлянам со столькими их войсками и крепостями? Уж не скажут ли, что они не пользовались ПОМОЩЬЮ СВЫШЕ?»

Если уж Блаженный Августин не сомневался, что Спартаку помогали свыше, то, может, и нам стоит задуматься?

А вот и Спартак – в красном преторском плаще, с привычным «галльским» мечом на правом бедре. Вождь не смеется, не смотрит на обреченных пленников, на шуточки товарищей не отвечает. Спокоен он, неулыбчив. Победа – не первая, но и не последняя. Война не кончилась, самое трудное впереди...

Вы спросите, дорогой читатель, отчего это я Спартака именно таким вижу? И в самом деле! Почему бы не представить вождя на веселом пиру среди разудалых атаманов или – отчего бы и нет? – на ложе рядом со всей той же фракиянкой? Или у погребального костра на похоронах погибшего друга? Вон, у Джованьоли Вещего Спартак как живой получился – то веселится, то плачет, а то и волосы от горя рвет. Не знаю. Не романтик я, наверное, да и Спартак, как по мне, ничем на романтического героя не похож. Чужая душа, конечно, потемки, но внешне, уверен, вождь таким и был – невозмутимым, холодным, неулыбчивым. Ведь он знал то, о чем еще не догадывались его бойцы – не к свободе он их ведет, а к СМЕРТИ. Не отпустил вождь их по домам возле Везувия, не отпустит и у подножия Альп. Он поведет своих товарищей дальше – навстречу гибели. Искусство войны – искусство богов, и если Бог Войны и вправду решил погулять по земле, то лучшее воплощение, лучшую аватару, чем Спартак, Ему найти трудно.

А может и вправду фракийская жрица и Носящий Браслет открыли неведомую Дверь и впустили Его в мир? Кто знает?

...Стих лагерь, уснул. Вождь молча смотрит в темноту. Ночь...

36. Главный Приказ или То, чего не было

...Утро. Прекрасное летнее итальянское утро, безоблачное бездонное небо, голубое, но уже начинающее белеть от близкой жары. Зеленая равнина, вдали – желтые квадраты полей, еще дальше еле заметные контуры городских стен с низкими приземистыми башнями. Небольшая речушка с пологими серыми берегами, две рыбацкие лодочки ткнулись острыми носами в песок...

Мы все там же, возле Мутины, неподалеку от разоренного римского лагеря. Только сейчас не слышно криков и песен, не горят победные костры, не звенит железо. Битва позади, и праздник победы тоже позади. Впереди – главное, то, ради чего два года назад несколько десятков храбрецов бежали из гладиаторской школы-тюрьмы.

Главное...

Ровный строй войск. Огромный четырехугольник окружает трибунал – возвышение из дерна и земли, по углам которого золотятся пленные римские Орлы. Все по уставу, по проклятому уставу проклятых римлян, которые слишком хорошо научились воевать. Но теперь этот устав служит другим, тем, кто сумел поразить Волчицу – не в пенту, в самое сердце. Вот они, спартаковские легионы, победители преторов и консулов! Уже не толпа – армия. Армия – и ее вождь.

На Спартаке – все тот же красный трофейный плащ, знакомый меч у правого бедра, преторская перевязь. Сзади недвижно застыли ликторы, сжимая в руках связки с топорами. По сторонам – его командиры, бывшие гладиаторы, бывшие рабы, бывший батраки и разбойники. Сегодня, в это утро, они тоже молчаливы и серьезны, как и все войско, как и сам вождь.

Спартак волнуется. Это трудно заметить, почти невозможно, но если мы станем совсем рядом, то сможем увидеть, как сжаты побелевшие губы, как еле-еле заметно дергается щека. И улыбка, непрощенная улыбка, такая непривычная на обычно невозмутимом лице.

Правая рука взлетает к белеющему небу – вождь приветствует своих бойцов. Ответный крик, дружный крик десятков тысяч глоток. И снова тишина. Все знают – сейчас будет что-то важное, что-то особенное.

Главное.

Спартак на какой-то миг прикрывает глаза, закусывает нижнюю губу... Все? Все! Пора! Рука вновь вздымается вверх...

– Братья!

Первое слово громким эхом отражается от сомкнутых шеренг. Его повторяют вслух, в полный голос, чтобы услышали все, все до единого – и на этом поле, и в ненавистном Риме, и во всей зеленой Италии...

– Братья! Вы, не пожелавшие зря погибнуть в рабстве, решившие рискнуть жизнью ради свободы! Вы, не захотевшие стать мясом для арены, кормом для римских богов! Вы, сокрушившие надменных римлян, воевавшие вдали от отечества – но за отечество!..

Вождь говорит не спеша, мерно, чтобы успели услышать, повторить, осознать.

– ...И теперь, я, Спартак, ваш товарищ и вождь, отдаю свой последний боевой приказ. Слуша-а-ай!..

«Слуша-а-а-ай!» – долгим громким эхом. Над четырехугольником строя, над зеленым полем, над всей Италией.

– Вы, разбившие римлян в их собственном логове, должны прийти на помощь нашим братьям в Галлии, во Фракии, в Испании, в Азии – всюду, где проклятый Рим пытается загнать вольных людей под свое ярмо. Война не кончена, и каждый продолжит ее в своем доме. Доблестные галлы! Вас ждет Нарбон, где ваши земляки уже готовы восстать против поработителей. Вас ждет Косматая Галлия!..

Над строем – радостный гул. Галлы, белокурые, голубоглазые, плечистые, зло скалят зубы. Недолго править римлянами в Нарбоне, недолго радоваться предателям-эдуям, римским прихвостням, в Косматой Галлии!

– ...Ваши командиры поведут вас! Я же со своими фракийцами сегодня выступлю на восток, чтобы спасти родную Фракию от разбойников Марка Лукулла. Поглядим, так ли он резво он убегает, как и его шавка Вариний?..

Хохот – громовый, страшный. Вселятся чубатые фракийцы, перемигиваются. Ох, и несладко же придется Волчице!

– ...Вы же, кто родился здесь, в Галлии Цизальпинской, восстановите свою страну, создадите армию и поможете своим братьям во всей Италии. Бык победит Волчицу! Душа Крикса, нашего храброго товарища, возрадуется в царстве Плутона. Смерть Волчице! Смерть!..

И снова крик, снова радостный рев, взлетают к небу острые наконечники пилумов, гремят овальные щиты. И вот звучит команда, четырехугольник расступается, перестраиваются колонны. Тишина сгинула, исчезла, сменившись десятками тысяч разноязыких голосов. Прощайте ребята, прощайте, товарищи! Но не навеки, мы скоро увидимся, мы вернемся сюда, приведем наших братьев, чтобы встретится всем вместе на руинах проклятого Рима. Выть волку на руинах Капитолия!..

Новая команда... Дрогнули значки когорт, застонала земля от первого шага. Спартак и его товарищи идут в новый поход...

Вы уже поняли, дорогой читатель, все поняли. Этого не было, не случилось. Спартак остался в Италии, чтобы погибнуть самому – вместе со своими товарищами. Галлы не ушли в Галлию, фракийцы не прорвались в родную Фракию, Спартак не отдал долгожданный приказ. ГЛАВНОГО не случилось.

Почему?

Этот вопрос не смогли решить ни современники, ни потомки, ему посвящены статьи и целые книги, об нем до сих пор спорят. Наверное, это и есть самое непонятное в истории Спартак и его товарищей.

ПОЧЕМУ СПАРТАК ОСТАЛСЯ В ИТАЛИИ?

Самого Спартака и его товарищей мы послушать не сможем. Послушаем врагов.

Плутарх:

«Спартак был теперь велик и грозен. Он составил себе вполне разумный план действий. Не надеясь сломить окончательно могущество римлян, он повел свое войско к Альпам, полагая, что нужно перевалить их и отправиться на родину: одним – во Фракию, другим – в Галлию. Но рабы, будучи сильны своей численностью и возгордившись своими успехами, не слушались Спартака и, двигаясь по Италии, занимались ее опустошением».

Флор:

«Окрыленный этими победами, он – чего уже одного достаточно для нашего позора – составил план нападения на Рим».

И все? Да все. Остальные даже не задумывались, видать, слишком страшно было. Вот например, Аппиан:

«Спартак... со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим».

Сто двадцать тысяч в гладиаторском войске. Сто двадцать тысяч! Круглыми же от ужаса были глаза римлян! Какие уж тут рассуждения, когда вода к горлу подступает?

Нам с вами, дорогой читатель, бояться нечего. Мы и порассуждать можем, но сначала послушаем, чего наши предшественники намудрили, ведь каждый, кто про Спартака писал, пытался этот вопрос решить. А намудрили знатно, так, что порою только руками разведешь. Помните Джованьоли Вещего? Он, Джованьоли, Плутарху поверил. Поверил – и живописал, как «возгордившиеся» спартак и его товарищи на Рим идти хотят. Мудрый Спартак все понимает, но убедить «возгордившихся» не может. Пришлось референдум проводить, а затем и на Рим двигаться.

Интересно, служил ли великий Джованьоли в армии, хотя бы недолго, месяц всего? Если служил, то как себе подобный референдум представлял? В армии референдумов не бывает, есть ПРИКАЗ – и есть МЯТЕЖ, если этот приказ кто-то вздумает не выполнить. Дисциплина же у Спартака, как мы видели, была на вполне уставном уровне. Да и не бунтовали спартак и его товарищи. О таком историки римские точно поведали бы. Не бунтовали, просто «возгордились», все разом – и Спартак, победами окрыленный, вместе с ними.

Есть и другие объяснения, позайтеливее:

1. Всему виной была этническая рознь среди спартак и его товарищей. Дикие галлы и германцы хотели Италию грабить, а культурные греки и фракийцы – по домам отправиться. Вот и не сталкивались, вот и не смогли договориться.

Сие, дорогой читатель, один очень-очень серьезный историк придумал. Я его специально называть не буду, дабы ему в том раю, куда хорошие историки попадают, стыдно не стало. Ведь ляпнул же! Напомню, «галло-германской» частью спартак и его товарищей традиционно считали армию Крикса. Но ведь именно Носящий Браслет и его бойцы не пошли на север, в Галлию и Германию, именно они в Италии остались! Отшибло у галлов и германцев любовь в родной земле, начисто отшибло – вместе с чувством самосохранения. Пограбить решили от души, потешиться. Вот они, «позорно забывшие» отчество!

Могло такое быть? Допустим. Но ведь Плутарх совсем иное пишет – Спартак составил «вполне разумный план» и повел войско в Альпам. Войско же план одобрило, пошло со своим вождем, прорвалось через всю Италию и на самом пороге свободы остановилось.

Ладно, галлы и германцы (откуда они все же взялись?) решили остаться, потому как дикие были. Но отчего не ушли фракийцы? Почему сам Спартак не подумал о гибнущей родине? План он свой осуществил, к Альпам армию вывел, а теперь – каждый по возможности. Кто хочет – оставайся, кто хочет – по домам.

Войско Спартака не раскололось после битвы при Мутине и не взбунтовалось – оно дружно повернуло и пошло на Рим. Не разбежались даже те галлы, что были уже на родине, в Галлии Цизальпинской. Не только не разбежались, но и изрядно пополнили армию спартаковцев.

2. Причина была в том, что в войске Спартака было очень много свободных италиков и тех рабов, что Италии родились. Им уходить было некуда.

Логично? Вроде бы да, но мы уже знаем, что те, кто хотел остаться, остались вместе с Криком и Ганником. Остальные план Спартака одобрили и двинулись на север. Пошли, дошли... А между тем Цизальпинская Галлия – это уже не Италия. Для бруттиев, луканов, осков и самнитов Галлия – тоже чужая земля. Но ведь туда они идти согласились! Так почему повернули? В конце концов выбраться на несколько лет из Италии, пожить у друзей, накопить силы, чтобы вернуться домой с победой – чем не выход? Неужели Спартак не смог это своим бойцам растолковать? А если не смог, почему просто не приказал? Кто не послушался – сам виноват!

3. Спартак не решился идти дальше, потому что в Цизальпинской Галлии гладиаторов не поддерживали. Пришлось назад поворачивать.

Ну и бред! Вспомним, что по римским оценкам в армиях Спартака и Крикса было семьдесят тысяч. Тридцать тысяч ушло с Носящим Браслет, у Спартака, стало быть, осталось сорок. И вот он поворачивает из Галлии на юг, имея войско в СТО ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ! И это несмотря на неизбежные потери!

Цифры я на совести историков римских оставляю. Не было, конечно, у Спартака стольких бойцов, но порядок указан, судя по всему, верно – в Галлии войско выросло в ТРИ РАЗА. Ничего себе «не поддерживали»!

4. Всему виной стихийные бедствия. Я не шучу – и такое пишут. Мол, тем летом был в Галлии неурожай, так что не удалось запасти провианта в дальнюю дорогу.

Это – чистая выдумка. Ничего не пишут авторы древние про неурожай, напротив, зерна хватало, в Риме тем летом даже смогли раздачи хлеба для тамошних безработных увеличить. И не остановило бы это спартаковцев. Ведь Галлию Цизальпинскую они еще только начинали «экспроприировать», страна же была богатая, обширная. В конце концов можно и пояса подтянуть, паек урезать, потерпеть чуток ради того, чтобы к родным очагам попасть.

5. И вновь – стихийные бедствия. Спартак, мол, засиделся в Цизальпинской Галлии до осени, пошли дожди, река По разлилась, пути на север отрезая. В общем, почти всемирный потоп. Пришлось спартаковцам на юг уходить, следующего лета ждать.

Теория хитрая, очень хитрая, потому, вроде, как доказательствами подкрепленная. Вот, скажем, Цицерон в одной из своих речей против наместника Сицилии Верреса (помните?) указывает, что новый римский командующий Марк Красс был назначен в НОЯБРЕ 72 года до Р.Х. Спартак же в это время был еще на севере Италии. Значит, и вправду задержались спартаковцы там до осени, а тут дожди, потоп...

Хитро! Но тоже – неправда, причем дважды. Первая неправда – календарь. Он у римлян во времена Спартака очень скверный был, хоть и у этрусков взятый. Неточный до невозможности. «Плавали» по этому календарю дни и месяцы, каждый год – разный, то короче, то длиннее. Да такой разный, что приходилось тринадцатый месяц – месяц марцедоний – вставлять, чтобы концы с концами свести. Эти безобразия, если вы помните, Юлий Цезарь прекратил, новый календарь римлянам подарив. Его так и называли – Юлианский. Для верного счета довелось к последнему «неправильному» году целых девяносто дней добавлять. Но до Юлианского календаря еще четверть века осталось. Так что «ноябрь» 72 года до Р.Х. – это не ноябрь, а самый настоящий АВГУСТ. Жара, хлеб на полях желтеет, птички птенцов на крыло ставят. Какие уж тут осенние дожди!

А вот и вторая неправда. Взгляните на карту! Чем река По Спартаку помешать может? От Мутины она на востоке, а чтобы в Галлию попасть, следует на запад идти. А во Фракию? Тоже без проблем, промаршируй по той же Эмилиевой дороге сотню километров на запад – и сворачивай на восток, к Мантуе и Вероне. Здесь река По в море превратиться не может, она разливается восточнее, у побережья. Так что нечего славных спартаковцев потопом пугать. И не запомнил никто этого потопы. То ли был он той осенью, то ли просто выдуман.

6. Тоже стихийное бедствие, но не одно, а с привходящими обстоятельствами. Вся беда, оказывается, в альпийских перевалах. Непроходимые они, снегом покрытые. А перевалы те горцы страшные сторожат. Не договорился с ними Спартак, не смог. Прилаживают горцы луки, стрелы вострят. Не пройти спартаковцам!

И что тут скажешь? Альпы, конечно, не Апеннины, но и не Эверест. Ганнибалу снег тоже мешал. И Суворову мешал, и Бонапарту, когда он к Маренго в 1800 году прорывался. И по войскам их враги постреливали. Но ведь прошли, не испугались.

Легко мне на великих ссылаться, скажете? Мол, попробовал бы сам! Лед, пики поднебесные горизонт закрыли, снег по уши... Дорогой читатель! Попробую – и с удовольствием, но только в тех же условиях, что и спартаковцы летом 72 года до Р.Х. Какая разница? Очень большая – Ганнибал, Суворов и Наполеон

штурмовали Альпы поздней осенью и зимой, а Спартак оказался в Цизальпинской Галлии ЛЕТОМ. Лучшее время для перехода по альпийским перевалам – август и сентябрь. А перевалов много, по некоторым можно даже на велосипеде проехать. Устеречь же все перевалы одновременно нет ни малейшей возможности, что Ганнибал с Суворовым и доказали.

К слову, про злых горцев – тоже чистая выдумка. Не пишут авторы древние про этих злодеев. Но даже если все так и было, даже если тем летом и снег выпал такой, что по уши, и горцы со всех Альп набежали. Снова взгляните на карту, зачем горы-то штурмовать? Чтобы попасть в Косматую Галлию, то есть, в нынешнюю Францию, достаточно свернуть по дороге, что вдоль побережья, через Луку и Геную, идет. Эту дорогу Генуэзской Ривьерой называют, а еще Карнизом. Справа горы, слева – море. Иди себе, аромат кипарисов вдыхай. Но может, в те годы далекие, путь там еще не проложили? Проложили, проложили! Назывался он дорогой Эмилия Сквара, и вела та дорога, как раз куда требуется – в Галлию.

...Я ведь Бонапарта не зря помянул. Это в 1800 году он Альпы штурмовал, а чуток раньше, в 1796-м, его армия по Карнизу аккуратно в Италию и проскользнула, причем под самым носом у австрийцев. Римских же войск в этих местах не было, некому спартаковцам в спину стрелять!

А путь во Фракию? Тоже в горы лезть не надо. Иди вдоль Адриатического побережья в сторону будущей Венеции пока во Фракию не придешь. Можно и пиратов свистнуть, добычей поделиться, дабы прямо через море переправили. Так и что горы спартаковцам – не помеха.

Что остается? Какие еще причины?

7. Спартак и его бойцы убоялись трудностей дальнего похода. Местных племен, что в Альпах и за Альпами живут, убоялись. А те племена то ли римлянами подкуплены были, то ли спартаковцев из соображений своих племенных пропускать не хотели. Та же сказка про злокозненных горцев, но в большем масштабе.

Напомню, за Альпами, за Карнизом – Галлия. Неужели галлы из войска Спартака к своим соплеменникам идти боялись? Но даже ежели так, все равно путь на родину через враждебные земли был безопаснее, чем возвращение в Италию, где уже формировалось новое римское войско. Неужто спартаковцы и вправду испугаться могли? Ганнибал, к примеру, из самой Испании посуху в Италию пришел – через земли враждебные. И ничего, справился. Где напугал, где договорился, а где и огоньком аборигенов припалил. Прорвался!

Я бы мог, дорогой читатель, еще всякие мудрые объяснения привести, да только нужды нет – все они столь же неубедительные. А почему выводы делаем:

1. Если бы Спартак летом 72 года до Р.Х. решил уйти из Италии, он бы без сомнения ушел. Со всем ли войском, с частью его – но ушел. Известных нам причин, способных ему помешать, НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

2. Причина была не во внешних факторах, а в чем-то другом. И прежде всего в самом Спартаке. Либо он с самого начала не собирался уходить из Италии, и весь его план броска за Альпы – очередная ДЕЗИНФОРМАЦИЯ для римлян, либо нечто, нам неизвестное, заставило его в последний момент этот план изменить – и вернуться в Италию.

Может, прав римлянин Флор? Ведь Спартак – тоже человек. Окрылили вождя победы, началось у него головокружение от успехов, решил он ненавистный Рим сокрушить. А вдруг это и была НАСТОЯЩАЯ его цель?

Сокрушить Рим? Отчего бы и нет? Вот только, как именно?

37. Альтернативы или То, чего не было-2

Итак, мы возвращаемся к тому, с чего начинали. Что хотел великолепный парень Спартак, задумывая эту войну? Сейчас война в разгаре, сброшены маски, втоптаны в грязь золоченные Орлы, погибли десятки тысяч виновных и невинных. Черный дым стелется над Италией, поднимаясь прямо к сверкающим чертогам небесных Владык.

И что же?

Освобождает ли Спартак рабов? Только тех, кто нужен ему в войске. Бывшие невольники для него – катапультированное мясо, не больше, остальные предоставлены самим себе. Попытки освободить ВСЕХ рабов, хотя бы издав соответствующий указ, гладиаторский претор Спартак даже не предпринял.

Помогает ли он освободительной борьбе италиков против Рима? Только если это совпадает с его собственными планами. Восставшие громят и режут римлян, однако италикам тоже достается. Не трогают лишь тех, кто, как и рабы, нужен в войске – или для снабжения того же войска. Провозглашать Свободную Италию вождь гладиаторов не стал и даже не пытался. Новый Порядок Спартака – это грабежи и насилия.

Вывел ли Спартак из Италии своих товарищей – подальше от ожидавших их грубо сбитых крестов с железных гвоздями? Нет, хотя имел такую возможность.

Так что же остается? Остается НЕНАВИСТЬ К РИМУ. Остается желание любой ценой, не считаясь ни с чем, нанести римской Волчице НАИБОЛЬШИЙ ВРЕД и, как идеал, УНИЧТОЖИТЬ римское государство.

Могло ли быть такое? Мог ли странный фракиец с собачьим именем ради этой цели обречь на гибель тех, кто в него поверил? В последнем не сомневаюсь. Все вожди слеплены из сходного теста, двуногих тварей миллионы для них, как известно, орудие одно. И красивые слова все они говорить горазды. Да и не был

одинок Спартак в своих мечтаниях, врагов у Рима куда больше, чем друзей. Некоторые сражаются с Волчицей с оружием в руках, другие, их тоже немало, скрипят зубами в бессильной злобе. Для них уничтожение Рима – заветная, выстраданная мечта. Не у всех эта злоба бессильна, кое-кто способен помочь Спартаку, причем весьма серьезно – и Митридат, и Серторий, и пираты.

Все это мы уже знаем, остается подумать, соответствуют ли то, что делает Спартак, его цели? Вождь гладиаторов умен – в этом мы тоже убедились. Умен, талантлив, умеет считывать ходы на шахматной доске. И что же он делает?

Из Южной Италии Спартак двинулся не на Рим, а в Цизальпинскую Галлию. Правильно ли он поступил? Без сомнения. Спартак, конечно же, понимал (и мы понимаем), что самый неудачный способ борьбы с римлянами – это атаковать их столицу в лоб. Что бы ни творилось в Вечном Городе, как бы ни враждовали Сенат и народ, сулланцы и марианцы, что бы ни орал трибун Макр на Форуме, все это тут же прекратится, стоит лишь врагу подойти к стенам. Как только спартаковское войско ступит на землю Лациума, навстречу ему шагнут десятки тысяч римлян – патрициев, плебеев, работяг, интеллигентов, жуликов, прорицателей и бродяг. Это знали все, и даже Ганнибал старался не доводить Рим до последней крайности. Да и не было у Спартака бесчисленной орды, способной растоптать ВСЕХ римлян. Бой под столицей стал бы страшным кровавым итогом – и на этом все бы и кончилось.

Тогда почему Спартак не ушел из Италии? Представим, что из этого могло получиться. Любители альтернативной истории, вновь взываю к вам! Подскажите, прав ли я?

Итак, Спартак все же отдал Главный Приказ, и его войско разделилось на три части. Новобранцы из Цизальпинской Галлии и часть италиков остались в предгорьях Альп. Там, в городе Мутине, провозглашена Свободная Галлия, и быстроногие гонцы поспешили ко всем галльским племенам с призывом подняться на борьбу против векового врага. Остальные галлы, те, что родом из-за Альп, быстрым маршем двинулись по дороге Эмилия Савра прочь из ненавистной Италии. А сам Спартак повел верных ему парней к Адриатическому морю, за которым лежат Греция и Фракия.

Могло ли такое быть? Вполне, ибо ничто и никто жарким летом 72 года до Р.Х. не был способен этому помешать. А что случилось бы дальше? Вполне вероятно, что разделившееся на части спартаковское войско было бы разбито в первых же боях, и его остатки ушли бы за римскую границу – в Косматую Галлию, в Германию и за Дунай. Но могло случиться иначе – и это «иначе» чрезвычайно интересно.

...Свободная Галлия создает многотысячную армию. Ее правительство обращается ко всем италикам с призывом восстать против Рима. На юге, где сражается отряд Ганника и Каста, под знамена «галлов» спешат новые тысячи бойцов. База восстания – Бруттий, еще одна – Самниум и, возможно, Апулия и Калабрия. Повстанцы начинают брать крупные города, создавая там свою власть.

Между тем Спартак прорывается через Эпир и Македонию во Фракию, по дороге громя римские гарнизоны и уничтожая коллаборационистов. Его войско несет потери, но на смену приходят тысячи и тысячи новобранцев. Эпироты и македонцы тоже очень любят Рим. А во Фракии весть о подходе Спартака вселяет надежду в души тех, кто еще не погиб и не сдался. Даже одриссы, покорившиеся Волчице, вновь готовы взяться за свои кривые мечи. Спартак пробивается к крепости Ускудама, последнему оплоту вольных фракийцев, отбрасывая от ее стен армию Марка Лукулла.

Римляне не сдаются. Лукулл – опытный полководец, в его армии – сплошь ветераны, воюющие не первый год. Но Спартак бросает на игральную доску новую кость – заключает союз с племенами, живущими за Дунаем. Войско даков и гетов атакует врага по всему фронту. Полностью разгромить римлян едва ли удастся. Марк Лукулл попытается удержать Македонию и Южную Фракию, не допустить врагов к черноморским проливам, ведь в этом случае войско его брата Луция, сражающееся с Митридатом, будет отрезано от Рима! У Геллеспонта фракийцев остановят, но это будет единственным римским успехом. Приход Спартака на родную землю не только продлит войну во Фракии на несколько лет, но и втянет в нее соседние народы, создавая угрозу всем римским владениям на Балканах.

Ободрится и Митридат. Сейчас его дела не так и плохи. Война в понтийских горах затянулась, у Луция Лукулла уже начались конфликты с его офицерами, да и солдаты не очень довольны. А тут такие вести из Италии и Фракии! Среди римлян царит растерянность, командующего теребят со всех сторон, требуя вернуться домой, Митридат тем временем рассылает сотни писем друзьям и союзникам, призывая не упустить момент и вместе ударить по врагу. И вот уже спешат ему на помощь армянские войска, плывут через Черное море корабли из Боспора и Херсонеса... Римляне, уверен, устоят, но о наступлении Луцию Лукуллу придется надолго забыть. Скорее всего он отойдет на запад, чтобы удержать провинции Вифиния и Азия. Митридат Евпатор с торжеством возвращается в Понт. Война на Востоке еще не проиграна, но положение и здесь становится угрожающим. Число врагов Рима растет, они смелеют, наглеют...

Однако самое интересное может случиться в Галлии. Напомню, Галлия состоит из трех частей. Цизальпинская благодаря Спартаку уже очищена от римлян, Косматая свободна, и врагов Рима там больше, чем друзей. Спартаковцы же спешат в Галлию Нарбонскую, в нынешний французский Прованс. Наместник ее, Марк Фонтей – опытный полководец и хороший администратор, но уж больно не повезло ему с подданными. Лишь в городе Нарбоне существует римская колония, вокруг же – галльское море. А из-за близкой границы что ни год на провинцию нападают племена Галлии Косматой, приходится воевать, приходится напрягать все силы. И тут – спартаковцы!

Возможно, Фонтею удастся удержать Нарбон и еще несколько крепостей, но все остальное точно – захлестнет. И вот провозглашена еще одна Свободная Галлия – Нарбонская, римлян ловят по лесам и

приколачивают к крестам, предателей режут и приносят в жертву галльским богам. Но самое страшное не это – в войну неизбежно втягивается Косматая Галлия. Эдучев, римских союзников, осаждают со всех сторон, их дела совсем плохи, ведь свою лучшую конницу они уже отправили в Италию.

Итак, римляне получают Великую Галльскую войну, но не ту, которую начнет Цезарь через четырнадцать лет. Сейчас нападают галлы, они сильны, они окрылены первыми успехами.

Но Галлия – не конец света, не край римской Ойкумены. За Галлией – Испания, а в Испании – Квинт Серторий. Этот мятежный генерал-марианец прямо-таки пара Спартаку. Уже несколько лет он сражается с соотечественниками-римлянами, призвав под знамена испанские племена. Но для него римляне не соотечественники, не земляки – они враги, они сулланцы, их надо резать, их надо душить, кидать на окровавленные алтари испанских богов.

...А ведь похоже на Спартака. Ой, похоже!

Серторий сражается с Гнеем Помпеем, с тем самым, о котором Маркс так скверно отзывался. Помпей неплохой полководец и дипломат. Именно сейчас он умело ссорит Сертория с союзниками-испанцами, вносит смуту в узкий кружок римских эмигрантов. У Помпея хорошая армия, он твердо надеется на победу... И тут – гром среди ясного неба. Враги в Нарбонской Галлии, значит, римская армия в Испании вот-вот будет ОТРЕЗАНА!

Вы скажете, что есть еще море, что можно и на кораблях подмогу присылать. Но на море пираты, обнаглелые от римской слабости. Как раз в это время они бьют незадачливого претора Марка Антония, берут в плен его квестора и с торжеством приковывают к мачте. Много ли римских кораблей доплывет до Испании?

Плутарх:

«Серторий вытеснил римских полководцев из подвластной ему Испании: он перерезал пути подвоза продовольствия, опустошил страну и господствовал на море...»

А в самой Испании все римские враги поднимают головы. Войско Сертория растет, недовольные его властью прикусили языки... Не завидую я Гнею Помпею Великому!

Нет, римляне не сдадутся и в Испании. Помпей будет продолжать войну, может, даже сумеет серьезно навредить Серторию, но ведь сражаться придется, все время оглядываясь назад. В Галлию враги, в Галлии война, а из Рима помощи не дождешься.

Вот вам и последствия Главного Приказа Спартака. Предварительные пока еще. Все враги Рима получили мощную «подпитку», к ним примкнули новые союзники. В результате Римская Республика не только не сможет быстро победить в Испании и Фракии, как это случилось в «нашей» истории, но и получит два новых фронта – Галльский и Дунайский, а возможно еще и третий – Армянский. Впечатляет? Меня, признаться, да. Неужели Спартак не видел подобной перспективы? Думаю, видел, более того, ему все это представлялась куда яснее и конкретнее. Так почему же его войско на ушло из Италии?

Ответ первый: Спартак понимал, что риск слишком велик. Тот вариант, что я представил, оптимальный. Римские полководцы, повторюсь, могли отреагировать быстрее и удачнее, разбив разделенное на части спартаковское войско в первых же боях. Но ведь Спартак рисковал и раньше, причем едва ли с большими шансами.

Ответ второй: Спартак считал, что сумеет нанести римской Волчице еще более страшный удар. То, что начнется во всем Средиземноморье, сильно ослабит Рим. Ослабит – но не погубит всеконечно. Волчица все равно победит. Большой кровью – но победит. Пусть не сразу, пусть не за один год...

...Луций и Марк Лукуллы не пустили врагов к Эгейскому морю. Римская дипломатия поссорила Митридата с его сыновьями, уговорила армию прекратить помощь Понту. Корабли римлян проникают в Черное море и крушат пиратские эскадры, составлявшие ядро понтийского флота. А во Фракии не без помощи Рима племена никак не могут договориться – одриссы враждуют с бессами, дарданы не желают посылать солдат в союзное войско. В Испании же агентура Помпея провоцирует мятеж части испанцев против Сертория, в ответ генерал-марианец начинает казнить заложников. Результат ясен – испанские общины переходят на сторону римлян. Фронт стабилизируется, Помпей получает помощь от новых союзников и готовится к наступлению.

Это не фантастика, дорогой читатель. В «нашей» истории все именно так и случилось.

Но главное для римлян то, что страшный Спартак, этот новый Ганнибал, наконец-то ушел из Италии. Претор Марк Лициний Красс, назначенный главнокомандующим, посылает своих легатов Аррия и Скрофу в Южную Италию против «галлов» Ганника и Каста, сам же спешит на север. Армия Цизальпинской Галлии, состоящая почти из одних новобранцев, разбита в первом же сражении. Красс, развесив на крестах вдоль Эмилиевой дороги шесть тысяч пленных, ведет свои легионы в Галлию Нарбонскую, где еще держится наместник Фонтей. Почти уже отчаявшиеся римские союзники-эдуи тоже переходят в наступление. Галлов очень много, римлян меньше, но галльские племена живут недружно. И вот уже появляются в лагере Красса тайные гонцы, и вот уже спешит молодой трибун Гай Юлий Цезарь со своим легионом на север, в сердце Косматой Галлии...

Да, римляне победят и в этой «спартаковской» реальности. Прольется больше крови, Волчице придется напрячь все силы, но Рим сокрушить не удастся. Именно в такие запредельные моменты Римская Республика, словно страшная птица Феникс, умела воскресать почти что из пепла. Воскресла! Гудят дороги от легионерской поступи, рвутся к небесам золоченные Орлы. «Пот, кровь, мозоли нам не в тягость, На раны плетью! – Не до того!»...

Долго ли продержится Фракия? Не думаю. И хорошо еще, если Спартак погибнет с оружием в руках в бою где-нибудь под городом Спартакусом, а не будет выдан, связанный, перекупленными фракийскими или гетскими вождями. Украсить собою триумф победоносного Марка Лукулла – это ли цель жизни?

Уверен, что Спартак все это понимал. Даже не понимал – видел. Десятки тысяч убитых римлян, сожженная Италия, опустошенные провинции – всего это ему было МАЛО. Так чего же он хотел? Повернуть войско в Италию и все-таки попытаться сокрушить проклятый Рим? Шансов мало, очень мало, но вдруг?

...Взломаны Фламиниевы ворота, огнем охвачены черепичные крыши Авентина, ошалевшие от ужаса римляне пытаются спастись в желтых водах Тибра, несколько десятков сенаторов запираются на неприступном Капитолии, гладиаторы крушат триумфальные колонны и статуи римских героев, а вокруг резня, а вокруг смерть. Горе тебе, Рим! Горе!..

Мечтал ли о таком Спартак? Пытался ли претворить страшную мечту в жизнь? Римляне были уверены – пытался.

Аппиан:

«Спартак... со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим».

Флор:

«Окрыленный этими победами, он – чего уже одного достаточно для нашего позора – составил план нападения на Рим».

Выходит все-таки думал Спартак о рыжем пламене на крышах Вечного Города? Думал – и готовился. Но если думал, если готовился, то почему не решился, почему не атаковал?

Аппиан:

«Спартак переменял решение идти на Рим. Он считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в боевой готовности и не в достаточной мере вооружено; ни один итальянский город не примкнул к ним: его войско состояло из рабов-перебежчиков и всяких попутчиков».

Это мы тоже знаем. Знаем – и снова удивляемся. Что-то не похоже на Спартака! Собрал силы, отдал боевой приказ – и в последний момент взял да передумал. Или напротив – очень похоже? Ведь вождь уже вел свое войско к Альпам, чтобы покинуть Италию. Вел, привел... Так неужели приказ о походе на Рим – очередная спартаковская ДЕЗИНФОРМАЦИЯ? Да, очень возможно. Римляне дрожат, ворота запирают, а Спартак...

Впрочем, об этом чуть позже. Пока констатируем – Рим спартаковцы штурмовать не пытались и скорее всего не собирались, понимая, что эта задача им не по силам. Всякие горячие головы за амфорой цекубского могли, конечно, строить Ганнибаловы планы, но Спартак и его командиры рассуждали трезво. Рим не взять, более того, штурмовать Вечный Город – значит погубить армию. Но тогда почему Спартак вернулся, почему вновь двинулся в Италию? Рим с налета не захватить, а времени у восставших мало – римляне собирают войска, война в Испании кончается, и во Фракии кончается, значит скоро Гней Помпей и Марк Лукулл смогут прийти на помощь Крассу. Италия – стратегический «мешок», достаточно перетянуть горловину, достаточно занять надежными гарнизонами гавани...

Так и случилось. Три римских армии – Красса, Помпея и Марка Лукулла – ЗАДАВИЛИ спартаковцев. Без всякого стратегического блеска, бесталанно, но задавили – тушей. Неужели вождь не мог это предвидеть? Какой же после этого из него великий полководец? Не прав был, не прав товарищ Карл Маркс!

Не будем спешить, дорогой читатель! Мы с вами два варианта рассмотрели: уход из Италии и лобовой штурм Рима. Третий, тот что случился в «нашей» истории, мы еще подробно обсудим, но... Но ведь мог быть еще ЧЕТВЕРТЫЙ вариант!

Подумаем еще раз – вместе со Спартаком. Карта нам пока не нужна, просто поразмышляем. Рим – крепость, вокруг нее – предполье. В лоб крепость не взять, а от разорения предполья крепость не погибнет. Что остается? В германские леса уходить и мемуары писать? Нет! Остается еще одно – попытаться взять вражескую крепость ИЗНУТРИ, поразить Волчицу прямо в сердце. Пусть римляне САМИ режут друг друга!

Невозможно? А почему, собственно, невозможно?

38. Римские тайны

А не организовать ли нам с вами, дорогой читатель, еще один мятеж, но уже не в заштатной Капуе, а в самом Риме? Жалко Вечный Город? И мне жалко, да только сами римляне бунтовали столь регулярно, что наша попытка просто затеряется среди того, что уже случилось. Странное, вообще говоря дело! Квириды по всей Ойкумене дисциплиной и порядком славились. Но это с одной стороны. А вот с другой... Больших бунтарей и мятежников во всем Древнем мире найти трудно. Причем бунтовали все, от уличного быдла до отцов-сенаторов. Не верите? А вы школьный учебник откройте, там где про великих народных заступников братьев Гракхов изложено. Вот старший брат Тиберий, из демократов демократ. Собирал народ, реформы предлагал, отцы-сенаторы же, про такое дело узнав, похватали дубинки да скамейки и побежали этого Тиберия убивать. Убили – и его, и многих других, за компанию так сказать. А младший брат Гай, тоже из демократов, через несколько лет собрал вооруженную толпу, Капитолий захватил и принялся всех подряд резать – ради все тех же реформ, между прочим. Пришлось войска посылать и трупами Тибр закидывать.

Мы с вами, дорогой читатель, таких ужасов творить не станем, мы с вами воображаемый мятеж организуем, виртуальный. От римлян не убудет, а Спартак помочь может.

Итак... Итак, крепости лучше всего берутся изнутри. Сие аксиома, поэтому любая разведка первым делом врага на предмет подобной слабости прощупывает. Нет ли у супостата какой-нибудь червоточины? Дом, на двое расколовшийся, не устоит, не нами сказано. А в Вечном Городе, как мы уже знаем, проблем хватало, выше капитолийских крыш их там было. Так с чего начнем? Ясно дело – с рабов, с тех, кого римляне двуногим говорящим скотом считали. Сколько рабов – столько врагов! Рим – самый крупный город Италии, значит и рабов в нем более всего. Тысячи и тысячи их там. Вот бы этих рабов – да взбунтовать, устроить гордым римлянам Еремеевскую ночь!

...Отчего Еремеевскую? Слово уж больно хорошее. Так товарищи красногвардейцы ночь святого Варфоломея в 1917 году переименовали – для пущей выразительности. Мол, организуем мы буржуям ночку, как в самом городе Париже! Еремеевскую, так сказать.

Свои люди у Спартак в Риме имелись. Помните сетования насчет «доносчиков» и «шпионов»? Так отчего бы спартаковской агентуре мятеж не подготовить? Выбрать ночь потемнее да поглуже, разбить город на кварталы, дубье раздать. Мосты, ясное дело, захватить в первую голову, как нас и учили... Получится? Нет, дорогой читатель, не получится. Рабов в Риме действительно очень много, но взбунтовать их не удастся. Римляне, уверен, такую возможность сразу же учли, как только про восстание в Капуе услышали. Охраняют! И школу гладиаторскую, и улицы, и те самые мосты через Тибр. Большой у Рима опыт борьбы с рабами-мятежниками. И контингент в Вечном Городе совсем иной, чем в Кампании. Кандальников, что на виноградниках работают и в эргастулах гниют, там нет, большинство рабов – домашняя обслуга, холоуи да холопы. Эти живут получше и бунтовать склонны куда меньше, а кое-кто и сам Спартак хуже чумы боится. Есть в Риме рабы государственные и храмовые, те вообще вроде служащих, даже жалование им платят. В шпионы таких вербовать легко, а с оружием на улицы вывести почти что невозможно.

Значит, Еремеевскую ночь нам не организовать. Что остается? А остается самое-самое интересное. Римское общество расколото – на плебс и знать, на популяров и оптиматов, на марианцев и сулланцев. Что ни год – волнения уличные, что ни пятилетка – заговор. Как же этим не воспользоваться?

Сумел ли Спартак на этом римском раздразе сыграть, не знаю. Но то, что пытался, уверен.

Вот мы и подходим, дорогой читатель, к одной из самых больших загадок Спартаковской войны, к одной из самых волнующих тайн – к контактам и связям вождя восставших с римской верхушкой. Почему именно с верхушкой? Да потому, что мелкие сошки, все эти «доносчики» и «шпионы», и так Спартак помогали. В этом-то сомнений нет, а вот те, кто повыше...

И вновь Джованьоли Вещего вспомним. В его романе мудрый Спартак гонца за гонцом в Рим посылает, дабы контакты нужные наладить. И сами римляне такие контакты установить не прочь. Иное дело, не вышло ничего из этого, по крайней мере в книге Джованьоли. Не сталкивались!

Критики суровые сильно итальянского романиста за эти страницы ругали. Мол, не пошла бы римская знать, сенаторы да патриции, на переговоры с презренными гладиаторами. Гордость бы не позволила – а заодно и страх. Ведь взбунтовавшиеся рабы не пощадят никого из тех, кто тогу носит, будь он хоть самим Тиберием Гракхом.

Что боялись – верю, а вот что на переговоры не шли – не поверю никогда. Такие контакты, тайные конечно, на войне вещь обычная и совершенно необходимая. Нужны они не только (а порою и не столько) для того, чтобы с врагом договориться. Их цель в ином:

1. Всегда полезно получить информацию непосредственно от противника. Верить ей совершенно не обязательно, но узнать, какую именно «дезу» тебе подкидывают, тоже важно.

2. Тайные переговоры дают возможность самим подбросить дезинформацию врагу.

3. Можно использовать сам факт переговоров для того, чтобы скомпрометировать кого-либо из вражеской верхушки.

4. То же самое, но по отношению к собственным соратникам-соперникам.

В общем, все по кинофильму «Семнадцать мгновений весны». Переговоры в Берне, помните? Не в XX веке все сие придумано, разведка и контрразведка возникли еще до начала самой первой войны. Иначе как бы эту войну вели?

Но кроме этого контакты с врагом нужны на самый-самый пожарный случай. А вдруг и вправду придется ДОГОВАРИВАТЬСЯ? А тут и канал связи готов, и контрагенты знакомы.

Важный нюанс: такие переговоры ведутся только с серьезным противником. Потому и кажется мне, что из школы Батиата и в первый год восстания, когда гладиаторы на Везувии обживались, Спартак и Крикс к римским вельможам гонцов не слали. С кем римлянам контактировать, с рабами-заговорщиками? С беглой шайкой? Но вот годом позже, когда консульские Орлы в грязь полетели – иное дело, совсем-совсем иное. А насчет римской гордости... Это в фильмах голливудских все эти патриции с голубой кровью страх как гордые. Но политика – везде политика, даже в Риме. И политики – всюду политики, а у настоящих политиков, в какую бы тогу они не рядились, интерес один – выгода, а точнее, ВЫГОДА и ВЛАСТЬ. 22 июня 1941 года Уинстон Черчилль прямо заявил, что ради спасения Британии готов вести переговоры даже с Сатаной. А чем Спартак хуже? По крайней мере, душу в заклад не потребует.

Политики в Риме были, конечно, всякие. С Марком Катонам мы уже знакомы. Этот туп, как пробка, потому и всю жизнь в неудачниках проходил. И Цицерон-златоуст слишком принципиальным желал быть – вот

и поплатился. Сперва дом сломали, потом голову и руку отрезали. Но были и другие политики, так сказать, реальные.

Пример первый. Луций Сергий Катилина, роду знатного, в прошлом сулланец, затем в демократах перекинулся. Выборы проиграл и решил власть в Риме силком захватить. А для этого составил сей Катилина план:

- Собрать войско из гладиаторов, разбойников и всякого сброда.
- Консулов убить.
- Рим поджечь.

Впечатляет? Конечно, сам Катилина – редкий мерзавец и отморозок, но к его заговору имели отношение куда более серьезные люди. Современники называли имена все тех же Красса и Цезаря, да и не только их. Доказать не удалось, но ведь именно Цезарь пытался защитить Катилину перед всем Сенатом!

Не убеждает? Тогда пример второй. Луций Корнелий Сулла, тот самый непримиримый аристократ и враг Мария. Этот не Катилина, такой принципами не поступится!

...87 год до Р.Х. Сулла сокрушил Мария, захватил Рим и повел войско на восток – Митридата бить. Напомню: Митридат Евпатор только что вырезал сто тысяч римских граждан. Куда там Спартаку! Сулла Митридата разбил, за Эгейское море отбросил, но... Но как раз в это время Марий вернул себе Рим. Сулла и все его сотоварищи были объявлены вне закона, против них направили целую армию. Так что в тот момент гордый аристократ Сулла юридически ничем не отличался от Сертория и даже (вот смех-то!) от Спартака. Все они вне закона, все они не считаются даже «врагами». У римлян было четко: если «враг», то с ним и мир заключить можно, но если не «враг», а мятежник или разбойник, то у таких даже капитуляцию не принимали. На крест – и весь разговор.

И что же Сулла? А Сулла плюет на римскую гордость и спешит помириться с недобитым Митридатом. Плутон с ними, с тысячами невинноубиенных сограждан! У Митридата остается его царство, а Сулла спешит в Италию – разбираться с марианцами. С точки зрения туповатого Катона это измена, с точки зрения Суллы – реальная политика. Союз с Митридатом-живодером? Отчего бы и нет, ежели для дела?

Между прочим, Сулла и Митридат этому союзу оказались верны. Через несколько лет войска понтийского царя серьезно потрепали римлян в Азии, причем без всякого объявления войны. Римский наместник уже собрал войско, но тут его Сулла за локоток и взял. Мол, дело житейское, всякое между союзниками бывает.

А вот и третий пример. Квинт Серторий, неоднократно уже помянутый. Сначала он воевал с сулланцами в Африке, призывая на помощь всех противников Рима. Потом перебрался в Испанию и там проделал то же самое: бросил против римских правительственных войск толпы иберийских дикарей. Реальная политика, что поделаешь?

Никто из римских вождей Спартаку, конечно же, не сочувствовал, да и сочувствовать не мог. Но зачем сочувствовать, когда можно ИСПОЛЬЗОВАТЬ? Гладиаторский претор Спартак рассуждал абсолютно сходно. Иное дело, каждая из сторон думала использовать контрагента в своих собственных интересах, но иначе в политике и не бывает.

Это теория. А практика? А факты?

Пожалуйста, факты. В Риме, как мы знаем, существовала власть исполнительная (консулы) и власть законодательная (Сенат). Реальной властью был Сенат, в эти годы – оплот самых махровых аристократов-сулланцев, тех, что стеной встали на пути демократических реформ. Но если Сенат – власть, то ему отвечать за все, в том числе и за Спартака. Каждая победа спартаковцев неизбежно РАСШАТЫВАЛА власть этих мракобесов, они теряли остатки авторитета, шли на уступки, их враги же смелели и давили дальше. Через год новые консулы Красс и Помпей начали демонтаж сулланского законодательства, а там подоспели времена Первого Триумvirата, и господству Сената пришел конец.

Итак, демократы-марианцы ОБЪЕКТИВНО были заинтересованы в успехах Спартака. В определенных пределах, конечно. Никто из них не хотел гибели Рима и всеконечного опустошения Италии. А в остальном... Реальная политика! То-то трибун Макр так старается, чуть ли не каждый день речами народ смущает!

Уже в августе (по римскому календарю в ноябре) 72 года до Р.Х. очумевший от ужаса и потерявший всякий авторитет Сенат будет вынужден отстранить лояльных ему консулов и назначить командующим Красса. Тот тоже сулланец, однако, как мы увидим, весьма своеобразный. Но о Крассе чуть позже, пока же о Спартаке. На что мог рассчитывать гладиаторский вождь? А точнее, на кого? С кем из римской верхушки он мог вступить в переговоры?

Джованьоли, как вы помните, считал, что с Катилиной, с тем, который мечтал Рим поджечь, а консулов убить. Трудно сказать, были ли между ними какие-то контакты, дело это тайное. Но:

1. В эти годы Катилина все еще пытался прийти к власти легальным путем, через выборы. Контакты со Спартаком, стань они известны, похоронили бы такую надежду навсегда.

2. Катилина – сошка мелкая, политический маргинал. За спиной этого авантюриста стояли куда более умные и хитрые люди, сам же он не представлял собой ничего серьезного. Зачем такой деятель Спартаку?

Аппиан считал иначе. По его данным Спартак, не разминиваясь на всяких там Катилин, попытался договориться не с кем-нибудь, а с новым римским командующим Марком Крассом.

Аппиан:

«Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака. Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры».

Это случится позже, зимой, но кто сказал, что эта попытка первая? Просто зимой об этих переговорах стало известно, и Красс поспешил от них откеститься. Да и возможности для взаимного торга к этому времени стали совсем другие.

О зимних переговорах речь еще впереди. Пока же о тех политиках, с кем Спартаку имело смысл контактировать. Красс станет командующим позже, пока же он личность известная, но не слишком влиятельная. А более серьезные люди?

С аристократами-сулланцами Спартаку было разговаривать не о чем. Вот марианцы иное дело. Проблема в том, что из-за многолетних репрессий Суллы все его наиболее опасные враги оказались либо в могиле, либо в изгнании. Из марианцев в самом Риме остались только самые бесцветные и слабые. Это не вожди, с ними не договоришься. Правда, росло новое поколение, то, чьи отцы и старшие родственники убиты сулланцами. Красс и Цезарь – не исключение, таких было много. Но они пока еще не сила, их час не настал.

Так кто же остается? А остается тот, кто все эти годы считался истинным вождем марианцев – Квинт Серторий.

Серторий в Испании, Серторий вне закона, против него воюет Гней Помпей. В Риме Сертория принято поносить на всех углах и на тех же углах проклинать. Он изменник, предатель, друг всех римских врагов и союзник проклятого Митридата.

...Суллу, тоже союзника проклятого Митридата, в свое время поносили ничуть не меньше, что не помешало ему вернуться в Рим и сильно убавить его народонаселение. Крикуны лишились не только языка, но и головы...

А теперь снова вспомним Плутарха:

«...Перперна, завладев перепиской Сертория, показывал письма к нему некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, ВОЗБУДИВ ВОЛНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию. Из опасения, как бы эти письма не послужили причиной еще более ужасных войн, чем только что окончившиеся, Помпей велел убить Перперну, а письма сжег, даже не прочитав их».

Прежде я эту цитату лишь частично приводил, теперь же полностью. И что же мы видим? А видим то, что Квинт Серторий, несмотря на все проклятия и сенатские указы, оставался вождем марианцев. Ему пишут «весьма влиятельные римляне». «Весьма влиятельные» – это не рядовые сенаторы, это кто-то повыше. Плутарх уточняет:

«...Письма бывших консулов и других наиболее влиятельных в Риме лиц, которые призывали Сертория в Италию, утверждали, что там многие готовы подняться против существующих порядков и совершить переворот».

Итак, не просто «весьма влиятельные», но даже «наиболее влиятельные». Вспомним, что марианцем был консул Геллий, марианцем был Цезарь. Но это те, о ком мы знаем, имелись и другие. «Бывшие консулы» могли теперь управлять провинциями, занимать самые почетные кресла в Сенате. Недаром Помпей ужаснулся и велел письма сжечь.

...Но все-таки перед тем, как в огонь кинуть, он со всем этим компроматом, уверен, ознакомился. Ну кто бы на его месте удержался! Другое дело, в Риме Помпей с каменным лицом поспешил заявить, что ДАЖЕ НЕ ЧИТАЛ эту гадость. Корреспонденты Сертория из числа «влиятельных» все поняли и, конечно, оценили...

«Весьма влиятельные» и «наиболее влиятельные» не просто пишут врагу народа Сертория. Они зовут его в Италию и, конечно, не просто зовут, но что-то конкретно советуют и предлагают. Что именно? Как уцелевшие марианцы могли помочь своему вождю?

Серторию помогали. В его армии сражались эмигранты-марианцы, у него была превосходная агентура, из бежавшей к нему знати он смог даже создать свой Сенат. А в самом Вечном Городе кто-то «влиятельный» умело саботировал войну в Испании.

Плутарх:

«Помпей уже истратил большую часть своего имущества на эту войну и стал просить денег у Сената. Он заявил, что в случае отказа, явится с войском в Италию требовать денег».

Оценили? Лояльный сулланец Гней Помпей, друг Сената, единственный полководец, способный сражаться с Серторием на равных, не получает денег и вынужден воевать на СВОИ СРЕДСТВА! Уму непостижимо! Неудивительно, что Помпей так озлился, что был уже готов повернуть войска на Рим.

А вот и результат.

Плутарх:

«В конце концов Серторий вытеснил римских полководцев из подвластной ему Испании: он перерезал пути подвоза продовольствия, опустошил страну и господствовал на море, и из-за недостатка съестных припасов они вынуждены были отступить в другие провинции».

Как говаривал в подобных случаях Павел Николаевич Милюков, что это – глупость или измена? Как по мне, измена в чистом виде. Но Помпей не сдавался, атаковал снова и снова, умело ссорил Сертория с его

союзниками-испанцами. В войне наступил пат – Серторий держал удар, но победить сограждан-римлян не мог. И тут появился СПАРТАК.

О том, что Серторий мог здорово помочь Спартаку еще у Везувия (или даже спровоцировать восстание в Капуе), говорить уже приходилось. Но помогал он гладиаторам не просто так.

Война в Италии, война против ненавистных сулланцев («возбудив волнения в государстве» – вот оно!), это очень хорошо, но все же мало для полной победы. А вот ежели согласовать некий совместный план...

Спартак для Сертория – последний шанс. Серторий для Спартака – могучий союзник. У них общий враг – те, кто сейчас правит Римом. Между собой разобраться можно будет и позже, когда трупы врагов унесет желтый Тибр.

Верили ли они друг другу? Не больше, чем всякие вынужденные союзники. Была ли у них единая цель? Нет, но на этом этапе их интересы совпадали. Могли Спартак и Серторий договориться? Уверен – да!

А теперь вновь нырнем в бурное море Фантастики.

39. Пути Геракла или План Сертория

Для начала перенесемся в Испанию, куда-нибудь на берег реки Эбро, по древнему – Ибра. Никогда не были в Испании? И я не был, но это ничего. Мы тут долго не задержимся, поэтому просто представим: небо голубое, скалы красно-желтые, по берегам – пепельные оливы, о которых Гарсия Лорка писал. Полная романтика, только Дон Кихота не хватает. Впрочем, Рыцарь Печального Образа нам сейчас помочь не сможет, у него военный опыт своеобразный, нам бы сюда настоящего стратега. Впрочем, и такой есть. Знакомьтесь: Квинт Серторий.

Хороших портретов мятежного марианского генерала у нас нет, но кое-что о нем сказать можно. Крепкий, плечистый мужчина с неистребимой военной выправкой, возраст – чуть больше полувека, лицо загорелое, на плечах – красный консульский плащ. Чем-то похож на Спартака, только старше.

Что видит он отсюда, с берегов Ибра? О чем думает?

Это мы знаем – мятежный генерал думает о Риме. О проклятом Риме, о любимом Риме. Туда его зовут, ему обещают помощь, но... Но только в том случае, если Серторий появится в Италии САМ, сам войдет в Коллинские ворота, сам шагнет на ступени храма Юпитера Капитолийского. Возможно ли такое? В принципе возможно. Но трудно, очень трудно.

До самой Италии добраться не проблема. На море – пираты, союзники Сертория, римских кораблей там почти что и нет. Всегда можно собрать эскадры, загрузить солдат-испанцев и римских эмигрантов из числа наиболее решительных. Однако на кораблях да еще за один раз много войска не перевезешь, а второго раза может и не быть – навстречу высадившимся в Италии марианцам выступит римская армия. У Сената хватает шпионов, о подготовке к десанту узнают. Сторонники же Сертория в Риме, все эти «весьма влиятельные» и «наиболее влиятельные», сами не выступают, испугаются. Стоит правительственным войскам запереться в Риме, стоит Сенату кликнуть клич по Италии...

Значит, первое что требуется – отвлечь силы сулланцев подальше от столицы. Отвлечь – и нейтрализовать. Разбить их можно будет позже, когда Рим будет взят. У кого Капитолий, у того и власть, попав в Вечный Город, Серторий мгновенно превратится из мятежника во владыку. Попасть бы туда!.. Пару лет назад такое казалось почти невозможным. Теперь легче – в Италии воюет Спартак. То, что и требовалось, о чем друзья из Рима писали: «Возбудив волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления...» Консульские армии разбиты, власть отцов-сенаторов колеблется. Сейчас бы ударить!

Нет, рано! Против Спартака формируется новое римское войско, отборное, из самых лучших солдат и офицеров. Пока эта армия в Италии, высаживаться нельзя. Узнав, что корабли Сертория вышли в Средиземное море, сенатский полководец, кем бы он ни был, успеет сообразить и повернуть обратно, чтобы прикрыть столицу.

Итак, требуется увести римскую армию подальше от Вечного Города, а в идеале – вообще из Италии. Но как? Только одним путем – создать такую УГРОЗУ Римской Республике, чтобы отцы-сенаторы на какой-то миг забыли о Риме.

...Хмурится Серторий, сжимает крепкие пальцы в кулак. Угрозу! Да!...

Создать, но где? На Востоке? Митридат – союзник, но он далеко, в горах Понта. В самом начале Третьей Митридатовой войны была надежда, что понтийский царь сам попытается высадиться в Италии или по крайней мере реально ОБОЗНАЧИТ такую угрозу. Именно это и требовалось, но Луций Лукулл сумел разбить понтийский флот. На Фракию надежды нет, Марк Лукулл добывает там последних. Пираты – просто разбойники, в открытый бой их не поведешь.

Остается Спартак. Его войско сейчас в Цизальпинской Галлии, римляне уверены, что восставшие вот-вот разойдутся по домам. Что бы ни случилось дальше, самая страшная опасность для Рима миновала. Спартакосцы способны поджечь Республику с нескольких концов, но у римлян крепкие нервы, такие пожары тушить они умеют. А если Спартак повернет обратно в Италию, двинется прямо на Рим? Тоже не получится. Ужас перед гладиаторами заставит сплотиться всех – и сулланцев, и марианцев.

...Кулак разжимается, ладонь скользит по лицу. Думай, Квинт Серторий, думай! Твоя удача, твоя Фортуна, совсем рядом, близко...

Так что же делать? Для начала в очередной раз внимательно изучить карту, но уже не Италии, а всего Западного Средиземноморья. Этим мы и займемся – вместе с Серторием.

Итак... Римские владения в Западном Средиземноморье – это Италия, острова, часть Испании, Нарбонская Галлия и побережье Северной Африки. Более половины своих испанских владений римляне потеряли, сейчас там войска мятежников. Потеря всей Испании для Рима не смертельна, но очень чувствительна. Ведь Серторий воевал и в Северной Африке, у него там много друзей-марианцев. Стоит овладеть средиземноморским побережьем, занять портовые города – и высаживай десант хоть на Сицилии, хоть на руинах Карфагена. Поэтому и послал Сенат в Испанию Помпея. Победить Сертория он не может, но и к морю его не пускает.

Разбить бы Помпея! Не получается, даже саботаж в самом Риме не помогает. Перевербовать? И это не выйдет, Помпей – сулланец, на нем кровь десятков видных сторонников Мария, такое не простят. Значит, он будет сражаться до конца, даже ненавидя Сенат.

Попытаться захватить Сицилию? Там хлеб, столь нужный Риму, кроме того этот остров – мост и в Италию, и в Африку. Да, это будет очень неприятно для Республики, но тоже не смертельно. Кроме того, Сицилия готова к обороне, ее наместник Веррес – человек решительный и жесткий. Что же остается? Остается Галлия. Та самая – Нарбонская, где правит Марк Фонтей.

Вот тут-то меня читатель и остановит. Мы ведь уже захватывали Нарбонскую Галлию! Захватывали, наместника Фонтея осаждали. И ничего, не рухнул Рим. Зачем же снова пытаться? Верно, захватывали и осаждали – но не захватили до конца. Я ведь недаром намекал, что римляне сумеют кое-где удержаться. И недаром! Если вся Галлия, как вы помните, состоит из трех частей, то Галлия Нарбонская – из двух. Двух, причем очень разных.

...Лет двадцать назад в далекой Америке, в маленькой стране Сальвадор, шла гражданская война. Повстанцы-революционеры сражались против жестокой и кровавой диктатуры. Сражались, победы одерживали, почти всю страну захватили – но так и не победили окончательно. Со стороны все это странно выглядело: девять десятых территории правительство потеряло – и не сдается. Да как такое может быть?

Такое быть могло – и было. Мудрые люди с экрана телевизора объясняли это диво просто. Весь Сальвадор делится на две неравные части. Девять десятых – это джунгли с индейцами. Индейцев можно напоить, их вождей подкупить, джунгли взять под контроль – и сидеть там хоть сто лет без всякого шанса на победу. Для правительства важны не джунгли, важна та самая одна десятая страны. Ее так и называли «полезный Сальвадор». Именно там – города и порты, именно там промышленность и вся макроструктура. И населения побольше, чем во всех джунглях. Кто владеет «полезным Сальвадором» – тот и хозяин страны, поэтому и держалась диктатура столько лет.

В Нарбонской Галлии – та же картина. Почти вся провинция... Не джунгли, конечно, это же Прованс, благодатнейшие места. Джунглей нет, зато есть горы, покрытые густым лесом. В те времена хороших дорог там не было, да и плохих тоже. И городов очень мало. Вместо индейцев – галлы, несколько очень беспокойных племен. Их-то взбунтовать легко, особенно если подоспеют спартаковцы. Но римляне и не собирались оборонять весь этот обширный край. Их интересовала «полезная Галлия».

«Полезная Галлия» – что это такое? Прежде всего средиземноморское побережье с Массилией (Узнали? Да-да, будущий Марсель). Массилия – город очень богатый, но главное – это самый важный римский порт на всем Западном Средиземноморье. Галлы там не живут, живут римляне и потомки греческих колонистов, многие из которых тоже римские граждане. Массилия превосходно укреплена, даже Цезарю придется осаждать ее не один месяц. Этот порт – главный оплот Рима в этих местах, можно сказать, твердыня. Но Массилия – это не все. Сейчас в благодатном Провансе дорог много, а те времена их было всего две. Одну мы уже знаем – Эмилия Савра, что вдоль итальянского побережья идет через Геную на запад. Но это в Италии, а в Галлии она сворачивает на север и подходит к реке Родан (нынешняя Рона) возле тех мест, где много позже будет основан знаменитый город Тараскон, тот самый, воспетый Альфонсом Доде, родина хвастуна Тартарена. Но к будущему Тараскону с северо-востока подходит еще одна дорога, почти параллельная южной. Возле Родана, там где переправа, они соединяются в одну, которая ведет вдоль побережья прямо в Испанию.

В древности, еще до Рима, обе эти дороги называли Путиами Геракла. Именно по одной из них великий герой шел на запад, за яблоками Гесперида. А может, и по двум – туда по северной, обратно по южной. Обе дороги – наиважнейшие, на них завязаны все римские коммуникации. Стоит их оседлать, стоит перерезать... Где именно? Да там же, у Родана, возле переправы, у перекрестка-тривиума.

Вот он, стратегический узел, ключ к римским владениям на всем Западе, вот что римляне будут оборонять до последней капли крови! И недаром. В свое время консул Сципион проморгал эту позицию, дал пройти Ганнибалу – и все, карфагенское войско в Италии, римские матроны могут шить траурные туники...

Кровавый опыт Ганнибаловой войны не прошел даром – «полезная Галлия» прекрасно укреплена. Массилию тоже с ходу не взять, да и осаждать долго, а с Путиами Геракла римлянам просто повезло. В те времена местность от моря почти до самой переправы – сплошные болота, а чуть севернее – горы. Достаточно построить надежные крепости по берегам Родана, разместить там надежные гарнизоны...

Все это уже сделано. Именно здесь – крепость наместника Фонтея. Галлы вместе с друзьями-спартаковцами легко займут почти всю провинцию, но Массилию и перекресток у Родана римляне не отдадут.

Галлы – воюющие отчаянные, однако крепости осаждают не умеют. И спартаковцы этим не отличались. В Риме могут особенно не волноваться. Какое-то время Фонтей будет удерживать «полезную Галлию», и этого хватит, чтобы собрать войско и двинуть его на врага. А то, что к Фонтею придет подмога, очевидно, слишком важен для Рима этот галльский «ключ».

Итак, болевая точка найдена. Стоит нажать... Но ведь мы уже пытались? Галлы из спартаковской армии должны были прорваться к своим братьям в Галлии Нарбонской, поднять там бунт, перерезать римлян! Верно, но здесь есть важный нюанс. Галльских толпищ Рим не очень боится, армия Фонтея маленькая, но отборная, сам же наместник – опытный полководец. Сколько галлов из спартаковского войска смогут выйти к Родану? Много? Думаю, не очень. Вспомним!

Аппиан:

«Спартак... со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим».

Цифру эту мы смело уменьшаем если не вдвое, то раза в полтора. Девяносто тысяч тоже много, но ведь из них большинство – новобранцы из Цизальпинской Галлии. Спартак привел на север сорок тысяч (если римлянам верить), на самом деле у него было куда меньше. А сколько в спартаковской армии галлов с берегов Родана? Несколько тысяч в лучшем случае.

Итак, в Нарбонскую Галлию сможет прорваться, скажем, один спартаковский легион и примкнувшая к ним толпа новобранцев. Многие из них, уверен, тут же по родным деревням разбегутся или поспешат на север, в Галлию Косматую, к родичам. Ведь сказано же самим Спартаком: по домам, мол, ребята! А без вождя вольница быстро выплеснется из берегов. Выплеснется, разольется... Оставшихся хватит, чтобы начать резню в провинции, но захватить «полезную Галлию» с налета да с наскока они не смогут.

Буйных галлов римляне не боятся, они боятся Спартак. Именно Спартак, а не беглые рабы и всякая чернь с полей – враг, именно со Спартаком идет война. А если к Родану, Путем Геракла, направится не один галльский отряд, а вся гладиаторская армия? Если туда пойдет сам СПАРТАК?

Прежде чем пуститься по реке Фантастики дальше, заглянем-ка ненадолго в Рим. Сейчас там ноябрь 682 года от основания Города, по нашему же – август 72 года до Р.Х. Жарко, пыльно, в Курциевом пруду вода гнилой зеленью подернулась, возле лавок, тех что на Форуме худые облезлые собаки тень ищут... Что нового в столице? Послушаем.

Флор:

«Наконец-то римляне всеми силами государства поднимаются против этого гладиатора...»

Тит Ливий:

«Эта война была поручена претору Марку Крассу».

Плутарх:

«...Раздраженный сенат приказал консулам прекратить военные действия и выбрал главнокомандующим Красса».

Орозий:

«...Государство испытывало почти не меньший страх, чем когда Ганнибал стоял угрожающе у ворот Рима, сенат отправил Красса с легионами консулов, с новым пополнением солдат».

Аппиан:

«Третий уже год длилась эта страшная для римлян война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других преторов, страх удерживал всех, и никто не выставлял своей кандидатуры, пока Лициний Красс, выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством, не согласился принять на себя звание претора и командующего войсками. С шестью легионами он двинулся против Спартак. Прибыв на место, Красс присоединил к своей армии и два консульских легиона».

Дружный хор! И все в один голос – консулы отстранены от командования, государство в страхе, да таком, что никто не стал свою кандидатуру в преторы предлагать. Виданное ли дело, в прежние годы от желающих отбоя не было, а тут... Но вот нашелся смельчак, наш старый знакомец Марк Лициний Красс. Его и выбрали – на безальтернативной основе. И не просто выбрали. В Риме мобилизация, набраны шесть новых легионов. Силища!

Что Красс в «нашей» истории с этой силищей будет воротить, мы еще узнаем. Но представим себе, что в самый разгар мобилизации претор Марк Красс узнает потрясающую новость – Спартак УШЕЛ ИЗ ИТАЛИИ.

Сенсация!

Первая мысль: ну и пусть катится в свою Фракию под мечи Марка Лукулла! Вторая: а если он ушел НЕ ТУДА? А лазутчики уже спешат к претору, уже докладывают, друг друга перебивая. Ушел Спартак, но войско не распустил, напротив, новобранцами пополнил. И ведет он все это толпище Путем Геракла прямо в Нарбонскую Галлию, к реке Родан.

Все остальное Красс сумеет просчитать не хуже нас с вами, даже, уверен, быстрее. И на смену облегчению, на смену радости – новая тревога. К Родану, в Нарбонскую Галлию? Не иначе с Серториум-предателем сговорился, Помпею в тыл ударить решил.

Поймет это не только Красс. И в Сенате поймут, и на Форуме. И грянет город Рим тысячами голосов да на одном дыхании: «Догнать! Перехватить! Разбить! Ату, Спартака!!!»

Страх исчез. Нечего бояться, враг не у Пренестийских ворот. На смену страху – азарт охотничий. Лови, претор Красс, презренного гладиатора! Сказано – сделано. И вот уже спешат легионы Красса на север, прорываются, сметая ополчение Цизальпинской Галлии, на дорогу Эмилия Савра, и вот уже Альпы впереди, под солдатскими калигами – пыль древнего Пути Геракла...

...В декабрьские иды, по нашему – 15 сентября, войско Красса перейдет Атректианские Альпы. И в тот же день десант Сертория, высадившись в Остии, после короткого боя ЗАХВАТИТ РИМ.

Как вам замысел, дорогой читатель? Слишком смело, говорите? Чистая фантастика, говорите? Фантастика, да не совсем. Серторий так и поступал. Вначале воевал с сулланцами на Сицилии. Там его прижали, почти что разбили, а он темной ночью вырвался и высадился в Африке. Все повторилось – его обкладывают среди нумидийских оазисов, сулланцы готовы победу праздновать, а Серторий уже в Испании. И все по новой. Прием простой, но действенный – привязать противника к плацдарму, усыпить бдительность и идти дальше. Куда? В Рим, куда же еще?

...По Тибру плывут трупы, на Форуме глашатай орет, список врагов народа читает, диктатор Серторий издает первые эдикты, недобитых марианцев в свое войско кличет. Время есть – Лукуллы далеко, а Помпей в Испании увяз. Намертво! Испанцы, союзники Сертория, как раз в наступление перешли, на море пираты, а по суше не пройти – Спартак только что переправой через Родан овладел. Вот вам и переворот, о котором Серторию из Рима писали!

Так неужели Спартак все затеял ради беглого римского генерала? Неужели великолепный парень – просто агент Сертория, вульгарный наемник? Где же борьба за свободу, за равенство и братство? Неужто роман Джованьоли Вещего просто красивый вымысел? Наемник Сертория – как скучно, как пресно, как серо!..

Не будем спешить. Я ведь уже намекнул, что Серторий и Спартак – временные союзники. Временные! На этом этапе их цели совпадают – пока. Ведь план Сертория выполнен не до конца. Рим взят, армия Помпея отрезана, но есть еще войско Красса, шесть свежих легионов да в придачу два консульских. Это много, у Сертория столько не будет. Повернет сейчас претор Красс на Рим, призовет к спасению Отечества! Ведь он сулланец, от злодеев-марианцев пострадал, Серторий ему – враг смертный...

Может, и призовет, а может, и нет. Во-первых, ему в хвост тут же спартаковцы вцепятся. А во-вторых... А во-вторых, не пора ли нам познакомиться с Марком Лицинием Крассом поближе?

40. Красс, Серторий и Спартак или Истинная Цель

Многое мы уже о Марке Лицинии Крассе знаем. Но не все. Например, как он выглядел? Тоже любопытно, внешность весьма показательна. С детства помню, каким представил Красса великий артист Марис Лиэпа в балете «Спартак». Чистый эсэсовец вышел, прямо группенфюрер, лишь черной формы не хватает. Лицо нордическое, характер нордический, взгляд только что насквозь не прожигает. И красив, хоть сразу на медаль. В общем, олицетворение Рима, достойный противник великого Спартака.

Характер у Красса и вправду имелся. И характер, и воля, и бешеный нрав. «Бодливый бык» – помните? Но вот остальное...

Все, что осталось от Красса – это небольшой барельеф, профилек, так сказать. Историки даже сомневаются, Марк Лициний на нем или кто-то из предков. Но в любом случае на профильке – Красс. Даже если Красс-отец или дед, все равно некое сходство должно быть.

Смотрим.

Смотрим – и удивляемся. Ничего нордического, ничего героического. Щеки пухлые, двойной подбородок. Не толстяк, но явно с лишним весом. Рот маленький, губы брезгливо поджаты, особая примета – нос, даже не нос – клюв, как у орла. Но больше ничего орлиного не замечается. Глаза словно спрятались под дугами надбровными, а сами брови тонкие, будто выщипанные. И уши большие с приметными мочками. Общее впечатление – самолюбивый изнеженный аристократ с признаками явного вырождения. Такому на пирах возлечь, гастрономией увлекаться, а не войско в поход вести.

Как видим, внешность (ежели на барельефе действительно «наш» Красс) весьма обманчива. Марк Лициний на пирах бывал редко, образ жизни вел умеренный, золотой и серебряной посудой не пользовался из принципа. Более того, считал себя философом, с философами общался и любил рассуждать о вечном.

Но это рассуждать. А вот когда приходило время действовать...

Красс – сулланец, но сулланец, если так можно выразиться, поневоле. Его отец и брат слишком рьяно Суллу поддерживали, за что и поплатились. Марк Лициний бежал, скрывался, а затем перебрался к Сулле и начал, нет, не мстить – делать карьеру. Воевал он неплохо, но никогда не любил рисковать, особенно жизнью. Ценил он ее, жизнь свою единственную! Сулла, человек наблюдательный, это сразу заметил.

Плутарх:

«Красс, которому поручено было отправиться в землю марсов для набора войска, просил дать ему охрану, так как дорога проходила вблизи неприятеля. Сулла же, разгневавшись на него, резко ответил: „Я даю

тебе в прожатые твоего отца, брата, друзей, родных – за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам!"

Но сражался Красс неплохо, грамотно и даже выручил самого Суллу в бою под Римом. А еще именно на этой войне ярко проявились две доминанты его характера – АЛЧНОСТЬ и ЗАВИСТЬ. Начал Красс с обычных грабежей, проводимых под видом сбора средств для армии. После победы Суллы скупал имущество казненных, а потом разошелся вовсю – земельные спекуляции, перепродажа участков, строительные аферы. В методах совершенно не стеснялся и в результате лет за десять-пятнадцать из человека почти что бедного стал первым богачом Рима. Размер состояния – более семи тысяч талантов.

Характерный эпизод. В 73 году до Р.Х., то есть как раз в то время, когда спартаковцы лупили его друга Вариния, Красс угодил под суд. За что вы думали? За попытку соблазнить жрицу богини Весты. Напомню – весталки обязаны были соблюдать девственность, блюсти себя, а тут весь Рим любит, как Марк Лициний обхаживает одну такую молоденькую и симпатичную. Скандал!

Красса судили, но на суде он легко отвертелся. Выяснилось, что приставал этот миллионщик к красавице-жрице не ради того, о чем все подумали, а чтобы... купить у нее земельный участок по сходной цене. Отсюда все охи и вздохи. Судьи плюнули и Красса оправдали.

Теперь ясно почему Марка Лициния добрые римляне не любили? Кто же такого полюбит?

А еще Красс завидовал. Но если деньги он любил вообще, то завидовал он лишь одному человеку, причем завидовал с молодых лет до самой своей страшной смерти. Звали этого человека Гней Помпей Магн, он же Великий. Началось все на той же войне с марианцами. Помпей выиграл несколько сражений, его отличил Сулла, ему, двадцатилетнему, позволили отпраздновать триумф. Именно тогда молодого Помпея прозвали Магном. Великий в двадцать лет, шутка ли? Красс тоже старался изо всех сил, но... И триумфа не дали, и Магном не окрестили. И началось! Зависть – не белая, не черная даже, а всех цветов сразу. И была эта зависть во много раз страшнее алчности. Кажется, и деньги Крассу требовались только для одного – чтобы ПРЕВЗОЙТИ ПОМПЕЯ.

В этом было что-то клиническое. Сам Помпей, человек добродушный, искренне не понимал, много раз пытался объясниться, помириться с Крассом. Объяснялись, мирились – но ничего не помогало. Красс словно шел по Помпеевым стопам: Помпей избирается на должность – и Красс избирается, тот на войну – и этот туда же, Помпею триумф – и Красс триумфа желает, Помпей консулом становится – и Красс того же хочет.

Подчеркну еще раз: это была не ненависть, а именно зависть. Никогда Красс не пытался Помпея убить или, скажем, отдать под суд. Он хотел именно его догнать и ПРЕВЗОЙТИ. Цезарь тоже этого хотел, но им двигало здоровое честолюбие. Гай Юлий мечтал превзойти не только Помпея, но и ВСЕХ, Красс же думал только о нем, о Великом.

...Добряк Помпей САМ помог Крассу консулом стать. Как мы уже знаем, не помогло ничуть, еще хуже стало. Плохо идти за кем-то, плохо считать себя вечно вторым!

Сейчас, в 72 году до Р.Х., Марку Крассу сорок три. Жизнь сложилась, он богат, он известен. Его не любят, но поддерживают, ведь у акулы всегда полно рыб-прилипал. Но... Помпей считается великим полководцем, Помпея посылают с одной войны на другую, он всюду побеждает. А Красс... Красс уже не хочет быть Ротшильдом, он желает стать Наполеоном, Спасителем Отечества. Пусть Помпей утрет! И тут – Спартак. Консулы разбиты, Рим в опасности, сенаторы валерьянку амфорами пьют. Вот он ШАНС Марка Красса! Война со Спартаком опасна, можно потерять все – но можно и выиграть. А уж тогда...

Что интересно, об этих Крассовых комплексах все знали. Знал Серторий, знал, уверен, и Спартак. Знали – и выводы делали. А выводы простые, проще некуда. «За так», ради какой-то там славы, Красс рисковать не станет. И ради денег не станет, у него их полно. Но вот если на горизонте появится Помпей!..

Снова вспомним роковой для Красса 55 год до Р.Х. Марку Лицинию шестьдесят лет, он добился если не всего, то очень и очень многого: триумвир, многократный консул, один из трех владык Рима. У него взрослый сын – блестящий офицер с великолепным будущим, любимец Цезаря. И деньги при нем, целая куча, улицы устилать можно. А главное теперь Красс – ровня Помпею, они коллеги по триумвирату, соратники и даже друзья. Чего еще человеку от жизни надо?

Надо! Надо превзойти друга Помпея! Тот дошел до Сирии, он, Красс, завоюет Парфию и даже Индию. И тогда все поймут, все!.. Уверен, именно это, а не только прозаическое желание получить под командование верное войско (тоже дело нужное!) толкало Красса на его последнюю войну. Хотя и он знал, и все знали, что идти в поход опасно, ибо Те, перед кем Красс провинился, не пощадят – ни его, ни остальных.

Красс ушел на войну. Красс погиб. Красс не стал Помпеем.

А теперь представим, что диктатор Серторий, захватив осенью 72 года до Р.Х. Рим, предлагает претору Марку Крассу полную амнистию, сохранность всех богатств, обещает сделать консулом на ближайших выборах – и назначает главнокомандующим в войне ПРОТИВ ПОМПЕЯ. Как поступит Марк Лициний? Станет защищать уже несуществующую власть, рискуя всем, включая собственную жизнь? Не знаю, чужая душа потемки. Но то, что такой вариант Серторий учитывал, очевидно. Более того, он мог предложить подобное им обоим – и Крассу, и Помпею. Но Помпей – душа честная и даже в чем-то наивная, а вот Красс наивностью никогда не грешил.

Итак, получилось. Претор Марк Красс переходит на сторону Сертория, Помпею же предъявляют ультиматум. Тот тоже не спешит резать сограждан, думает. В конце концов Серторий-диктатор будет лучше, чем эти жадные маразматика на Капитолии...

А как же Спартак? Неужели Серторий решится признать гладиаторской войско СВОИМ? Что в Риме скажут? Патриот-марианец снюхался с презренным рабом? Не скажут. Серторий умен, ему незачем афишировать союз со Спартаком. Тот уже ушел из Италии, опасности нет, и если гладиаторы растворяться где-то в галльских лесах, никто и внимания не обратит.

Самому Спартаку, конечно, обещали куда больше. Может быть даже, родную Фракию в наследственное владение, почему бы и нет? Фракия пока еще не римская провинция, значит Серторий чужое отдает, не свое. Марк Антоний Клеопатре не только восточные царства дарил, но и римские владения, и ничего, терпели квириды. Недолго, правда.

И вот итог – Серторий правит Римом, Красс готовится добить Помпея, тот думает, не капитулировать ли ему, а со Спартаком мир. План Сертория выполнен.

Все? Нет, не все. Серторий свое сказал. Сказал – и сделал. Теперь слово Спартаку. Ведь цели у каждого из них свои. До этого момента они были союзниками, теперь же...

Теперь же Спартаку остается ждать, подобно мудрой обезьяне из китайской притчи. Не в бездействие, конечно. Из Галлии он пока не уходит, договаривается с местными вождями, учит новобранцев. Римлян до поры, до времени не трогает – и они его не трогают, не до Спартака им сейчас. Почему? Да потому, что еще ничего не кончилось. Ничего!

Серторий использовал свой последний шанс и овладел Римом. Но Рим – не все Римская Республика. На побережье Испании все еще держится Помпей, а на Востоке готовятся к войне братья Лукуллы. История повторяется уже в который раз. Марк и Луций Лукуллы, искренние сторонники Сената, никогда не примирятся с Серторием. Их наверняка объявят вне закона, начнут собирать войско. Теперь Лукуллы в том же положении, в каком были Сулла и сам Серторий. Что им остается? Поступать точно так же, как их предшественники!

...Луций Лициний Лукулл договаривается с Митридатом на тех же условиях, что и когда-то Сулла. Понтийский царь получает обратно свое царство, платит контрибуцию и даже посылает вспомогательные войска. А в это время Марк Лукулл, кое-как закончив фракийскую войну, собирает в Македонии, Греции и Эпире армию, зовет на помощь египтян... Война! Новая гражданская война, причем такая, какой еще не бывало. Враги Рима куда не исчезли, они не разбиты, а тут еще лучшие римские полководцы начинают междоусобную резню. А ведь Италия и Испания уже разорены, Галлия бурлит, пираты на море свирепеют с каждым днем...

Откроем учебник, дорогой читатель. Было такое? Конечно было, только тридцатью-сорока годами позже, когда война между Цезарем и Помпеем, а потом между Октавием и Антонием, подтолкнула Рим буквально к краю могилы. Если от схватки Суллы и Мария страдала только Италия, если борьба с Серторием опустошала Испанию, то теперь беда грозит всему государству. Горят города, римляне убивают римлян, а парфяне уже идут через римскую Азию к Эгейскому морю... Дом, расколовшийся надвое, не устоит. Римский дом теперь не просто охвачен огнем, у него треснул фундамент, его жильцы превратились в буйнопомешанных...

Понимал ли Серторий, что грозит Риму? Трудно сказать. Если бы понимал до конца, то давно бы нашел способ прекратить братоубийственную войну. А может, и понимал, но ненависть и жажда власти оказались сильнее. К тому же он наверняка надеялся, что все как-то утрясется. Ведь удалось же Сулле!

Уверен, на этот раз бы не утряслось. Сражения развернулись бы от Испании до Греции, счет убитых шел на десятки тысяч, в боях гибли лучшие офицеры и генералы, нищала бы и разорялась страна. И вот в некий час «Икс», когда римские тигры в последнем пароксизме ненависти вцепились друг другу – враг врагу! – в глотки, мудрая обезьяна, сидящая за Альпами, отдала бы приказ. Свежая спартаковская армия вступила бы на землю опустошенной Италии, а ей навстречу, из Бруттия и Калабрии, двинулись бы отряды Ганника...

Гая Октавия, победившему в гражданской войне, повезло – Спартак уже лежал в неведомой могиле. Иначе бы гореть Риму – и волку выть на Капитолии!

Значит, это и есть Главная Цель Спартака? Не освобождение рабов, не свободная Италия, не Государство Солнца – а ГИБЕЛЬ РИМА? Не роспуск невольников по домам и не бессмысленная лобовая атака Вечного Города, а стратегическая шахматная многоходовка с десятками фигур, которых по очереди подставляют под бой? Вариний, Лентул, Геллий, Красс, Серторий, Помпей, Лукуллы – лишь пешки, слоны и ладьи на страшной кровавой доске?

Могло ли такое случиться? Если Спартак и Серторий действительно договорились о союзе, то могло – и наверняка бы случилось. Римский дом и без этого едва стоял, достаточно было найти нужную точку и врезать по ней тараном – без жалости, без сомнений. А потом – поливать маслом руины.

Вот почему мне кажется, что Спартак был все-таки римлянином. Так ненавидеть можно только свою родину – свою БЫВШУЮ родину. Так ненавидят предавшую тебя мать.

Но ведь ничего этого не случилось, правда? Да, не случилось. Помешать Спартаку могла лишь Судьба – или Те, Кто властен даже над Судьбой. И Они сказали Свое слово.

...Жарким июльским днем все того же 72 года до Р.Х., когда Спартак возле Мутины спешно формировал новую армию из добровольцев-галлов, а Марк Красс готовился идти на войну, Ойкумена вздрогнула от неожиданной вести – в далекой Испании УБИТ СЕРТОРИЙ. Предатель Перперна вонзил кинжал в грудь мятежного генерала...

Квинт Серторий, несостоявшийся диктатор Рима, ПРОЖИЛ. Римское государство лишилось одного из самых страшных своих врагов.

Спартак был жив. Война продолжалась.

Глава 41. Нума-Моисей или Боги Рима

Ну вот, дорогой читатель, настал час и о богах поговорить. Самое время! Поминал я их, небожителей римских, неоднократно, пора и объясниться. Вот только подступиться к Ним не так-то легко, да и опаска есть – мы-то с вами в римских богов не очень верим, а вот римляне верили. Во времена Спартака во всем Риме только один атеист и проживал. Звали вольнодумца Тит Лукреций Кар, тот, который поэму «О природе вещей» накропал. Сей Тит не то чтобы вообще в богов не верил, но относился к ним явно без должного пиетета. И чем закончил? Ясное дело, повесился. Опасно богохульствовать! Посему будем считать себя агностиками и спорить об Их существовании не станем. Это вроде тигра в чаше – то ли есть он там, за ближайшим кустом клыки скалит, то ли нет, а побережься не мешает. Посему будем пробираться сквозь римскую чашу со всей осторожностью и с должным уважением. А вдруг Они нас слышат, а вдруг обидятся? Я бы вообще не главу очередную – целую поэму о римских богах написал бы. Что-нибудь этакое:

Нуму пою боговидца, того, кто во град семихолмный,
Божьи законы принес и обычаям верным квиритов,
Вышнего слова не знавших, учил, дабы боги родные
Их не оставили. Мудрый! Все знал он – и храмов строенье,
И звуки тайных молитв, и кружение птиц бессловесных,
Воли небесной посланцев. Возжег он священное пламя,
Чтобы не гасло оно, охраняя величие Рима...

Поэму, однако, писать не стану. Прежде всего, непонятно. Кто такой, к примеру, Нума, отчего он боговидец? Да и сами римляне, как уже приходилось упоминать, о своих богах вслух говорить не любили и стихов не писали. В результате же мы знаем о небесных заступниках Вечного Города не больше мудрого грека Плутарха, а если и больше, то совсем ненамного.

Тут грамотный читатель меня поправит. То есть как поэм не писали? А тот же Вергилий, что «Энеиду» сочинил, а Овидиевы «Метаморфозы»? Там же все о богах и о богах. Верно, о богах, только не о своих, а о ГРЕЧЕСКИХ. И предание об Энее греческое, и все мифы, которые Овидий поминает, тоже. Не свои! О своих римляне предпочитали помалкивать. Это первое.

А вот и второе. В любой религии есть как бы два слоя. Внешний – для большинства: обряды, обычаи, служба в храмах, все то, что можно увидеть со стороны, так сказать, религия для старушек-богомолок. Но есть слой внутренний, сокровенный, доступный немногим посвященным. Эти посвященные ведают не только о форме, но и о содержании, о смысле всего, что происходит в храмах и вне храмов. А вот и пример. Есть иудаизм, которому детишек в соответствующих школах учат, а есть «Каббала». Сравните, кто разумеет, много ли сходства?

И есть еще третье. Мы на религии древние, и на греческую, и на римскую, через две призмы смотрим. Первая призма – христианская. Для христиан античные боги – только идолы, камень да бронза, кумиры в дыму жертвенном, кои свергать и рушить надлежит. Вторая же призма – атеистическая. Для атеистов нынешнего разлива все плохо, и христианство, и древние боги. Но христианство близко, рядом, с ним борьба идет непримиримая, Юпитер же и Зевс – дело прошлое, давно забытое. Поэтому и родилась сказка о «светлых богах» Греции и Рима, погубленных злокозненными христианскими фанатиками. Столкнулись бы господа атеисты с этими «светлыми» хотя бы разок!

...Про «светлых богов» не я придумал, это Гете учудил. Умнейший вроде бы человек...

В результате мы воспринимаем римских богов чисто эстетически – обломки чудных статуй, мраморные колонны храмов, резьба алтарей. Прекрасное детство человечества, не иначе. Не боги – игрушки. Вот и пишут неглупые люди о том, что римская религия – это лишь обряды, в душе же великий Рим был холоден и пуст, и вообще, не было там никакой духовности. То ли дело мы, у нас духовности – хоть цистернами вози!

А мы в эти сказки верить не станем. Поглядим на римских богов свежим взглядом. Понять до конца не пойдем, но кое-что...

Начнем с того, что римская религия мало чем отличалась от иудаизма, мною упомянутого. Не верите? А зря! Римляне, как и иудеи, заключили с богами ДОГОВОР. Само слово «религия» (римское слово!) означает «связь», «привязка», даже «путы» – те самые, что лишнее движение делать не дают. Принцип такой же, что и в Договоре Синайском: Ты мне, я Тебе. Тот, Кто мирами всеми правит, обещает способствовать народу Своему, взамен же народ обязуется что-то делать, а от кое-чего, напротив, воздерживаться. За нарушение договора – санкции. Помните? «Ибо Я – Бог ревнивый...»

То, что в Риме богов было много, а на Синае – один, картину меняет мало. Христиане, к примеру, тоже монотеисты, но если со стороны взглянуть, что увидеть можно? Тут вам и Святые, и Богородица, и Ангелы – Божьи посланцы. Всем храмы ставят, всем молитвы полагаются. Даже Господь – Он-то, конечно, един, но един в трех Лицах. То-то мусульмане, души простые, христиан «троебожниками» величают.

У римлян все очень похоже. Богов тьма, но вот договаривались с одним – с Юпитером, Деусом Патером, Отцом богов. Поклонялись всем, но главный – Он, остальные лишь «сыны божьи», что Его волю выполняют. Точно как в Библии. Помните книгу Иова? «Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа...»

Итак, Договор, можно сказать, Завет. С римскими богами Договор заключил второй царь Рима Нума Помпилий. Сам Нума не римлянин, он сабинянин, его затем и пригласили, чтобы с богами договорится. Ведь ранний Рим, Город Ромула – всего лишь поселение удалых разбойников, почти Запорожская Сечь. Вот и решили кивирить свою державу утвердить Заветом, чтобы стояла в веках. Нума Помпилий слыл боговидцем, с Ними знался, поэтому и позван был. Он-то и получил от Юпитера римские Десять Заповедей. Было их, конечно, не десять, а куда больше, но главными являлись три, которые и «связывали» Вечный Город с Ними. Каждая «высокая договаривающаяся сторона», как и полагается, обещала свое. Как говорили сами римляне, творя молитву: «Я даю, чтобы Ты дал». Слишком прозаично, скажете? А разве в иных религиях иначе? Римляне просто любили точные формулировки и были по-своему правы.

Заповедь первая, само собой, жертвы. Добрые римляне обещали исправно и регулярно подкармливать Небожителей. Все оговорено – в какой праздник что именно Им полагается, в каком порядке и с какими обрядами. За отдельные услуги – отдельная плата в зависимости от сложности и трудности задачи. Все логично – если какая-нибудь мелочь требуется, можно и десятком луковиц откупиться, а вот если что более серьезное, то без крови на алтаре не обойтись. Чьей крови? Всякой, но для дел самых главных, понятное дело, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ. Вот, скажем, обряд очищения государства, один из самых важных.

Плутарх:

«Бог в гневе возвестил, что очищение надлежит произвести головами. „Луковичными?“ – подхватил Нума. „Нет, человеческими“, – начал Юпитер. Желая обойти это ужасное распоряжение, Нума быстро переспросил: „Волосами?“ – „Нет, живыми...“ – „Рыбешками“, – перебил Нума... Тогда Юпитер удалился, смилостивившись...»

Как вам этот торг, дорогой читатель? Интересно, Моисей на Синае о том же речи вел? В данном случае Нума-Моисей человеческие головы выторговал, рыбешками с луком обошелся. Но только в данном. Как мы помним, очистительные жертвы бывали всякие.

Синезий:

«Крикс и Спартак, люди из низких гладиаторов, предназначенным быть на арене цирка ОЧИСТИТЕЛЬНЫМИ ЖЕРТВАМИ за народ римский».

Подземные боги и души умерших, как мы уже знаем, тоже требовали крови, а не луковиц. Отсюда и гладиаторы – те, кого этим демонам и духам посвящали. Но не только обитатели царства Плутона людской крови жаждали. Человеческие жертвы в Риме приносили весьма регулярно. В обычное время это делалось тайно, но в случае большой беды стесняться переставали. Скажем, после Канн, когда судьба Вечного Города на волоске висела, людей убивали прямо средь бела дня – дабы Те побыстрее узрели и помощь оказали.

Тит Ливий:

«Принесли необычные жертвы: между прочим галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже свершались человеческие жертвоприношения...»

Зря скромничает Тит Ливий! Какие же это «необычные» жертвы, если их «и прежде» приносили? Просто раньше резали да в землю живьем закапывали без особой огласки, а тут и крыться перестали.

Этот случай чрезвычайный, но и в повседневной жизни человеческой крови не жалели. А вот и пример – триумф римский, о котором речь уже шла. Триумф, как мы уже выяснили, это благодарность Юпитеру Капитолийскому за великую победу. А благодарить Его должно от всей души. Помните, дорогой читатель, картинку в учебнике? Процессия праздничная, легионеры торжественной колонной идут, несут трофеи – и ведут пленников. Не простых, а царей с царевичами и королей с королевичами. Ведут не только для того, чтобы победой похвалиться. Пока триумфатор на алтаре храма Капитолийского быка режет, самых знатных пленников в подвал под этим храмом отводят и душат – или как-то иначе к богам отправляют. Если победа особенно трудной была, пленников надлежало казнить мучительно, неспешно. Югурту, лютого врага римского, целую неделю голодом морили, пока не умер. Чтобы он, вражина, прочувствовал – и Они, иже на Небеси, тоже ощутили. Пролонгированное удовольствие, так сказать. Так что венки праздничные, бык с золоченными рогами – все это мишура и суета. Иное римляне богам своим жертвовали, другую цену платили. Люди откупались ЛЮДЬМИ...

И не думайте, дорогой читатель, что все это – только римский обычай, у греков ничуть не лучше было. Вот скажем, битва Саламинская. Что делают просвещенные эллины, дабы персов победить?

Плутарх:

«Все в один голос взывают в богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение».

Даже у иудеев такое случалось. Помните, как с дочерью Иеффая поступили? Это лишь в христианстве все жертвы были искуплены Его кровью. Потому и запрещал Господь у алтарей языческих жертвы приносить. Сегодня мукой с ячменем идола порадуешь, завтра петуха зарежешь, а послезавтра...

Итак, первая римская заповедь – жертвы, в том числе НАСТОЯЩИЕ, человеческие. Вторая же – обычаи. Нума-Моисей все расписал – что делать можно, а что никак нельзя. Перечислять всего не стану, просто примеры приведу. Весталки, хранительницы священного огня, обязаны были девственностью блюсти, фламин, верховный жрец Юпитера, не имел права верхом ездить и Рим надолго покидать. Почему? Объяснения есть, но, уверен, не настоящие. Эти объяснения для обычных людей придумали, для тех самых бабушек к храмам – и для любопытных иностранцев, вроде Плутарха. О подлинных причинах знающие люди молчали. Нельзя – значит нельзя. Мицва! Табу!

Ограничений таких в Риме было неисчислимое множество. Достаточно птичке не там взлететь, не с той стороны крылышками махнуть или, скажем, грому грянуть – и все, распускай народное собрание, даже если дело спешное. И если бы только птички да гром! Каждый шаг продумывать приходилось, а посему жрецов-толкователей в Риме было хоть пруд пруди. Одни по птичкам, другие по тучкам, третьи по кишкам бараньим. Потому-то и слыли римляне суеверными. Только не суеверие это, а ЗНАНИЕ – знание о Них.

Но это частности, хотя и важные. Главное ограничение, главное табу заключалось в ином, и связано оно было с тем, ЧТО ИМЕННО Они пообещали Риму. Боги (и демоны также) точность любят не меньше римских юристов. Помните фильм «Призрак оперы»? Некий музыкант договор заключил с кем не надо о том, что будет людей музыкой своей пленять. «Но только музыкой», – уточнил «кто не надо» и тут же беднягу изуродовал. Все верно, речь только о музыке шла, а не о внешности смазливой.

В Риме – сходная история. Чего просили у Них римляне? Что им обещано было и что не обещано?

Вергилий:

«Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, – не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!»

Это не Вергилий сладкоголосый придумал. «Энеиду» он писал по заказу самого Августа, дабы в душах квиритов римские ценности утвердить. И все остальные сходно считали: Риму обещано было могущество, обещана власть над Ойкуменой – но не больше. Значит, нечего искусством увлекаться, нечего гранит науки грызть. Это не только бессмысленно, но еще и ОПАСНО. Боги не велят, не дают они на это Своего разрешения! Поэтому почти все ученые и художники в Риме – иностранцы. Им можно, римлянам – нельзя.

Впрочем, и науки, и искусства всякие – это тоже частности, главное в Завете иное. Риму обещали ВЛАСТЬ, но не БОГАТСТВО. Отсюда противоречие – величие без блеска, могущество без роскоши, правители полумира – в скромной домотканой тоге. Про домотканые тогу я не обмолвился, настоящий римлянин именно такую и должен носить. И не только тогу, конечно. В доме – ни золота, ни серебра, обед – на тарелках и мисках глиняных, ничего лишнего, ничего роскошного. Само собой, хозяйка под стать хозяину: ноль косметики и маникюра, волосы под покрывалом, ни брошей, ни ожерелий с камнями. И в гости ходить не полагается – сиди дома, матрона, шерсть пряди, детей воспитывай. Если же что не так, если в семье раздрай, то это беда не только супругов, но и всей державы. Прямо как у нас во времена недавние – жене изменил, значит Родину предал. А уж если матрона, очага хранительница, загуляла!..

Между прочим, традиционный римский идеал – это не победоносный воин, а обыкновенный пахарь, скромный трудяга, что возделывает свой надел. Позовут такого властвовать, он утрет праведный пот, наденет тогу с красной каймой, послужит Отчизне – и назад, в землице ковыряться.

Итак, залог римского могущества – СКРОМНОСТЬ и НРАВСТВЕННОСТЬ. И еще – ЧЕСТНОСТЬ, верность клятве и слову. На первый взгляд диковато как-то, особенно насчет скромности. Зачем могущество, ежели на золоте есть не позволено? А уж что касемо честности!.. Какая честность, если каждый год выборы?

Но если задуматься, то и здесь резон есть. За все платить надо, и за власть над Ойкуменой тоже. Призван властвовать – властвуй, а не звезды считай и не за пиршественным столом залеживайся или по девкам продажным бегай. Владыка же, настоящий, не «демократический», слову своему всегда верен. Недаром говорится: царское слово – золото.

Это вторая заповедь. Но и есть и третья. Она самая понятная: не чти чужих богов. Понятная, но трудная. Римская держава быстро расплзлась, иные народы в себя включала. И не просто включала, но и адаптировала. Были, скажем, этруски, а стали римляне этрусского происхождения. А у них – свои боги. И у сабинов свои, и у галлов, и у греков. Что делать, как заповедь соблюсти? Вначале соблюдали строго. Запрещали в Риме чужие святилища воздвигать, обряды проводить. Но потом – делать нечего! – поступили с иноземными богами, как и с теми, кто в них верил – начали их адаптировать. По всем правилам, со всеми юридическими формальностями. Проще всего с греческими богами вышло. Их, Олимпийцев, просто переименовали, а точнее назвали по-римски. Был «чужой» Зевс-Диус Патер – стал «свой» Юпитер-Деус Патар, был Арей – стал Марс, был Геракл – Геркулесом обернулся. В общем, сделали вид, что у греков те же боги, только зовутся по-другому. С прочими небожителями сложнее было, но их тоже как-то пристраивали.

А вот откровенно ЧУЖИХ богов чтить запрещалось, и обряды иноземные справлять – тоже. Вот, к примеру, в Риме театр так и не прижился. Удивлялись такому греки, театралы заядлые, и объясняли сие врожденной римской дикостью. И о том подумать не хотели, что театр изначально – это священный праздник

Диониса, а у римского Вакха праздники были совсем иные, непохожие. Вот и не любили римляне театр. Со всякими восточными богами обходились куда круче. Чаще всего «незаконные» храмы разрушали, а жрецов изгоняли. Помогало, признаться, плохо.

Итак, заповеди Нумы, как видим, ничуть не сложнее, чем Моисеевы. И с их выполнением дело обстояло приблизительно так же. Пока Рим был беден, пока все римское государство в долине желтого Тибра умещалось, все шло, как должно. И обряды справляли, и весталки девственность блюли, и тоги были исключительно домотканые. Соблюдались заветы – и боги Риму помогали от всей души. Росла Республика всем на удивление, крепла. Сначала Италию проглотила, затем землями заморскими занялась...

Продолжать? Чем сильнее становилось государство, тем труднее было заповеди соблюдать. С праздниками и обрядами еще куда ни шло, а что касалось скромности и чужих богов... И в самом деле, какая скромность, если от добычи корабли чуть не тонут? И чем плохи чужие боги, ежели могут помочь? Сначала нарушали изредка, стыдась – а потом и стыд отбросили. Напрасно жрецы и старики-староверы пугали молодежь Их гневом, напрасно взывали к древним римским добродетелям, напрасно Сенат законы строгие принимал. Не помогало! Сначала увлеклись греческой культурой, затем – восточными богами... С каждым годом все лучше жилось в Риме, все веселее, пока в один далеко не прекрасный день поняли квиниты, что точка возврата пройдена – родные боги больше Риму НЕ ПОМОГАЮТ.

Сами римляне точно знали, когда это случилось. 146 год до Р.Х. – год гибели Карфагена. Напрасно наиболее мудрые и дальновидные в Сенате кричали, что этот город трогать нельзя, что вместе с ним исчезнет последняя преграда римскому своеволию. И вправду! Если не будет векового врага – чего бояться, зачем у Них помощи просить?

...Когда Карфаген горел, римский командующий Сципион Эмилиан плакал. Не по вражеской столице – по родному Риму. Неглуп был Сципион, чувствовал. Не зря плакал! Там, на карфагенских руинах, все римское счастье и кончилось. Начались позорные годы, те, о которых говорить уже приходилось: Югурта, кимры с тевтонами, Аристоники, сицилийские бунты, Спартак – и так до самой великой резни после смерти Цезаря.

Римляне ПОНИМАЛИ, что случилось. Понимали, пытались что-то исправить, да только как исправить? Разгневались боги на неразумных!

...А теперь вспомним, когда гладиатура в Риме стала делом государственным. Вспомнили? 105 год до Р.Х., самый разгар кризиса. Вот и решили мудрецы римские богов обильной кровью ублажить, державу от гибели охраняя. «Очистительные жертвы» – не забыли? С каждым годом игры все обильнее, все больше трупов, все больше жертв. Да только и это не помогало.

Дорогой читатель! Вы наверняка в римских богов напрочь не верите. Не верьте и дальше, но только учтите – сами римляне понимали происходящее именно так. Боги отступились от Вечного Города, и не только отступились, но и КАРАЛИ тех, кто заповеди не соблюдал. И чем дальше, тем страшнее. Конечно, римляне продолжали молиться, жертвы приносить, праздники справлять. Но все без толку, без толку...

Теперь бы выводы сделать, резюме, так сказать. Но не стану, другому это дело доверю – Квинту Горацию Флакку, величайшему поэту римскому. Книга третья, ода шестая...

К римлянам

*За грех отцов ответчиком, римлянин,
Безвинным будешь, храмов пока богам,
Повергнутых, не восстановишь,
Статуй, запятнанных черным дымом.
Под властью вышних, помни, бессилен ты;
От них начала, от них и конец веи:
Боги забытые злосчастный
Край Гесперийский не раз карали.
В час недобрый против парфян мы шли:
Пакор с Монезом дважды разбили нас,
Гордятся, пышную добычу
К пронизям скудным своим прибавив.
Объятый смутой, чуть не погиб наш град.
Уже шли даки, уж египтянин плыл –
Рядами судов грозил нам этот,
Те – вынимали стрелу летучую.
Грехами полный, век осквернил сперва
Святыню брака, род и семью; затем,
Отсюда исходя потоком,
Хлынули беды в отчизну римлян.
Иных отцов был юношей род, что встарь*

*Окрасил море кровью пунийской, смерть
Принес лихому Антиоху,
Пирру-царю, Ганнибалу-зверю.
Сыны то были воинов-пахарей,
Они умели глыбы земли копать,
Сабинскую мотыгою, строгой
Матери волю творя, из леса
Таскать вязанки в час, когда тени гор
Растянет солнце, с выи ярмо волам
Усталым снимет и, скрываясь,
Ночи желанную пору близит.
Чего не портит пагубный бег времен?
Отцы, что были хуже, чем деды, – нас
Негодней вырастили; наше
Будет потомство еще порочней.*

42. Марк Красс: боевое крещение

Спартак шел на юг.

Именно эти теплые сентябрьские дни 72 года до Р.Х. оказались самыми страшными для Рима. Еще бы! Впереди гладиаторского войска, опережая его на много переходов, летела голосистая богиня Эхо. Летела, спешила, вопила во все горло: «На Рим! Они идут на Рим! Спартак идет!» Этот крик разбудил другую богиню – Панику, неистовую дочку лесного владыки Пана. И замерзала кровь в жилах, и становились кости водой, и поднимались воды до самой души...

СПАРТАК ИДЕТ!

Этот давний ужас все еще чувствуется в коротких строчках римских историков.

Аппиан:

«Спартак... со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний багаж, убить всех пленных и перерезать выюнный скот, чтобы идти налегке».

Флор:

«Окрыленный этими победами, он – чего уже одного достаточно для нашего позора – составил план нападения на Рим».

Орозий:

«...Государство испытывало почти не меньший страх, чем когда Ганнибал стоял угрожающе у ворот Рима... Это была война, на которую уже нельзя было спокойно смотреть, но которой следовало повсюду бояться».

Конечно, римляне знали, что штурм столицы едва ли возможен, что стены крепки и ворота заперты, но страх был сильнее, страх катился всесокрушающей лавиной, как тогда, во времена давней Ганнибаловой войны. «Спартак у ворот!» Что могло быть страшнее?

В эти дни, показавшиеся римлянами преддверием Армагеддона, оставалась лишь одна надежда. Звали эту надежду Марк Лициний Красс. Последняя римская армия выступила в поход.

...Наверное, именно тогда, теплой осенью 72 года до Р.Х., Красс впервые в жизни вздохнул полной грудью. Теперь он, Марк Лициний – спаситель Отечества. Он – и никто другой. Не Помпей – Красс! Наступал звездный час, час великой славы, до которой оставался всего лишь один шаг. И сделать этот шаг было так просто – всего лишь разбить Спартака...

Не будем мешать Марку Лицинию. Пусть ведет войско, пусть внимает прощальным напутствиям отцов-сенаторов, пусть ободряюще улыбается плачущим матронам. Его час еще впереди, а мы пока поглядим, как идут дела у нашего великолепного парня.

Марш Спартака на Рим – еще одна загадка в числе многих. На первый взгляд все ясно: решив не уходить из **Италии**, вождь восставших готовился нанести удар в самое сердце Римской Республики. Двигаться следовало быстро, отсюда и сожженный обоз, и убитые пленные. Гладиаторское войско всесокрушающей лавиной покатилося на юг...

...И вновь хочется повторить: у страха глаза велики. Сто двадцать тысяч только пехоты! Уверен, на самом деле спартаковцев было куда меньше, но перепуганные римляне подсчитали именно так.

Итак, Спартак идет на Рим, однако до Рима почему-то не доходит, сворачивает. Что за притча?

Вновь вспомним Аппиана:

«Спартак переменял решение идти на Рим. Он считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в боевой готовности и не в достаточной мере вооружено; ни один итальянский город не примкнул к ним: его войско состояло из рабов-перебежчиков и всяких попутчиков».

На первый взгляд вполне понятно. Несколько дней похода показали, что новобранцы из Цизальпинской Галлии небоеспособны, их еще следовало учить и учить, а не посылать на штурм римских стен. Поэтому вождь решил не искушать судьбу – и прошел мимо Вечного Города. Так вполне могло случиться, но неужели Спартак не понял этого еще в Галлии? Джованьоли Вещий, если помните, решил эту проблему просто. Не смог устоять вождь перед энтузиазмом распыленных победами бойцов, двинулся на Рим, но по пути одумался, и все остальные одумались.

Не будем торопиться. Послушаем еще наших древних.

Плутарх:

«Красс остановился у границ Пицены, чтобы встретить двинувшегося туда Спартака...»

Аппиан:

«В Пиценской области консулы снова попытались оказать противодействие ему. Здесь произошло второе большое сражение, и снова римляне потерпели и тут большое поражение».

Плутарх пишет о Крассе, Аппиан – о консулах, но оба согласны в том, что первое сражение после поворота спартаковцев на юг произошло в Пицене. А теперь смотрим на карту.

Пицен – небольшая область на Адриатическом море. Рим находится на противоположной стороне полуострова, вблизи моря Тирренского. Между побережьями – Апеннины. Попасть из Пицены в Лаций можно, хотя бы по Соляной дороге, но слишком уж неудобно и опасно. Дорога плутает по горам, где войско не развернешь, да и времени потеряешь много. Между тем из Цизальпинской Галлии к Риму есть иной маршрут, прямой – через Этрурию. Если Спартак спешил, если он даже обоз бросил, то зачем плутать по горам, давая римской армии возможность заступить путь?

...Как говорил известный исторический персонаж по сходному поводу: «Кто же на Варшаву через Львов ходит?»

Объяснение лежит на поверхности. Дезинформация! Очередная и очень успешная. Спартаку требовалось перебросить армию в Южную Италию, и он поспешил шепнуть богине Эхо, что цель похода – Рим. Пусть потеют квириды от страха, пусть прикрывают столицу, забыв обо всем!

Уверен, так оно и было. Спартак не собирался атаковать Вечный Город, его новый план заключался совсем в ином. Но чтобы это понять, присмотримся к происходящему внимательнее. Дело в том, что Спартак не просто распускал нужные слухи.

Ампелий:

«Гладиаторы Спартак, Крикс и Эномай, опустошив почти всю Италию, угрожали сжечь Рим, но были подавлены в Лукании Крассом, в Этрурии – консулом Помпеем».

Как видим, этот Ампелий – изрядный путаник. Помпей не был в тот год консулом, Красс разбил Спартака не в Лукании, Эномай и Крикс в осенью 72 года до Р.Х. уже не было в живых. Но не это в данном случае важно. Почти все историки пишут о том, что войско Помпея, поспешившее из Испании на помощь Крассу, тоже воевало со спартаковцами, но только Ампелий сообщает, где именно. А воевало оно в Этрурии.

Плутарх:

«Судьбе хотелось все-таки сделать Помпея некоторым образом участником в этой победе. Пять тысяч рабов, успевших спастись в сражении, встретились с ним и были истреблены все до последнего человека, вследствие чего Помпей написал в сенат, что Красс разбил гладиаторов в открытом поле, он же, Помпей, вырвал самые корни войны. Из любви к нему римляне с удовольствием слушали и повторяли это».

Итак, Гней Помпей Великий считал, что именно он вырвал «корни войны». Обычно это понимают в том смысле, что войско Великого помогло «зачистить» Южную Италию от спартаковцев. Но мы видим, что Помпей туда даже не добрался, он воевал на севере, причем война вовсе не была легкой. Конечно, не он разбил Спартака, но по поводу «корней» оказался не так уж далек от истины – Этрурия примыкает к Лациуму, от ее южной границы до стен Рима всего несколько километров. Окажись там вражеское войско, римлянам не доведется спокойно спать. «Вырвал корни» – отвел угрозу от столицы. Это и вправду серьезно.

А спартаковцы в Этрурии были, причем не отдельные партизанские отряды, но целый легион – пять тысяч бойцов, а то и больше. Как они там оказались? Ведь мы знаем, что на север, в Галлию, Спартак шел через Самниум и Пицен, то есть значительно восточнее. Ответ может быть один: из Галлии Спартак первоначально двинулся именно в ЭТРУРИЮ, то есть прямо на Рим. Отсюда и паника, отсюда и всеобщий страх. Гладиаторское войско в Этрурии – это уже не слухи, это реальность. Кассиева дорога ведет через землю этрусков прямо к римским воротам. Испугаешься тут!

Теперь кое-что стало понятнее. Войско Спартака ворвалось в Этрурию, уничтожая все на своем пути, перепуганные римляне уже запирали городские ворота – но Спартак внезапно повернул на восток. Пока римская разведка разбиралась, пока отцы-сенаторы чесали затылки, армия восставших была уже на границе с Пиценом. Но ушли не все – в Этрурии была создана еще одна база восстания. Еще одна, потому что в Цизальпинской Галлии римских войск уже не было, там тоже всем заправляли повстанцы. В Этрурии, если

верить глухим упоминаниям римских авторов, спартаковским войском был оставлен командовать уже знакомый нам Публий. Он пережил Спартака и успел еще повоевать на стороне мятежника Катилины.

Итак, отряд Публия остался в Этрурии, Спартак же двинулся через Апеннины к Пицену. Именно к этому времени относится известный эпизод с перебежчиками – с теми самыми, которых Спартак отказывался брать в свое войско. Помните?

Аппиан:

«Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал».

Можем ли мы сейчас пояснить, отчего? Причин, если задуматься, могло быть только две.

1. Спартак не хотел увеличивать свою и без того «разбухшую» армию, в которой было слишком много новичков-новобранцев.

2. Прогоняя, а, возможно, и убивая на месте перебежчиков из римской армии, гладиаторский вождь наглядно показывал своим новым бойцам, что им тоже нечего рассчитывать на милость в римском лагере.

Обе эти причины между собой связаны. Как и за год до этого, во время боев с забиякой Варинием, армия восставших была слишком «сырой». Беглые рабы и батраки еще не стали солдатами. Отсюда и прежняя тактика – не вступать в открытый бой без крайней на то необходимости, встречать врага в засаде, атаковать на марше, бить по частям...

Как видим, первым следствием похода Спартака на юг стало образование двух «освобожденных районов» – галльского и этрусского. Почти вся Северная Италия римлянами была потеряна, более того, угроза нависла над самой столицей. Имелся еще один резон в существовании этих районов – в случае удара с севера они должны были прикрыть основную спартаковскую армию. Так и случилось, когда в Италию вернулся Помпей. А Спартак между тем прорывался на юг, где продолжали воевать «галлы» Ганника и вечные бунтовщики бруттии. У римлян оставалась лишь часть Средней Италии.

Окружение? Да, окружение. Именно то, что когда-то проделал Ганнибал, перейдя Альпы. Враг на юге, враг на севере, в результате Рим лишился огромных территорий, с которых уже не поступит в закрома хлеб, откуда не придут в римскую армию новые солдаты.

В такой тактике был еще один смысл. После гибели Сертория его сторонники в Испании продолжали сражаться. Имелась надежда, что в водовороте паники (Спартак у ворот!) заговорщики-марианцы, подождав пока Красс покинет столицу, все-таки попытаются захватить Рим. В этом случае все пошло бы по прежнему сценарию.

Марианцы не выступили без своего вождя – страх перед Спартаком оказался сильнее межпартийных раздоров. Марк Красс мог воевать, не опасаясь за свой тыл. Сообразив, что главные силы спартаковцев двинулись в обход, через Пицен, он рванул наперерез.

Плутарх:

«Красс остановился у границ Пицена, чтобы встретить двинувшегося туда Спартака...»

Но прежде чем Марк Лициний вступит в свой первый бой с презренными гладиаторами, приглядимся внимательнее к его армии. Мы уже знаем, что в ней восемь легионов, включая два недобитых консульских. Всего, вместе со вспомогательными войсками, не менее шестидесяти тысяч. Много, очень много! Восемь легионов римляне набирали за свою историю только один раз – после Канн. А ведь у Красса было больше: шесть новых, два консульских и остатки еще двух, вероятно, лишившихся к тому времени Орлов, потому и не попавших в перечень. Более того, именно сейчас, этой страшной осенью, никого уговаривать не пришлось – в армию потоком вливались добровольцы, причем не только рядовые, но и офицеры.

Плутарх:

«Многие из знати отправились вместе с ним в поход благодаря его известности и по дружбе с ним».

Кое-кого из этой «знати» можно назвать поименно. Прошу знакомиться:

Марк Мумий – претор, коллега Красса по должности, потомок известного плебейского рода.

Гней Тремеллий Скрофа – квестор, начальник конницы. Еще совсем молодой человек, сын давнего друга Красса.

Луций Квинкий – опытный вояка, сражался еще в Первую Митридову войну под знаменами Суллы. Несмотря на это считался демократом, в 74 году до Р.Х. избирался народным трибуном.

С Крассом отправился в поход и наш старый знакомый Квинт Аррий, тот, что разбил у Гаргана отряд Крикса. Теперь он был одним из легатов. Как видим, набор имен внушительный. Между прочим, это еще более убеждает меня, что среди штабных офицеров Красса был и Юлий Цезарь. Не мог молодой военный трибун прятаться за римскими стенами, когда все – и аристократы, и демократы – пошли спасать Отечество. Ведь это же верная политическая смерть! На следующих выборах обязательно спросят, обязательно напомнят.

...Среди штабных офицеров Красса был, как считается, и Катилина. Не удивлюсь. Этот храбрый честолюбец тоже рвался на самый верх, а тут такой повод...

Итак, неплохое войско, неплохие офицеры. И моральный дух на высоте. Ведь не заморские земли идут грабить – Родину спасать. Вот только бы встретить этих грязных рабов, этих недочеловеков!..

Встретили. А точнее, встретились. Именно там, на границе двух областей – Эмили и Пицена. Тут у наших славных авторов явная путаница. Аппиан, как вы помните, считал, что вначале Спартак еще раз

разобрался с объединенной консульской армией, а потом принялся за Красса, Плутарх же был уверен, что консулы уже передали свои легионы новому главнокомандующему. Кому верить? Я бы поверил Плутарху. Аппиан, это мы знаем, слишком часто путает – и события, и имена. Еще раз вспомним, что Красса назначили командующим в августе, а битва на границе с Пиценом случилась позже, осенью. Очевидно, к этому времени консулы уже вернулись в Рим, а их легионы присоединил к своей армии Красс. Да и не поверю я, чтобы Геллий и Лентул решились атаковать двумя легионами спартаковское толпище, ведь они были уверены, что в войске Спартака сто двадцать тысяч только пехоты. Какой уж тут героизм!

Итак, Спартак спешит к Пицену, но на дороге у него уже стоит Красс. Позиция удобная – римская армия прикрывает одновременно и путь на юг, вдоль Адриатического моря, и Соляную дорогу, ведущую через горы к Риму. Остается с умом использовать все преимущества, ведь войско Красса по численности едва ли меньше спартаковского, а качеством значительно выше. Что же делает Марк Красс? Он знает – должен знать! – что враг умен и хитер, что единственная возможность победить – это собрать силы в кулак, вызвать спартаковцев на открытый бой...

...Ночь, красная преторская палатка, неровный огонь светильников, карта на столе. Красс думает. За полотном палатки ждут его легаты. Спартак уже близко, пора отдавать приказ – первый, но такой важный...

Мне не за что любить Марка Лициния Красса – в этом с добрыми римлянами я полностью солидарен. Но так и хочется шепнуть ему на ухо: «Мой претор! Все что угодно, но только НЕ ИГРАЙ В ГАННИБАЛА. Не пробуй Спартака ОБМАНУТЬ!»

Не услышит меня претор Красс. А ведь он не такой уж плохой полководец! Но в этом вся и беда. Так хочется победить красиво, устроить врагу Канны – чтобы современники восхищались, чтобы историкам чернил на дифирамбы не хватило...

Карта свернута. Марк Лициний отдает свой первый боевой приказ.

Плутарх:

«Красс остановился у границ Пицены, чтобы встретить двинувшегося туда Спартака, а своего легата Муммия послал с двумя легионами в обход, приказав ему следовать за врагами, но не вступать с ними в соприкосновение и не завязывать сражения».

Хороший приказ, умный. Если бы Красс играл в компьютерную «стратегичку», то наверняка бы победил. Все правильно, все как надо: первая колонна марширует туда, вторая сюда, окружаем, в кольцо берем... Увы, Красс воевал не с компьютером, а со Спартаком. Компьютер – машина послушная, только зависает порой. А вот люди...

О чем же ты думал, Марк Лициний, разделяя войско? Или забыл Вариния, битых консулов забыл? Ведь Мумий – такой же претор, как и ты сам. Марк Мумий тоже мечтает спасти Отечество, его лысина так же чешется в предвкушении венка лаврового. Стоит нацепить на крючок приманку...

Надо ли продолжать?

Плутарх:

«Лишь только у легата появилась надежда разбить неприятеля, он дал сражение и был разбит. Многие пали, многие, побросав оружие, спаслись бегством».

Вот и нет двух римских легионов!

...И снова кровавое поле, заваленное трупами, снова убегающие толпы на пыльных дорогах, брошенное оружие, потерянные Орлы, пленные, убивающие друг друга возле гладиаторских шатров...

Ты хотел спасти Отечество, Красс? Ты не спас его, претор!

43. Цезарь и Красс или Диалог, которого не было-2

Цезарь: Мой претор! Военный трибун Цезарь по твоему приказу...

Красс: Мы не в строю, Цезарь. Садись... Претор Красс уже знает, что думает военный трибун. Сейчас Марк Красс хочет поговорить со своим другом Гаем Юлием. Наши отцы дружили, и, мне кажется, мы тоже...

Цезарь: Ты не согласен с тем, что я сказал на совете?

Красс: Согласен. И все были согласны. Спасибо, что не стал доводить свою мысль до конца. Хочешь, я сделаю это за тебя? Презренный гладиатор Спартак умнее претора Красса. Ведь так?

Цезарь: Не так, Красс! Не умнее. Презренный гладиатор лучше умеет воевать, а это не одно и то же. Если какой-нибудь раб более ловко, чем ты, стрижет овец, ты же не станешь обижаться?

Красс: Овец... Сказал бы сразу, что мы все – бараны под его ножом! Два легиона, два Орла в первом же бою... Представляю, что скажет Сенат! А солдаты? Ты слышал, о чем они шепчутся?

Цезарь: Слышал. Но мы не бараны, Красс! Главное – верно оценить врага, найти в чем он силен, а в чем слаб. Никто из наших предков не мог сравниться с Ганнибалом, но мы его все же победили. Талант полководца – это еще не все.

Красс: И ты сейчас предложишь не дробить войско, атаковать лишь строй на строй, помнить о том, что главный удар Спартак наносит по центру, там где штандарт полководца...

Цезарь: И ждать, пока гладиаторы сами разделят свою армию. Но и в этом случае следует атаковать не самого Спартака, а его легатов.

Красс: Все это я знаю, Цезарь. И Муммий знал, но ему слишком хотелось спасти Отечество... Жаль, я не могу распять этого «спасителя» на кресте!

Цезарь: Не в нем дело, Красс. Сейчас нам... То есть, тебе...

Красс: Нам, Цезарь, нам! Ты не оговорился, мы все должны быть вместе. Продолжай!

Цезарь: Нам нужно понять, чего он хочет, какой на самом деле его замысел. Мне кажется, Спартак начинает резать Италию на ломти. Пока мы за ним гоняемся, он устанавливает свою власть на севере и юге, назначает наместников, размещает гарнизоны. Кажется, он вновь хочет разжечь Союзническую войну. Его поддерживают бруттии, галлы и даже кое-кто из этрусков. Через несколько месяцев мы будем воевать не с ватагой беглых рабов, а с Италией.

Красс: Это я тоже понял. Я ведь уже воевал в Италии... и против Италии. Я был легатом Суллы и успел насмотреться на этих союзников. Мы их в плен не брали!

Цезарь: Помню... Моих двоюродных братьев тоже не брали в плен, Красс! И меня брать не хотели. Мне было тогда только четырнадцать, но великий Сулла вспомнил о мальчишке...

Красс: Сулла вспомнил не о мальчишке, а о родственнике Мария и зяте негодяя Цинны, его приспешника, того, кто залил Италию кровью! Тебе рассказать, как по его приказу перебили мою семью? Как гнались за мной, как пускали по следу собак? Неужели мы станем враждовать до седьмого колена? Или ты жалеешь, что этот зверь Серторий не успел войти в Аппиевы ворота? Вам, марианцам, все еще мало крови?

Цезарь: Серторий... Нет, о нем не жалею. У него был один очень серьезный недостаток.

Красс: Какой? Его звали Квинт Серторий, а не Гай Юлий Цезарь?

Цезарь: ...И не Марк Лициний Красс. Нет, я не хотел быть на его месте. Дело не в имени... Не только в имени. Серторий – это война, а война не должна править Римом. Чтобы победить, Серторий был готов на союз с кем угодно – даже с Митридатом, даже со Спартаксом! Он не хотел понять, что войну выиграть не так и сложно, труднее выиграть мир. Мой тесть Марий тоже не мог этого сообразить... Мы не станем враждовать до седьмого колена, Красс! Мертвые мертвы, их кровь давно высохла. Но мы живы, жив Рим...

Красс: Ты прав, выиграть мир труднее, чем войну... Знаешь, когда сообщили о гибели Сертория, мне в первый миг стало его жаль. Нет, не жалый!.. Просто я почувствовал, как на душе стало пусто. Я ненавидел Сертория, он ненавидел меня, но без него все стало каким-то мелким. Титан погиб, остались карлики, пигмеи. Даже не знаю, стоит ли благодарить богов за его смерть.

Цезарь: Богов? Если бога зовут Перперна, то я предпочту иметь дело со смертными. Надеюсь, наш общий друг Помпей в благодарность сдерет кожу с этого двойного изменника!

Красс: Есть другие боги, Цезарь!

Цезарь: Да, есть! С Серторием нам помог не только бог Перперна, но и две великие богини – Зависть и Предательство. Кажется, на Капитолии пора ставить еще один храм.

Красс: Я не шучу, Цезарь! Поэтому... Поэтому я и позвал тебя.

Цезарь: Меня? Но что понимает в делах богов военный трибун Гай Юлий Цезарь?

Красс: Я сейчас хочу говорить не с военным трибуном, а со своим другом и... И с фламинем Юпитера Капитолийского. С тобою, Цезарь, жрец Отца богов!

Цезарь: Цезаря, жреца Деуса Патера, давно уже нет, Красс. Он погиб совсем молодым, когда Сулла приказал убить всех его родственников, а его самого лишил земли и воды. Ты знаешь, что если фламин Юпитера пробудет больше двух дней вне городских стен, он считается мертвым. Я не хотел уезжать из Рима даже когда меня объявили вне закона. Я ведь действительно был еще мальчишкой, Красс! Думал погибнуть у алтаря, как и подобает Его слуге. Но родственники настояли, к тому же я заболел, не мог даже встать... Меня унесли на носилках, спрятали в каком-то городке. Помню, я считал часы, ждал. Была как раз полночь, когда исполнилось двое суток, и я понял, что мертв... Как я жалел, что не умер вместе с остальными – по-настоящему, чтобы потом не вспоминать себя-прежнего каждую ночь!..

Красс: Юпитер спас тебя, Цезарь! Именно он помог тебе избежать смерти – одному из немногих.

Цезарь: Нет... Ты хотел говорить с жрецом Отца богов... С бывшим жрецом? Тогда слушай! Фламин Юпитера – не должность и не сан. Фламин – это Его воплощение, и когда Он уходит, остается лишь пустая оболочка. Скорлупа ореха... Что толку, если эта скорлупа все еще помнит, все еще может мыслить?

Красс: О чем ты, Цезарь? Тебе нет и тридцати, ты еще станешь триумфатором, консулом...

Цезарь: Скажи еще – царем! Я знаю, меня все считают честолюбцем, и ты тоже, не отрицай. Возможно, я еще кем-то стану. Но это... Это жалкая тень того, КЕМ я уже был.

Красс: Ты хочешь сказать, что ты был БОГОМ? Кажется, именно это провозглашают на тайном посвящении? «Отныне ты не человек, ты...»

Цезарь: Не повторяй такого вслух, Красс, даже не пытайся!..

Красс: Услышит? Но ведь ты – Его избранник! Тебя готовили с самого детства, твои родители сочетались священным браком, ты – потомок Венеры!

Цезарь: Избранника Юпитера уже нет. Есть честолюбец Цезарь, который не выиграл еще ни одного сражения, не стал даже претором, зато наделал массу долгов. Его удел – заигрывать с толпой, улыбаться избирателям, срывать глотку на Форуме...

Красс: Ты, кажется, начинаешь себя жалеть?

Цезарь: Нет... Но ты, кажется, хотел, чтобы я был с тобой откровенным. Мы ведь друзья?

Красс: Да, друзья. И сейчас мне нужно, чтобы мой друг Цезарь помог мне.

Цезарь: Расформируй оба легиона, казни каждого десятого на глазах у всего войска...

Красс: Это я сделаю, но я хочу просить о другом... Ты слышал, что чернь болтает о Спартаке?

Цезарь: Что этому гладиатору помогают какие-то боги? Да, слышал. Его жена пророчица, жрица Диониса. Ничто не ново под Луной! Такие сплетни распускают в каждую войну, особенно если приходится командовать суеверным сбродом.

Красс: Я о другом. Говорят, что сам Спартак... Что он – НЕ ЧЕЛОВЕК. Что он послан нам на погибель, на погибель всему Риму.

Цезарь: Есть такое греческое слово «пропаганда», Красс. Оно означает...

Красс: Знаю, поливку растений – а также умело распускаемые слухи. Ты хочешь сказать, что спартаковская пропаганда достигла своей цели, если претор Красс повторяет подобную чушь? Я бы не стал повторять чушь, Цезарь. Но скажи, такое может быть? Может?

Цезарь: О чем ты, Красс? Ты ведь знаешь Платона наизусть, ты считаешь себя философом...

Красс: Сейчас тебя спрашивает не философ Красс, а римлянин Красс. Ответь мне, слуга Юпитера!

Цезарь: Может... И было – не один раз, в том числе и на нашей с тобой памяти. Это все, что я имею право сказать.

Красс: Но если так... Ведь с Ними сражаться бесполезно! Против бога должен сражаться бог!

Цезарь: Или боги. Но наши боги не помогут нам, Красс, Они отвернулись от Рима. Впрочем, это как раз не тайна.

Красс: Знаю... Юпитер разгневался на Своих детей.

Цезарь: Слышу слова истинного римлянина! Боги не гnevаются и не радуются, Они ведь не люди. Не уверен даже, что Они разумны – в нашем понимании... Нет, нет, я не богохульствую, как наш общий знакомый Лукреций Кар, я лишь пытаюсь объяснить. Ты ведь хотел услышать слова жреца, правда? Представь себе, что ты открыл источник с целебной водой. Ты пьешь эту воду, она дарит тебе здоровье, но ты должен поддерживать источник, следить, чтобы туда не попадала грязь, не рыть возле него ямы. «Я даю, чтобы Ты дал» – не забыл? Но разве источник разумен? Так и боги... Дело не в имени, пусть это будут Силы, к которым наши предки сумели прикоснуться. Прикоснуться – и научиться использовать Их мощь для своего блага. Потому так непонятны Их слова. Почему фламмин Юпитера не может ездить верхом? Почему весталки должны хранить девственность? Почему римлянин не должен обедать на золотой посуде? Почему нарушение клятвы способно погубить державу? Человеческий разум объяснить такое не может. Но разве нам ведомы мысли источника? Однако знающие – знают, как поддерживать его, как сделать неиссякаемым. Увы, наши отцы и деды набросали туда слишком много грязи.

Красс: Значит, слова наших стариков о том, что распущенность погубит Рим – не просто слова?

Цезарь: Не погубит – уже погубила. Почти... Не надейся на наших богов, Красс. Не зови – Они не услышат. Со Спартаком мы будем воевать, как люди, кем бы он ни был. На этом бывший жрец Цезарь умолкает.

Красс: погоди! Ты сказал, «наших»?

Цезарь: Наших.

Красс: Значит... Значит есть какие-то Другие? И они могут помочь? Цезарь, не молчи, ответь! Я слышал... Мне говорил Александр – это философ, мой учитель, что есть какие-то боги... или Силы, которые сильнее даже... Даже «наших»!

Цезарь: А еще бывают наводнения, и пожары тоже бывают. Ты что, хочешь поджечь дом, чтобы разогреть обед? Разрушить плотину, чтобы напиться?

Красс: Но Они есть? Ответь мне, Цезарь!

Цезарь: Они – есть. Есть еще многое, очень многое, Красс, что и не снилось нашим мудрецам. К счастью, наши мудрецы, да и все прочие, не знают об этом – и спят спокойно.

Красс: Они – есть... Они сильнее Спартака! Цезарь!..

Цезарь: Они сильнее людей, Они сильнее наших богов. Ты это хотел услышать? И то, что только благодаря Нуме Боговидцу Рим смог защититься от Них, смог построить плотину...

Красс: Они сильнее Спартака... Цезарь! В каждой плотине есть сливная калитка... Ее можно открыть!

Цезарь: Но нельзя закрыть, Красс! Да и сравнение с калиткой неточное. Вода уйдет в реку, высохнет, а Они останутся с нами – со мной и с тобой. И с Римом тоже.

Красс: Если боги отвернулись, то пусть нам помогут демоны! Все имеет свою цену. За спасение Рима...

Цезарь: Ты знаешь, чем придется платить?

Красс: Ерунда, мы и так платим. Тебе ли не знать, что такое НАСТОЯЩИЕ жертвы «нашим»? Так какая разница?

Цезарь: С «нашими» мы заключили Договор. Сейчас Они не помогают, но и не смеют переступить границу. Что будут делать Те, я даже не представляю. Нума сумел укротить Их потому что сам был... То есть, стал...

Красс: Богом? Я слышал об этом, но как-то не верил. Значит, это правда? Значит, ритуал обожествления – не простая формальность?

Цезарь: Я и так сказал слишком много...

Красс: Зато я не сказал всего! Ты был фламином Отца богов, Цезарь? Ты вновь им станешь, ты будешь Верховным Понтификом Рима! И тогда ты сумеешь...

Цезарь: Верховным Понтификом... Для меня-прежнего, для четырнадцатилетнего мальчишки, это слишком много. А для меня-нынешнего... Не знаю, Красс. Все эти годы я пытался забыть...

Красс: «Я даю, чтобы Ты дал!» Я стану консулом, Цезарь – и помогу стать консулом тебе. Это не так трудно в нашем продажном городе. Ты сможешь набрать армию, завоевать новые страны... Галлию, Индию!..

Цезарь: Индию? Я же не Дионис! А насчет Галлии – мысль здравая, признаться, я уже думал... Нет, не думал, пока еще только мечтал.

Красс: Я смогу... Мы сможем добиться всего, Цезарь! И для этого нам нужно сокрушить... победить всего двоих: Спартака и...

Цезарь: Помпея? Ну чем тебе не угодил Великий, вы же были друзьями?

Красс: Мы и сейчас... не враги. Но Спартака должен победить я, а не Магн! Слышишь, Цезарь? Эти трусы в Сенате уже готовы позвать Помпея, чтобы он... Чтобы он...

Цезарь: Разгромил презренного гладиатора. Но если врагов двое, не лучше для начала сговориться с одним из них? Помпей все-таки свой...

Красс: Я помирюсь с Помпеем над трупом Спартака. Но этого гладиатора должен убить я! Помоги мне, Цезарь – и я стану помогать тебе во всем. Во всем, слышишь! «Я даю, чтобы Ты дал».

Цезарь: Консульство, войско, Галлия... Мы будем прокляты, Красс – ты и я. Даже если мне... Даже если Верховному Жрецу Юпитера будет по силам вновь построить плотину, от нас с тобой Они не отстанут. И не только от нас. Ты хочешь, чтобы Они помогли уничтожить Спартака? Они помогут, но мы все – все, кто сейчас сражается, станем Их слугами. Навсегда!

Красс: А какая разница? Души в царстве Плутона не имеют памяти. Или ты веришь, Цезарь, в греческие байки про загробное воздаяние? В Сизифа и его камень?

Цезарь: Нет, там, за Ахероном, наши души даже не узнают друг друга. Но прожить можно по-разному, Красс. Я не знаю точно, что случится дальше. Может, Они будут просто стоять за нашей спиной и даже помогать. А может, мы сами станем проклятием для нашей Родины.

Красс: Сейчас Спартак – проклятье для Рима. Решайся, Цезарь! Назови цену...

Цезарь: Дело не во мне... Не только во мне. Платить придется всем. Знаешь, какова цена? Несколько тысяч смертей, Красс! И убивать придется не врагов – своих. Несколько тысяч наших соотечественников, наших братьев! Иначе Они не услышат.

Красс: Несколько ТЫСЯЧ?!

Цезарь: Да. Для начала. Потом Они сами найдут себе добычу. Они жаждут, Красс!..

Красс: Но эти люди... Они все равно погибнут, если Спартак победит! Малая кровь остановит большую. У фракийцев есть обычай – перед битвой убивать самого лучшего воина, чтобы их боги...

Цезарь: Малая кровь? Ты, кажется, уже начал искать оправдание? Оно тебе понадобится – и мне тоже. Нам с тобой больше не придется крепко спать, мой Красс!

Красс: Пусть! Я решил, мой Цезарь, решишь и ты!

Цезарь: Сегодня я видел сон, такой странный... Я видел свою смерть, видел, как меня убивают. Я в каком-то зале... Нет, я на лестнице, широкой, мраморной, а вокруг – убийцы. Их много, я один, мы все в крови, меня бьют кинжалами, но смерть почему-то медлит. А потом я увидел Помпея. У него было такое странное лицо, каменное, мертвое. И мне еще показалось, что он смеется...

44. Пицен-Лукания-Бруттий

Такого разговора скорее всего не было. Именно такого. Но другой, похожий, наверняка состоялся. Я ведь ничего не выдумал, дорогой читатель. Цезаря действительно воспитывали как будущего жреца Юпитера, он и стал им еще подростком. Все прочее тоже правда. Я не утверждаю, что «чужие» боги, о которых шла речь, и в самом деле существовали, но римляне в них верили. Верили – и боялись. Помните?

Плутарх:

«Атей, воскуряя фимиам и совершая возлияния, начал изрекать СТРАШНЫЕ, ПРИВОДЯЩИЕ В ТРЕПЕТ заклания и призывать, произнося их по именам, имена каких-то УЖАСНЫХ, НЕВЕДОМЫХ богов».

Еще раз подчеркну – неведомых греку Плутарху. Римляне же знали, о ком шла речь, если не все, то посвященные. Остальные не знали, но наверняка догадывались. Отсюда и страх, отсюда и верное предчувствие того, что случится. А началось все именно тогда, осенью 72 года до Р.Х., от основания же Рима 682-го. И вновь я ничего не выдумую. Ничего!

Плутарх:

«Красс сурово встретил Муммия, а от солдат, снова раздавая им оружие, потребовал поручителей в том, что они будут его беречь. Пятьсот же солдат, бежавших первыми и таким образом подавших повод к бегству, он разделил на пятьдесят десятков и из каждого десятка казнил одного по жребию, применив к этим солдатам впервые после длинного промежутка времени это старинное наказание. С подобного рода смертью соединен ОСОБЫЙ ПОЗОР, так как во время наказания совершается на глазах у всех много УЖАСНЫХ И МРАЧНЫХ обрядов. Переломив таким образом настроение солдат, Красс повел их против врага».

Плутарх пишет о пятидесяти казненных, но их, вероятно, было значительно больше.

Аппиан:

«После того как и Красс вступил в бой и потерпел поражение, он тогда по жребию казнил каждого десятого из своего войска, нисколько не испугавшись числа казненных, которых оказалось ОКОЛО 4000».

Как видим, это не просто децимация, не просто казнь нескольких сот трусов, первыми бросивших оружие. Их убивали согласно древнему обряду – «ужасному и мрачному». Трудно ли догадаться, что такой обряд проводился во славу таких же «ужасных и мрачных» богов? И разве не похожи они на тех «ужасных, неведомых», к которым пытался воззвать трибун Атей?

Еще одна деталь. Децимация, казнь каждого десятого, сопровождаемая «ужасными» обрядами – это «старинное наказание». Красс не придумал ничего нового, лишь повторил то, что делали его предки – в исключительных случаях, когда просто не было иного выхода. Но в прежние годы родные боги защищали Рим, и «тех», кого приходилось вызывать на подмогу, можно было потом загнать обратно. Теперь же, когда боги Рима оступились от Своего народа, вырвавшиеся на волю демоны уже не знали преград.

Еще раз подчеркну – я не призываю ВЕРИТЬ в римских богов и римских демонов, но сами квириды верили, а значит все происходящее было для них РЕАЛЬНОСТЬЮ. Все войско, а потом и вся держава, поняли, ЧТО случилось, к КОМУ воззвал Красс, на ЧЬИ алтари пролил римскую кровь. Поняли – и содрогнулись.

Аппиан:

«Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших его врагов».

Это был не просто страх перед суровым полководцем. Он не исчез и после победы. Триумф, помните – тот самый, что Красс так и не посмел отпраздновать? Сенат разрешил лишь овации, малый триумф, хотя и в лавровом венке. Все логично, обращаться к Юпитеру было тоже СТРАШНО – квириды, Его народ, посмели просить помощи у «чужих». Вот и благодарили с большой опаской, вполголоса. Но венок был триумфальным, лавровым. Никуда не денешься, ведь Марк Красс все-таки спас Отечество!

Страх не исчез и после. В Риме понимали – Красс ПРОКЛЯТ, ибо посмел нарушить Завет, связывавший Вечный Город с родными богами. И не только он – проклятие коснулось всех, кто помогал уничтожить Спартака. Помпей тоже громил спартаковцев, считал себя победителем – и тоже оказался в «их» власти. Они погибли сходно, Красс и Помпей, два соперника, два победителя Спартака. Судьба – или Те, что стояли за Судьбой – лишь отпустила Помпею несколько лишних лет. Ведь не он приносил кровавую жертву!

Никто из известных нам офицеров Красса тоже не умер своей смертью. Погибли все – кто на год раньше, кто на год позже. Но не это оказалось самым страшным. «Те», к кому воззвал Марк Красс не ушли, они остались в Риме, и для Вечного Города наступили страшные годы. А впереди была война, которая чуть было не погубила римскую державу, та, на которой погибли Помпей, Цезарь, Цицерон, Катон, Вариний...

Впрочем, у Цезаря все еще впереди. Ему предстоит стать консулом, триумфатором, завоевателем Галлии, верховным жрецом Юпитера и диктатором Рима. Он еще станет богом... И все последующие годы Цезарь будет рядом с Крассом. То, что связало – повязало – этих двух непохожих людей, заставит их держаться вместе. Прочен окажется узел, и только Смерть разрубит его.

Но это будет потом, теплая осень 72 года до Р.Х. еще не кончилась, и не кончилась война...

Плутарх:

«Спартак мало-помалу уходил через Луканию к морю».

Итак, спартаковцы возвращались в знакомые места, туда, где за год до этого они сражались с Варинием. Шли «мало-помалу», не спеша – армия Красса все еще приходила в себя после первого поражения. Судя по всему Спартак прошел через Пицен и Самниум без боев. Римских войск там не было, и обывателям оставалось лишь убежать в леса и горы, спасаясь от беспощадных гладиаторов. «Мало-помалу» имело еще один смысл. Осень, время сбора урожая. Огромная армия Спартака, бросившая в Галлии свой обоз, нуждалась в запасе провианта, поэтому Спартак не спешил, готовясь к будущим боям. Целью же похода, как мы скоро увидим, был Бруттий, земля пастухов-мятежников, главная спартаковская база на юге.

Этот осенний марш к морю вызывает вопросы, как и все, что делал Спартак. После победы над Миуммием, после разгрома двух римских легионов, армия спартаковцев могла избрать любой маршрут. Можно было повернуть назад, в Галлию или Этрурию, попытаться атаковать Рим – или для начала опустошить Лациум. Но правильнее всего было добить Красса. Ситуация мало чем отличалась от той, что сложилась

летом, когда Спартак громил консулов. Войско Красса было больше, но и спартаковская армия выросла в три раза.

Спартак не стал добивать Марка Лициния Красса. Спартак ушел. Почему? Ведь оставлять за спиной недобитого врага опасно. Шесть уцелевших легионов Красса – немалая сила, между тем война в Испании подходила к концу, Лукулл добивал последних фракийских бойцов, значит, скоро все три римские армии смогут соединиться!

Версия первая: Спартак совершил ошибку, первую в этой войне – недооценил Красса и его войско. Недооценил – и подарил римлянам самое ценное: ВРЕМЯ. За несколько недель римская армия оправилась от разгрома, пришла в себя, получила новые подкрепления. Кровавая жертва «ужасным и неведомым» сплотила всех страхом, одновременно вселив уверенность в победе. Претора Красса, решившегося воззвать «к ним», теперь боялись больше, чем Спартака.

Значит, ошибка? Ведь Спартак – всего лишь человек, да и боги иногда ошибаются.

Может, и ошибка, но, может, и нет.

Версия вторая: Мы знаем, чего стоил этот бой римлянам – паники, брошенного оружия, потерянных Орлов. Но нам не известно, сколько заплатили за победу спартаковцы. Вспомним, что большая часть повстанческой армии – галльские новобранцы. Опыта у них всего-ничего, месяц-два службы. Победа над Муммием могло стоить очень дорого, и Спартак понял, что в открытом бою со всей римской армией ему не устоять. У Муммия было только два легиона, а если придется воевать с остальными? Красс, получив жестокий урок, больше не дробил армию на отряды. Риск был слишком велик.

Спартак мог знать и другое. Слухи о кровавой жертве в римском лагере наверняка вихрем разлетелись по всей Италии. Верил ли Спартак в римских богов? Понял ли, что случилось? Уверен – понял, а если нет, ему, конечно же, подсказали. Не зря же ела свой хлеб фракийская жрица! В любом случае Спартак уже знал: Красс – не Лентул и не Геллий, он не остановится ни перед чем. Значит, спешить нельзя, сперва следует закалить новобранцев, пополнить армию опытными бойцами. Где? Конечно же, на юге, где Спартака ждут Бруттии, где сражается отряд «галлов». Не исключено, что перед походом на север Спартак оставил в Бруттии и Апулии надежных парней, способных собрать и вооружить новые отряды. Обученные резервы всегда нужны, особенно если в армии слишком много молодых бойцов.

Было еще одно соображение. На юге, в Бруттии, Лукании, Калабрии и Апулии, повстанцы держались уже больше года, именно здесь сложилась их основная база. Две новые, в Галлии и Этрурии, были еще ненадежны. Публипору и другим командирам требовалось время, чтобы организовать там настоящее войско. Спартак, отвлекая армию Красса на себя, это время им предоставил.

И, наконец, вести бои с Крассом в Южной Италии было куда выгоднее, чем в Средней и Северной. Здесь, на юге, после года спартаковских «зачисток» римских сторонников осталось очень мало. Удобна была и местность. Северная Италия – равнина, где римляне, сумев развернуть армию, получают все преимущества. Средняя Италия – давний римский форпост, там много крепостей и дорог. На юге же – горы, столь удобные для партизанских и полупартизанских действий, а также море, окружающее оконечность итальянского сапога со всех сторон. Конечно, море может стать ловушкой, но может и надежным тылом, если удастся договориться с киликийскими Черными Бородами.

Можем ли мы теперь представить себе новый план Спартака? Думаю, можем. От быстрых, молниеносных маршей спартаковцы перешли к постепенному ЗАВОЕВАНИЮ ИТАЛИИ. Кое-чего они уже добились, если же армия Красса будет разбита, римлянам останется лишь долина желтого Тибра. Конечно, гордые квириды не сдадутся, но без Северной и Южной Италии их шансы станут совсем другими. Итак, стратегическая цель Спартака осенью 72 года до Р.Х. – захват Италии, тактическая – разгром Красса.

Понимал ли это Красс? Догадывался ли, что его СПЕЦИАЛЬНО заманивают в Южную Италию, подальше от римских стен? Думаю, понимал и догадывался, но выбора у него не было – в Риме ждали побед, а на горизонте уже начинал маячить призрак Помпея. Война в Испании заканчивалась, армия Сертория, потеряв вожда, разбегалась и сдавалась в плен. Значит, скоро ветераны Помпея смогут вернуться в Италию, и тогда Великий, а не Марк Лициний будет послан для разгрома гладиаторов.

Крассу оставалось одно – идти вслед за Спартаком и навязать ему бой, решительный, последний. Иначе все будет напрасно: и долгое соперничество с Помпеем, и несправедливые миллионы, и кровь тысяч римлян, принесенных в жертву «ужасным, неведомым».

Марк Красс двинулся на юг. О дальнейшем же наши древние пишут весьма сумбурно, так что и понять мудрено.

Аппиан:

«Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших его врагов. Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 000 спартаковцев, почему-то стоявших лагерем отдельно от своих. Уничтожив две трети их, Красс стал смело нападать и на самого Спартака. Одержав и над ним блестящую победу, он стал преследовать его, отступающего к морю с целью переправиться в Сицилию».

Орозий:

«...Сенат отправил Красса с легионами консулов, с новым пополнением солдат. Тот, как только вступил в бой с беглыми рабами, убил их шесть тысяч, а 900 взял в плен».

Флор:

«Наконец-то римляне всеми силами государства поднимаются против этого гладиатора, и от этого позора освободил римлян Лициний Красс. Эти – стыдно сказать – враги, разбитые и обращенные им в бегство, убежали в крайние пределы Италии».

Если верить всей этой компании, армия Красса атаковала спартаковское войско и одержало победу, после чего Спартак был вынужден отступить и даже «убежать». Показания совпадают, значит им можно верить. Но, странное дело, добросовестнейший Плутарх об этих римских успехах почему-то не знает. А ему положено знать, ведь он писал биографию Красса. Как же можно не рассказать о первой настоящей победе? Шесть тысяч убитых, пленные, бегство врага? Не путают ли все эти историки-патриоты?

Путают, конечно! Орозий, даже не моргнув, сообщает, что Красс «как только вступил в бой с беглыми рабами, убил их шесть тысяч, а 900 взял в плен». Но ведь первая битва – это разгром легионов Марка Муммия! Разгром, паническое бегство, казнь каждого десятого. Какая уж тут победа? Аппиан, тоже горячий патриот, заявляет, что Красс победил даже дважды – сначала разбил отделившийся от гладиаторского войска отряд, а после и самого Спартака, более того, победа была «блестящей». И Флор туда же: «враги, разбитые и обращенные им в бегство, убежали». Даже тавтологию подпустил для убедительности.

Так и хочется спросить Аппиана со товарищи: если Спартак был «блестяще» разгромлен и обращен в бегство, почему победоносная армия Красса остановилась на пороге Регийского полуострова? И не просто остановилась – топталась несколько месяцев, не решаясь атаковать. Более того, Красс готовился не к наступлению, а к обороне, иначе бы не стал громоздить свою «линию Мажино». Или претор попросту трусил? Но с чего ему пугаться после «блестящей победы»?

Будем разбираться.

Маршрут Спартака мы уже знаем – через Луканию в Бруттий, к морю. Скорее всего, спартаковское войско шло по уже знакомой Помпилиевой дороге. Куда именно? Может быть, туда же, где Спартак провел прошлую зиму – в Фурии?

Аппиан:

«Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город».

Аппиан это нам уже сообщал, но его рассказ явно относится к предыдущей зиме – 73-72 годов до Р.Х. Иначе не получается, ведь речь шла об относительно спокойном житье-бытье спартаковской армии у зимнего моря. Хватало времени и поторговать, и оружие изготовить, и посылать в рейд отряды «добытчиков». Поздней осенью 72 года до Р.Х. все это было невозможно – к Бруттию спешила армия Красса. Поэтому не поверим Аппиану, послушаем других.

Плутарх:

«А Спартак мало-помалу уходил через Луканию к морю. Встретив в проливе киликийские пиратские суда, он решил переправиться в Сицилию и, перебросив на остров 2000 человек, возобновить войну сицилийских рабов, только недавно погасшую и требовавшую немного горючего материала, чтобы снова вспыхнуть. Киликийцы сговорились со Спартаком, но, взяв договоренные подарки, обманули его и уплыли. Тогда он, снова повернув от моря, расположил войско на Регийском полуострове».

Итак, спартаковское войско оказалось у моря, пройдя через Луканию. До Бруттия оно еще не добралось, значит, Спартак вышел к морю у Метапонта или Гераклеи. Здесь и состоялись его переговоры с пиратами.

...О коварных корсарах – чуть ниже. Пока же удивимся: от Метапонта или Гераклеи (это как раз посередине между «носком» и «каблуком» Италии) добираться в Сицилию далеко. Не лучше ли готовить десант в Регии, на самой оконечности «носка», откуда остров можно разглядеть без бинокля?

Пока шли переговоры, Спартак ждал, его войско стояло у моря. Вот тут-то и подоспел Красс.

И вновь Аппиан:

«Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 000 спартаковцев, почему-то стоявших лагерем ОТДЕЛЬНО от своих».

Как видим, римляне атаковали не основную армию, а один из отрядов. Скорее всего, это было прикрытие, специально оставленное Спартаком на подобный случай. Цифры не должны нас смущать – они «генеральские». Бой оказался для Красса успешным, и он наверняка постарался на радостях вписать в победную реляцию цифру покруглее. Между тем даже этот отряд полностью разбить не удалось. Аппиан пишет: «уничтожив две трети...» С таким же успехом можно было написать и «девять десятых» – к Спартаку за справками Сенат обращаться явно не решился. Во всяком случае поле боя осталось за римлянами, спартаковцы понесли потери, были даже пленные. Окрыленный Красс двинулся дальше, готовясь своим носом-клювом склевать наглого гладиатора, но... Спартак ушел.

А как же битва с главным спартаковским войском? Думаю, это тоже из очередного донесения в Сенат. Так и чувствуется стиль: «стал смело нападать», «блестящая победа». И за язык не схватишь, ибо формально все верно. Нападали? Нападали, хотя удар и пришелся в пустоту. Но Спартак отступил, значит, чей верх? Правильно, наш. Отступил быстро, следовательно, бежал, не иначе, в страхе. А все вместе – блестящая победа римского оружия. Ура!

А вот у Плутарха все проще. Спартак, не принимая боя, отступил на Регийский полуостров, Красс последовал за ним, но атаковать не решился, остановил легионы. И все! Про схватку со спартаковским охранением – ни слова. Неудивительно, таких стычек на войне хватает, да и чем хвастаться? Пока вся

римская армия возилась с небольшим вражеским отрядом, Спартак в очередной раз ускользнул. Так стоит ли в буцины трубить?

...Поздняя осень в тот год выдалась неожиданно холодной, предвещающая суровую зиму. Пошли дожди, близкое море забелело гребешками штормовых волн.

Бруттий. Регийский полуостров. Теперь они стояли лицом к лицу – гладиатор Спартак и претор Красс.

45. Регий или Странная война

«Странной войной», как вы помните, дорогой читатель, называли противостояние немецких и франко-британских войск на Западном фронте в первые месяцы Второй мировой. Огромные армии более полугода мирно поглядывали друг на друга из окопов. Боев не было, рядовые играли в футбол, офицеры – в преферанс, и все искренне считали, что вот-вот война кончится, так и не начавшись.

Странная война действительно длилась не вечно, но завершилась не мирным договором, а прорывом франко-британского фронта. А дальше был Дюнкерк, брошенные английские танки, горы касок на песчаных пляжах, немцы на улицах Парижа, капитулировавшая Франция, германские асы над Лондоном...

То, что происходило осенью и зимой 72 года до Р.Х. на Регийском полуострове, тоже можно окрестить Странной войной. Несколько месяцев римская и спартаковская армия стояли совсем рядом, не вступая в открытый бой. И те и другие чего-то ждали и не спешили рисковать.

«Регийское сидение» Спартака – в чем его смысл? И если это действительно была Странная война, то кто в ней являлся, условно говоря, «немцем», а кто «французом», кто эту войну выиграл?

Вновь не станем спешить. Ведь и в ту осень никто не спешил, ни спартаковцы, ни римляне. Со стороны могло даже показаться, что обе стороны заключили тайное перемирие. Поэтому прикинем для начала, что удерживало и тех, и других от боя?

Красса понять проще. После первых, пусть и не очень крупных успехов, он наверняка уверился, что кровавые жертвы оказались не напрасны, и Фортуна, наконец, смилостивилась – и на нем, и над Римом. И в самом деле! Из Лукании Спартака удалось прогнать после первого же боя, более того «презренный гладиатор» угодил в самую настоящую ловушку. Регийский полуостров, оконечность итальянского «сапога», с трех сторон окружен морем. Приближались зимние шторма, когда даже вездесущие пираты не рискуют испытывать судьбу среди холодных волн. Значит, море спартаковцев не спасет, до весны же они дотянуть не смогут – Регий невелик, для огромной армии там просто не хватит припасов. Так зачем рисковать, зачем посылать легионеров под гладиаторские мечи? Достаточно запереть мышеловку и подождать несколько месяцев.

...Где-то так размышляли и французы с англичанами осенью 1939-го. Германия к войне не готова, морская блокада отрезает ее от всех источников снабжения...

Красс решил ждать. Время, по крайней мере два-три месяца, имелось – Помпей все еще не мог покинуть Испанию, добывая последних мятежников и устроивая дела в отвоеванных провинциях. Можно было не спешить и просто ожидать, пока мятежники околеют от голода. А чтобы запереть врага понадежнее и заодно занять делом скучающее войско, претор решил свершить нечто, достойное фараона Хеопса и французского Генерального штаба.

Аппиан:

«Настигнув войско Спартака, Красс запер его, отрезав рвом, валами и палисадами».

Плутарх:

«Красс, подойдя сюда и видя, что сама природа места указывает, что нужно делать, поспешил перерезать стеною перешеек, чтобы одновременно и дать занятие своему войску, и лишить врага подвоза провианта. Это было большое и трудное дело, которое Красс окончил против ожидания в короткое время. Он провел от моря до моря через перешеек ров длиною в триста стадий, шириной и глубиной одинаково в 15 футов, а над рвом возвел стену большой высоты и прочности».

Переведем: «линии Мажино», а точнее, «линия Красса» была протяженностью около 55 километров, ее ширина и глубина – 4,6 метра. Изрядно пришлось попотеть легионерам! А что же Спартак?

Плутарх:

«Сначала Спартак не обращал внимания на эти работы, относясь к ним с презрением».

Так и хочется спросить вождя – почему с презрением? Стоит взглянуть на карту, чтобы понять: мышеловка действительно захлопнулась. «Линия Красса», скорее всего, перерезала полуостров от города Терины на севере до Сколация на юге, там от моря до моря как раз чуть более полусотни километров. А ведь стена и вал – лишь часть обороны. Римляне никогда не надеялись только на укрепления. Стены и вал (то, что римляне называли «лимесом») должны сдерживать первый натиск врага, основной же удар принимала на себя войско, находящееся за ними. Полсотни километров это не так и много, войско можно разместить в трех лагерях, каждый – на расстоянии одного перехода. В случае необходимости армия быстро собирается в кулак и бьет от души. Для успешного наступления требуется, как известно, тройное преимущество, а силы римлян и

спартаковцев были приблизительно равны. Так отчего же «с презрением»? Неужели великолепный парень так возгордился?

Думаю, не возгордился, а рассуждал вполне здраво. Мудрость Красса была мудростью дилетанта, впервые попавшего на высокий командный пост. Красс воевал и раньше, но под его началом были лишь небольшие отряды. Тактику наверняка знал неплохо, а вот стратегию... Если бы Марк Лициний и в самом деле что-то понимал в мудрой науке стратегии, он должен был знать, что пассивная оборона – даже за «линией Красса» – залог будущего поражения:

1. Обороняющийся предоставляет всю инициативу противнику. Тот сам выбирает, где и когда нанести удар.
2. Пассивная оборона, особенно длительная, расслабляет войска, деморализует, гасит боевой дух.
3. «Запереть» армию противника равной численности практически невозможно. Как ни узок предполагаемый театр военных действий (полсотни километров), враг всегда может создать на острие удара подавляющее преимущество и оборону прорвать.

Так и случилось – «линия Красса», как и «линия Мажино», осталась в военной истории примером кровавого бессмысленного курьеза. Сам Спартак явно не придавал серьезного значения подобной фортификации. Сохранились его слова, переданные Саллюстием: «Только то место будет для них безопасно, где они будут стоять вооруженными». Смысл ясен – обороняются люди, а не стены. Впрочем, в первое время Спартак явно играл в поддавки. Его войско даже не пыталось вырваться из ловушки, словно вождь гладиаторов и в самом деле повернулся к врагу спиной. Это еще более успокаивало Красса, настраивая на оптимистический лад. «Презренные гладиаторы» оказались явно не ровней римлянам. Одно дело из засады нападать, совсем другое – правильную войну вести. Сразу видно, что они «люди низшие, наименее заслуживающие почтения»! Недочеловеки, в общем.

...Через много лет Красс еще раз недооценит противника. Победив парфян в нескольких мелких стычках, он попадет в стратегическую западню, откуда не выберется ни он сам, ни его армия...

Оставим пока Красса скучать возле свежевырытого рва и поглядим, что делается у Спартака. Его нам понять будет куда сложнее. И в самом деле, что заставило великолепного парня сунуться в мышеловку? Италия велика, мир еще больше, так зачем нужно было идти именно в Регий?

Прежде всего отметим, что направился он туда по собственной воле. Даже если поверить в «блестящую» победу Красса, одержанную на луканских полях, и предположить, что Спартак не хотел вступать в открытый бой с римлянами, отступить на «носок» Италии было совсем не обязательно. Смотрим на карту. Дорогой читатель, она у вас еще не превратилась в лохмотья?

Армия Красса, как мы уже знаем, догнала спартаковцев в Лукании. Удар приняло на себя прикрытие, и Спартак имел время, чтобы:

- Увести войско в горы, в хорошо знакомые ему Апеннины.
- Или двинуться быстрым маршем по Помпилиевой дороге (тоже знакомой) в Кампанию.

Спартак не делает ни того, ни другого, он ведет войско на юго-запад, в Бруттий. Почему? Один ответ мы уже знаем – гладиаторы мечтали переправиться на Сицилию, то ли всей толпой, то просто высадить небольшой десант. Но знаем мы и другое – этот ответ подкинул римлянам сам Спартак. Операция «Сицилийский лев» – типичная спартаковская дезинформация. К тому, что уже сказано, можно добавить еще одно, тоже известное, изображение. На дворе осень, начались шторма, приближалась зима, неожиданно холодная, снежная. Зимой судоходство на Средиземном море прекращалось. Какой же уважающий себя пират станет головой рисковать? А ведь десантная операция, даже если надо высадить не пятьдесят тысяч, а только две, требует не один десяток кораблей. Неужели Спартак этого не понимал?

Уверен – понимал. Но переговоры с пиратами наверняка состоялись, вот только разговор шел не о Сицилии. Или, скажем осторожнее, не об одной Сицилии. Ошибка римлян, узнавших о контактах Спартака с киликийцами, в том, что они, поверив дезинформации, ждали НЕМЕДЛЕННОЙ высадки спартаковцев на остров, более того, считали это ГЛАВНОЙ ЦЕЛЬЮ Спартака. Оба эти вывода неверные, ибо целью Спартака являлась не Сицилия, где его армии просто нечего было делать, а войско Красса. Что же касается пиратов, то эти переговоры с ними были наверняка не первые, просто именно той осенью, разведка Красса сумела о них узнать. А между тем, никакой особой тайны во всем этом нет. О чем договаривались спартаковцы с «джентльменами удачи»? Конечно же, о совместных действиях против Рима! Но не зимой, когда по морю плавать опасно, а будущей весной. Война продолжалась, и Спартаку были очень нужны союзники под парусом.

Но ведь пираты обманули Спартака? То ли испугались, то ли и вправду были римлянами перекуплены.

Плутарх:

«Киликийцы сговорились со Спартаком, но, взяв договоренные подарки, обманули его и уплыли».

Логика простая: Спартак хотел высадиться на Сицилии с помощью пиратов. Высадка не состоялась, значит пираты Спартака обманули. А если вождь договаривался с пиратами совсем о другом? О чем именно, пусть нам сами римляне расскажут. К примеру, тот же Цицерон, событиям свидетель. Помните, как он доказывал, что спартаковского десанта на Сицилии не было? Верно, десанта не было, зато было кое-что другое.

...Лето 70 года до Р.Х. Спартак уже погиб, его войско разбито, Красс отпраздновал овации. Молодой юрист Цицерон спешит из Сицилии в Италию на очередной судебный процесс, где он должен выступить обвинителем.

Цицерон:

«Ведь если бы обвиняемого можно было осудить в отсутствие обвинителя, мне незачем было ехать на крошечном суденышке из Вибона в Велию, пробираться между оружием БЕГЛЫХ РАБОВ, МОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ...»

Итак, Спартака уже нет, но война продолжается. Вибон и Велия находятся на западном побережье Италии, недалеко от Регия. Восстание считается подавленным, но римской власти в тех местах нет и в помине, всем заправляют беглые рабы и пираты. Римский юрист вынужден пробираться на каком-то суденышке подобно контрабандисту, как он сам пишет «с опасностью для моей жизни».

Вот вам и плоды союза с пиратами! Даже после гибели вождя спартаковцы продолжают контролировать побережье. Они высаживают десанты, занимают целые города. Тот же Цицерон стыдливо упоминает «темесианскую неудачу». Умел златоуст слова подбирать! «Неудача» в данном случае – это захват города Темесы спартаковцами и пиратами. Одни высадились с моря, другие осадили с суши. А дальше все, как обычно – паника, бегство, лихорадочные попытки найти смельчака, который бы возглавил войско... Смельчака, к слову, так и не отыскали.

Вот об этом и договаривался Спартак с пиратами – о будущих совместных действиях. Уверен, если бы великолепный парень не погиб, римлянам пришлось бы куда хуже. Под руководством Спартака пиратские эскадры следующей весной могли добраться не только до Сицилии (это как раз было не трудно), но и начать беспокоить римлян на всем протяжении итальянского побережья, высаживая небольшие «кочующие» десанты. А затем спартаковские эскадры могли нанести удар прямо по Остии, морским воротам Вечного Города. Что способно было этому помешать? Римский флот? Но как раз в эти месяцы пираты вдребезги разбили его возле Крита. Повезло же Римской Волчице, что претор гладиаторов не дождался весны!

Вот вам и вторая составляющая нового плана Спартака – не только захват Северной и Южной Италии, но и морская БЛОКАДА Рима. Сицилия же никуда бы не делась, пираты и так чувствовали там себя, как дома. Именно осенью 72 года до Р.Х. очередной пенитель морей преспокойно завел свои корабли прямо в гавань Сиракуз. И ничего, стерпели римляне, побоялись в бой вступить. Так к чему еще спартаковский десант?

Итак, «Сицилийский лев» – очередная спартаковская дезинформация – позволил решить сразу две задачи:

1. Отвлек внимания Красса. Тот едва ли до конца поверил в «Сицилийского льва» (иначе бы не строил свою «линию Мажино»), но все-таки предпочел выждать. А вдруг? В результате Спартак выиграл несколько лишних недель.

2. Посеял панику на самой Сицилии, наместник которой тут же принялся с успехом ловить «спартаковских шпионов» и «заговорщиков». На крест посылались даже римские граждане, что само по себе являлось преступлением. Понятно, что репрессии только подрывали авторитет римской власти.

Но если Спартак не думал высаживать на Сицилии, то что было делать ему в Регии?

Первый ответ очевиден. Регий – это земля бруттиев, основной спартаковский плацдарм в Италии. Именно здесь войско гладиаторов пользовалось поддержкой населения, что давало возможность не только прикупить все необходимое для войско, но получить новое пополнение.

Аппиан:

«Спартак же, поджидая всадников, кое-откуда прибывших к нему...»

Прервем цитату. Пехоты у Спартака хватало (если верить римлянам – целых 120 тысяч), а вот конницы явно не доставало. Поэтому и нужны были ему конные пастухи-бруттии на своих невысоких конячках. Остальное же войско, две трети из которого были новобранцами, следовало обучить и закалить. С обучением проблем не предвиделось, ведь мы помним, что командирами у Спартака были гладиаторы. Уж они-то знали, что такое боевая подготовка! А закалять войско следовало в небольших стычках, в коротких набегах. И с этим трудностей не было.

Аппиан:

«Спартак же, поджидая всадников, кое-откуда прибывших к нему, больше уже не шел в бой со своим войском, но постоянно беспокоил осаждавших мелкими стычками; часто он неожиданно нападал на них, набрасывал пучки хвороста в ров, зажигал их и делал осаду чрезвычайно трудной».

Как видим, Плутарх не совсем прав, утверждая, что спартаковцы вовсе не обращали внимания на осадные работы. Обращали, причем регулярно – но прорваться за линию укреплений действительно не пытались. До поры, до времени, конечно.

Такие локальные бои не только позволяли обучить бойцов, так сказать, в обстановке, полностью приближенной к боевой, но и служили неплохой наглядной агитацией – и для чужих, и для своих.

Аппиан:

«Спартак... приказал повесить пленного римлянина в промежуточной полосе между обоими войсками, тем самым показывая своим образ того, что ожидает побежденных в случае поражения».

Убедительно, ничего не скажешь!

Итак, временем, отпущенным ему Крассом, Спартак воспользовался сполна. Три месяца (или даже больше), проведенные в Регии, позволили обучить и пополнить армию. Римляне же все это время бесполезно проскучали за своей «линией Красса». Единственным развлечением были короткие, но успешные налеты спартаковцев – и трупы легионеров на нейтральной полосе.

Это то, что было. Но куда интереснее то, что МОГЛО быть. Уверен, «регийское сидение» требовалось Спартаку не только для пополнения и обучения войска. РАЗБИТЬ КРАССА – вот его основная цель. Так может, именно для этого он заманивал римлян на окруженный с трех сторон морем полуостров, как когда-то на Везувий? Ведь Клавдий Глабр тоже думал, что загнал гладиаторов в мышеловку! Не готовил ли Спартак такую же участь Крассу? Куда на самом деле должен был прыгнуть «Сицилийский лев»?

Ясно одно – разбить римлян атакой в лоб было невозможно. При равенстве сил «линия Красса» позволила бы оказать эффективное сопротивление и нанести спартаковцам серьезный урон. Но зачем атаковать в лоб, когда можно обойти? Не об этом ли вел переговоры Спартак с пиратами? Высадка даже небольших десантов в римском тылу могла сильно деморализовать противника (синдром «Окружают!»), нарушить всю систему обороны, заставить Красса отступить на восток, а затем добить где-нибудь на границе Бруттия и Лукании. Если так, то пираты, «обманувшие» Спартак и в самом деле спасли римскую армию.

Была, однако, и другая возможность. Мы знаем, что эти месяцы спартаковская армия стояла на Регийском полуострове. Но ведь это не все силы восставших. Увлечшись поединком Спартак и Красса, мы с вами напрочь забыли о «галлах». А зря!

Где в это время находился отряд Ганника и Каста? Тоже у Регия? Не исключено, однако все источники «находят» галлов совсем не там. «Галлы» продолжают воевать ОТДЕЛЬНО от Спартак.

Плутарх:

«Много мятежников отделилось от него из-за раздоров и самостоятельно расположилось лагерем вблизи Луканского озера».

Орозий:

«Прежде чем напасть на самого Спартак, расположившегося лагерем у истоков реки Силара, он победил его вспомогательные войска галлов и германцев».

Считается, что отряд Ганника и Каста отделился от спартаковской армии ПОСЛЕ прорыва «линии Красса». Однако ни Плутарх, ни Орозий, ни остальные ничего подобного не сообщают. Столь же вероятно, что «галлы» всю осаду оставались в Лукании, где-нибудь на склонах Апеннин. Причиной этого действительно могли быть «раздоры», усугубившиеся после гибели Крикса, но возможен и другой вариант – Ганник и Каст получили приказ готовить удар по римской армии С ТЫЛА. Случись такое, войска Красса были бы попросту раздавлены, попав между спартаковским молотом и «галльской» наковальней. «Галльский петух» и «Сицилийский лев» набросились бы на Волчицу с двух сторон.

Может, в этом и состоял главный замысел Спартак? Именно этого он ожидал, готовя армию к решающему сражению? В этом варианте на Регийском полуострове полностью повторился бы Везувий, только в большем масштабе.

Этого, как мы знаем, не случилось. Возможно, разногласия между Спартаком и «галлами» оказались слишком велики, и Ганник отказался от совместных действий. Но вероятнее всего, «галлы» просто не успели. Удар по римским тылам следовало наносить как можно позднее, когда армия Красса окончательно деморализуется в ходе Странной войны. Однако Судьба рассудила иначе.

...Где-то в самом начале месяца марцедония, когда на желтую траву выпал неожиданный, столь редкий в этих местах снег, Марк Лициний Красс узнал, что случилось самое страшное – не для Рима, для него лично.

Аппиан:

«В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется на долгое время, выбрали вторым главнокомандующим Помпей».

Не хотелось бы мне оказаться на месте Марка Лициния в тот несчастливый день тринадцатого месяца, когда гонец доставил ему распоряжение Сената. Ведь он сделал все, что мог, все, что в человеческих силах! И вот когда все идет к развязке, когда враг в западне и он сделал лишь одно – немного подождать, когда крылья Виктории-Победы уже шелестят над преторским шатром...

Помпей! Опять Помпей, опять этот счастливчик, этот баловень капризной Фортуны! Неужели все зря? Неужели он, Марк Красс, так и не использует свой шанс?

Решение могло быть только одно – разбить Спартак, пока Великий еще далеко. Разбить немедленно! Сейчас!

Посочувствуем Марку Лицинию. Посочувствуем, но признаем, что на этот раз Сенат поступил абсолютно правильно. Умные люди на Капитолии сообразили, что осада Регия может закончиться только одним – очередным разгромом. Это само по себе очень плохо, но в Риме видели и другое, еще худшее. «Позор», о котором писал Плутарх – не просто стыд за проигранные сражения. Война шла уже третий год, и вся Ойкумена начинала понимать, что римлян МОЖНО и НУЖНО бить. Пресловутого «мифа о непобедимости» давно уже не было, но все предыдущие войны Рим как-то умудрялся выигрывать. А тут даже не война, какой-то бунт, квиритов лупят их собственные рабы. И как лупят!

Аппиан:

«Это была война, на которую уже нельзя было спокойно смотреть, но которой следовало повсюду бояться. То, что она называется войной с беглыми рабами, еще не значит, что ее должно считать незначительной из-за названия...»

«Повсюду бояться»! Повсюду – это в Италии, где уже целые области отпадали от Рима, в Азии, где продолжал сражаться Митридат, на море, где царили пираты. Любое сопротивление имеет предел, и на Капитолии поняли или почувствовали, что этот предел близок. Оставалось одно – звать самого лучшего. Звать Помпея.

О Гнее Помпее Магне уже приходилось упоминать. Скажу еще пару слов.

...Мне жаль Великого Помпея. Из всех, кто так или иначе был связан со Спартаксом, он выглядит наиболее пристойно. Дело не в том, что Помпей и вправду был неплохим полководцем, может быть, самым лучшим, пока не взошла звезда Цезаря. Он был еще и очень хорошим человеком, честным, добрым, отзывчивым, даже в чем-то наивным. Его честолюбие – какой же вояка без честолюбия! – казалось чем-то несущественным по сравнению с амбициями всех его соперников и друзей. Сколько раз всего один шаг отделял Магна от диктатуры, но никогда он не пытался такой шаг сделать. Помпей и погиб, защищая законную римскую власть от нового Кесаря.

Единственное темное пятно на всей его жизни – это участие в карательных экспедициях Суллы. Оправдать такое трудно, но понять можно. Молодой офицер, сам пострадавший от репрессий марианцев, получил возможность отомстить врагу. Отомстить – и прославиться. Триумф в двадцать лет – кто откажется от такого? Если именно за это его карали римские боги, то кара была слишком жестокой. Смерть от руки предателя, гибель всей семьи, крушение мира, который он пытался защитить... А если Магна действительно задело проклятие Красса, это еще более несправедливо. Сам Помпей никогда не приносил в жертву своих солдат.

Мир душе твой, Гней Помпей Магн! Ты был достоин лучшей доли...

Сейчас, в месяце марцедонии 72 года до Р.Х., Помпею тридцать четыре. Его слава еще только поднимается к зениту, все еще впереди, Магн молод, полон сил, он только что победил Сертория. Уверен, что получив указ Сената, Гней Великий вполне искренне, без всякого злорадства поспешил на помощь своему другу и однополчанину Марку Крассу. Возможно, он даже не догадывался, что у того на уме.

Красс же... Ну, с ним все понятно.

Аппиан:

«Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака».

Странная война заканчивалась. Римская армия была готова перейти в наступление. «Стал нападать» – наверняка разведка боем перед решающим сражением. Следовало спешить, Помпей уже вел своих ветеранов в Италию.

Спартак тоже понял, что обстановка изменилась. Его разведка, конечно же доложила о назначении Помпея и о подготовке римского наступления. Значит, надо было менять планы.

Наши древние уверяют, что идти на прорыв Спартаку пришлось из-за недостатка провизии. А вот в это я не верю, точнее, не верю, что это была единственная и главная причина. С самого начала осады Спартак знал, на какой срок его армия может рассчитывать при наличных запасах. Вероятно, к этому времени они действительно заканчивались, но показатель то, что Красс начал первый. Именно он «старался всячески ускорить дело».

Спартак отреагировал молниеносно – и в уже привычной манере. Враг собирается напасть? Прекрасно, значит первым делом надо уверить его в том, что спартаковская армия этого боится. В одну из ночей Спартак атакует римские укрепления. Атакует – и отступает, не добившись цели.

Аппиан:

«Когда Спартак был принужден попытаться пробиться в Самниум, Красс на заре уничтожил 6000 человек неприятельского войска, а вечером еще приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых. Такова была перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине. Эта перемена вселила в нее смелость и решимость достигнуть победы».

Отставим на совести Аппиана «генеральские» цифры. Такого соотношения потерь – двенадцать тысяч против троих – не могло быть, даже если спартаковцы атаковали безоружными, а у римлян имелись на вооружении пулеметы. Вероятно, историк заглянул в очередное донесение Красса в Сенат. Так и слышится его победный глас: ведайте и внемлите, отцы Города, вот как Я воюю! Разве Помпей так умеет?

Судя по дальнейшему, это была обычная разведка боем. Спартак, как и его противник, прощупывал вражеские позиции. Как видим, удара было два, каждый на отдельном направлении. Красс бы и сам не отнесся к этим стычкам столь серьезно, если бы... Если бы вслед за этим не случилось невероятное: Спартак предложил начать МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Аппиан:

«Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры».

Подчеркну – речь не шла о тайных контактах, которые часто случаются на войне. Спартак предложил переговоры вполне официально, более того, не скрывая причины. Помпей! «Презренный гладиатор» тоже боялся Помпея!

Ох, и дрогнуло радостью сердце Марка Лициния. Враг БОИТСЯ. Наконец-то! Само собой, мириться он отказался, как пишет Аппиан, «с презрением».

Этим несостоявшимся переговорам многие придают слишком большое значение. Джованьоли Вещий даже считал, что мир заключить предложил не Спартак, а Красс – все из-за того же Помпея. Более того, претор пытался сманить «презренного гладиатора» чуть ли не консульской должностью, лишь бы скорее закончилась война. Могло быть такое? Уверен – нет. В Риме не простили бы Крассу мира со Спартаком, ибо такое окончание войны с собственными рабами напоминало бы самую настоящую капитуляцию. А в этом случае вступал в силу древний римский закон – мир не утверждался, его инициатор отсылался к неприятелю для последующей расправы, а войну поручали другому.

...Связанный по рукам и ногам Красс в гладиаторском шатре. Хороша перспектива!

Так что переговоры предложил именно Спартак. О чем именно речь шла? И об этом можно догадаться. Через несколько десятилетий после гибели Спартака римлянам пришлось вновь воевать с армией мятежников, на этот раз в Африке. Руководил ими некто Такфаринат. И вот однажды африканцы предложили Риму договориться на тех же условиях, что и когда-то Спартак. Естественно, их пожелания были негодованием отвергнуты – по тем же причинам.

Тацит:

«Даже и Спартак после поражения стольких консульских армий, жегши неотмщенную Италию, не добился того, чтобы вступили с ним в примирение по договору, хотя в то время республика была потрясена страшными войнами с Серторием и Митридатом; тем менее можно было при полном могуществе римского народа откупиться от разбойника Такфарината заключением мира и УСТУПКОЙ ЗЕМЕЛЬ».

Вполне вероятно, что требования Спартака были действительно очень скромными: мир и земля. Армия восставших спокойно расходуется, каждый получает свой надел где-нибудь в Галлии и Северной Италии. В крайнем случае Спартак мог потребовать себе какую-нибудь из провинций – для прокормления, так сказать.

Такая «скромность» только раззадорила Красса. Если просят мало, следовательно, желают помириться как можно скорее. Боятся! Значит, никаких уступок. Добить врага!

Мне же кажется, что предлагая переговоры, Спартак мог поставить вопрос не только о мире и земле – он способен был прозрачно намекнуть Крассу, что власть можно и ПОДЕЛИТЬ. Почему бы Марку Лицинию не стать новым Серторием, а еще лучше – Суллой? Красс занимает войском Капитолий, а Спартак, к примеру, обязуется разделиться с Помпеем.

Такой «пробный шар» вполне мог быть брошен. Конечно, Красс подобное отверг. Но в душе... Лишняя капля яда, лишняя бессонная ночь. И утроенная ярость – скорее, скорее! Никаких переговоров, никакого мира. Уничтожить врага!

В любом случае обе стороны не отнеслись к переговорам серьезно. Для Красса он стали еще одним доказательством того, что враг не желает воевать. А Спартак? Спартак же именно подобного и добивался. Пока Красс потирал руки и строчил очередное победное донесение в Сенат («Еще немного, еще чуть-чуть!»), спартаковская армия уже готовилась к решающему удару. Разведка боем наверняка подсказала место, где римские позиции не столь сильны. Что и требовалось.

Одновременно спартаковцы осуществил еще одну внушительную демонстрацию.

Флор:

«Они стали готовиться к бегству в Сицилию и, не имея лодок, напрасно пытались переплыть через бурный пролив на плотках из бревен и на бочках, связанных ветвями».

Саллюстий:

«Положивши под бревна бочки, они связывали их ветвями и ремнями из неотделанной кожи...»

Всерьез рассчитывать на переправу войска в несколько десятков тысяч человек через бурное море с помощью таких «понтон» — конечно, невозможно. Только царевич Гвидон мог на такое сподобиться. Зато операция «Бочки», ставшая тут же известной римлянам, еще раз убедила их в очевидном – враг в панике, спартаковцы, потеряв головы от страха, пытаются уплыть на наскоро связанных плотках...

И вот в одну из ночей холодного месяца марцедония, когда снег покрыл белые легионерские палатки, и часовые мерзли в своих легких плащах...

Плутарх:

«...Выждав снежную и бурную ночь, Спартак приказал засыпать небольшую часть рва землей, деревьями и сучьями и перевел через него третью часть своего войска».

Аппиан:

«Спартак решил пойти на риск и, так как у него было уже достаточно всадников, прорвался со своим войском через окопы...»

Считается, что именно перед этой атакой Спартак произнес свои знаменитые слова: «Лучше смерть от железа, чем от голода!» Красиво умеют говорить вожди! Красиво – и убедительно. Не удивлюсь, если на

самом деле припасов еще хватало, но Спартак намеренно напугал войско призраком голодной смерти. Злее будут – и назад и повернут.

«Линию Красса» постигла та же участь, что и все прочие «неприступные» позиции. Замысел Марка Лициния рухнул в одну ночь.

Странная война закончилась, Спартаковская – продолжалась.

46. Бои в цейтноте

Понятие «цейтнот» хорошо известно даже тем, кто не любит шахматы. «Цейтнот» – «времени нет», истекают последние секунды, приходится делать ходы, почти не раздумывая. А проклятая стрелка спешит, отсчитывает мгновения...

Шахматы недаром считают самой простой и удобной имитацией военных действий – послушные фигурки, которых можно подставлять под бой, пехота, конница, даже полководцы, свой и вражеский. Конечно, деревянная доска – не поле битвы, и не всякий гроссмейстер может стать хорошим генералом. Но принцип тот же и проблемы те же.

В снежном месяце марцедонии, на самом излете 72 года до Р.Х., в поединке Спартак-Красс начал ясно ощущаться привкус цейтнота. Партия стремительно приближалась к концу. Живые фигурки задвигались с огромной скоростью, сражение сменялось сражением, и оба игрока, зачарованно глядевшие на часы, начали совершать непростительные для каждого ошибки.

Причины, по которым Спартак и Красс оказались в цейтноте, очевидны. Судя по всему, никто из них не ждал, что армия Помпея окажется в Италии раньше весны. Но Великий сделал почти невозможное – за пару месяцев завершил войну в Испании и тут же направился со своими ветеранами по Пути Геракла к Альпам. На рубеже 72-71 годов до Р.Х. его авангард был уже в Цизальпинской Галлии.

Итак, оба игрока спешили, но совершенно по разным причинам. Спартака понять легче, ему требовалось закончить партию, пока армия Помпея не соединилась с Крассом. Выстоять против объединенных римских сил спартаковская армия не смогла бы, поэтому требовалось убрать одного из игроков.

Красс, как мы знаем, торопился совсем по другой причине. С точки зрения здравого смысла ему этого делать не следовало – разумнее было подождать Помпея, согласовать совместные действия. Разумнее – но не для Красса.

Плутарх:

«Стало известно, что Помпей уже приближается. При выборах в народном собрании раздавалось немало голосов, что именно ему будет принадлежать победа в войне: придя, он тотчас вступит в бой и окончит ее».

Кажется, Красс боялся Помпея куда больше, чем его противник. Отсюда и спешка, отсюда ошибки, отсюда совершенно неразумное: «Скорей! Скорей!».

Спартак тоже спешил, но действовал куда более хладнокровно. Он знал то, о чем Красс или не догадывался или просто не хотел задуматься – на пути Помпея были Цизальпинская Галлия и Этрурия, где действовали спартаковские отряды. Пройти эти области без боев Великий не мог, значит время еще имелось, хотя и не слишком много. Спартак оказался прав, армии Красса и Помпея так и не соединились, войска Великого завязли в Этрурии до самого конца войны. Однако, вождь гладиаторов не мог знать об этом заранее, поэтому тоже торопился. Если Красс будет разбит, с одним Помпеем справиться можно.

Итак, бои в цейтноте. Ход за ходом, почти без передышки.

«Белыми» играл Спартак. Именно ему принадлежала инициатива в этой финальной партии. Первый ход мы уже знаем – спартаковцы прорвались через «линию Красса». Но прорваться – только полдела. Римляне могли развернуться и обрушиться на врага всеми силами, попытаться закрыть прорыв, отрезать часть спартаковцев на Регийском полуострове, разбить по частям. Поэтому Спартак делает ход конем. Вспомним!

Аппиан:

«Спартак решил пойти на риск и, так как у него было уже достаточно всадников, прорвался со своим войском через окопы...»

Конечно же, не конница прогрызала проход в римских укреплениях, на это есть пехота. Но в прорыв ушла именно кавалерия и, вероятно, наиболее опытные части из числа спартаковских ветеранов. Ведь Плутарх пишет о «трети» войска, вырвавшейся из Регия. Столько конницы у Спартака конечно же не было. Но почему треть, почему не вся армия? Причина понятна – мобильные части Спартака оказались В ТЫЛУ у римлян. Теперь Красс, а не Спартак был окружен. Удара следовало ждать с любой стороны, что само по себе неприятно, но Спартак, не дожидаясь ответного хода (война все-таки не шахматы), предпринимает нечто совершенно неожиданное. Отборная часть его армии быстрым маршем уходит по Помпилиевой дороге на север.

Орозий:

«Прежде чем напасть на самого Спартака, расположившегося лагерем у истоков реки Силара...»

Смотрим на карту и имеем полное право удивленно покачать головой. Силар – это граница уже знакомой нам Кампании. До Капуи всего несколько переходов, а за Капуей – Рим!

Спартакowski «конь» прыгнул в глубокий тыл врага. Дорога на Вечный Город была открыта. Расчет прост и понятен – Красс, бросив все, не просто пойдет, помчится следом, спасая столицу. Так и случилось.

Плутарх:

«Красс испугался, как бы Спартак не решился стремительно двинуться на Рим...»

Испугался – верное слово. Но еще правильнее будет сказать – запаниковал. Кажется, впервые за всю войну его нервы не выдержали.

Плутарх:

«Красс... быстро написавший сенату, что необходимо вызвать Лукулла из Фракии и Помпея из Испании...»

Это уже сигнал «SOS». На какой-то миг Марк Лициний забыл обо всем, даже о Помпее. Спасите наши души, отцы-сенаторы! Зовите кого угодно, Отечество в опасности!

...Плутарх не совсем точен. Помпей к тому времени был уже избран командующим, его не требовалось звать на помощь. Очевидно, речь шла о том, чтобы ПОТОРОПИТЬ Великого. А вот Марк Лукулл – это нечто новое. Война во Фракии закончилась, римское войско собиралось домой, и Красс просит Сенат направить эту армию ему на помощь.

Сенат так и поступил. Наверное, и над Капитолием слышали шелест крыльев дочки Пана.

Между тем, Красс, бросив позиции на Регии, спешит на север. Оставшиеся на полуострове спартакoвские войска получили возможность спокойно выйти за никем не охраняемую «линию Мажино». Не все, вероятно. Какая-то их часть, прежде всего бруттийцы, могли остаться дома, прикрывая главную базу восставших. Именно они через полтора года взяли Темессу и доставили изрядные неприятности Цицерону, пытавшемуся добраться из Сицилии в Италию.

А Красс был уже в Лукании. Страх постепенно проходил. Шли дни, а Спартак все еще стоял на берегах Силара, не двигаясь дальше на север. На сердце отлегло: гладиаторы не пошли на Рим, самое страшное не случилось!

Красс опомнился. Опомнился, осмотрелся – и понял, что Фортуна не так уж к нему неблагосклонна. Впервые за всю войну Спартак вынужден был РАЗДЕЛИТЬ свою армию. Часть его сил у Силара, часть еще в Бруттии, часть в Лукании...

Отдадим должное Марку Лицинию. На этот раз он рассудил абсолютно верно. Рассудил – и сделал ответный ход, причем чисто спартакoвский. Враг разделил войско? Отлично, значит будем бить по частям! Оставалось найти первую цель.

Ближе всего к римской армии оказался отряд «галлов» под командованием Ганника и Каста.

Плутарх:

«Красс... успокоился, когда много мятежников отделилось от него из-за раздоров и самостоятельно расположилось лагерем вблизи Луканского озера».

Трудно сказать, действительно ли виной всему были «раздоры». Может, на этот раз Плутарх прав. Луканское озеро находится почти на берегу Тирренского моря, возле древнего города Пестума. Оттуда до берегов Силара, где стоял Спартак, полсотни километров по прямой, если же сворачивать на Помпилиеву дорогу, то несколько больше. Как Ганник там оказался? Если бы «галлы» вслед за Спартаком прорывались из Регия, войско Красса преградило бы им дорогу. Однако мы видим другое – «галлы» не спешат на север, отряд разбил лагерь и никуда двигаться не собирается. С военной точки зрения это бессмысленно и очень опасно. Значит, возможны лишь два варианта:

1. Ганник вместе со Спартаком был в Регии, вместе с ним прорвался через «линию Красса», но у Луканского озера почему-то остановил свой отряд и не пошел дальше. Не там ли случился «раздор»?

2. «Галлы» не были вместе со Спартаком на Регийском полуострове, их отряд все это время находился в Лукании, действуя отдельно.

Второе предположение представляется более вероятным. И вот почему. Спартак вывел из Регия треть войска. Вспомним «генеральские цифры» – в спартакoвской армии только пехоты 120 тысяч. Значит, в прорыв ушло не менее сорока тысяч.

...Еще раз подчеркну – цифры «генеральские» и взяты исключительно для удобства счета.

А сколько было «галлов»?

Тит Ливий:

«Претор Марк Красс сначала счастливо сразился с частью беглых рабов, состоявшей из галлов и германцев, перебив тридцать пять тысяч рабов и убив их вождя Ганника».

Орозий:

«А после этого, прежде чем напасть на самого Спартака, расположившегося лагерем у истоков реки Силара, он победил его вспомогательные войска галлов и германцев, из которых убил 30 тысяч человек вместе с самими вождями».

Фронтин:

«Ливий рассказывает, что в этом сражении было убито тридцать пять тысяч вооруженных вместе с их вождем».

Итак, по римским подсчетам у Ганника и Каста было 30-35 тысяч человек. Если отряд отделился от основной армии Спартака, у того должно было остаться сколько? Совершенно верно, 5-10 тысяч. Но как мы увидим дальше, спартаковское войско было никак не меньше отряда «галлов». Вывод один – Ганник и Каст все это время находились в Лукании и присоединяться к спартаковской армии не собирались. О причинах «раздора» можно только догадываться. Скорее всего «галлы», большая часть которых, как мы знаем, были уроженцами не Галлии, а Южной Италии, не хотели покидать родные места. Но могло быть и хуже – Ганник и Каст не простили Спартаку трагедии у Гаргана, считая его виновником гибели Крикса. В любом случае пути двух повстанческих армий к этому времени разошлись окончательно.

Красс действовал молниеносно. Его армия двинулась к Луканскому озеру. Римское войско вдвое превышало числом отряд Ганника, поэтому план был прост: свалиться на голову зимним снегом, раздавить, разнести в клочья...

Увы! Фортуна вновь обманула Марка Лициния.

Плутарх:

«Подойдя к отделившейся части, Красс оттеснил ее от озера, но ему не удалось разбить мятежников и обратить их в бегство, так как быстро явившийся Спартак остановил панику».

Как видим, с ходу «галлов» разбить не вышло, удалось лишь «оттеснить». Куда? Судя по всему, на несколько километров восточнее, к подножию горы Каламация, то есть, к западным склонам Апеннин. Но на этом римские успехи и кончились. Отряд Ганника не собирался бежать или сдаваться, а из снежной мглы уже проступали знамена армии Спартака...

И тут Красс проявил характер. Римское войско не ушло – осталось на месте, наблюдая за врагом. И не зря! Вскоре Красс обнаружил то, что не могло не порадовать. Войска Спартака и Ганника не стали объединяться, более того, их лагеря находились хоть и близко, но не рядом. Видать, «рознь» и вправду была нешуточной!

Стало ясно, что Красс зря сетовал на капризную Фортуну – на этот раз она была на его стороне. И Марк Лициний доказал, что он и вправду неплохой полководец. А может быть, Те, кому он простелил кровавую дорогу в наш мир, наконец-то пришли на помощь.

Для начала Красс тоже разделил свою армию на две части.

Фронтин:

«Красс в войне с беглыми рабами у горы Каламация стал двумя лагерями рядом с лагерем врагов».

Судя по дальнейшему, основные силы вместе с самим Крассом вначале были размещены рядом с лагерем Спартака. Вполне логично: Спартак – главная опасность. Но в ближайшую же ночь...

Фронтин:

«Ночью, переменявшись войсками и оставив палатку предводителя в большом лагере, чтобы обмануть врагов, он сам вывел свое войско и поставил его в боевом порядке у подошвы вышеуказанной горы. Разделив конницу, он приказал Л. Квинкцию часть ее направить против Спартака и завлекать его притворным видом боя, а другою частью конницы постараться выманить на битвы галлов и германцев из отряда Каста и Ганника и под притворным видом сражения завлечь их туда, где он сам заранее стоял со своим войском в боевом порядке».

Есть и другой рассказ о том, как началась эта битва.

Плутарх:

«Решив сначала напасть на отделившихся и ведущих войну на свой риск – ими предводительствовали Гай Ганник и Каст, – Красс послал 6000 человек предварительно занять один холм, приказав постараться сделать это незаметно. Они попытались обмануть бдительность врага, скрыв свои шлемы, но были замечены двумя женщинами, приносившими в это время жертву. Воины подверглись бы большей опасности, если бы не подоспел быстро Красс».

Оба рассказа хорошо дополняют друг друга. Красс наконец-то сумел обмануть своего врага. Впервые спартаковская разведка сплеховала. Пока Спартак отражал атаку конницы Квинкция, принимая ее за основные римские силы, Красс со всем войском ударил по «галлам». Внезапности не получилось, но это уже не имело значения. Римлян было слишком много.

Все-таки научился Марк Красс воевать по-спартаковски! Недаром описание битвы у горы Каламации вошло в книгу Фронтин. Едва ли сам Помпей сумел распорядится лучше.

«Галлы» не отступили, не бежали, они умирали от ударов в грудь. За успех римлянам пришлось платить кровью. Но все-таки эта была победа – первая НАСТОЯЩАЯ победа полководца Красса.

Плутарх:

«...Пало 12 300 рабов. Из них только двое были ранены в спину, все остальные пали в строю, сражаясь против римлян».

Тит Ливий, римский патриот, называет еще более крупную цифру – тридцать пять тысяч, но это уже явно из донесения Красса в Сенат. На радостях Марк Лициний поспешил похоронить весь отряд «галлов».

Простим ему – как ни крути, а успех. Убиты Ганник и Каст, большая часть их отряда уничтожена, захвачен вражеский лагерь, полный трофеев. Помните?

Фронтин:

«...Было отобрано назад пять римских Орлов, двадцать шесть военных значков, много военной добычи, между которой было пять ликторских связок с секирами».

Наверняка ТАКОЙ добычей Красс гордился более всего. Спасены римские Орлы, позор смыт вражеской кровью...

...А между строк очевидное: кое-кто Орлов теряет, а Я, Марк Лициний, римские святыни спасаю!

Вероятно, ночь после сражения у Каламации была самой счастливой в жизни будущего триумвира. Наконец-то он мог спать спокойно! Наутро же, узнав, что спартаковский лагерь пуст, претор наверняка лишь рукой махнул. Бежал презренный гладиатор. Спекся, видать, Спартак, запаниковал! Ничего, нагоним, добьем...

Да, не бывает спасительных поражений, но роковые победы случаются. Эх, Марк Лициний, Марк Лициний! Добивают умирающих, а поле битвы – не гладиаторская арена. Спартак еще не разбит, и его войско тоже. Отступление – не бегство...

Спартак действительно ушел. Так и кажется, что в самый разгар страшной битвы, когда вождь гладиаторов понял, что «галлы» обречены, и незаметно отступил, не став рисковать армией. В горячке боя римлян это просто проглядели. Умирающие, но не отступившие ни на шаг «галлы» заслонили собой остальных.

Вы скажете, что Спартак поступил не по-товарищески, бросив тех, вместе с которыми он начинал борьбу? Кто знает, война – не Олимпийские игры.

Итак, спартаковцы отступали на восток, к Апеннинам. Однако Красс ошибся – они и не думали паниковать. Вождь гладиаторов сделал очередной ход конем. Уже известный ход – оторваться от врага, заставить его броситься вдогон. Гораций пускается в бег, а братья Куриации...

Плутарх:

«Спартак после поражения начал отступать к Петелийским горам. Квинт, один из легатов Красса, и квестор Скрофа следовали за Спартаком по пятам».

Знакомая картина! Два брата Куриация – Квинт Аррий и Скрофа – бегут, высунув языки за Горацием, третий брат – Марк Красс – слегка замешкался. А тут еще горы, ущелья, узкие заснеженные тропинки... Надо ли пояснять, что случилось дальше, что именно сделал Гораций-Спартак?

Плутарх:

«Когда же он повернул и двинулся на них, произошло паническое бегство римлян. Им удалось спастись с трудом, унося раненого квестора».

Недолго пришлось ждать отмщения душам Ганника и Каста! О римских потерях Плутарх скромно умалчивает, да и остальные стыдливо молчат, но очевидно – разгром. Полный, решительный: «паническое бегство», «удалось спастись с трудом». Подозреваю, что «орлиная» коллекция Спартака вновь пополнилась весьма ценными экспонатами.

Марк Лициний Красс, ты слишком рано радовался. Ты снова разбит, претор!

Мы же попрощаемся с храбрыми «галлами». Они ПРОЖИЛИ – достойно, как и жили. Повторим их имена: ГАННИК! ГАННИК! ГАННИК! КАСТ! КАСТ! КАСТ!

Прошло две тысячи лет, и вы не забыты, Блещущий Победами и Незапятнанный!

27. Последние капли

В эти горячие дни, когда каждый час был на счету, когда живые фигурки на страшной шахматной доске сцепились в смертельной схватке, произошло событие, оставшееся совершенно незамеченным всеми участниками кровавой драмы. Его можем увидеть лишь мы из нашего совсем не прекрасного далека. Событие же достаточно серьезное – наступил новый год, 71 до Р.Х. Почему никто не заметил? Да потому что римляне праздновали Новый год 1 марта, начало же января, Календы, хоть и считалось памятным днем, но все же не таким важным. Так что, думаю, обошлось без праздника. Какие уж Календы на войне!

А между тем...

А между тем старик Сатурн, владыка Времени, уже перевернул клепсидру, и капли-мгновения послушно ударили в мокрое стекло, отмеряя то, что отведено каждому. Римской державе осталось жить 546 лет, Гаю Юлию Цезарю – 27, Марку Лицинию Крассу – 17.

Спартак, вождь восставших гладиаторов, выбрал свое Время до конца, почти до последней капли. Ему жить еще несколько дней. Может, неделю – не больше...

Всего этого еще никто не знает. Даже в пророчествах Кумской Сивиллы римским мудрецам не найти правды, не узнать, когда лишится венца последний император Ромул Август, всезнающие жрецы-авгуры не

подскажут Цезарю имена убийц, и никакой пророк не предупредит Марка Лициния о том, что римской пехоте не выстоять против парфянских катафрактариев. Слишком много еще воды в клепсидре.

Смерть Спартака – рядом, уже дышит в затылок. Такое люди иногда чувствуют, и, может быть, в эти дни вождь понял, что СКОРО. Возможно, увидел во сне родной дом, услышал забытые слова колыбельной, а может, в вечерних сумерках к нему подступила черная тень и окликнула голосом Крикса? И жрица-фракиянка, уже давно ничего не предсказывавшая, в новогоднюю ночь впервые заплакала, тоже угадав – СКОРО.

Но даже если так, даже если Танат уже заглянул в глаза, предвещая скорую встречу, уверен, Спартак не подал и виду. Напротив, именно в эти дни вождь стал чаще шутить, подбадривая своих бойцов, выше всех тянул к серому зимнему небу чашу с фалернским, первым запевал немудреную песню у ночного костра. Сильные люди ведут себя именно так. Даже если знают – СКОРО.

Дорогой читатель! И нам с вами скоро надлежит расстаться с нашим героем, и вы вправе посетовать на автора, так мало о Спартаке рассказавшего. Что мы о нем узнали? Он умел воевать, умел уговаривать людей, лютой ненавистью ненавидел Рим. Что еще? Был сильным, храбрым, читал греческие книги, у него были друзья и, очень возможно, семья. И это все? Да, все. Мы никогда не узнаем, по какой земле он сделал свой первый шаг, на каком языке сказал первое слово, как звали девушку, которой он впервые признался в любви, как звали первого убитого им врага, как звали его сына и его дочь. Крепко ли спал он после кровавого боя? Обступали ли его скромное ложе молчаливые призраки? Просыпался ли в холодном поту? Не была ли его железная выдержка лишь доспехом, под которым билось живое, доброе сердце – или ненависть выжгла все, превратив душу в черный огарок?

Все это можно выдумать, домыслить, да только к чему? Он остался в Вечности именно таким – не знающим сомнений, страха, жалости. Остался СПАРТАКОМ.

А много ли мы знаем о Ганнибале? Много ли – о маршале Жукове? Под каждым могильным камнем лежит вселенная, но нам никогда не заглянуть в исчезнувший навсегда мир. Мы видим лишь надгробие с полустертыми буквами, ржавый гладиаторский меч, и груды желтых костей – следы страшной тризны. Безглазый череп римского центуриона, мертвый оскал гладиатора-«галла»... Где кто, уже не понять, ведь там, за Ахероном, несть ни эллина, ни иудея, ни скифа...

Не зовите, не спрашивайте! Вам не ответят.

Спартаку, вождю восставших гладиаторов, осталось жить несколько дней, может, неделю – не больше. Но этого еще никто не знает. Новый, 71 год до Рождества Христова начинался бурно, еще ничего не было решено, еще колебались весы, на которых всевидящие боги взвешивают жребий каждого из нас...

Сразу после Календ претор Марк Лициний Красс получил нежданный подарок. Всевидящие и всезнающие лазутчики принесли радостную весть: в спартаковском войске, только что победившем Аррия и Скрофу – бунт.

Плутарх:

«Этот успех погубил Спартака, так как беглые рабы чрезвычайно возгордились. Они не хотели и слышать об отступлении и не повиновались начальникам, но уже в дороге, окружив их с оружием в руках, заставили их идти назад через Луканию по направлению к Риму».

Красс наверняка довольно ухмыльнулся. Наконец-то! Проклятый гладиатор не станет теперь прятаться в отрогах Апеннин, он выйдет на равнину, где его ждут римские легионы. Если в Луканию, если на Рим, значит, не миновать мятежникам Помпилиевой дороги, ведь иного пути на север нет. Надо поторопиться, Помпей уже не так далеко...

Плутарх:

«Туда же спешил и Красс, ибо стало известно, что Помпей уже приближается».

Марк Лициний, Марк Лициний! Ну разве можно быть таким легковым, таким доверчивым?

Сказки про «бунт» в спартаковском войске, наверняка попавшие в очередное донесение, посланное в Сенат, пережили и Красса, и Римскую Республику. До сих пор вполне серьезные историки повторяют вслед за Плутархом: «успех погубил», «возгордились», «заставили»...

Взбунтовавшие гладиаторы с оружием в руках заставили своих командиров вести их через Луканию по направлению к Риму, в результате чего армия двинулась в прямо ПРОТИВОПОЛОЖНОМ направлении – в Апулию, на самый «каблук» итальянского «сапога» и через несколько дней оказалась у Брундизия. Либо в качестве проводника был взят прашур Ивана Сусанина, либо... Да без всякого «либо»! Очередная дезинформация Спартака погнала армию Красса на запад, а «презренные гладиаторы», оторвавшись от врага, двинулись на юго-восток.

В эти дни произошло еще одно событие, которое римская разведка благополучно проморгала. Пока Красс спешил к Помпилиевой дороге, отряды спартаковцев, вышедшие с Регийского полуострова, незаметно проскользнули к отрогам Апеннин и соединились с главными силами. Догадаться об этом легко. Как мы помним, Спартак взял с собой треть армии (около сорока тысяч по римским подсчетам), а в битве у Брундизия по тем же «генеральским» данным у него было под сто тысяч.

Тит Ливий:

«Претор Марк Красс... в окончательном бою он сразился со Спартаком, вырезав вместе с ним самим шестьдесят тысяч человек».

Патеркул:

«В сражении, в котором они в последний раз сразились с римлянами, они могли противопоставить римскому войску девяносто тысяч человек».

Орозий:

«А самих беглых рабов было убито более 100 тысяч».

Цифры расходятся, но порядок общий. Если же учесть, что под Брундицием погибли далеко не все, то очевидно, что сами римляне оценивали численность спартаковцев в девяносто-сто тысяч. Значит, за несколько дней войско Спартака выросло более чем вдвое.

...Возможно, прячущийся в кустах римский лазутчик стал свидетелем именно этой встречи. Со стороны и вправду похоже на бунт – огромная вооруженная толпа окружает Спартака со всех сторон, вопит, потрясает в воздухе пилумами. А из сотен глоток дружный рев: «На Рим! На Рим!».

Так и рождаются легенды.

На Рим Спартак не пошел. Армия повернула в Калабрию, к городу Брундицию. Почему туда, почему, к примеру, не в Апеннины? Ведь среди горных тропинок легче скрыться, спрятать войско, досидеть до весны. Кажется именно это имел в виду Плутарх, говоря о «погубившем» спартаковцев успехе. Не один он такое пишет, прочие тоже. Мол, заела гордыня беглых рабов, не пожелали они по примеру Ковпака и Че Гевары ускользнуть, уйти подальше от врага. Перешли бы к партизанской тактике, накопили б сил...

Мудрый совет, что и говорить! Для начала я бы посоветовал всем этим умникам самим попробовать. А что? Заснеженный горный лес, заледенелые тропы, ни еды, ни фуража, а с трех сторон – римские армии. Романтика! Вот только боюсь – съедят этих архистратигов. Собственные товарищи съедят, когда провизия кончится. А если серьезно, то партизанский отряд в несколько десятков тысяч человек в горах не спрячешь. Зима – враг партизан, недаром гласит давняя поговорка: «Зима ваша – весна наша». Отступать же, имея за плечами неразбитого противника, не рекомендует ни один воинский устав. Да и куда отступать – навстречу Помпею? Чего ждать – высадки Лукулла, соединения всех римских армий?

Нет, в горах зимой делать нечего. Но почему все-таки Брундизий? Что за город такой особенный?

Страбон:

«...Там много гаваней, защищенных от морских волн, они замкнуты одним устьем, ибо заливы заключены внутри устья. От этого гавань получает форму оленьих рогов».

Итак, Брундизий – большой порт, более того – всепогодный, защищенный от бурь. Вспомним, что дело происходит в январе. О чем еще пишет всезнайка-Страбон?

«При переправе из Греции или из Азии более прямой путь идет на Брундизий; действительно, сюда прибывают все, чей путь лежит в Рим. Туда идут две дороги...»

Выходит, не просто порт, но и важный узел сухопутных коммуникаций. Одна из двух дорог – это знаменитая Аппиева, лучшая в Италии.

«Морской путь от Брундизия к противоположному берегу идет, с одной стороны, к Керавнским горам, а с другой к Эпидамну; этот путь длиннее первого, так как составляет 1800 стадий. Последним путем чаще всего пользуются, потому что город удобно расположен относительно иллирийских и македонских народностей».

Переведем: 1800 стадий – 330 километров. Но это «длинный» путь, есть и короче, значит, до иллирийского берега (современная Югославия) плыть, если с ветром повезет, чуть больше суток. И плавают – Брундизий, как мы видим, главный порт на адриатическом побережье Италии, ее морские ворота на Восток. Интересный город, правда? Я бы его и сам захватил при случае. Но зачем туда спешит Спартак?

Мудрые историки разъясняют сие просто. Не вышло у Спартака на **Сицилию** переправиться, от Рима подальше, вот и решил он снова попробовать, но в этот раз не в Бруттии, а в Калабрии. Ворваться в порт, захватить корабли – и по зимнему морю напрямик к иллирийскому берегу. А там нырнуть в горы – и в родную Фракию или даже за Дунай. Ну так и хочется этим мудрецам спровадить спартаковское войско подальше от Вечного Города!

А я вот в это не верю. И вы не верьте. Сколько кораблей требуется, чтобы переправить войско в хотя бы в сорок тысяч человек? Если же кораблей мало, если частями грузиться, то сколько времени? А ведь Красс не так и далеко, да и Помпей не за тридевять земель. На противоположном же, балканском берегу тоже римские войска, там армия Марка Лукулла. Кроме того – зима. В гавани безопасно, она всепогодная, а вот в открытом море даже пираты плавать опасаются.

Думаю, никуда Спартак плыть не собирался, по крайней мере до весны. Но и без этого Брундизий мог оказаться очень полезным:

1. Крупный порт – крупная добыча, там много припасов и всего прочего, весьма полезного для армии.
2. В Калабрии, где местные жители тоже очень любят римлян, можно пополнить армию. Есть кем – калабрийцы слынут не меньшими разбойниками, чем бруттии.
3. Захват Брундизия закрывает восточные морские ворота Италии, что чрезвычайно затруднит высадку войск Лукулла, особенно зимой.
4. Угроза главному порту заставит Красса направиться в Калабрию, где его можно будет встретить, имея за спиной крупный, хорошо укрепленный город, куда в случае необходимости можно и отступить.

5. При неудаче имеет смысл отойти на самую оконечность «каблука» (к мысу Япигий) и повторить вариант с Регием. Если Красс вновь начнет строить «линию Мажино», можно будет спокойно досидеть до весны и дожидаться подхода пиратских эскадр.

6. Но самый лучший вариант – встретить войско Красса в Калабрии, разбить его, на этот раз уже окончательно, и дожидаться следующего брата Куриация – Помпея. Третий же брат Куриаций, Марк Лукулл, вынужден будет скучать за морем, дожидаясь все той же весны.

Вывод ясен: Брундизий – важнейший стратегический узел. С его захватом три римские армии (Красса, Помпея и Лукулла) можно будет бить поодиночке. А с весны – начинать новую кампанию, как на суше, так и на море. Выходит, Спартак и не думал умирать, цель была прежней – победа. Шансы все еще оставались, более того, они не казались меньшими, чем год назад. Под знаменами Спартака собрались десятки тысяч опытных бойцов. Они умели побеждать, они верили в победу. Весы богов все еще колебались...

Спартаковцы шли к Брундизию. Шли быстро, очень быстро.

Аппиан:

«Спартак... бежал по направлению к Брундизию».

Как видим, даже «бежал». От предгорий Апеннин до цели похода менее двухсот километров по Аппиевой дороге. Пешком – дней шесть, верхами – трое суток, если не меньше. Авангард спартаковцев был уже у самого города...

...Но последние капли уже падали, пуста была клепсидра, и Те, Кто вершит судьбы миров, произнесли приговор. Спартак опоздал – Марк Лукулл был уже в Италии. Его войска заняли Брундизий. Идти было некуда.

Марк Лициний Лукулл недаром слыл талантливым полководцем. Его слава меркла в сиянии великого Луция Лукулла, его брата, но за всю свою долгую карьеру Марк не проиграл ни одной войны, не одной битвы. Он выиграл и сейчас, сумев перебросить по бурному зимнему морю своих ветеранов. Их было, вероятно, не очень много, лишь передовой отряд, но этого хватило, чтобы запереть городские ворота и не пустить спартаковцев в город. На осаду времени не оставалось – из Лукании уже спешил Красс.

Вам это ничего не напоминает, дорогой читатель? А мне напоминает – Ватерлоо.

...Французская армия насмерть сцепилась с войском Веллингтона на плато Мон-Сен-Жан. Два часа дня, Наполеон побеждает, но на горизонте уже появились прусские колонны Блюхера. А чтоб аналогия было полной, вспомним еще и о русской армии, которая уже подходила к бельгийской границе...

Значит, все? Нет, не все!

Вновь вспомним Ватерлоо. Когда Наполеон увидел в подзорную трубу пруссаков, он сказал маршалу Нею: «Считайте, что их еще нет, считайте, что они на Луне! Атакуйте!» Это и был последний шанс – разбить англичан, пока Блюхер был еще далеко. Все решали минуты...

Этот шанс оставался и у Спартака. Римских войск в Брундизии мало, Лукулл не силах перейти в наступление, Помпей далеко, значит еще можно успеть встретиться с Крассом один на один. А там...

Да, шанс действительно был. Лукулл так и не вывел войска из Брундизия, Помпей не успел к решающей битве. Они были еще на Луне.

Аппиан:

«Когда Спартак узнал, что в Брундизии находится и Лукулл, ... он понял, что все погибло, и пошел на Красса, имея и тогда еще большую армию».

Римский историк не прав. Еще ничего не погибло, еще можно было победить – и римлян, и богов, и саму Судьбу...

Они шли навстречу друг другу – Спартак и Красс. Отступить было некуда – и бывшему гладиатору, и будущему триумвиру. Последняя капля уже падала, но Спартак мог перевернуть клепсидру...

38. Перевернутая клепсидра или Если бы...

А если бы Спартак победил при Брундизии? Если бы разбил Красса? Нет, вначале не так, иначе: мог ли Спартак победить в этой битве?

Победа складывается из многих факторов. Среди них вполне очевидные – численность и вооружение армии, уровень ее подготовки, талант командующего. В этом отношении шансы были практически равны за одним очевидным исключением – Спартак, как полководец, явно превосходил Марка Лициния. Но есть еще Его Величество Случай, способный резко изменить ход событий. Скажем, римское охранение слишком поздно заметило подход спартаковцев, удар в центр римского войска оказался для Красса роковым...

Вывод очевиден – победить Спартак мог, более того, шансы у него смотрелись даже предпочтительней. Войско Красса было «битым», а у восставших прочно закрепилась привычка к победе, способная порою творить чудеса. Бойцы верили своему вождю, ведь он еще не проиграл ни одной битвы!

Итак, представим себе, что Спартак победил и под Брундизием. Картина знакомая – заваленное трупами поле, орлы, брошенные на грязный истоптанный снег, угрюмые толпы пленных. Остатки римской армии бегут, боясь даже оглянуться... Уцелеет ли сам Красс, не имеет уже никакого значения. Такого поражения ему не простят, военная и политическая карьера римского «миллионщика» закончится.

Вот вам и первое следствие победы спартаковцев: Красс не станет консулом, в большую политику его не пустят, а в этом случае едва ли станет возможен союз битого претора с Цезарем, впоследствии переросший в Первый Триумвират. Уверен, Триумвират все равно сложится, но Красса в его составе не будет. А это уже серьезная историческая «развилка» на которой возможно всякое:

1. Некто, вошедший в Триумвират вместо Красса, не погибнет при Каррах и сумеет наладить длительное сотрудничество Цезаря и Помпея. Войны между ними не будет, переход от Республики к Империи произойдет плавно, без лишних жертв. Рим, сохранивший свой людской и материальный потенциал, сумеет достичь куда большего, чем в «нашей» истории. Скажем, Цезарь завоюет Месопотамию, а Помпей дойдет до Эльбы.

2. Все может быть и наоборот – Некто окажется слабым политиком (подобно Лепиду во Втором Триумвирате), и вражда Цезаря с Помпеем вырвется наружу на несколько лет раньше. В этом случае история будет очень похожа на «нашу», разве что у Гнея Помпея появятся дополнительные шансы на победу. Ведь если война с Цезарем начнется ДО завершения боев в Галлии, позиции Великого будут выглядеть предпочтительней.

Как видим, битва при Брундиции решала не только участь Красса, но и судьбу будущего Первого Триумвирата, а значит, и ход римской истории на ближайшие двадцать-тридцать лет. Глобальных изменений Большой Истории в этом случае не произошло, но выглядела бы она несколько непривычно. Вместо диктатуры Цезаря мы изучали бы в школе принципат Помпея, а титул Августа получил бы не Гай Октавий, а сын Великого Секст.

А Красс? Зная его характер, можно предположить, что обозленный на весь мир Марк Лициний наверняка ввяжется в какую-нибудь крайне сомнительную авантюру. Даже в «нашей» истории, сложившейся для Красса относительно благополучно (до поры, до времени), он подозревался в связях с Катилиной. В ином варианте он сам мог возглавить заговор, попытавшись взять ускользнувшую от него власть. Наверняка бы не вышло, Цицерон спас бы Отечество, а Саллюстий написал вместо трактата «О заговоре Катилины» не менее интересную книгу «О заговоре Красса». Велика ли разница?

Итак, эта «развилка» хоть и значительная, но все же не решающая. Рим останется Римом, и наш мир не будет чем-то серьезным отличаться от альтернативного. Но это только Брундизий, только победа над Крассом. А если бы Спартак ПОБЕДИЛ В ВОЙНЕ?

Не смог бы? Слишком неравны силы? Римская держава, несмотря на все неприятности и трудности, все равно бы сокрушила «презренных гладиаторов»? Согласен – сокрушила бы. С гибелью Сертория последняя реальная возможность разжечь в Риме гражданскую войну и погубить Вечный Город СЕЙЧАС исчезла. Объединенные римские армии наверняка бы победили. Но... Но бывают, увы, роковые победы.

Пойдем вдоль русла альтернативной Реки Истории дальше. Красс разбит, Сенат отзывает его в Рим, остатки армии переходят под командование Помпея. Лукулл же тем временем перебрасывает войска по зимнему морю в Италию, его легионы в Брундиции, в Бари, возможно, в Таренте. Помпей, оставив часть сил в Этрурии, спешит по Аппиевой дороге на юг. Устоит ли Спартак?

На первый взгляд – нет. В войске Лукулла около сорока тысяч, у Помпея (если считать с остатками армии Красса) – вдвое больше. Оба они – прекрасные полководцы. Война затянется еще на несколько недель, в крайнем случае на пару месяцев.

Но это на первый взгляд. Но если приглядеться...

А не удивило ли вас, дорогой читатель, одно странное обстоятельство. После гибели Спартака остатки его войска сражались с Крассом и Помпеем. А где же Лукулл? Почему его армия не пришла на помощь, ведь она была совсем рядом, в Калабрии?

Ответов может быть целых три:

1. Лукулл не ладил с Помпеем и Крассом, поэтому отсиделся в Брундиции, а потом распустил свое войско.

2. Зимние шторма мешали переброске, и в Брундизий удалось перевезти только немногочисленный авангард. Остальные переправились только весной.

3. Римская армия во Фракии воевала уже несколько лет. Солдаты и офицеры смертельно устали и были попросту небоеспособны. Если бы их вывели из Брундиция, они разбежались бы по домам.

В первую причину я, признаться, не верю. Вражда между Помпеем и братьями Лукуллами началась значительно позже. Марк Лукулл был известен как человек долга и чести. Если бы он мог помочь Крассу и Помпею, наверняка помог бы.

Но ведь не помог? Значит, ему помешало что-то серьезное. Вероятно, действовали оба фактора – и трудность переправы, и деморализация войска. А если так, мы имеем полное право вывести Лукулла из игры, если не вообще, то на два-три месяца. Все, что он сможет – это оборонять Брундизий. Итак, Марк Лукулл пока еще «на Луне». Остается Помпей.

Спартак и Помпей – кто кого? Оба талантливы, у обоих сильная армия. Но Помпей не Красс, он популярен в Риме, на помощь к нему обязательно придут добровольцы, одно его имя придаст римлянам уверенность. В Испании Великий неплохо научился проводить контрпартизанские операции, такого, как он, трудно обмануть и ввести в заблуждения очередной «дезой». В целом шансы Великого на победу куда выше, чем у Спартака. Война, вероятно, затянется до весны, Помпею придется сражаться не только с мятежными рабами, но и с пиратами, но конечная победа сомнений вроде бы не вызывает. Вроде бы...

А теперь вновь приглядимся внимательнее. Прежде всего, часть войск Помпея останется на севере, причем часть немалая, ведь Этрурия слишком близко от Рима. Великому придется сражаться одной рукой. А ведь его ветераны тоже смертельно устали, война в Испании длилась слишком долго. Все, конечно, не разбегутся, но чудес ждать от такого войска не придется. Да и сам Помпей... Современники считали его великим полководцем, первым воякой в Риме. Я с этим вполне согласен, но есть и другие мнения. Помните то письмо, в котором Карл Маркс великолепного парня славил? Спартака он славил, а вот Помпея...

Читаем:

«Помпей же – настоящая дрянь; он незаслуженно прославился благодаря тому, что присвоил себе сначала успехи Лукулла (против Митридата), затем успехи Сертория (в Испании) и т.п., наконец, в качестве „юного наперсника“ Суллы...»

Путает, путает товарищ Маркс. Все наоборот, сначала Великий был «юным наперсником», потом воевал в Испании и лишь затем сразился с Митридатом. Да и не мог он присвоить себе успехи Сертория, с ним он воевал. Если он чьи-то успехи и заимствовал, то Метелла, своего предшественника. Но мысль понятна – Помпею действительно везло, тоже до поры до времени, конечно.

«Как только ему пришлось показать в борьбе против Цезаря, чего он стоит, обнаружилось его ничтожество. Цезарь совершал крупнейшие военные ошибки, намеренно нелепые, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой заурядный римский генерал, какой-нибудь Красс, шесть раз разбил бы Цезаря во время Эпирской войны. Но с Помпеем можно было все себе позволить.»

Про «шесть раз» классик, конечно, загнул, но что правда, то правда – против Цезаря Помпей был абсолютно беспомощен. Более того, после первых поражений у Помпея проявилось губительное для полководца качество – полная АТРОФИЯ ВОЛИ. Он действительно был человеком Успеха, проиграв же один раз, терялся и продолжал проигрывать до конца.

Как по мне, Маркс все-таки слишком суров к Помпею, но такая точка зрения, как видим, тоже существует. А теперь представим нечто вполне вероятное: первый бой со Спартаком Помпей проиграл. Почему бы и нет, на войне всякое бывает. Итак, Великий не смог победить сразу. Его действия?

Это не тайна. В случае поражения Помпей немедленно переходил к ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЕ. Так было с Серторием, так будет и с Цезарем. Если противник давал время прийти в себя, как это случилось в Испании, Помпей через некоторое время словно просыпался, вновь становился самим собой...

Цезарь не стал делать ему такого подарка. Уверен, Спартак поступил бы так же. Его армия продолжала бы тревожить римскую, атаковать отдельные отряды, вызывать Помпея на бой. Великий же наверняка отступил бы к римским стенам и принялся неспешно приводить армию в порядок. В конце концов, он вновь перешел бы в наступление и наверняка победил, однако в события мог вмешаться еще один фактор.

Война шла уже третий год, и с каждым месяцем, с каждой неделей страх перед «яростью Спартака», как удачно выразился Гораций, становился все сильнее. Вспомним!

Плутарх:

«Теперь уже не только недостойный позор рабского восстания тревожил римский Сенат. Он БОЯЛСЯ Спартака...»

Аппиан:

«Третий уже год длилась эта СТРАШНАЯ для римлян война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других командующих, СТРАХ удерживал всех...»

Орозий:

«Это была война, на которую уже нельзя было спокойно смотреть, но которой следовало повсюду БОЯТЬСЯ. То, что она называется войной с беглыми рабами, еще не значит, что ее должно считать незначительной из-за названия... Государство испытывало почти не меньший СТРАХ, чем когда Ганнибал стоял угрожающе у ворот Рима.»

Августин Блаженный:

«Пусть скажут мне, какой помог им бог из состояния маленькой и презренной разбойничьей шайки перейти в состояние государства, которого пришлось СТРАШИТЬСЯ римлянам со столькими их войсками и крепостями?»

Синезий:

«...Крик и Спартак... открыли войну рабов, самую УЖАСНУЮ из всех, какие только выдерживали римляне.»

Ох, и дружный хор! «Страшно», «страх», «боялся», «ужасный»... А ведь все эти Орозии и Августины Спартаку не современники. Долгая же оказалась память об этой «самой ужасной» войне!

А теперь представьте, как повели бы себя отцы-сенаторы на Капитолии, да и все прочие обитатели Рима при известии о разгроме Красса и неудачах Помпея. Паника? Нет, «паника» – слишком мягко сказано. Ситуация сложилась бы похуже, чем после катастрофы у Канн, когда в первые часы после получения известия о гибели армии Вечный Город можно было брать голыми руками.

Тит Ливий:

«Никогда в неведимом Городе, в римских стенах, не было столько смятения и страха... Трудно было принять решение, женский вопль заглушал голоса сенаторов: почти во всех домах оплакивали родных, не зная даже, кто жив, кто мертв».

Конечно, панику бы остановили, собравшийся на срочное заседание Сенат принял бы нужное решение. Только вот какое? Красс разбит, Помпей не может победить, спартаковцы на севере, спартаковцы на юге...

Согласно римским традициям, в этом случае демократия временно сворачивалась и назначался ДИКТАТОР с чрезвычайными полномочиями. Но одного диктатора мало, нужна армия, нужны полководцы. Красс и Помпей не оправдали доверия, кто же остался? Марк Лукулл? Его, конечно, могли назначить, но скорее всего выбор пал бы на самого известного и знаменитого – на его брата, Луция Лициния.

Луций Лукулл считался, и вполне справедливо, выдающимся полководцем. Его армия, лучшая армия Республики, – последняя надежда Рима. Иного выхода у Сената просто не оставалось.

Итак, Сенат объявляет Отечество в опасности и призывает из Азии Луция Лукулла – не одного, а с большей частью армии. Квестором, заместителем диктатора, становится его брат Марк. Помпей получает приказ не покидать окрестностей Рима до прибытия войск с Востока, ограничившись пассивной обороной. Суровая по итальянским масштабам зима временно прерывает боевые действия...

Могло ли быть такое? Наверняка. Примеров в римской истории немало. Скажем, после очередных поражений в войне с Ганнибалом из Сицилии был вызван лучший полководец того времени Марцелл, а на помощь битому Серторию Метеллу прислали Гнея Помпея. Если помните, Сталин тоже посылал Жукова на самые опасные участки фронта.

Вот вам и «развилка»: Луций Лукулл – диктатор, его армия спешит в Италию. Что случилось бы потом? Признаться, это не так уже интересно. Уверен, весной или летом, спартаковцев бы разбили, однако... Однако, это не имело значения, ибо Река Времен уже повернула совсем в иной русло.

Что значит вызвать из Азии Луция Лукулла? Это значит завершить войну с Митридатом, не доведя ее до конца. Хитрый понтийский царь наверняка согласился бы на все условия – отдал бы флот, уменьшил армию до одного батальона, заплатил любую контрибуцию. Такое можно даже считать победой. Однако Митридат по-прежнему правил бы в Понте, а граница римских владений в Малой Азии не продвинулась дальше реки Галис.

Все! Известного нам Рима уже нет, есть нечто иное, абсолютно незнакомое. Дело даже не в Митридате, его могли добить через несколько лет, как это и случилось в «нашей» истории. Но в этом ее варианте не было бы походов Лукулла на Кавказ, разгрома Великой Армении, прорыва римлян в Сирию и Финикию. Пока в Италии продолжалась война с беглыми рабами, пока Республика зализывала раны, обстановка на Востоке коренным образом бы изменилась. В «нашем» варианте Истории римлянам необыкновенно повезло, их войска оказались в Малой Азии и Сирии в самый удачный момент. Держава Селевкидов развалилась, ее осколки начали вольный «дрейф», и в наступившем хаосе Рим сумел – и успел! – дойти до Евфрата. Но «окошко», приоткрытое Фортуной, очень скоро бы захлопнулось:

1. Именно в эти годы росла и складывалась новая великая держава – Армения. В ее состав уже входила Сирия, армянские войска подступали к Египту. В «нашей» истории Лукулл, а потом и Помпей не дали вырасти этой империи. Армении не хватило всего нескольких лет, чтобы утвердиться в Передней Азии, в нашем же варианте римляне придут на Восток СЛИШКОМ ПОЗДНО.

2. Не меньшую угрозу представляла молодая и агрессивная Парфия. В «спартаковском» варианте истории парфяне быстро бы поделили с Арменией Ближний и Средний Восток. В результате Римская держава не утвердилась бы на Кавказе, в восточной части Малой Азии, в Сирии, Финикии, Палестине и, возможно, в Египте.

3. После начала очередной гражданской войны в Риме (в «нашем» варианте – между Цезарем и Помпеем) Рим, куда более слабый, чем в реальной истории, едва ли смог бы удержать даже западную Малую Азию. Парфия и Армения наверняка бы постарались вырвать из тела раненой Волчицы кусок побольше и поувесистей. В «нашей» истории парфяне едва не вышли к Босфору, а где остановились бы парфянские катафракты в «спартаковском» варианте?

А вот итог: граница будущей Римской Империи будет проходить не по горам Армении и не по Евфрату, а по Эгейскому морю. Конечно, римские императоры вели бы войны за возвращение Малой Азии (как в «нашем» варианте они воевали за Армению), но с тем же, весьма переменным, успехом. Возможно, император Траян дошел бы даже до Дамаска, но не удержал бы его, как в «нашей» реальности не смог удержать Ктесифон.

Римского Востока не будет. Не будет Пальмиры, Эдессы, Команы, не произойдет уникальный синтез латино-греческой и восточной цивилизаций.

Не родится и Византия. Разве решится Константин перенести столицу в маленький пограничный городок?

Остальное додумайте сами, дорогой читатель. Представьте себе нашу историю без византийской цивилизации, без Кирилла и Мефодия, без греческих епископов в Киеве. Будет что-то иное, может, худшее, может, лучше – но другое, совсем другое.

...В 33 году от Р.Х. в Ершалаиме, провинциальном центре Великой Парфии, по приказу парфянского наместника будет распят некто Иешуа, обвиненный в святотатстве и призывам к свержению власти Аршакидов над Иудеей. Его ученики разъедутся по всей Парфянской державе, от Эгейского моря до Средней Азии, убеждая адептов Митры, Ормузда, Заратуштры и Будды в том, что Он и есть Мессия. Иудей Савл, парфянский гражданин, носящий также имя Папак, смело отправится прямо в Ктесифон к Царю Царей, чтобы бестрепетно свидетельствовать о Христе. До Римской Империи же будут доходить лишь глухие слухи о том, что иудеи в Парфии волнуются из-за какого-то «Хрестиуши». Лишь через два века в Риме эмигрантами-армянами будет основана первая христианская община...

Конечно, все могло бы случиться и по-другому. Реальная история обладает немалой «упругостью», ее не изменить благодаря раздавленной бабочке или вовремя найденному гвоздю. Я взял вариант крайний, кажущийся почти невероятным. Но армия Спартака в сердце Италии – это слишком серьезно, это то, что и в самом деле способно изменить Историю. Именно в «спартаковские» годы Рим приближался даже не к одной, а к нескольким «развилкам», достаточно было толчка... Под Брундизием вождь гладиаторов и в самом деле был близок к тому, чтобы перевернуть Клепсидру Сатурна.

Догадывался ли он об этом? Догадывались ли другие? А если римские боги и вправду существовали, что думали Они, когда чаши весов еще колебались?

Итак, последняя капля уже падала. Чье Время истекало в том снежном январе? Спартака? Красса? Рима?

49. Место, называемое Брундизий...

«И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам; это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя... И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон».

Не все знают, что страшное название «Армагеддон», место Последней Битвы, столь же реально, как Сталинград или Мидуэй. Армагеддон (Вершина Мегиддо) – небольшой город у подножия горы Кармель в Палестине, где в давние времена произошло несколько кровопролитных сражений. Тех, кто там умирал, давно забыли, но имя осталось, превратившись в страшный символ.

«Пришли цари, сразились... Поток Киссон увлек их, поток Кедудим... Тогда ломались копыта конские от побега, от побега сильных его... Попирай, душа моя, силу!»

У каждого солдата – свой Армагеддон, своя Последняя Битва. И в свой предсмертный миг он видит бесовских духов, творящих знамения, слышит топот вражеской конницы, жадно пьет кровавую воду из реки Киссон и шепчет холодеющими губами: «Попирай, душа моя, силу!...»

Тот, Кто царит над всеми мирами, созвал в месяце январе года 71-го до Рождества Своего Сына два воинства на место, именуемое Брундизий. Вечер Последней Битвы настал.

Почему вечер, почему не утро, не день? Да потому, что...

Впрочем, не станем спешить. Некуда – впереди ничего нет, только Армагеддон.

Какой она была, Последняя Битва Спартака? Почему она стала Последней? Ошибся ли вождь – или просто настал час, когда силы человека отступают перед Высшей волей?

Потомки склонны видеть и оценивать Прошлое со своих колоколен и минаретов. Зная, чем все кончится, они поневоле передают это знание тем, о ком хотят рассказать. Брундизий – не исключение. Все, кто писали о последнем бое Спартака обязательно подчеркивали, что вождь гладиаторов ПРЕДУЩЕСТВОВАЛ свой Армагеддон. Помните у Джованьоли? Спартак мрачен, но спокоен, он твердым голосом отдает приказы, но друзья понимают, и он понимает, что Время на исходе, прощальная капля вот-вот оторвется, чтобы упасть в Никуда...

Подобные рассказы можно встретить и у других, о Спартаке писавших. Только не они, далекие потомки, это придумали, сами древние рассуждали сходно.

Плутарх:

«Спартак был вынужден построить свое войско в боевом порядке. К нему подвели коня. Вытащив меч и сказав, что в случае победы у него будет много прекрасных вражеских коней, а в случае поражения он не будет в них нуждаться, Спартак заколол коня».

Призрак безвинно пострадавшего копытного до сих пор бродит по страницам монографий и романов. Красивый жест, истинно спартаковский, вот только конячку бедную жалко. А между тем, если внимательно почитать того же Плутарха, становится очевидным, что ничего этого НЕ БЫЛО. Не раздумывал вождь над планом битвы, поглядывая на костры вражеского лагеря, не произносил речей, и конь, скорее всего, прожил несколько дольше. Сама же битва началась настолько внезапно, что и Красс, и Спартак далеко не сразу сообразили, что она и есть – Последняя.

Итак, по порядку. Часа в четыре дня по нашему счету, когда неяркое январское солнце уже клонилось к горизонту, и на мокрый тающий снег легли вечерние тени, разведка спартаковцев, двигавшихся по Аппиевой

дороге, наткнулась на римские посты. Почему именно так? А иначе и быть не могло. Спартак повернул от Брундизия навстречу Крассу, значит его войско шло по Аппиевой дороге. Иных в Калабрии тогда еще не построили, а вне дорог снежной зимой передвигаться нельзя. То, что снег мокрый снег, тоже понятно, в Италии холода долго не стоят. Но почему под вечер, почему на марше?

Вновь читаем Плутарха:

«Спеша сразиться со Спартаком и расположившись лагерем около врага, Красс начал копать ров. Подскакав к римскому лагерю, рабы завязали бой с работающими воинами».

Оценим.

Можно подумать, что спартаковцы атаковали уже построенный римский лагерь, в котором Красс ждал нападения. Но это не так – строительство только началось, ибо римляне еще не успели ВЫКОПАТЬ РОВ. По римским уставам войско строило лагерь для ночлега в любом случае, однако лагерь сооружались разные и по-разному укреплялись. Был лагерь стационарный, это целая крепость со стенами и башнями. Был походный мирного времени, разбивавшийся больше для порядка, дабы легионеры службу на забывали. В этом случае обходились невысокой насыпью с частоколом и столь же небольшим рвом. Но вот на войне, особенно же в предвидении встречи с неприятелем, к строительству лагеря относились очень серьезно:

1. Сооружение укреплений начиналось так, чтобы до темноты успеть построить их основную часть. А это не час, и даже не два. Значит, зимой, когда темнеет рано, армии приходилось останавливаться чуть ли не сразу после полудня.

2. Перед началом строительства половина легионеров, а также вся конница и легковооруженные занимали позицию лицом к врагу. Остальные принимались за работу.

3. Первым делом солдаты принимались за ров, который в этом случае должен быть глубиной не менее 2,5 метра. Земля сыпалась рядом, образуя вал. Его внешней стороной укрепляли камнями.

4. Вслед за этим строился частокол, и лишь затем начиналось благоустройство собственно лагеря.

Спартаковцы атаковали римлян, когда те еще не закончили рытье рва, значит, за строительство лагеря принялись не так давно. По времени выходит как раз ранний вечер, когда до темноты оставалось еще часа полтора.

А где был Спартак? Думаю, его армия тоже не успела выстроить лагерь, а значит, находилась на марше. Если бы спартаковцы уже заняли позицию на каком-нибудь холме, Красс не стал бы строить лагерь в виду противника. Это считалось слишком опасным, в подобных случаях римляне разбивали лагерь как минимум в нескольких километрах. Бой начался с того, что «подскакав к римскому лагерю, рабы завязали бой с работающими воинами». Римлян, как видим, атаковала только конница, значит пехота была еще не подошла.

Итак, бой был скорее всего встречный, оба войска находились на марше. Римляне, узнав, что враги не так далеко, остановились, но в боевой порядок строиться не стали, а начали сооружать лагерь. Значит, Спартак был близко, но НЕ РЯДОМ. Красс тоже не спешил в бой – светлого времени оставалось не так много, и он явно рассчитывал ночью отсидеться за частоколом, наутро же выйти в поле и сокрушить «презренных гладиаторов».

Спартаковцы не стали ждать и атаковали первыми. Расчет был прост – половина римской армии занята строительством, если снять прикрытие, остальные даже не успеют построиться...

Плутарх:

«Подскакав к римскому лагерю, рабы завязали бой с работающими воинами. Так как с обеих сторон все большее число народа спешило на помощь, Спартак был вынужден построить свое войско в боевом порядке».

Как видим, первая фаза боя – это схватка конного авангарда спартаковцев с теми, кто прикрывал строящийся лагерь. Скорее всего, конница сцепилась с конницей, но с двух сторон уже подходила пехота, спешно разбираясь по манипулам и когортам. Уцелевшие всадники повернули назад, освобождая место для основных сил.

Орозий:

«В конце концов, встретившись с самим Спартаком, вступившим в бой в ПРАВИЛЬНОМ СТРОЮ...»

Это был первый успех Красса и залог будущей победы – римляне не бежали, не смешали ряды. Прикрытие наверняка понесло больше потери, но задачу выполнило – армия успела построиться.

Возможно, в эти короткие мгновения перед атакой Спартак и в самом деле убил своего коня, показывая всем, что пути назад нет. Но могло быть и по иному – коня часто приносили в жертву богам. Начиная решающий бой, вождь гладиаторов наверняка воззвал к Тем, что были с ним все эти годы. В любом случае конь был убит не для того, чтобы идти в бой в пешем строю. Как мы увидим, Спартак сражался ВЕРХОМ почти до самой своей гибели.

Итак, бой начался. Времени было мало, солнце уже уходило, поэтому Спартак спешил. Он знал, что римская пехота в правильном строю способна держаться долго. Впереди была ночь, и вождь решил рискнуть. В самом центре вражеского строя, как и следовало по уставу, развевался штандарт Красса. И Спартак бросил конницу прямо на римского вождя, лично возглавив атаку.

Плутарх:

«...Он устремился на самого Красса».

Этот прием уже не раз приводил к победе, именно так были разбиты Коссиний и Лентул. Знал ли об этом Красс? Наверняка знал – и успел вовремя принять меры. Это была вторая удача, которая спасла и его жизнь, и его армию. Что сделал Марк Лициний? Прежде всего заслонился живым щитом. Наверняка его окружила преторская когорта, личная гвардия полководца, укомплектованная лучшими бойцами. Легионеры сомкнули щиты и приготовились умирать. Конница гладиаторов врзалась во вражеский строй. Впереди был Спартак.

Плутарх:

«Он устремился на самого Красса, но из-за массы сражающихся и раненых ему не удалось добраться до него. Зато он убил двух вступивших в ним в бой центурионов».

Резня... Две римские сотни лишились командиров, тела убитых и умирающих мешают двигаться дальше, на флангах тоже идет бой, но все решается здесь, в центре. Если удастся прорваться к Крассу...

Мы уже знаем – не удалось. Атака была отбита, Спартак погиб – быть может, в нескольких шагах от вражеского штандарта. Что же случилось?

Плутарх:

«Наконец, бывшие около него бежали, а он, окруженный большим количеством врагов и мужественно отражая их удары, в конце концов был изрублен в куски».

Неужели и в самом деле бежали, бросили вождя на верную смерть?

Аппиан:

«Он отбивался от нападавших, пока не пал ВМЕСТЕ С БОЛЬШИМ ЧИСЛОМ СВОИХ, бывших около него, ОКРУЖЕННЫХ врагами».

Как видим, Аппиан, Спартака не любивший, говорит совсем иное. Не бежали спартаковцы! Они погибли вместе с вождем, будучи ОКРУЖЕНЫ. Это и был победный маневр Марка Красса, решивший судьбу войны, его собственную, а может, и всего Рима. Наши древние не спешат делиться подробностями, но История порою бывает щедра. На этот раз мы можем не только услышать, но и УВИДЕТЬ то, что случилось тем кровавым вечером.

Помните, дорогие читатели, портрет Спартака, тот самый, где он на лихом коне? Он был найден в Помпеях в 1927 году. Это часть фрески на внутренней стене дома, принадлежавшего некоему Феликсу.

Познакомимся: Феликс Помпеянец, по происхождению оск (надписи в доме выполнены на оском, древним алфавитом справа налево). Земляк Крикса, но не гладиатор и не бунтовщик, а командир римский армии, кавалерист, сотник или военный трибун. Выйдя в отставку, украсил свой дом портретом вождя восставших гладиаторов. Почему? Причина более чем проста и понятна: Феликс Помпеянец – УБИЙЦА СПАРТАКА.

...Он надолго пережил своего врага. Во всяком случае успел отслужить свое, обосноваться в Помпеях, выстроить дом. Денег хватило даже на картину. Быть может, отставник выложил заезжему художнику последние кровные, чтобы каждый вечер, расставив глиняные светильники по углам, садиться в глубокое кресло на резных ножках – и смотреть, смотреть, смотреть, вспоминая ГЛАВНОЕ событие своей жизни. Гладкая поверхность штукатуренной стены внезапно обретала глубину и цвет, в ушах начинало греметь дальше железо, слышалось ржание погибших коней, топот копыт, и старик вновь видел злых духов, творящих знамения, чувствовал на губах кровавый вкус воды из реки Киссон... Пришли цари, сразились, поток унес их...

Мы не знаем, получил ли Феликс награду. Может и нет, может наградой стала только эта разрисованная в одну краску стена. Стена Последней Битвы...

Итак портрет, а точнее, целая картина, рассказывающая о том, как все произошло.

Прежде всего отметим, что Феликс – кавалерист, Спартак тоже изображен верхом, значит последний бой был КОННЫМ. И действительно, справа на фреске изображен кавалерист-трубач, приложивший бучину к губам. Атака! Конный резерв Красса заходит спартаковцам в тыл...

«Тогда ломались копыта конские от побега, от побега сильных его...»

Удар пришелся именно в тыл – левее от трубача изображен сам Феликс, колющий Спартака в бедро длинным (не менее двух метров) копьем. Спартак впереди, Феликс сзади, значит напал со спины, внезапно. Спартак успел лишь повернуть голову. Щит отведен в сторону, меч направлен вперед...

Рана оказалась тяжелой. Обе руки Спартака были заняты (в правой меч, в левой щит), поэтому усидеть в седле он не мог.

Аппиан:

«Спартак был ранен в бедро дротиком; опустившись на колено и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших...»

Как видим, не дротиком – длинным копьем, но в остальном Аппиан прав. Раненый вождь сошел с коня, но стоять не мог, пришлось опуститься на колено, бронзовый шлем упал на землю – вероятно, не выдержал ремешок...

«Попирай, душа моя, силу!»

Смотрим дальше. Еще правее мы вновь видим Спартака. Он ранен, без шлема, держится явно с большим трудом. А рядом широкоплечий легионер уже заносит меч.

Аппиан:

«Он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом своих, бывших около него, окруженный врагами».

Флор:

«Сам Спартак, сражаясь храбрейшим образом в первом ряду, был убит и погиб, как подобало бы великому императору».

Римлянам дорого пришлось заплатить за его гибель. Даже раненый, даже умирающий, Спартак продолжал сражаться.

Саллюстий:

«Защищаясь с великой отвагой, он пал не неотомщенным...»

...О чем думал он в свой последний миг? Говорят, перед гибелью человек успевает увидеть всю свою жизнь – от первого крика до предсмертного вздоха. Может, он успел мысленно попрощаться со всеми, кого любил, с кем еще думал увидеться. Жена, дети, друзья... А может, потратил свой последний вздох на проклятье – проклятье ненавистному Риму, который он так мечтал сокрушить. Предсмертное проклятье Спартака – не оно ли вместе с иными демонами кружило над Республикой еще долгие годы?

А может, все было не так. Отбивая удары, пытаясь достать врага, он даже не успел понять, что умирает и лишь удивился, почему вдруг озверелые лица легионеров поблекли, окутаны туманом и кто-то негромко позвал его по имени...

СПАРТАК! СПАРТАК! СПАРТАК!

Вот и все, храбрый гладиатор, блестящий полководец, заклятый враг Римской Волчицы. Ты ПРОЖИЛ, ты сделал все, что мог в этой жизни. Она кончилась, но не жалеешь об этом. Ты был прав – стоило пойти даже на крайний риск ради свободы. Это лучше, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи ненавистных римлян. Тебя не забудут, Спартак! Тебя будут судить тем судом, которого не избежать каждому, оставившему след в Истории. Тебя будут считать героем, злодеем, борцом за свободу. О тебе будут спорить, пытаться тебя понять. Может, не поймут, как не понял тебя я, столько лет пытавший разглядеть твои черты через сумрак тысячелетий. Но разве мы можем до конца понять то, что двигало Крассом, Цезарем, Помпеем? Разве в силах почувствовать душу Великого Рима, дотронуться до его невидимых корней? Под каждым могильным камнем лежит вселенная, мой Спартак! Только Им, Тем, что правят всеми мирами, доступно читать эти скрижали...

Я хотел понять, был ли ты, Спартак, великим полководцем. Теперь я знаю – был. На твоём месте никто бы не смог свершить большего, даже Ганнибал, вечный ужас римлян. Ты не уничтожил Рим, однако в те годы этого не мог сделать никто, ни один человек. Час Вечного Города еще не пробил, и не в твоей воли было его приблизить. Но рана, тобой нанесенная, чуть не оказалась смертельной.

Прощай! Ты уже не услышишь яростный вопль сотен глоток: «Спартак убит! Спартак убит!», не увидишь, как впервые дрогнули твои легионы, как римские когорты врезались в поредевший строй, как шесть тысяч твоих товарищей повисли на крестах вдоль Аппиевой дороги. Это уже будет НЕ ТВОЯ История. Другая...

Вечер Последней битвы заканчивался. Наступала ночь – ночь Армагеддона.

50. Последние тайны

Все дальнейшее достаточно известно.

Спартаковская армия была разбита. Римские историки пишут о десятках тысяч погибших под Брундизиумом, что едва ли верно – наступившая вскоре после смерти вождя ночь прервала битву, позволив уцелевшим уйти. Вероятно, основные потери пришлось на следующие дни, когда армия Красса начала охоту за спартаковцами. Те, кто не был убит или взят в плен, ушли в недалекие горы, чтобы воевать там еще много лет.

Война продолжалась. Бойцы Спартака сражались на севере, в Этрурии, на юге, в земле бруттийцев, мы встретим их на палубе пиратского корабля и в армии мятежника Катилины. Несколько раз римский Сенат посылал карательные экспедиции, несколько раз объявлял о полной и окончательной победе, но война тянулась еще долго и затихла лишь когда ушло поколение, не побоявшееся взяться за оружие. Но угли тлели, и еще много раз страшное имя «Спартак» ночным призраком вставало над побелевшим от ужаса Римом.

Но это уже другая история.

Проклятие Красса сопровождало его всю жизнь, а после гибели обратилось на всех, кто вместе с ним сражался с мятежными гладиаторами. Полоса бед и неудач, в которой оказался Вечный Город, не кончилась даже со смертью Цезаря, пытавшего противопоставить кровавой вражде политику Милосердия. Лишь его приемному сыну Гаю Октавию, ставшему императором Августом, удалось примирить людей и богов. Но не милосердием, а новой кровью, пролитой на алтарях Бога Цезаря, своего отца.

Но и это – другая история. Нам же остается проститься с нашим героем, проводив его в Вечность. Много ли узнали мы о нем? Сумели ли найти что-то новое, ранее не замеченное? Судите сами, дорогой читатель, я же сделал, что мог, сопровождая вас спартаковскими дорогами. Жизнь нашего героя поистине соткана из

загадок, и даже уходя он оставил нам Тайну. Даже не одну – его смерть оказалась такой же неразгаданной, как и жизнь.

С первой тайной римляне столкнулись в тот же победный вечер на заваленном трупами поле под Брундизием. Вокруг лежали тысячи убитых, своих и чужих, но Спартака среди них НЕ БЫЛО. Погибший вождь исчез.

Может, не искали? Нет, искали, обязаны были искать.

Аппиан:

«Тело Спартака не было найдено».

«Не было найдено». Искали, конечно! Римляне – народ конкретный, для них победа – это труп вражеского вождя. Иногда обходились и головой, но в любом случае действовала формула «habeas corpus» – «предъяви тело». Тело Спартака так и не нашли. Вероятно, это и стало одной из причин, по которым Крассу ОФИЦИАЛЬНО отказали в триумфе. И в самом деле! Ты победил Спартака, Марк Лициний? Так где же он, твой Спартак?

Оставалось развести руками и выдумывать всякую чушь, которую попугаями повторили поздние историки.

Плутарх:

«Он, окруженный большим количеством врагов и мужественно отражая их удары, в конце концов был ИЗРУБЛЕН В КУСКИ».

Эту ерунду охотно цитируют уже много веков, не задумываясь, как могли изрубить в куски тело, защищенное доспехами. Да и зачем? Ведь за голову Спартака наверняка назначили немалую награду. Ее что, тоже в кровавые ошметки превратили? А куда делось оружие, шлем, панцирь – трофеи, которые так дороги победителям? В конце концов, Красс мог предъявить Сенату хоть бы меч «презренного гладиатора».

Такого, как мы знаем, не случилось – Спартак исчез. Джованьоли Вещий считал, что тело вождя вынесли уцелевшие спартаковцы. Но в это не верится. Вспомним, что Спартак погиб, окруженный со всех сторон врагами, его смерть видели, мы даже знаем имя убийцы. А теперь вновь представим себе тот кровавый вечер. Что должен был сделать Феликс Помпеянец, убедившись, что Спартак мертв? Естественно, тут же сообщить Крассу – и требовать награду. Римский командующий находился совсем рядом. Неужели он даже не захотел взглянуть на труп своего страшного врага?

Что-то тут не так, совсем не так. И если мы не верим в чудеса... Жаль, конечно, что не верим!

Что ж, для тех же, кто в чудеса не верит напрочь, предложу самую простую версию, без всякой мистики. Кто вообще сказал, что тогда, у Брундизия, погиб именно Спартак? Да-да, не удивляйтесь! Ведь что видели римляне? Некто в хорошо им знакомых (война-то шла уже третий год) доспехах и плаще Спартака ведет конницу в атаку. Этот Некто пытается прорваться к Крассу, его сбивают с коня, рубят, затем переворачивают окровавленный труп. И тут же победное «Спартак убит!» стихает, убийцы недоуменно переглядываются... Догадались? Ну конечно же, двойник, Некто в спартаковских доспехах. В горячке боя его не распознали, но потом нашелся кто-то, знающий Спартака в лицо. Отсюда и ложь о разрубленном в куски теле. Ведь Крассу уже доложили, все войско знает, а тут!..

Невероятно? Но вспомним иную битву – Куликовскую. Татары тоже атаковали центр, где под черным великокняжеским стягом стоял Дмитрий Иоаннович. Его видели все – знакомый плащ, знакомый шлем. Удар достиг цели, и человек, так похожий на Дмитрия, пал мертвым. Но победители рано радовались – погиб воевода Бренк, надевший перед битвой княжеский плащ и доспехи. Дмитрий же, переодетый простым воином, уцелел, хотя и был ранен. Японцы, в военных хитростях искусенные, называли такого двойника «тенью». Так может тогда, возле штандарта Красс, погибла лишь «тень» Спартака?

Право, не знаю. Если погибла «тень», где же сам Спартак? Неужели спрятался под чужой личиной, чтобы тихо и незаметно бежать? Не верится как-то. Если вождь уцелел, он наверняка бы продолжил борьбу, но никто и никогда после Брундизия не видел Спартака живым. Все, и восставшие, и римляне, были твердо убеждены, что вождь МЕРТВ.

Да, тогда у Брундизия вождь гладиаторов исчез навсегда. И тот, кто все же в чудеса верит, может представить себе нечто совсем иное...

...Кровь на лице. Феликс Помпеянец, не думая, не чувствуя боли, спешит протереть глаза ладонью, но там тоже кровь. Феликс морщится – надо спешить, надо успеть завершить успех – рубануть гладисом по шее ненавистного врага – сраженного ИМ врага, надо первым подбежать к пурпурному штандарту под которым стоит Красс, пока не очнулись все остальные, не оттолкнули, не украли Победу, ЕГО, Феликса, Победу... Скорее, скорее!!!

Кровь вытерта. Помпеянец, не глядя, выхватывает гладис, шагает вперед... Замирает... Все еще не веря, вновь трет глаза окровавленной ладонью...

Что он увидел? Мы никогда не узнаем этого. Может, красная кровь, все еще текущая из трупа, внезапно затянулась блистающим серебром, дрогнули, открылись мертвые глаза, и взгляд Того, Кто был Спартаком, отшвырнул убийцу прочь? А может, все было проще. Там, где только что лежал сраженный гладиатор, не было НИЧЕГО, даже пятнышка крови – только растоптанная грязь со следами конских копыт?

Тот, Кто явился на погибель Риму в обличье гладиатора-фракийца, УШЕЛ, решив, что сделанное – уже сделано. Ушел на глазах пораженного Феликса и других убийц, которые даже не решились рассказать об

этом. А даже если и рассказали, ТАКОЕ никто вслух повторить не решился. Посему и записали: «Изрублен в куски». Dixi – сказано.

Увы, нам никогда не раскрыть эту тайну. Разве что неведомый Эдисон изобретет, наконец, Машину Времени.

И последняя загадка. У Спартака, как мы помним, была семья. Плутарх пишет о жене, но ведь у них могли быть и дети. Какова их судьба? Уцелел ли кто-то в той кровавой мясорубке? Гадать не стану, просто расскажу об одной странной надписи. Ее нашли далеко от Италии, на берегах Черного моря, где когда-то существовало Боспорское царство. В самой надписи нет ничего особенного: плита белого мрамора, на ней список имен, вероятно, должностных лиц или членов какой-нибудь жреческой коллегии. Датируют надпись второй половиной II века от Р.Х., со времен Спартака прошло два столетия. В общем, обычная надпись, если бы не одно имя, третье в списке. Буквы сохранились плохо, его можно прочесть как «СпартОк» (помните, фракийская династия?), но можно и... «СпартАк».

Задумаемся.

Если на боспорском мраморе высечено действительно «Спартак», это ЕДИНСТВЕННОЕ упоминание знаменитого имени не в связи с вождем гладиаторов. Единственное! Совпадение? Едва ли, мы уже знаем, что такое имя не встречалось НИГДЕ. Так может неведомый нам Спартак с берегов Черного моря – прямой потомок «нашего» Спартака? Представим, что уцелевшие спартаковцы вывезли семью вождя подальше от Рима. Боспор – это край света, в те времена еще недоступный клыкам Римской Волчицы. Может, и сейчас на берегах Понта Эвксинского живут те, кто имеет право по давнему обычаю называть своего старшего сына именем знаменитого предка. Очень жаль, что мы, беспамятные потомки, так быстро забываем давнюю славу, и не найдется того, кто по праву может сказать:

Я – СПАРТАК!

Вот и все, друзья! Наш путь, наша дорога в тысячу ли, пройдена до последнего шага. Как не хочется прощаться! Да мы и не прощаемся всеконечно. Как и обещано, когда-нибудь я обязательно вернусь к моему Спартаку, чтобы рассказать его историю совсем по-другому, иначе. Тогда роман, который снился мне столько лет, наконец-то будет написан. Пока же я сделал, что мог, время подводить черту, а это иногда очень трудно, почти неподъемно. Порою легче написать целую книгу, чем несколько раз ударить по клавишам, набирая короткое слово –

КОНЕЦ

http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/10205/58/Valentinov_1_Spartak.html

1. Андрей Валентинов Спартак
2. Кто ты, Спартак?
3. Действующие лица
4. Часть первая. Великолепный парень или Оправдание книги
5. 1. О том, как я обиделся на Карла Маркса
6. 2. Спартак – великий полководец?
7. 3. Ганнибал-победитель.
8. 4. Спартак – освободитель рабов?
9. 5. Странные фракийцы, странные галлы, странные германцы.
10. 6. Очень странные гладиаторы.
11. 7. И еще три загадки.
12. 8. Марк Красс или Неблагодарное Отечество.
13. 9. Цезарь, Спартак и Красс.
14. 10. Предварительные итоги или Отечество Многоспасаемое.
15. Часть вторая Заговор или Школа Батиата
16. 11. Про генеральские цифры.
17. 12. Зловещие мертвецы.
18. 13. Школа, милая школа.
19. 14. Личный состав.
20. 15. «На той войне незнаменитой...»
21. 16. Явление героя.
22. 17. Змея и браслет.
23. 18. Дело техники.
24. 19. «На рывок».
25. 20. Везувий или Промежуточный финиш.
26. Часть третья Армия или Битые преторы

27. 21. Рекогносцировка.
28. 22. Нулевой цикл.
29. 23. Братья-акробаты или Первая битва.
30. 24. «Орел Шестого легиона».
31. 25. О шлеме с двумя заклепками
32. 26. Гладиаторские легионы
33. 27. Военный совет с читателем
34. 28. Гулял по Кампании Вариний-герой...
35. 29. Новый Порядок
36. 30. Зимой, у моря...
37. Часть четвертая Травля волчицы или Лето побед
38. 31. Подражание Платону или Диалог, которого не было
39. 32. Кости на игровой доске
40. 33. Боги Италии или Эхо Троянской войны
41. 34. Битые консулы или Месть за Крикса
42. 35. Битые консулы-2 или Поход на север
43. 36. Главный Приказ или То, чего не было
44. 37. Альтернативы или То, чего не было-2
45. 38. Римские тайны
46. 39. Путями Геракла или План Сертория
47. 40. Красс, Серторий и Спартак или Истинная Цель
48. Часть пятая Зима надежд или Брундизий
49. Глава 41. Нума-Моисей или Боги Рима
50. К римлянам
51. 42. Марк Красс: боевое крещение
52. 43. Цезарь и Красс или Диалог, которого не было-2
53. 44. Пицен-Лукания-Бруттий
54. 45. Регий или Странная война
55. 46. Бои в цейтноте
56. 27. Последние капли
57. 38. Перевернутая клепсида или Если бы...
58. 49. Место, называемое Брундизий...
59. 50. Последние тайны

Если ты не хочешь погибнуть на окровавленном песке арены, потешая зрителей, если Свобода для тебя - не просто слово, если ты уже и так мертвый, если... Имя Спартака известно каждому, но за именем прячется тайна. Спартаком греки звали одну знаменитую собаку, разорвавшую хозяина. Люди и боги, надменные римляне и бесстрашные гладиаторы, демоны, выпущенные из преисподней, проклятие, чуть не погубившее Рим, - все это сплелось кровавым клубком войны. А если бы Спартак победил?!